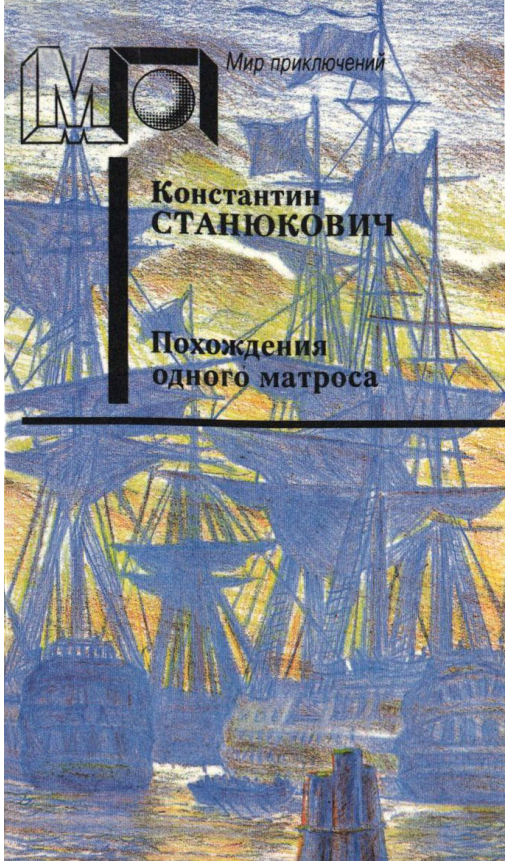

Мир приключений

**Константин
СТАНЮКОВИЧ**

**Похождения
одного матроса**

Константин Станюкович

Похождения одного матроса

авторский сборник

Не связанные между собой произведения.

Иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации
М. Раковского.

Содержание:

Константин Станюкович. Похождения одного матроса
(подлинная история из далёкого прошлого, иллюстра-
ции М. Раковского), стр. 5-376

Рассказы

Константин Станюкович. Куцый (рассказ, иллюстра-
ции М. Раковского), стр. 379-398

Константин Станюкович. Побег (рассказ), стр. 399-419

Константин Станюкович. Максимка (рассказ), стр. 420-
447

Константин Станюкович. Два моряка (рассказ), стр.
448-465

М.А. Соколова. «Матрос такой же человек, как и мы, ес-
ли не лучше!» (послесловие), стр. 466-474

Словарь морских терминов, стр. 475-477

Примечание:

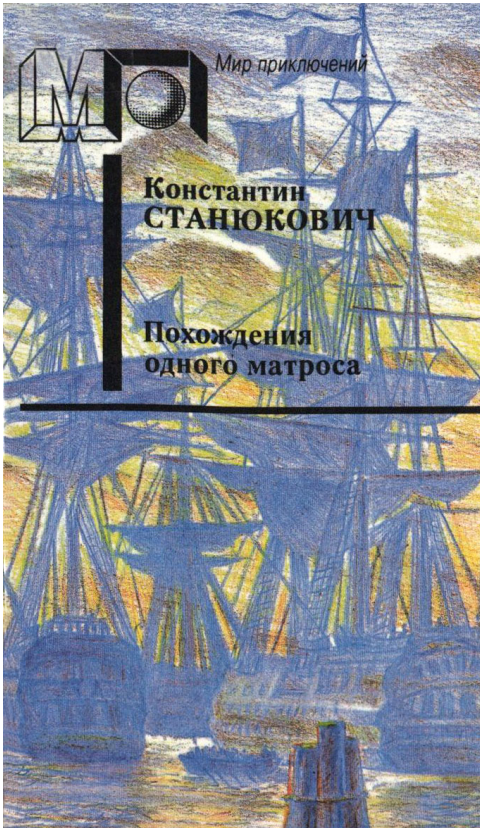
Часть тиража вышла в твердом переплете.

Мир приключений

**Константин
СТАНЮКОВИЧ**

**Похождения
одного матроса**

ПОХОЖДЕНИЯ ОДНОГО МАТРОСА

Аннотация

В сборник произведений одного из основоположников русской морской литературы К. М. Станюковича включены повесть «Похождения одного матроса», рассказы «Куцый», «Максимка» и другие произведения, отличающиеся жизненной правдой, высокой гражданственностью, патриотизмом, проникнутые верой в силу и величие, русского человека, страстной романтикой моря.

ПОХОЖДЕНИЯ ОДНОГО МАТРОСА

Подлинная история из далекого прошлого

Посвящается ТОЛЕ ФОКИНУ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

1

В конце октября 185* года на большом сан-францисском рейде стоял русский военный паровой клипер «Проворный». Он находился уже год в кругосветном плавании, в составе эскадры Тихого океана, и был послан в Сан-Франциско с особым поручением адмирала.

Небольшой, весь черный, с золотою полоской вокруг, с красивыми линиями обводов, высоким рангоутом и белоснежной трубой, «Проворный» был один из изящных и щегольских судов среди нескольких военных и многих купеческих, стоявших на рейде под флагами всевозможных наций.

В один из чудных дней, солнечных, теплых и полных бодрящей свежести, какие не редки позднею осенью в благодатной Калифорнии, часа за два до обеда на «Проворном» было парусное учение. Клипер то одевался внезапно во все свои паруса, то столь же быстро снова

оставался с оголенными мачтами. Все это делалось со скоростью, изумительной даже для педанта моряка прежнего времени, и, разумеется, среди мертвой тишины, нарушаемой только ругательными окриками старшего офицера, командовавшего авралом, да сдержанною бранью боцманов. Действительно, матросы работали словно бешеные, надрываясь изо всех сил и не думая, казалось, что малейшая неосторожность, малейший зевок и смельчак сорвется с реи, шлепнется с высоты на палубу, разmozжит себе голову и более уж никогда не встанет, а не то упадет за борт, и хорошо еще, если в тихую погоду, когда возможно спасение.

Глядя на эту лихорадочность работы, на эти напряженные испуганные лица надрывающихся людей, которые с отвагой, ни для кого и ни для чего не нужной, рисковали жизнью, сразу чувствовалось и понималось, что эти люди надрываются из-за страха.

Матросы работали как бешеные не потому, что хотели отличиться, а потому, что боялись офицеров и главным образом этого высокого, худого, рыжеватого лейтенанта с возбужден-

ными, серыми, маленькими глазками и пожилого низенького толстяка с бульдожьим лицом, окаймленным черными заседевшими бакенбардами.

Оба они – и старший офицер и капитан – сосредоточенные, с суровыми лицами, стояли на мостике и зорко наблюдали за учением, на котором в эту минуту, казалось, сосредоточились все их помыслы. По временам и тот и другой взглядывали на часы, чтобы проверить, сколько минут продолжался тот или другой маневр.

Еще бы матросам не надрываться!

Они уже год как «мотыжились», по их выражению, на

«Проворном» и отлично знали, что за малейшее опоздание в работе, за недосмотр, хотя бы и невольный, по службе их ожидает лаконический возглас: «На бак!» – что значило наказание линьками.

В те далекие времена во флоте еще царила строгость, доходившая нередко до жестокости.

Капитан и старший офицер «Проворного», оба отличные моряки и по натуре вовсе даже

не злые люди, тем не менее, согласно взглядам большинства моряков того времени, считали словно бы своею обязанностью быть беспощадно строгими с матросами. И, закаливши смолоду свои нервы на службе, они действительно были беспощадны, особенно старший офицер, искренно убежденный, что только суровыми наказаниями можно выдрессировать матроса и сохранить в полной неприкосновенности суровую морскую дисциплину.

2

После того как несколько раз ставили и крепили паруса, старший офицер скомандовал:

– Марселя менять!

Эта работа, состоявшая в том, что надо было снять паруса с рей и привязать на их место другие, принесенные из шкиперской каюты, была «коньком» старшего офицера.

Нечего и говорить поэтому, как старались на обоих марсах.

Но грот-марсовые на этот раз отстали от фор-марсовых: эти переменили марсель в во-

семь минут, а грот-марсовы в десять.

На целых две минуты разницы.

К общему удивлению, старший офицер даже не выругался, а только значительно потряс кулаком на грот-марс.

– Ну и здоровая же будет сегодня лупцовка, братцы! –

прошептал на марсе пожилой и с виду «отчаянный»

фор-марсовый Кирюшкин.

Кирюшкин проговорил эти слова с философским равнодушием, казалось бы несколько удивительным, по крайней мере в человеке, не сомневавшемся в предстоявшей «лупцовке». Но он недаром считался «отчаянным».

Часто наказываемый за неумеренное пьянство на берегу, он ожесточился и считал ниже своего достоинства выказывать страх.

Все марсовы, бывшие на марсе в ожидании команды

«С марсов долой!» – выслушали Кирюшкина в угрюмом молчании, с видом покорной подавленности.

Только один молодой матросик, бывший

на службе всего второй год, небольшого роста, худощавенький и «щуплый», как говорили про него матросы, характерно определяя его тонкую, недостаточно, казалось, крепкую, статную фигурку, внезапно стал блее рубашки, и взгляд его больших серых, необыкновенно добродушных глаз остановился на Кирюшкине с выражением ужаса и страха.

– Разве будут драть? – испуганно спросил матросик.

– А ты, Чайкин, думал, по чарке водки дадут! – насмешливо ответил Кирюшкин. – Небось форменно отполируют. «Долговязый» шутить не любит.

– И всех?

– Обязательно... Чтоб никому не было обидно!. Да ты что нюни-то распустил с перепуги? А еще матрос! – сердито промолвил Кирюшкин.

– Чайкина еще никогда не драли. Ему и боязно! – заметил кто-то.

– А может, Иваныч, нас драть не будут?

– Небось будут! – уверенно и спокойно проговорил

Кирюшкин.

Но, взглянув на испуганное лицо молодого матроса, прибавил почти что ласково:

– Да ты не обескураживайся, Чайкин... Не стоит!

Много «Долговязый» не назначит.

В эту минуту с мостика раздалась команда:

– С марсов и салингов долой!

– Вот сейчас и учению конец и шлифовка будет! –

словно бы довольный ее близостью, проговорил Кирюшкин и вместе с другими стал спускаться бегом по вантам.

Действительно, учение скоро окончилось, и старший офицер, подозвав боцмана, сказал:

– Грот-марсовых на бак! Двух унтер-офицеров с линьками!

– Есть, ваше благородие!

Боцман отошел от мостика и, направляясь на бак, крикнул:

– Грот-марсовые на бак!

А Кирюшкин тем временем говорил двум унтер-офицерам:

– Чайкина пожалейте, братцы: он щуплый.

Через минуту-другую среди внезапно наступившего на клипере угрюмого молчания

кучка грот-марсовых выстроилась на баке с Кирюшкиным на фланге.

Вслед за тем пришел старший офицер.

При виде этой кучки людей он почувствовал злобу к ним, как к виновникам того, что «Проворный», так сказать,

«опозорился», а вместе с ним и он, старший офицер, у которого могли на две минуты опоздать с переменою марселя. В его глазах это казалось ужасным, и долг службы требовал, чтобы были наказанные. Но так как трудно было разобрать, по чьей именно вине вышла заминка, то наказаны должны быть все, не исключая и марсового старшины. Чайкин смотрел перед собою в каком-то оцепенении от страха. Выражение ужаса застыло в его больших глазах с расширенными зрачками. Он по временам вздрагивал всем своим тщедушным телом. И побелевшие, трясущиеся его губы неслышно шептали одни и те же слова:

– Господи Иисусе, пресвятая богородица!
Господи

Иисусе, пресвятая богородица!

И в голове его внезапно пронеслись воспо-

минания о далекой деревне, где ему было так хорошо и где его никогда не секли и дома редко били. Он был всегда старательный, работающий паренёк. И на службе, кажется, старается, из кожи лезет вон.

Молодой матросик отвел взор.

О господи, как было хорошо кругом!

Солнце, ослепительное и жгучее, так весело глядело сверху, с высоты бирюзового далекого неба, на котором ни облачка, и заливало блеском и город, сверкавший своими домами и зеленью на склоне горы под пиками сьер, и большой рейд с кораблями и сновавшими пароходиками и шлюпками, и кудряво-зеленые островки, и палубу «Проворного», играя лучами на пушках, на меди люков и кнехтов и на обнаженном теле Кирюшкина. Звуки музыки, веселые, жизнерадостные, доносились с большого белого двухэтажного, полного пассажирами парохода, который проходил невдалеке, направляясь из Сан-Франциско к одному из зеленых островов в глубине бухты. Белоснежные чайки реяли в воздухе и весело покрикивали, гоняясь одна за другою.

Все кругом жило, радовалось, сверкало под

горячими лучами солнца, и все это представляло собой резкую противоположность тому злему, жестокому и страшному, что должно было сейчас произойти на баке «Проворного».

Молодой матрос почувствовал это, и тоска, щемящая, жуткая тоска охватила его замирающее от страха сердце.

И он снова зашептал:

– Господи Иисусе! Пресвятая богородица!

ГЛАВА II

1

Дня через два, тотчас же после обеда, боцман засвистал в дудку и, нагнувшись над люком жилой палубы, крикнул:

– Вторая вахта на берег! Живо!

Но о «живости» нечего было и говорить. Обрадованные, что урвутся на берег и хоть несколько часов будут в другой обстановке, матросы второй вахты торопливо мылись, брились, надевали чистые рубахи и сапоги и доставали из своих чемоданчиков деньги.

Кирюшкин сунул в карман штанов единственный имевшийся у него доллар, предвку-

шая удовольствие весь его пропить. Чайкин, не пивший своей ежедневной казенной чарки и получавший за нее деньги, бережно завязал в угол платка английский золотой и, кроме того, спрятал в карман еще два доллара – все свои капиталы, рассчитывая на берегу купить себе фуфайку, две матросские рубахи, нож и какой-нибудь гостинец, в виде платка, для матери.

Он был ее любимцем и не забыл еще материнских ласк, не забыл беспредельного горя старухи, когда ее Васютку взяли в рекруты. В прежние времена служба солдата и матроса была долгая, двадцать пять лет, и потому матери, расстававшиеся с сыновьями-солдатами, прощались с ними навсегда. Больше не для кого было Чайкину припасать гостинцы в деревню: жена его умерла за месяц до того, как его взяли на службу; отца тоже в живых не было, два брата жили в городе, и Чайкин их почти не знал.

Рассчитывал Чайкин тоже и походить по городу, посмотреть на людей, которые, по рассказам старых матросов, прежде бывавших в Сан-Франциско, живут вольно и хорошо, и по-

гулять в городском саду. Один земляк-матрос, ездивший на берег в первой смене, рассказывал Чайкину что там очень хорошо и музыка играет, и Чайкин, большой охотник слушать музыку, хотел непременно побывать в саду, если найдет его. Вином молодой матрос еще «не занимался». Он хмелел после двух-трех рюмок водки и, главное, очень боялся вернуться на клипер в пьяном виде.

Хотя взыскивали только с тех матросов, которые напивались до того, что их приходилось со шлюпки поднимать на клипер на веревке, но все-таки Чайкин остерегался. Однако стакан-другой пива он рассчитывал выпить. А то какая же иначе гулянка!

– Ну, что, Вась, собрался? – спросил Кирюшкин, подходя к молодому матросу, принарядившемуся для «берега».

– Да, Иваныч, любопытно съездить...

– Скажу я тебе, Чайкин, матрос ты во всем форменный, а линьков боишься, дух в тебе трусливый. Тебе бы на

«Голубчике» служить: там другое положение, там, Вась, командир жалостливый. Тебе, по твоему виду, надо у жалостливых коман-

диров служить, вот что. А завтра меня опять отдерут! – усмехнувшись, неожиданно прибавил

Кирюшкин.

– За что?

– А за то, что я сегодня напьюсь! Вот за что!

– Ты бы, Иваныч, полегче! – робко и в то же время сердечно промолвил Чайкин, благодарный Кирюшкину за его заступничество два дня тому назад.

Эти участливые слова молодого матроса, эти кроткие, благодарные глаза тронули бесшабашного пропойцу. И он, постоянный ругатель, не говоривший почти ни с кем ласково и готовый облаять всякого, не только не рассердился на замечание Чайкина и не обругал его, а напротив, взгляд его темных глаз, обыкновенно суровый, теперь светился нежностью, когда он, понижая голос, проговорил:

– То-то, никак невозможно, Вась. Такая есть причина! А

тебе я любя скажу: не приучайся ты к этому самому винищу, не жри его... Ну, а я...

Он не закончил речи, как-то горько усмехнулся и, снова принимая свой ухарский вид,

прибавил:

– Однако нечего ляды точить. Валим, Чайкин, наверх!

Когда матросы были готовы и поставлены во фронт, старший офицер стал перед фронтом и сказал:

– К семи часам быть на пристани. В половине восьмого баркас отвалит. Кто опоздает и вернется на вольной шлюпке, тот получит сто линьков и в течение двух месяцев не будет отпущен на берег... Слышите?

– Слушаем, ваше благородие! – отвечали матросы.

– Ну, а ты, Кирюшкин, помни, – продолжал старший офицер, подойдя вплотную к Кирюшкину, – если опять напьешься, под суд отдам... Сгниешь в арестантских ротах... Не забудь этого, разбойник!

– Есть, ваше благородие! Буду помнить! – угрюмо отвечал Кирюшкин.

– Уж на этот раз не пожалею... – еще раз предупредил старший офицер, который, несмотря на отчаянность Кирюшкина, все-таки ценил в нем лихого марсового и ради одного этого не отдавал его под суд, чтобы не

лишиться такого отличного матроса.

В том, что Кирюшкин и сегодня вернется в виде мертвого тела и что обещание отдать его в арестантские роты не будет приведено в исполнение, не возникало у старшего офицера ни малейшего сомнения.

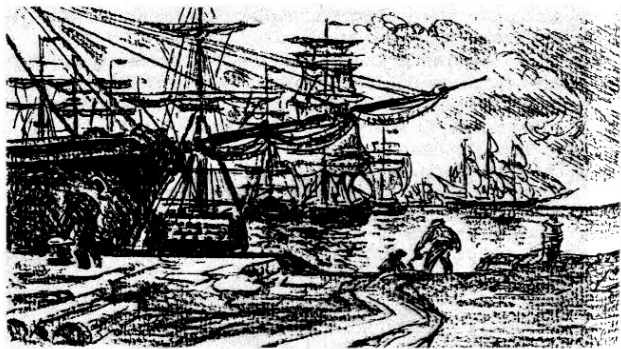
Наказав боцману второй вахты следить, чтобы «эта скотина» по крайней мере не пропила штанов и фуражек и не вернулась на клипер в чем мать родила, старший офицер отдал распоряжение сажать людей на баркас.

Минут через пять баркас, полный матросами, отвалил от борта. На баркасе был молодой мичман, посланный на берег для наблюдения за гуляющими и для сбора их на шлюпку к назначенному сроку. В помощь мичману было два унтер-офицера.

2

Чайкин просто-таки разинул рот от изумления, когда ступил на набережную.

Лес мачт кораблей и пароходов, ошвартованных в гавани у берега, нагрузка и выгруз-

ка товаров какими-то странными для Чайкина людьми, похожими на господ, а не на рабочих – до того костюмы отличались от тех, что видел

Чайкин в Кронштадте, – оживление на набережной, толпа хорошо одетых «вольных людей¹» и матросов с купеческих кораблей, среди которой не было ни одного оборванца, поливальщик улиц с кишкой брандспойта, одетый как барин, в черный сюртук и с цилиндром на голове, извозчик, читающий газету, продавец газет, здоровающийся за руку с какой-то разодетой дамой в коляске, ряд лавок и кабаков, из которых неслись звуки му-

зыки, что-то независимое и свободное в манерах, в походке, в выражении лиц всех этих людей, начиная с маленького мальчишки, чистильщика сапог, и кончая стоящим на тротуаре с засунутыми в кар-

1 Матросы называют «вольными людьми» людей, одетых в статское платье. (Примеч. автора.)

маны штанов руками и сплевывающим себе под ноги с таким видом, будто и черт ему не брат, – все это поражало наблюдательного

молодого матроса.

И, обращаясь к одному из двух матросов, с которыми согласился, чтобы вместе идти в лавки и погулять по городу, он воскликнул:

– И чудно здесь... Вовсе чудно, Артемьев! И совсем простого народа не видать... Все господа больше.

Артемьев, земляк Чайкина и из одной деревни, основательный и степенный матрос лет под сорок, ходивший уже раз в «дальнюю» (так матросы называют кругосветные плавания) и бывавший в Сан-Франциско, проговорил:

– Тут, брат, и не отличить, который господин, а который простого звания, все, значит, на один фасон, и все равны... Президент у них – вроде будто, значит, короля ихнего – прямо-таки из низкого звания, дровосеком был...

– Диковина! – изумлялся Чайкин.

Все три матроса стояли на набережной, глаза по сторонам.

В эту минуту проходила какая-то девочка-подросток через толпу, и Чайкин обратил внимание, как мужчины почтительно рассту-

пались перед нею, давая ей дорогу.

– Должно, какая-нибудь генеральская дочь, что так ее уважают! – заметил Чайкин, удивленный таким отношением, – а ведь вовсе даже просто одета.

– Какая генеральская?. Тут и генералов-то нет! – несколько презрительно возразил Артемьев. – А у мериканцев, братец ты мой, такое положение, чтобы, значит, женский пол уважать и не смей бабу обидеть... Слова дурного ей не скажи, а не то что вдарить... Со всем другой народ эти мериканцы. Вот только негрою брезгуют, точно не все у бога люди равны! – недовольно прибавил Артемьев. –

Однако что стоять, валим, братцы! Наши-то все по салунам разбрелись...

– Это какие же салуны?

– А так здесь кабаки прозываются. У нас кабак, а здесь салун... Ну и много чище наших будут. Ужо зайдем.

Действительно, большая часть съехавших на берег матросов, разбившись по кучкам, уже разошлась по ближайшим кабачкам, которых было множество тут же на набережной. Знакомством с ними и ограничится зна-

комство большинства матросов с Сан-Франциско. Пьяный разгул, пьяные песни, нередко драки с матросами-иностранцами – вот единственные развлечения матросов прежнего далекого времени.

И у кого поднимется рука, чтобы кинуть в них камень осуждения? У кого хватит духу обвинить этих тружеников моря, этих покорных рыцарей тяжкого долга, этих простых, темных людей, которые в дурмане спиртных напитков ищут веселья и радостей, ищут забвения действительности, далеко к ним не ласковой.

Кирюшкин, ни в одном из иностранных портов, посещенных «Проворным», дальше ближайшего в них кабака ни разу не заходивший и потому, вероятно, находивший, что «заграница ничего не стоит» и что русская водка лучшая в свете, уже сидел в одном из самых плохоньких кабачков за столиком у окна в компании трех таких же отчаянных пьяниц с «Проворного», каким был и сам.

Выпивший для начала большой стакан крепчайшего рома одним махом, чем заставил негра «боя» (слугу) вытаращить глаза от

изумления, Кирюшкин выразительными пантомимами потребовал бутылку того же напитка и, разлив его по стаканам, любовно цедил из своего стакана, перекидываясь отрывистыми словами с товарищами.

– Куда, Вась? – окликнул он проходившего мимо Чайкина.

Три матроса остановились у окна.

– В город погулять, Иваныч. И кое-что купить в лавках.

– Правильно, матросик. Иди гуляй как следует, честно и благородно... И винища этого лучше и не касайся...

А уж я выпью за твое здоровье... чтоб ты цел остался... Ты

– парнишка душевный, и я, брат, тебя люблю... Жалостливый...

И с этими словами Кирюшкин опорожнил стакан.

– Прощай, Вась... Ужо завтра будут меня форменно шлифовать, так, может, в лазарет снесут, так ты зайди...

– Зайду, Иваныч... А пока что прощай!

Минуту спустя Чайкин раздумчиво проговорил:

– А и жалко, Артемьев, человека.

– Это ты про Кирюшкина?

– То-то, про него.

– Сам виноват. Не доводи себя до отчаянности, не пей безо всякой меры. Пропавший вообще человек. И быть ему в арестантских ротах! – строго проговорил Артемьев.

Молодому матросу показалось, что все, что говорил

Артемьев, может быть и справедливо, но это суждение не нашло отклика в его добром сердце. Виноват не виноват

Кирюшкин, а все-таки его жалко.

И он спросил:

– А старший офицер отдаст его в арестантские роты, Артемьев?

– Наверяд. А что завтра снесут его после порки в лазарет, это верно.

– И Кирюшкин так полагает. Зайти к нему в лазарет просил.

Вскоре три матроса, держась за руки, вышли на большую улицу Montgomery-street и пошли по ней, глаза на высокие большие дома, сплошь покрытые объявлениями, на роскошные гостиницы, на витрины блестящих мага-

зинов, на публику.

Они долго бродили по улицам и, наконец, зашли в одну из лавок, попроще на вид, сняли шапки и робко остановились у прилавка.

Черноватый приказчик с цилиндром на голове, жевавший табак, вопросительно посмотрел на русских матросов.

– Спрашивай, Артемьев, насчет рубах. Ты знаешь по-ихнему! – заметил Чайкин.

– То-то, забыл, как по-ихнему рубаха... А знал прежде.

Но сообразительный янки вывел матросов из затруднения. Он тотчас же достал несколько матросских рубах, штанов, фуфаяк, башлыков и все это бросил на прилавок перед матросами.

Они весело закивали головами.

– Вери гут... Вери гут2... Вот это самое нам нужно.

Догадливый, братцы, мериканец! – говорил Артемьев.

– А как цену узнаем? – спросил Чайкин.

И об этом догадался янки.

Он показал рукой на башмаки и поднял три пальца, показал на рубахи и поднял па-

лец и потом половину его, тронул фуфайку и поднял один палец.

Все это он проделал быстро, с серьезным видом и затем отошел к витрине и стал смотреть на улицу, не обращая ни малейшего внимания на покупателей.

– Значит, три доллара, полтора и один. А доверчивый!

Другой придет и стянет что у такого купца! – заметил Артемьев.

– Видно, полагается на совесть, – промолвил Чайкин.

Матросы стали рассматривать вещи с тою внимательностью, с какою это делают простолюдины, для которых дорога каждая копейка и которые поэтому с подозрительною осторожностью приступают к покупке. Они ощупывали ткань, подносили вещи к свету, рассматривали на башмаках подошвы и гвозди.

– Товар, братцы, хороший. Только надо поторговаться.

Мусью! – поднял голос Артемьев.

2 Очень хорошо... Очень хорошо... (англ.)

very good).

Янки подошел, и между ними произошла такая мимическая сцена.

Артемьев, указывая на башмаки, показал два пальца.

Приказчик, не говоря ни слова, отрицательно мотнул головой.

Тогда Артемьев показал еще четверть пальца, наконец половину.

Результат был тот же самый. То же было, когда Артемьев мимикой давал дешевле назначенной цены за рубахи и фуфайки. Янки отрицательно махнул головой.

– Не уступает. Валим в другие лавки! Может, вернет!

И матросы пошли к дверям, но приказчик и не думал ворочать покупателей.

Они вышли на улицу, и Чайкин сказал:

– Не по-нашему вовсе... Чудно... Без запроса!

Побывавши в нескольких лавках и убедившись, что везде спрашивали такую же цену (ни центом более или менее), матросы возвратились в первую лавку, где приказчик оказался им самым понятливым и обходитель-

ным, и после нового тщательного осмотра и примерок вещи были куплены.

Чайкин отдал фунт. Приказчик сперва бросил золотой на прилавок и, когда раздался звон удовлетворительный, показавший, что монета не фальшивая, он положил золотой в кассу и отдал Чайкину несколько серебра вместе со счетом, в котором было, между прочим, обозначено, сколько долларов дали за золотой.

Чайкин смотрел на счет, ничего не понимая. Однако спрятал счет в карман и при помощи Артемьева не без труда рассчитал, верно ли ему разменяли золотой, не надул ли американец. Оказалось, что совершенно верно, и Чайкин удовлетворенно проговорил:

– Видно, здесь торговцы на совесть... Не то что в

Кронштадте.

Когда они вышли из лавки на улицу, Артемьев сказал:

– Теперь куда, братцы?

И, не дожидаясь ответа, прибавил:

– Теперь в самый бы раз по шкалику раздать да пивом побаловаться. Небось устали

мы, шлямшись по городу.

– В сад бы! – промолвил Чайкин.

Но оба его спутника запротестовали.

– В сад потом, а теперь гайда в салун!

Зашли в маленький салун, в ближнем переулке. Небольшая комната, пол которой был усыпан опилками, полна была народу. Две молодые служанки разносили гостям, сидящим за маленькими столиками, рюмки с ромом, стаканы с хересом, кружки пива и другие напитки. На одном из столиков двое мужчин в широкополых шляпах

(сомбреро) играли в кости.

Наши матросы конфузливо озирались среди шума и гама, стоявших в кабачке. Но одна из служанок тотчас же к ним подошла и указала им на свободный столик и, когда матросы уселись, спросила их по-английски, что им принести.

– Ром... вери гут... два стаканчика побольше... вери гут, а ему бир3 кружку... вери гут... Понимаешь, голубушка? – приказывал Артемьев, распоряджаясь своим «вери гут» довольно расточительно.

3 Пива (нем. das Bier).

Но, к его удивлению служанка сказала на понятном для матросов языке:

– Русский будет?

– То-то, русские! – обрадованно воскликнули все трое.

– А вы нешто российская?

– Мой Чехии, тоже славян...

Хотя ни один из матросов и не имел понятия о Чехии и не знал, откуда родом служанка, тем не менее они очень были рады встретить на чужбине человека, понимающего по-русски.

– И как вы сюда попали? – спрашивал Чайкин.

Чешка торопливо отвечала на родном своем языке, и матросы могли понять, что она переселилась с отцом и матерью три года тому назад с родины, которая далеко-далеко.

Матросы не прочь были поговорить со служанкой подольше, но она, махнув головой в сторону стойки, где восседала крупная пожилая дама, сказала, что ей некогда, и скрылась в толпе.

– Тоже и ихняя нелегкая служба! – прогово-

рил Чайкин, поглядывая как шмыгали служанки, подавая посетителям то то, то другое.

– А сюда со всех концов света бегут! – заметил Артемьев.

– По какой такой причине?

– Жизнь вольная. И опять же золото, копей кто хочет...

Только русские не бегут!

– Не бегут?

– Любят свою землю, потому и не бегут. И опять же: надо лопотать по-ихнему.

– А вот тоже эта девушка не знала по-ихнему, а поди научилась...

Служанка в эту минуту поставила на стол перед матросами два стаканчика рома и кружку пива.

– А вы еще, мамзель, два стаканчика и две кружки пива... Вот Чайкин этим не занимается!. Так только куражится! – заметил Артемьев.

Однако Чайкин спросил себе и вторую кружку и попивал пиво, наблюдая публику.

Время между тем шло, а товарищи Чайкина, казалось и не думали собираться.

– А что же, братцы, в сад погулять?

Но спутники Чайкина решительно запротестовали.

Тогда Чайкин отправился один, рассчитывая, что на память скоро найдет сад, мимо которого проходил несколько времени тому назад.

3

И действительно, скоро нашел он городской сад и направился по большой, густой аллее, восхищенный видом высоких густолиственных деревьев и цветочными клумбами. Ему необыкновенно было приятно после неизменного моря да моря увидеть эту роскошь зелени и цветов. И

он жадно вдыхал напоенный ароматом воздух.

Из глубины сада вдруг донеслись звуки музыки.

Обрадованный Чайкин заторопился и через несколько минут дошел до небольшой лужайки, где на эстраде играл оркестр. Кругом лужайки стояли в несколько рядов скамейки, на которых сидела самая разнообразная публика: и нарядные дамы и мужчины, и очень

скромно одетые.

Чайкин заметил маленькую боковую аллейку, направился туда и сел на скамью. Там ни души не было, и он стал слушать.

Он любил музыку, и у него была музыкальная душа.

Давно зародилась в нем эта любовь к звукам. Еще в детстве, когда он служил казачком в помещичьем доме, он, бывало, весь замирая, слушал у дверей игру на фортепиано одной из дочерей своего барина. Потом, когда помещик бросил имение и переселился в Москву, а Чайкин вернулся к матери, он долго еще вспоминал эти счастливые часы своей юношеской жизни, когда что-то словно подхватывало его и уносило далеко от действительности в мир каких-то грез.

И теперь он весь отдавался звукам, испытывая то приятно ласкающее и вместе с тем грустное настроение, которое дает музыка нервным людям с восприимчивыми нервами... И – господи – как тоскливо сделалось этому молодому матросу, когда он, очнувшись, вспомнил о недавнем наказании. Физическое страдание прошло, но при воспомина-

нии он снова чувствовал позор и унижение.
И

впереди еще целых два года этой жизни, полной трепета и страха.

Опять заиграла музыка, играла еще и еще, и Чайкин все слушал да слушал. И не хотелось ему уходить. А время шло.

Вдруг мысль, что он может опоздать на шлюпку и что тогда ему дадут сто линьков, вывела молодого матроса из его приподнятого душевного настроения и наполнила душу страхом. Он вскочил со скамейки и почти побежал вон из сада.

Выйдя на улицу, он испуганно озирался. Куда идти:

направо или налево? Он не мог ориентироваться, и страх опоздать сбивал все его соображения.

И он торопливо направился в сторону, противоположную тому направлению, по которому ему надо было идти.

Где-то пробило три четверти седьмого. Чайкин прибавил шагу, не догадываясь, что идет не к пристани, а от пристани.

Однако Чайкин спустя некоторое время за-

метил, что дома будто бы не те, какие он видел на этой же улице раньше, и усомнился: туда ли идет? Но кого спросить и как спросить, когда не знаешь чужого языка?

Чайкин остановился на одном перекрестке. Уже смеркалось. Он посмотрел направо и налево и в полумраке наступившего вечера увидал часть бухты, и тогда для него стало ясно, что он идет не туда.

В ужасе Чайкин повернул назад бегом по освещенной уже улице, всматриваясь испуганными глазами вперед: не увидит ли он своих с клипера. Но на улице все чужие лица.

Он выбрался на большую улицу, где сверкали ярко освещенные витрины магазинов. По этой улице он спускался под гору. Кажется, он идет правильно и шел раньше по этой улице? Вот и спуск к набережной... И Чайкин побежал со всех ног, точно за ним гнались, обезумевший от страха и с трудом переводя дыхание. Вот и ряд освещенных салунов, откуда раздаются звуки музыки. Напротив лесмачт с огоньками на них...

Чайкин добежал до пристани. Баркаса с «Проворного»

нет, и своих нет, В ту же минуту на судах
раздались удары колоколов. Чайкин считал
число ударов и замер в страхе.

Было восемь часов. Он опоздал.

Что делать?

Ехать немедленно на вольной шлюпке? Но
при мысли о наказании, ожидающем его на
клипере, молодой матрос в ужасе вздрогнул.
Он знал, что пощады не будет. А ехать надо.

Не оставаться же здесь в чужом городе одному...

Пропадешь совсем...

Чайкин почувствовал весь ужас своего положения и горько заплакал.

4

В эту минуту какой-то человек незаметно подошел к матросу, пристально посмотрел на него и, отойдя несколько шагов, остановился, не спуская глаз с Чайкина.

Свет фонарей у пристани захватил высокую и совсем худую фигуру очень плохо одетого человека со старым, сморщенным лицом, черты которого, и в особенности характерный крючковатый нос, обличали еврейское происхождение.

Прошло несколько минут. Чайкин вытер слезы и тоскливо смотрел на море.

Наконец,

по-видимому на что-то решившийся, он направился в ту сторону пристани, где стояли наемные шлюпки.

Тогда высокий человек приблизился к Чайкину и тихим вкрадчивым голосом спросил по-русски с заметным акцентом:

– Вы будете русский матрос с военного корабля? Да?

– Русский! С клипера «Проворный»! – изумленно и обрадованно воскликнул Чайкин.

Он глядел во все глаза на незнакомца, говорящего по-русски, как на спасителя, который поможет ему нанять шлюпку на «Проворный» – будь что будет!

– А вы здешний? – спросил он.

– Стал здешним.

– А прежде?

– Русским был... Из евреев я.

– А как же в эту сторону попали?

Старый еврей усмехнулся.

– На пароходе из Гамбурга... А прежде я солдатом служил.

– Солдатом? В отставке, значит?

– Я без отставки. Меня тоже наказывать в полку хотели, так я спужался и убежал... И стал я с тех пор вольным человеком, американским гражданином. И никто мне ничего не смеет сделать дурного, если я не делаю дурного... Хорошо здесь... А вы, господин матрос, значит, на корабль опоздали?

– То-то, опоздал! – виновато промолвил Чайкин.

– И большую ошибку вы дали, что опоздали!

– А что?

– А я давеча стоял на пристани и видел, как русская шлюпка ушла... И как же сердился ваш офицер, я вам скажу! И как же он ругался! Ай-ай-ай! Он совсем так ругался, как у нас в полку ротный командир, нехай сдохнет...

Тоже сердитый был... и-и-и! – взвизгнул тонким голосом еврей.

– За что же офицер сердился так?

– А из-за вас, господин матрос. И чего только не говорил ваш офицер... Даже и повторить страшно...

– Что же он говорил?

– Испужаетесь... Ой-ой-ой, что он говорил!

– Да вы скажите... Как вас звать?

– Абрам.

– А ежели по бабушке?

– Папеньку звали Исаком, а меня, значит, люди звали в

России Абрамкой, а здесь зовут господином Абрамсоном.

А вы что же теперь думаете делать? На корабль ехать хотите?

– Ничего не поделаешь. Надо ехать! – испуганно проговорил матрос и вздохнул. – Вот шлюпку бы нанять до

«Проворного». Поговорите, что возьмут, а то я по-здешнему не умею.

– Отчего не нанять? Нанять можно.

– Дорого поди возьмут?

– Доллара два возьмут.

– У меня как раз два доллара есть денег.

– Только жалко мне вас. Такой вы молодой матрос, и вдруг оттого, что вы опоздали каких-нибудь полчаса...

Ой-ой-ой!..

– Спасибо, что пожалели, а все-таки надо ехать на клипер!

– А зачем, позвольте спросить, ехать?

– Как зачем? Не здесь же оставаться?

– А почему, хотел бы я узнать, не оставаться? Здесь всегда работу можно найти... И разбогатеть можно... Будете богатым человеком... И знаете, что я вам скажу, господин матрос?

– Что?

– И так как мне вас очень жалко, то пойдемте ко мне в гости... Переночуете, а завтра и решение ваше будет... А я вам и работу могу найти по вашей же матросской части. К

хорошему человеку на судно можно поступить.

Чайкин колебался, но наконец сказал:

– Ежели переночевать у вас, то покорнейше благодарим, Абрам Исакыч... А завтра еду на клипер.

– Так пойдёмте!

Они ушли с пристани. Дорогой старый еврей расхваливал молодому матросу жизнь в Америке, расписывал, как он сам десять лет тому назад убежал из полка и приехал сюда и очень рад, что бог надоумил его в Америку. И прежде он разбогател здесь, а потом разорился... Теперь дела хуже, но он надеется, что пойдут лучше.

– А вы чем занимаетесь?

– Комиссионером пока, а жена и дочь торгуют на улице...

Минут через пятнадцать они пришли в какой-то узкий и маленький переулок и вошли во двор небольшого дома.

Там стоял деревянный маленький флигель. Старик постучался в двери одной из квартир внизу.

Пожилая еврейка отворила двери.

– Входите, Василий Егорыч, – сказал Абрам.

Чайкин вошел в небольшую, бедно убранную комнату.

В ней, однако, кроме нескольких стульев и обеденного стола, был диванчик и два мягких кресла. Висячая лампа освещала комнату.

Пожилая еврейка с добрым и когда-то, должно быть, красивым лицом посмотрела на маленького тщедушного матросика с видимым участием и, пожавши ему руку, попросила садиться.

А еврей что-то проговорил жене на еврейском жаргоне и потом сказал Чайкину:

– Тут у нас есть маленькая комнатка; вы в ней и переночуете, а пока жена нам приготовит по стаканчику горячего грогу. Это полезно перед сном. Сара, так вы дадите нам по стаканчику?

Пожилая еврейка что-то проговорила по-еврейски и ушла в соседнюю комнату, из открытых дверей которой видны были кровати. Это была спальная. Ушел за ней и еврей.

И вслед за тем в соседней комнате и еврей и жена заговорили о чем-то очень горячо. Повидимому, старый еврей в чем-то убеждал жену, а она не соглашалась. К этим голосам присоединился еще и третий – свежий, звонкий и молоденький, и Чайкин увидел на пороге молодую красивую еврейку с большими черными печальными глазами, устремленными на него.

Он поклонился. Она ласково кивнула головой и скрылась.

Спор в соседней комнате продолжался, а Чайкин сидел тоскливый, уже раскаявшийся, что не уехал на клипер, и думавший, что если он вернется завтра, то ему достанется еще больше. И Чайкин стал затем уже раздумывать о словах старого еврея, который так нахваливал ему Америку. В

самом деле, ведь хорошо! Сам себе господин...

«А хороший этот жид. Пожалел и приютил человека!» –

подумал Чайкин, полный благодарности к еврею.

Если б он только понимал, о чем говорили в соседней комнате, то едва ли чувствовал бы благодарность к еврею.

Рядом в комнате решалась его судьба.

Дело в том, что этот еврей, когда-то русский солдат, занимался в Сан-Франциско очень позорной профессией: он сторожил на пристани матросов с военных кораблей и заводил к себе какого-нибудь доверчивого или очень захмелевшего и отбившегося от това-

рищей, напаявал стаканчиком грога, в который всыпался сонный порошок, заставлял подписывать какую-то бумагу и отвозил ночью матроса на какое-нибудь купеческое судно, нуждавшееся в матросе. За это он получал «комиссию» от капитана, и она была тем больше, чем меньше поставлено было количество жалованья на бумаге.

И нередко случалось, что матрос просыпался под утро в море, на незнакомом корабле и в ужасе видел себя дезертиром и закабаленным на год, а то и больше за самое незначительное жалованье. И дезертир уже боится вернуться на родину, где его ждет тюремное заключение за побег, и поневоле становится одним из тех вечно скитающихся без родины моряков, которых много на купеческих кораблях и особенно на таких, где капитаны не разборчивы в найме людей, документы которых иногда так же подозрительны, как и прошлое таких матросов.

Этот доверчивый русский молодой матрос обещал еврею хороший гешефт. Его можно сдать на купеческий корабль за очень маленькое жалованье и получить за это с капи-

тана долларов тридцать пять, а то и все пятьдесят, так как очень уж тих и смирен этот матросик и, конечно, не надумает сбежать с корабля. А сегодня как раз нужен матрос на один американский клипер, уже совсем готовый к отплытию и с рассветом уходящий в Австралию. С этого клипера убежало накануне два матроса, а в Сан-Франциско их трудно найти, и капитан обещал г. Абрамсону, называвшему себя агентом по найму матросов, хорошие деньги, если ему в ночь доставит матроса.

Все это в значительной степени усиливало красноречие старого еврея, убеждавшего жену приготовить стаканчик «настоящего» грога матросу, которого сам бог послал для того, чтобы дать заработок бедному человеку. И матросу же лучше будет...

Несмотря на все его доводы, пожилая еврейка решительно отказывалась приготовить настоящий грог этому бедному молодому матросу и убеждала мужа пожалеть человека и не продавать его в неволю и уж если и найти ему место на купеческом корабле, то за настоящее, хорошее жалованье. А теперь она

ему даст хорошего грога, от которого ничего не случится, и он будет спать и во сне увидит все только хорошее.

– И ты, Абрам, обещаешь мне, что ничего не сделаешь дурного этому человеку. Подумай, и у нас мог быть сын.

Абрам горячился, доказывая, что Сара напрасно с чего-то жалеет других, когда надобно и себя пожалеть, и удивлялся, что она вдруг отказывается быть помощницей мужа, тогда как раньше...

– Раньше ты приводил все пьяниц и не таких молодых, и их не так было жалко, и я делала дурное, а теперь...

Вот в это самое время вмешалась и Ривка, их дочь, и прямо-таки объявила отцу, что она скажет сейчас же матросу, что против него замышляют недоброе.

И старый Абрам, которого долгие годы нужды в маленьком городке юго-западного края, потом солдатчина и, наконец, не особенно задачливая, трудная жизнь после переселения в Америку сделали неразборчивым на средства и довели до позорного ремесла, в конце концов уступил просьбам и настояни-

ям жены и дочери, которых очень любил и ради которых зачерствело его сердце.

И – странное дело – несмотря на то, что он лишился хорошего гешефта, это вынужденное решение пощадить матроса смягчило жестокие черты лица старого еврея, и в душе его пробудилось что-то похожее на жалость, когда он вместе с женой вошел в комнату и увидел задумчивое и необыкновенно тоскливое лицо Чайкина. Вся его худощавая, тонкая фигура производила впечатление чего-то хрупкого, деликатного.

– А вы, земляк, не очень-то печальтесь... Бог захочет, все хорошо пойдет! – проговорил не без искреннего участия старый еврей, присаживаясь около матроса.

Ради бережливости он уже снял сюртук и был в толстой вязаной фуфайке, засаленной и грязной до невозможности.

– Спасибо на добром слове, Абрам Исакыч! – горячо проговорил благодарный Чайкин. – Но только очень, я вам скажу, тоска сосет... У нас старший офицер и не приведи бог...

– Так не езжайте. Сюда многие из разных

местов приезжают! – ласково сказала пожилая еврейка.

– Пропадешь здесь... Ни слова не знаю по-здешнему.

– Научитесь. И мы приехали – ни слова не знали, а научились.

– А трудно?

– И вовсе не трудно. А у вас в России папенька и маменька?

– Мать одна, а братьев ровно и нет.

– Маменьку можно сюда выписать, ежели, бог даст, разживетесь!.. А вы покушать не хотите ли, господин матрос? Там у меня рыба холодная есть. Хотите?

Чайкин поблагодарил, отказался и сказал:

– И никакого я ремесла не знаю, кроме мужицкого да вот по флотской, значит, части.

– По этой части хорошее жалованье можно получать...

Пятнадцать долларов в месяц на всем готовом, а? Это не то, что казенный человек получает... Хе-хе-хе.

И старый еврей замолчал, открывая ряд скверных зубов.

– Неужели пятнадцать? – спросил Чайкин.

– И больше можно иметь, если вы, например, хороший рулевой... А ведь пятнадцать в месяц – это сто восемьдесят долларов в год. Верно я говорю, Василий Егорыч?

– Верно, Абрам Исакыч.

– И если откладывать по десяти долларов, то в год будет сто двадцать, а ежели в три года?

– Триста шестьдесят! – подсчитал Чайкин.

– Уф!.. Вы хорошо считаете... А ежели у умного человека есть капитал в триста шестьдесят долларов, то через пять лет сколько у него будет?

Чайкин не мог решить этого вопроса.

– Тридцать пять тысяч у него будет! – воскликнул Абрам. В эту минуту Ривка принесла два стакана горячего грога и присела сама.

Обе женщины расспрашивали молодого матроса про

Россию, а Чайкин расспрашивал про Америку, и через час

Чайкину показали маленькую каморку, в которой обыкновенно укладывали спать «жертв» еврея. На этот раз маленькая каморка не была безмолвной свидетельницей пре-

ступлений, совершаемых старым евреем. Чайкин скоро крепко заснул; сновиденья его были приятные.

ГЛАВА III

1

Солнечные яркие лучи заглянули в маленькое окно деревянного флигеля, заливая светом и блеском каморку с голыми грязными стенами, в которой спал Чайкин, и заиграли на его лице.

Он проснулся, удивленно щуря спросонок глаза, и, не вполне освободившийся еще от чар сновидений, казалось, не понимал, где он находится.

Но прошло несколько мгновений, и матрос все припомнил и понял. Понял – и ужаснулся при мысли о том, что он на берегу, вместо того чтобы быть на клипере. А если

«Проворный» уже ушел, и он останется один-одинешенек на чужбине, далеко-далеко от родной стороны? Никогда уж не видать ему родины.

И он вскочил с приплюснутого, тонкого и

жесткого тьюфяка с такой стремительностью, словно бы в тьюфяке вдруг оказалась игла. Вскочил и торопливо стал одеваться, чтобы немедленно бежать на пристань, нанять шлюпку и ехать на клипер.

«А там будь что будет!» – подумал он в отчаянии...

В нем, в этом молодом матросе благодаря счастливым условиям его прежней жизни еще жило присущее каждому человеку чувство человеческого достоинства.

Вот почему при мысли о том, как его будут наказывать на клипере, решимость молодого матроса ослабевала. Сомнения закрадывались в душу. Вчерашние слова старого еврея, его жены и дочери о том, как хорошо и свободно можно жить в Америке, невольно припоминались Чайкину и смущали его какими-то смутными надеждами на светлое будущее.

Не зная, на что решиться, он отворил двери и в большой комнате увидел молодую Ревекку.

Довольно красивая, с смуглым, почти бронзовым лицом и густыми черными воло-

сами, пряди которых падали на лоб, одетая в ярко-пунцовую кофточку, она не спеша собирала на стол, расставляя чашки.

– Здравствуйте! – ласково промолвила она, увидав матросика.

– Здравствуйте!

– Сейчас будет готов кофе. Хорошо ли спали? – спрашивала она, глядя на Чайкина своими большими черными глазами.

В этом сочувственном взгляде было что-то такое скорбное, что Чайкин невольно пожалел еврейку, решив про себя, что у нее, должно быть, на сердце тяжкое горе.

И он также сочувственно взглянул на нее, когда ответил:

– Покорнейше благодарим. Очень даже хорошо спал, но только надо мне уходить.

– Зачем уходить? Куда уходить?

– А на свое, значит, судно, на «Проворный». И хотя очень мне достанется...

– Наказывать будут? – перебила молодая еврейка с выражением ужаса на лице.

– Еще как будут-то! – произнес Чайкин с тоской. – Я –

щуплый! – виновато прибавил матрос.

– Так вы не ходите! Оставайтесь в Америке!

Чайкин стоял в грустном раздумье. Наконец он сказал:

– Страшно оставаться.

– Отчего страшно?

– На чужбине словно в домовине... Жаль родного места... Пропадешь здесь... Надо, видно, пропадать на клипере. Прощайте, девушка! Спасибо на ласковом слове, и дай вам бог счастья! И папеньке с маменькой передайте нижайший мой поклон и как я благодарен за ласку... А я пойду!

– Подождите! Прежде хоть кофе напейтесь... Сейчас подам... И маменька скоро придет. Она пошла в лавки. И

папенька в семь часов вернется. Он вас и на пристань сведет, ежели вы не боитесь, как вас наказывать будут...

Ой-ой-ой! Спаси вас бог!

– Одна надежда на бога и есть...

– Садитесь к столу, Василий Егорыч. Еще успеете горе принять, ежели бог не надоумит вас остаться. У всякого свое горе! – как-то загадочно прибавила Ревекка и вышла в малень-

кую кухню.

Чайкин присел.

Через несколько минут явилась Ревекка с кофейником и тарелкой поджаренных в масле ломтей белого хлеба. Затем принесла горячее молоко.

Она налила Чайкину большую чашку кофе с молоком,

предварительно положив в чашку две ложки сахарного песка, и, подвигая тарелку с хлебом, говорила:

– Кушайте на здоровье! Кушайте, прошу вас!

Сама она не пила. Она присела около стола, по-прежнему задумчивая, и по временам поднимала свои печальные большие глаза, полные чувства сострадания, на матроса.

«Ишь какая жалостливая жидовка!» – думал благодарный Чайкин, перехватывая взгляды Ревекки.

Когда матрос с видимым удовольствием выпил большую чашку, Ревекка предложила ему выпить еще чашку.

Но матрос из деликатности отказывался.

Тогда молодая еврейка налила в чашку

матроса кофе и молока и проговорила:

– Кушайте, земляк! Кофе хороший. По сорока центов платили.

Чайкин поблагодарил и стал пить вторую чашку, закусывая поджаренным хлебом.

Опять наступило молчание.

Наконец Чайкин, желая быть вежливым, проговорил:

– Очень скусный кофий.

– Понравился? Может, еще чашку?

– Вовсе не могу. Сыт по горло... Вот вы давеча сказали:

«У каждого свое горе!» Это вы правильно сказали. Только разное оно бывает. Наше матросское горе одно, а на сухой пути – другое. Но только здесь, я полагаю, меньше горя, потому как люди без прижимки живут. Сам себе господин.

– Это, положим... Но самое большое горе на свете не от тиранства, а когда ежели совесть непокойная! – грустно промолвила еврейка и покачала головой, словно бы хотела избавиться от каких-то мучительных дум.

– Без совести – беда! Обманом жить вовсе нельзя.

– Вы думаете?

– То-то, думаю.

– А живут же люди.

– Это разве которые бесстыжие.

– Может, и я обманом живу. Как вы полагаете?

Чайкина точно резануло по сердцу. Сам правдивый и доверчивый, он считал такими же и других.

И, тронутый ласковым вниманием, оказанным ему в этом доме, он порывисто проговорил:

– Этого не может быть.

– Почему не может быть?

– Человека сейчас видно. Он себя оказывает.

Еврейка грустно усмехнулась.

– Это вы зря на себя обсказываете. Зачем вам обманом жить?.. Какая такая нужда? – снова заговорил Чайкин.

– Верно, душа у вас чистая, что вы этого не понимаете... И вот что я вам скажу: ежели вы останетесь здесь, вы не очень-то верьте людям... Вот к нам вы пришли, а мало ли что с вами могло случиться... Тут надо во всем опа-

сение иметь... Многие обманом живут...

Матрос ничего не понимал. «Что с ним могло случиться? Его здесь приютили, обошлись ласково, а жидовка точно от чего-то предостерегает...»

– Есть тут много таких людей... Заманят вас, напоят чем-нибудь, да и свезут на какое-нибудь судно матросом...

Потом ищите, кто это заманил вас!.. – заметила Ревекка.

– Это нехорошо! – наивно произнес Чайкин.

– То-то я и говорю...

– Да вы разве заманиваете?

Еврейка молчала.

– Судьба каждому человеку дана! – наконец проговорила она. – И ежели которому человеку судьба залезть в болото, не выйти ему из него. Никогда не выйти! – с бесконечной тоской прибавила она.

Чайкин недоумевал и искренно жалел Ревекку, хотел было попросить ее объяснить ему, про какое болото она говорит и отчего нельзя из него выйти, но в эту минуту кто-то три раза постучал в двери.

– Это отец. Не говорите ему ни слова о нашем разговоре! – промолвила еврейка и пошла отворять двери.

2

При ярком свете роскошного солнечного утра господин

Абрамсон показался Чайкину гораздо старше, чем вчера. И

глаза его, глубоко засевшие во впадинах, острые и пронзительные, как у хищной птицы, невольно обращали на себя внимание и несколько пугали, несмотря на приветливую улыбку, игравшую на тонких бескровных губах старого еврея.

– Честь имею поздравить вас, Василий Егорыч! – весело проговорил он, протягивая свою грязную костлявую руку молодому матросу.

– С чем меня проздравлять, Абрам Исаыч? – удивленно спросил Чайкин.

– Теперь уж вас наказывать не будут... Никто не посмеет. Шабаш!.. И теперь вы станете американцем...

– Почему это?

– Ваш клипер только что ушел... Я сам ви-

дел!..

– Ушел? – упавшим голосом промолвил Чайкин.

– То-то, ушел, и вы, значит, остались в Америке... Да вы что же повесили нос? Или недовольны, что стали вольным человеком?. Так это можно поправить... Явитесь к консулу и скажите, что вы остались... Вас отправят на русское судно и...

– Вы, папенька, не пугайте. И так они обескуражены! –

заметила дочь.

– А ты, Ривка, не очень-то мешайся не в свои дела, –

сурово проговорил старик.

И, обращаясь к Чайкину, сказал:

– Не огорчайтесь... Я вас завтра определю к месту...

матросом на хорошее жалованье, а пока оставайтесь у нас... Нам жалко земляка... А я вам и платье другое принес! – прибавил старый еврей, указывая на узел, бывший у него в руке. – Ваше, форменное, не годится на купеческих кораблях. Я его продам... Только за него больше доллара не дадут... А чего недо-

хватит за новый костюм, вы мне заплатите, земляк... Не правда ли?

– У меня всего-навсего два доллара, Абрам Исакыч.

– Об этом не беспокойтесь. Я попрошу, чтобы вам дали жалованье за месяц вперед, мы и сочтемся. А капитан у вас будет хороший... Я для вас старался, земляк...

– Спасибо вам, Абрам Исакыч! – доверчиво проговорил

Чайкин.

Но тон его был далеко не веселый.

– А пока без меня никуда не выходите... А то могут поймать вас и отвести к консулу... А уж тогда вы пропали...

Матрос обещал никуда не выходить.

– Ривка! Ты займи земляка. Слышишь?

– Слушаю, папенька.

– Да скажи маме, чтобы хорошо угостила гостя. А мне давай скорей кофе. Мне надо идти по делам. А вы, Василий

Егорыч, переоденьтесь. Я ваше платье понесу продавать.

Чайкин покорно взял из рук Абрама Исаковича узелок и через пять минут возвратил-

ся в отвратительной матросской паре из темно-синего сукна. И рубаха, и штаны, и шапка были стары, почти ветхи и достаточно заношены.

– Каков костюмчик? Просто первый сорт и преотлично на вас сидит, будто на заказ шито! – воскликнул старый еврей, оглядывая Чайкина, который в мешковатой рубахе и в слишком длинных штанах казался совсем неуклюжим медвежонком. – А пока до свиданья! Смотри же, Ривка, займи гостя! – значительно повторил старик.

И с этими словами он кивнул головой и вышел.

Ревекка, которой отец приказал «занимать гостя», что в действительности значило «не выпускать» его, не раз исполняла такие поручения и не раз бывала преступной сообщницей в позорной профессии отца, хотя совесть ее и возмущалась.

Но с этим простодушным, доверчивым молодым матросом она не хотела играть роли обманщицы. Ей было это противно, и она, ласково взглядывая на Чайкина, шепнула, предварительно заперев двери на запор:

– А знаете, что я вам скажу?

– Что?

– Ежели хотите погулять, не бойтесь. Здесь никого не могут взять, если человек не сделал ничего дурного. И я вам адрес напишу, чтобы вы потом нашли к нам дорогу. А

то, как мама вернется, поведу вас... Только папеньке ничего не сказывайте, – мне тогда достанется.

– Спасибо вам... Я лучше у вас побуду... Уж какая гулянка!..

– Как хотите. А еще вот что: меньше как за десять долларов в месяц не нанимайтесь в матросы и никакой бумаги не подписывайте... Поняли?

– Понял.

– А то подпишете такую бумагу, что обязаны будете несколько лет служить и за маленькое жалованье... Так не подписывайте бумаги, что бы вам папенька ни говорил. И за костюм больше доллара отцу не давайте. И того не стоит!

– Это точно. Одежа самая последняя.

– И, если отец приведет вас в салун и станет угощать вином, не пейте ничего. Слыши-

те?

– Слышу.

– Ни водки, ни пива. Скажите, что вовсе не пьете... А то пьяного легко заставить подписать всякую бумагу.

– Ничего в рот не возьму!

– И не бойтесь, если отец пугать станет, что не найдете места. Тут есть контора, где нанимают матросов. Я вам дам адрес... Спрячьте его... И бог да поможет вам! – задумчиво прибавила молодая еврейка.

– Пошли вам господь всякого счастья, добрая девушка!

Век не забуду, как учили вы меня, дурака, уму-разуму на чужой стороне. Обсказали, значит, насчет чего опаску иметь. Спасибо вам... как позволите прозвать вас?..

– Ревекка.

– Спасибо вам, Ревекка Абрамовна! – взволнованно говорил благодарный матрос, взглядывая на Ревекку признательным взглядом.

И его серые мягкие глаза так и лучились.

– И вам спасибо...

– Мне-то за что?

– А за то, что совесть вы во мне тронули...

Вижу: вы такой простой, доверчивый, всему верите, худого про людей не думаете... Совесть-то и подала голос и показала, какая я дурная... Теперь уж обманом жить не хочется...

Так и скажу папеньке. Пусть сердится, а уж я не стану заманивать бедных матросов.

И Ревекка, взявши слово с матроса, что он сохранит в тайне все, что она ему скажет, рассказала, чем занимается отец и как вчера Чайкин благодаря заступничеству ее и матери не был опоен и увезен ночью на корабль.

– Тоже и папеньку жалко! – прибавила Ревекка. – Как пошли дела хуже, обеднел он, так и стал заниматься этим делом. Из-за нас, маменьки да меня, людей погубляет.

Скоро вернулась мать с покупками и ласково приветствовала гостя.

Целый день Чайкин провел в обществе двух евреек. Он предложил чем-нибудь помочь им: подмел комнаты, чистил овощи и мыл посуду. А обе женщины старались подбодрить и успокоить Чайкина, уверяя его, что в Америке он не пропадет и ему будет хорошо. Обе они не раз советовали ему ничего не

пить, ни одного стаканчика, когда он пойдет наниматься в матросы.

В тот же день новые знакомки выучили его несколькими английскими словами и учили его называться не Чайкиным, а мистером «Чайк»: так будет больше похоже на американскую фамилию.

С этого дня наш матрос обратился в мистера Чайка. Так в Америке его и звали.

Под вечер возвратился старый еврей и объявил, что нашел для земляка хорошее место – матросом на бриг

«Динора». И капитан и штурман добрые люди. «Динора»

завтра уходит в Австралию с грузом зерна.

– И жалованье хорошее! – прибавил Абрамсон, однако не сказал какое.

– А хороший ли корабль? – спросила Ревека.

– Разумеется, хороший. Небось дурной не пошлют! –

проговорил старый еврей, строго и значительно взглянув на дочь.

– Вы сами, папенька, говорили, что посылают совсем дурные корабли.

Чайкин взглянул удивленно на Ревекку и спросил:

– А по какой такой причине?

– Очень просто. Застряхнут груз и старый какой-нибудь корабль в хорошую цену и пошлют людей на верную погибель... Корабль потонет, и матросы потонут, а хозяева корабля получают хорошие деньги... Еще недавно в газетах об этом писали.

– А ты, Ривка, не болтай чего не понимаешь! – строго заметил отец.

– Вы же сами говорили, папенька, – настаивала Ревекка.

– Мало ли говорил, да ты глупая девчонка, чтобы все понимать... А вы, земляк, не сомневайтесь: «Динора» новое и крепкое судно. Всего только пять лет как построено...

Идемте! На пристани штурман с «Диноры» ждет, чтобы договориться.

Чайкин простился с хозяйкой и с дочерью, точно с родными. Особенно горячо он пожал маленькую желтоватую руку Ревекки, признательный за ее участие и советы.

Когда матрос уходил, следуя за Абрамсоном, Ревекка подбежала к Чайкину и чуть

слышно прошептала:

– Помните, что я вам говорила.

Чайкин кивнул головой.

«Помню, мол, и спасибо вам!» – говорил, казалось, его взгляд, который он кинул на Ревекку.

– Если не поладите, к нам приходите, земляк! – кинула вдогонку госпожа Абрамсон.

– Отчего не поладить? Поладим! – ответил старый еврей.

ГЛАВА IV

1

– Вот сюда! – проговорил старый еврей, указывая на двери одного из многих кабачков, или, как их называют в

Сан-Франциско, салунов, находящихся на набережной.

Они вошли в небольшую, покрытую опилками комнату, полную матросов и рабочих, сидевших за маленькими столиками в самых непринужденных позах, с поднятыми на соседние стулья ногами.

Старик осмотрел комнату и повел Чайкина в дальний угол, где за столиком сидел приземистый и коренастый бородатый брюнет в темно-синем коротком пальто и в фуражке с галуном, с маленькой трубкой в зубах. Около него стоял стакан, наполненный ромом, и бутылка.

–

Привел. Вот он! – проговорил Абрамсон по-английски, указывая на своего спутника.

– Очень хорошо! – ответил штурман «Диноры», оглядывая быстрым, острым взглядом своих темных глаз Чайкина и, по-видимому, вполне удовлетворенный осмотром.

– Надо прежде накатить его! Кажется, работающий парень!

Познакомьте нас! – прибавил штурман.

– Штурман с «Диноры», мистер Гаук... Мистер Чайк! –

проговорил Абрамсон.

Мистер Гаук протянул мистеру Чайку свою широкую волосатую руку, на которой были вытатуированы якорь и сердце голубого цвета, и, указывая на стул, налил из бутылки стакан рому, подал Чайкину и чокнулся.

Однако Чайкин не дотронулся.

– Отчего этот простофиля не пьет? Скажите, мистер

Абрамсон, что я его угощаю!

– Выпейте, земляк... Штурман желает вас угостить! –

обратился к Чайкину старик еврей.

– Не занимаюсь вином, Абрам Исакыч.

– Один стаканчик.

– Вовсе не занимаюсь! – решительно произнес Чайкин, помня советы Ревекки.

– Ай-ай-ай... Штурман вас хочет угостить, а вы... И

видано ли, чтобы матрос не любил выпить!.. Стаканчик рому даже полезен для здоровья.

Но, напуганный Ревеккой, молодой матрос опасался теперь и штурмана и еврея и упрямо произнес:

– Не просите, Абрам Исакыч. За угощение благодарю, а пить не стану.

– Что этот дурак говорит? – спросил штурман.

– Отказывается пить! Не пьет совсем! – ответил Абрамсон.

– Ну и черт с ним. Первый раз в жизни вижу матроса,

который не пьет! – заметил штурман и засмеялся. – Объясните ему, что мы нанимаем его на три года... а жалованье... Сколько ему дать жалованья?..

– Шесть, а за это мне пятьдесят долларов.

– Большая вы каналья, мистер Абрамсон, и больше двадцати пяти долларов я вам не дам, если этот дурак согласится. Ну, покончим скорей, и я возьму его на «Динору». Завтра уходим!

Абрамсон объяснил Чайкину, что он должен подписать условие на три года и что он будет получать по шести долларов в месяц. Конечно, потом ему прибавят. Непременно прибавят. Штурман говорит, что прибавят. А больше вначале нельзя дать, так как Чайк беглый матрос и у него никаких бумаг нет. После, конечно, можно получить бумагу, а не теперь.

– Вы, конечно, согласны? – окончил господин Абрамсон вопросом, не сомневаясь, что получит утвердительный ответ от этого робкого, застенчивого и с виду простоватого мат-

роса.

Но, к крайнему изумлению старого еврея, считавшего себя большим знатоком людей и уверявшего, что видит на аршин под землей, Чайкин ответил:

– Нет моего согласия, Абрам Исакыч.

Старый плут глядел во все глаза на матроса.

– Как нет согласия? Почему, позвольте вас спросить?.

Я для вас же старался, чтобы определить вас, а вы совсем даже оконфузили меня... Ай-ай-ай!.. Не полагал я на ваш счет такой, позвольте сказать, такой неблагодарности... На службе вы, можно сказать, шиш с маслом получали, а вам предлагают шесть долларов, квартиру и харчи, а вы не согласны! Или вы шутите?

– Нет моего согласия! – снова повторил Чайкин с тем упрямством, какое часто бывает в простом человеке, раз уверенном, что его норовят обмануть.

– Это даже вовсе неблагородно с вашей стороны, мистер Чайк... Право, неблагородно. На что же есть ваше согласие?

– На десять долларов в месяц, как вы говорили.

– Никогда я не говорил... Никогда я не говорил...

– То-то, говорили.

– Ошибка, значит, вышла... Ну, виноват сам и семь долларов уж выторгую для вас... А условие на три года.

– И на три года нет моего согласия. Никакой бумаги я не подпишу!

– Это почему? Кто же вас возьмет без бумаги?

– У нас на «Проворном» сказывали, что берут...

– Берут, так и ищите сами места, а мне пять долларов за костюм пожалуйста.

– Не много ли будет, Абрам Исакыч?

– Я полагаю, что мало. Костюм-то почти новый.

– И вовсе даже рвань одна, Абрам Исакыч.

– Что он говорит?. Видно, парень не совсем глупый...

не соглашается на шесть долларов? – спросил штурман.

– Не соглашается.

– Молодец. А на условие?

– Тоже не соглашается.

– Хвалю. Он, значит, совсем толковый! – весело проговорил янки. – Дурак-то были вы, мистер Абрамсон. Да!

Спросите-ка, чем он был на своем клипсере?

Еврей спросил и перевел ответ Чайкина, что он служил грот-марсовым и был подручным рулевым.

– Такого мне и нужно! – промолвил мистер Гаук.

И с этими словами он хлопнул по плечу Чайкина и показал ему десять пальцев своей руки.

Тот удовлетворенно кивнул головой и произнес три раза:

– Yes, yes, yes4...

Господин Абрамсон вытаращил глаза, удивленный, что

Чайкин сказал эти слова по-английски.

После этого штурман вынул из кармана условие.

Но Чайкин отрицательно мотнул головой и три раза повторил:

– No, no, no! 5

– Да он совсем умный матрос! – весело произнес штурман и пантомимой объяснил, что он берет Чайкина.

– А как же мои пять долларов? – спросил у него Абрамсон.

– Больше доллара не согласен! – решительно заявил матрос.

– Ну, бог с вами... Давайте... А с вас, мистер Гаук, сколько?

Штурман дал ему золотой «игль» в десять долларов и, расплатившись, повел Чайкина с собой.

Старый еврей очень ласково попрощался с земляком, пожелав ему всего хорошего. Чайкин, в свою очередь, поблагодарил еврея за приют и ласку и просил кланяться супруге и Ревекке Абрамовне.

С узелком в руках, в котором были две купленные еще

4 Да, да, да... (англ.).

5 Нет, нет, нет! (англ.).

третьего дня рубахи и пара башмаков, шел новый матрос

«Диноры» за штурманом к пристани.

– Hallo! Hallo! «Dinora»! 6 – крикнул штурман на рейд.

Через несколько минут пришла шлюпка с двумя гребцами. Штурман сел в шлюпку, указав Чайкину сесть на весло, и с удовольствием смотрел, как добросовестно греб русский матрос, наваливаясь изо всех сил.

Скоро шлюпка пристала к большому двухмачтовому бригу, и мистер Чайк, или просто Чайк, как его стали звать на бриге, вошел на палубу и прошел на бак, где с любопытством оглядывал новых товарищей, пока боцман не увел его вниз и показал ему койку, одеяло и подушку.

Чайкин понял, что самое лучшее, что он может сделать, это лечь спать. Что же касается до знакомства с будущими сожителями, большая часть которых наводила некоторый страх, и с капитаном, то это гораздо лучше сделать завтра при дневном свете.

Сиротливое чувство охватило его в этот теплый вечер.

Он вспомнил, что теперь он один как перст среди чужих людей, и он в этот вечер

особенно горячо молился богу.

2

Что это был за сброд людей на «Диноре»? Из двенадцати человек экипажа только трое были американцы.

Остальные принадлежали к разным национальностям, в числе которых был один представитель желтой расы – китаец – и двое негров.

Когда рано утром на следующий день боцман вызвал

6 Эй, эй! «Динора»! (англ.).

всех наверх сниматься с якоря и Чайкин работал на шпигеле, а потом был послан на фок-рею отдавать марсель, он был словно бы одурелый от того впечатления, которое на него производили его сослуживцы. Большая часть из них положительно внушала в нем страх своими грубыми до жестокости лицами. Особенно казались ему страшными негр Сам, здоровенный детина геркулесовского сложения, и испанец Чезаре, маленький, заросший волосами, черный, как жук, с лука-

вым взглядом злого и хитрого животного.

Но более всех не понравился Чайкину капитан «Диноры».

Чайкин увидал его в первый раз на палубе во время съёмки с якоря. Он вышел из своей каюты в желтом халате, в карманах которого торчало по револьверу, бледный, с темными глазами, жесткими и пронизывающими, глубоко сидящими в глазных впадинах.

Капитана все, решительно все, ненавидели и в то же время боялись. Он был беспощаден в случае неповиновения и месяца три тому назад застрелил из револьвера одного матроса, как собаку. Об этом Чайкин узнал после, но при первом взгляде на него он скорее почувствовал, чем понял, что для этого человека нет ничего невозможного.

Зато и команда «Диноры» была под стать командиру, и между матросами и им словно бы существовала глухая вражда. И те и другой это чувствовали.

Этому капитану Блэку, жизнь которого была рядом всевозможных приключений, точно доставляло особенное удовольствие быть некоторым образом в положении укротителя

зверей.

Это был своего рода спорт для янки с депотически-жестоким характером и любителя всяких сильных ощущений. Быть одному, почти одному, – так как и со своим помощником, штурманом, он не был в хороших отношениях, – среди ненавидящих людей, прошлое большей части которых было крайне сомнительно, рискуя ежедневно быть выброшенным за борт или убитым, – не представляло особенной приятности. Но этому странно-му человеку, бесстрашному и мужественному, казалось именно такое положение совершенно естественным, и он самоуверенно, имея постоянно заряженные револьверы в карманах и несколько заряженных карабинов в своей каюте, ходил по палубе и словно бы гордился, что заставляет повиноваться себе отчаянных людей.

Действительно, эта самоуверенность производила сильное впечатление на матросов «Диноры».

Очутившись среди чужих людей, в новой обстановке и притом под командой такого капитана, Чайкин понял, что здесь надо дер-

жать ухо востро. Положим, на бриге никого не смели наказывать, как на «Проворном», и Чайкин не трусил, что за какой-нибудь пустяк его станут бить линьками, но он понял, что на «Диноре» существуют неприязненные отношения между командой и капитаном и что капитан беспощаден.

Вообще ему на бриге не понравилось, и он про себя решил в первом же порте оставить «Динору» и поступить на другое судно.

И Чайкин не раз благодарно вспоминал молодую еврейку Ревекку. Ведь благодаря ее предупреждению он не подписал бумаги, которая закабалила бы его на трехлетнюю службу.

Но – странное дело! – как ни страшно ему было, особенно в первые дни, на «Диноре», он на ней не испытывал того трепета, той приниженности, какие испытывал на

«Проворном». Он все-таки чувствовал себя свободным.

Благодаря незнанию английского языка, на котором раздавались командные слова и на котором говорили между собою все эти разноплеменные матросы, положение

Чайкина было трудноватое.

Но сметливость выручала его.

Он понимал, глядя на других, что надо делать, когда раздавалась команда капитана, штурмана или боцмана, и в скором времени заслужил общее уважение, показав себя лихим, толковым матросом, добросовестно исполняющим свои обязанности. Он был марсовым на фор-марсе и, кроме того, рулевым и никогда на вахтах не спал – одним словом, Чайкин зарабатывал свое жалованье по совести.

Сперва на «новенького» косились. Его встретили недружелюбными взглядами, как встречает стая собак новую.

Но знание им своего матросского дела, выказанное при первой же постановке парусов, во время съёмки с якоря, изменило это недружелюбие в равнодушие.

Его никто не задирали. Его оставили в покое, присматриваясь к нему. С ним никто не пробовал обмениваться пантомимами, и Чайкин, чувствуя свое одиночество, скучал по своим «российским».

Но он знал, что возврата уж нет, и, стара-

ясь приспособиться к новому своему положению, внимательно вслушивался в чужой ему язык, запоминая слова и выражения.

И он быстро усваивал себе их.

Соседом на фор-марса-рее был у него Чезаре.

Этот сорокалетний испанец с маленькими холодными и злыми глазами, с глубоким шрамом от удара ножом на щеке с первого же дня почему-то невлюбил Чайкина.

За что? Он и сам бы не объяснил этой антипатии, внезапно зарождающейся между людьми словно бы по какому-то инстинкту, в основе которого лежит бессознательное чувство двух противоположных натур.

Вероятно, Чезаре, этот лживый, порочный и злой человек, на душе которого было не одно преступление, бежавший из Кадикса лет десять тому назад за убийство жены и с тех пор успевший посидеть в Бостонской тюрьме за воровство, этот шулер игрок, чуть не повешенный в

Сакраменто по суду Линча обыгранными им рудокопами, вероятно сразу признал в этом белобрысом русском матросе с кротки-

ми серыми глазами непорочную душу честного человека.

И этого было довольно, чтобы почувствовать ненависть и зависть, нередко являющиеся у дурных людей к хорошим, словно бы как протест, в основе которого лежит злоба на потерю в самом себе всего того хорошего, которое, быть может, и было когда-нибудь в человеке.

Чайкин был очень осторожен с Чезаре и боялся втайне испанца, перехватывая порой его злобные взгляды исподлобья, но не выказывал перед ним страха и не обращал на него, по-видимому, никакого внимания.

Это-то и возбуждало в испанце еще большую злобу.

И однажды, после обеда, когда оба они, как подвахтенные, были внизу, в небольшой матросской каюте, по бокам которой были расположены нары для спанья, Чезаре нарочно задел плечом стоявшего посреди каюты Чайкина и, внезапно бледнея, крикнул:

– Дорогу, русская свинья!

И хотя Чайкин чуть-чуть посторонился, Чезаре, смерив его презрительно-злобным

взглядом, со всего размаха толкнул Чайкина так, что тот ударился головой о борт.

Хотя Чезаре, приземистый и мускулистый, обладал значительной силой и Чайкин это знал, – тем не менее, взбешенный этим нападением, Чайкин ударил испанца кулаком по лицу.

– Ловко! – произнес чей-то голос с одной из коек.

– Carramba! 7

И, выкрикнув вслед за тем несколько ругательств по-испански, Чезаре, словно разъяренный бык, бросился на

Чайкина, готовый, по-видимому, его задушить.

Чайкин мужественно встретил нападение, и между ними завязалась ожесточенная драка. Испанец старался нанести одной рукой коварные удары в низ живота, а другой схватить за горло, но Чайкин счастливо избегал этого, работая с остервенением кулаками по груди и лицу

Чезаре...

Несколько матросов, лежавших на койках, равнодушно смотрели на эту драку. И только

при ловких ударах одного из противников они издавали одобрительные восклицания...

Драка продолжалась минуту, другую, а победа казалась еще далекою... Испанец словно бы находился в недоумении, встретив в тщедушном на вид Чайкине такой неожиданно свирепый отпор.

И, вскрикнув «Саррамба», Цезаре неожиданным

7 Черт возьми! (исп.).

прыжком очутился сзади Чайкина и, дав ему подножку, повалил наземь и с налитыми кровью глазами, весь бледный, стал душить своими цепкими сильными руками

Чайкина за горло.

Дело становилось серьезным... Чайкин захрипел.

Тогда с одной из коек быстро соскочил молодой, длинноногий блондин с рыжей боро-

дой, окаймлявшей рябоватое веснушчатое лицо, и бросился на помощь Чайкину.

Он с трудом освободил его горло от рук Чезаре и, схватив испанца за шиворот, оттащил его и проговорил с нескрываемым презрением:

– Это подло так нападать. Не троньте Чайка. Что он вам сделал, негодяй вы этакий?

Чезаре рванулся было из рук рыжего матроса, но тот крепко его держал.

Тогда Чезаре с искаженным злобою лицом взглянул на неожиданного защитника и крикнул:

– Вы чего вмешиваетесь, Долговязый? Вам какое дело?

Калифорниец Бутс, прогоревший золотоискатель,

отправлявшийся матросом в Австралию искать золота,

ответил:

– Дело слегка порядочного человека.

– Слегка? – ядовито переспросил

Чезаре.

– Вы, кажется,

слышали, что я сказал. Я не люблю повто-

рять слов. А если дело мое вам не нравится, то не угодно ли попробовать американского кулака?

И, отпустив испанца, Долговязый засучил руки, обнаружив хорошо развитые мускулы, и стал в позу боксера.

– Угодно, сэр? – насмешливо бросил он.

– Не угодно.

– Очень жаль.

– Когда мне будет угодно, я обращусь к вам, Бутс! –

злобно прошипел Чезаре.

И с этими словами вышел из каюты.

Чайкин уже поднялся и оправился.

Долговязый подошел к нему, одобрительно потрепал его по плечу и обратился с коротеньким спичем, в котором сказал, что мистер Чайк дерется недурно и что исход драки мог быть более лестным для Чайка, если бы не подлый поступок негодяя испанца, повалившего своего противника сзади.

– Так сколько-нибудь приличные джентльмены не поступают. А вы дрались как джентльмен!

Разумеется, Чайкин понял в этом спиче

очень мало, но зато понял, и очень хорошо понял, что Долговязый – добрый человек, и выразил ему свою признательность благодарным взглядом, подкрепив его по-английски словами:

– Благодарю вас... Благодарю вас...

И, забывши, вероятно, что говорит с американцем, продолжал взволнованно и горячо по-русски:

– Спасибо тебе, брат «Лэнка» (так переименовал Чайкин прозвище Бутса «lenk», то есть «долговязый»). Добер ты...

Заступился, даром, что другой веры...

Долговязый слегка усмехнулся, словно бы считая недостойным себя показать, что он понял по тону мистера

Чайка и по его серым лучистым глазам искренность и горячность благодарности и несколько тронут ею.

И, принимая небрежный вид человека, который равно душен ко всему на свете, кроме золотоискательства, он будто мимоходом заметил, снова ложась в койку:

– А вы, Чайк, остерегайтесь теперь этой злой скотины –

Чезаре. Он не прочь вас и с реи столк-
нуть... Подлый человек Чезаре...

– No good! 8 – заметил Чайкин, не столько
понимая, сколько догадываясь, что «Лэнка»
ругает Чезаре.

Долговязый утвердительно кивнул голо-
вой, приподнявшись на койке.

С этих пор между Бутсом и Чайкиным
установились хорошие отношения. Разгова-
ривать они не могли, но по утрам обменива-
лись приветствиями и, видимо, питали друг к
другу приязнь.

И Чайкин уже не чувствовал себя одино-
ким на «Диноре», как в первые дни. Он знал,
что есть добрая душа около, и сам приобод-
рился и уже меньше скучал.

Желая чем-нибудь выразить Долговязому
свою признательность, молодой матрос в сво-
бодное время сплел из каболки⁹ туфли и од-
нажды сунул их в руки янки.

Тот посмотрел, похвалил работу и возвра-
тил назад.

– Это вам! – сказал, застенчиво краснея,
Чайкин.

Калифорниец, сильно тронутый, только

молча и крепко

8 Нехороший! (англ.).

9 Каболка – распущенная старая смоляная веревка. (Примеч. автора.)

пожал руку Чайкина и через несколько дней предложил учить его по-английски.

Ученик оказался необыкновенно понятливый и усердный.

Он делал такие быстрые успехи, что через два месяца янки уже нашел, хотя и несколько преждевременно, что можно говорить с Чайкиным о самом любимом им деле – о золоте.

И он не раз старался объяснить Чайкину, что если он не дурак, то должен в Мельбурне оставить «Динору» и отправиться с ним внутрь страны искать счастья.

– Можно при удаче быстро разбогатеть. И мы непременно разбогатеем! – уверенно прибавлял Долговязый.

Чайкин понял только, что можно разбогатеть, и слушал речи Долговязого, как сказку.

– А что же потом делать? – спрашивал он.

– Потом... потом... завести какое-нибудь де-

ло и еще больше разбогатеть! Вот что потом... А вы что бы делали, если бы разбогатели... очень разбогатели?

Чайкин не имел представления о размерах богатства и решительно не мог придумать, что бы он тогда делал. Конечно, он послал бы денег в деревню матери, а что дальше – он не мог и придумать...

– Завели бы свой пароход? – подсказывал предприимчивый янки.

Но пароход, казалось, не прельщал будущего богача.

– А то купили бы земли да построили ферму...

– Это лучше! – весело отвечал Чайкин.

Долговязый, по мере сближения с Чайкиным, все более оценивал его душевные качества, хотя и находил, что

Чайкин ровно ничего не смыслит в политических делах, и удивился, когда узнал, что он ни разу в жизни не читал газет.

– Вам, Чайк, непременно надо читать газеты... А еще...

– Что еще, Долговязый?

– А еще обязательно надо выучиться пи-

сать! И я вас выучу. Это не хитрая штука!

Они нередко теперь вели беседы, и Бутс много рассказывал об Америке. Чайкин внимательно слушал и изумлялся.

Вскоре один поступок Чайкина, поразивший весь экипаж брига, окончательно убедил Долговязого, что его приятель такая добрейшая душа и вместе с тем такая простофиля, какой Бутс до сих пор не встречал, хотя и побывал в нескольких штатах Америки.

ГЛАВА V

1

Противные ветры преследовали «Динору» с самого выхода из Сан-Франциско.

Парусному бригу приходилось лавировать длинными галсами, чтобы хоть медленно, но подвигаться вперед к цели. Прошло уже два месяца плавания «Диноры», а она подвинулась всего лишь на двести пятьдесят миль прямого расстояния от Сан-Франциско до места назначения –

Мельбурна.

Всех раздражала эта медленность плава-

ния. Особенно недоволен был капитан Блэк, чередовавшийся вахтами со своим помощником. Каждый из них выстаивал по шести часов наверху, и каждый ежедневно надеялся, что вот-вот задует попутный ветер и бриг под всеми парусами направится к цели, делая миль по двести суточного плавания.

А между тем ветер, как нарочно, почти постоянно дул, как говорят моряки, в «лоб», и приходилось лавировать и постоянно делать частые повороты, что утомляло и вызывало неудовольствие в матросах, которым и после вахты не удавалось ни одной ночи спокойно выспаться: то и дело боцман или штурман вызывали подвахтенных наверх для поворота – маневра, требовавшего присутствия всего незначительного экипажа «Диноры».

Еще слава богу, что погода все время стояла хорошая и ветер дул ровный и не особенно свежий, так что не приходилось еще чаще беспокоить людей, чтобы брать рифы.

Во время своих вахт капитан Блэк, расхаживавший по возвышенной площадке юта, под которой помещалась его каюта, в своей кожаной короткой куртке, белых штанах и

соломенных туфлях, надетых на босые ноги, был, по обыкновению, наружно спокоен и даже, казалось, невозмутим.

По крайней мере бледное, помятое жизнью, но все еще красивое лицо капитана Блэка, с изящными и тонкими чертами, суровое, энергичное и самоуверенное лицо, в котором с первого же взгляда чувствовалась непреклонная воля и сказывался железный характер, — не выражало ни беспокойства, ни волнения.

А между тем на душе у капитана было далеко не покойно. Противные ветры злили его тем более, что расстраивали его планы, известные ему одному и тщательно скрываемые даже от помощника, штурмана Гаука.

И глаза капитана Блэка, острые и пронзительные, как у коршуна, порой загорались блеском, а белая его рука, совсем не похожая на рабочую руку, с брильянтом на мизинце, нервно пощипывала большую черную как смоль бороду, когда он поглядывал на горизонт и на небо, по которому бежали белоснежные перистые облачка, и на вымпел, развевавшийся на грот-мачте: он показывал, что

ветер дул все в том же направлении.

И капитан Блэк мысленно посылал ругательства по адресу этого непрерывного зюйд-оста и по временам пощупывал два заряженные револьвера-бульдога в своих карманах.

Капитан Блэк, которого все так не любили и в то же время так боялись, ни с кем никогда не говорил и со штурманом обменивался лишь приветствиями да отрывистыми служебными разговорами. Все свободное от вахт время и когда ничто не представляло какой-нибудь опасности для «Диноры», требовавшей присутствия капитана наверху, он проводил в своей каюте за книгой или погруженный в какие-то думы, делавшие его суровое лицо еще более угрюмым, словно бы эти думы или воспоминания были очень тягостны и неприятны.

И каюта капитана Блэка была довольно странная каюта.

Убрана она была с изяществом и со вкусом, редкими в капитанских каютах на купеческих кораблях и свидетельствовавшими о привычке и любви Блэка к комфорту и роскоши.

Большой, покрытый клеенкой стол посредине каюты, щиты (стены) которой были из красного дерева с украшениями из черного. Около стола два массивные кресла.

Кругом борта диван, обитый черным сафьяном. Библиотечный шкаф черного дерева был полон книг, а по стенам висело несколько фотографий, среди которых в нескольких видах красовался портрет одной молодой женщины. Один из них был прострелен, — небольшая дыра виднелась у самого виска. Большие иллюминаторы, прорубленные в корме, позволяли любоваться чудным видом беспредельного океана, а два небольшие крошечные оконца, задернутые занавесками и выходявшие на палубу, позволяли капитану, не выходя из каюты, видеть всю палубу брига.

Входная дверь в каюту поражала своей толщиной и изнутри была окована железом. И в ней было небольшое отверстие, в которое можно было просунуть дуло ружья.

Люка на потолке не было.

За тяжелой портьерой, отделяющей часть каюты, маленькая привинченная к борту

койка, умывальник, шифоньерка, и в одном углу, расставленные в стойках, несколько карабинов и штуцеров. Над койкой висел ковер из мягкой яркой ткани, и на нем – в черной матовой раме портрет той же молодой женщины, фотографии которой висели по стенам каюты.

На портрете можно было видеть необыкновенно интересное и выразительное лицо молодой смуглой брюнетки лет тридцати, с большими задумчивыми и даже грустными глазами, в бальном ярко-пунцовом платье, с открытой шеей и руками. На одной из этих маленьких рук с тонкими и длинными пальцами было обручальное кольцо и маленький брильянт на слегка изогнутом мизинце; а на другой руке – черное небольшое колечко на безымянном пальце. В

углу портрета было начертано маленькими буквами: «Динора Браун».

Под рамкой висел небольшой кинжал и пучок засохших роз. У самой койки, в клеенке, покрывавшей пол всей капитанской каюты, было вырезано отверстие для люка, и это отверстие было прикрыто железной крышкой.

кой, на которой висел замок. Люк этот вел в небольшое пространство под капитанской каютой.

Рядом с этим роскошным помещением капитана, за входными дверями, была каюта-буфет, в которой жил капитанский слуга, пятнадцатилетний негр Джек.

Этот негр да еще бульдог Тигр, кажется, были единственными существами на бриге, привязанными к мрачному капитану.

2

Собираясь на вахту с полуночи до шести, Чайкин заметил, что великан негр Сам и Чезаре уже поднялись и о чем-то шепчутся. Но как только они увидели, что Чайкин проснулся, шепот их тотчас же прекратился, и они вышли из каюты.

Разбудив Долговязого, Чайкин с последним ударом колокола, пробившего восемь склянок, был уже наверху и стал у руля.

Ночь была превосходная, теплая. Светила луна, часто показываясь из-за облаков, и ярко мигали звезды. Ветер, по-прежнему противный, стихал, и «Динора» лениво шлепала в

воде узла по два, по три в час.

На вахту вступил штурман Гаук, заменив капитана, ушедшего к себе в каюту.

Пользуясь этим, вахтенные матросы скоро сладко задремали, сидя в «бухтах» снастей или примостившись к борту. Только Гаук и Чайкин бодрствовали.

– Вы на румбе, Чайк? – спросил штурман.

– На румбе, сэр! – отвечал Чайкин.

– Что-то ветер стихает.

– Стихает, сэр. И руля плохо слушать стала «Динора», сэр.

– Как бы совсем не заштило.

– А быть может, к перемене ветра, сэр...

– Давно бы пора, Чайк...

Бриг теперь еле подвигался... Ветер совсем стихал, и паруса тихо пошлепывали.

Луна скрылась за облака, и темнота окутала палубу.

В эту минуту Чайкину показалось, что кто-то прошел мимо, направляясь к дверям капитанской каюты.

«Верно, сам капитан или Джек», – подумал Чайкин, зная, что никто из матросов не смел переступить порога капитанской каюты и ни-

когда капитан никого из матросов не звал: чтобы дать знать о чем-нибудь капитану с вахты, был проведен с ютовой площадки звонок и, кроме того, была переговорная трубка.

Гаук, посматривавший на горизонт, тоже ничего не заметил.

А между тем действительно двери капитанской каюты, почему-то незапертые, как бывало обыкновенно, бесшумно отворились, и на пороге появилась громадная фигура великана Сама и остановилась, боязливо поглядывая на загоревшиеся глаза Тигра, который глухо заворчал, готовый броситься на вошедшего, если бы капитан Блэк, сидевший на диване, не держал бульдога за ошейник.

– Смирно, Тигр. Сиди смирно. Не смей ворчать! – тихо проговорил капитан.

И Тигр тотчас же лизнул руку хозяина и покорно улегся у его ног.

Капитан вынул револьвер и, обращаясь к негру, сказал чуть слышно:

– Подойди поближе... несколько шагов... теперь остановись.

Негр в точности исполнил приказание.

– Ну, говори, что ты, подлая тварь, имеешь

мне сказать... Что против меня затевает Цезаре?. Ведь ты для этого просил позволения видеть поближе твою злодейскую харю!

– Да, сэр! – отвечал Сам, изгибаясь и вращая белками.

– Говори... только покороче! – презрительно вымолвил капитан...

– Несколько слов, сэр... Всего только десять слов, если позволите, капитан...

Этот великан, с громадной отвратительной черной курчавой головой, видимо чувствовал страх перед капитаном, так как его голос вздрагивал и слова с трудом слетали с его выпяченных, толстых кроваво-красных губ. Но вместе со страхом животного, боящегося более сильного человека, у Сама в то же время жила и сильная ненависть, глубоко запрятанная в тайниках его души, к этому белому человеку за то нескрываемое презрение, какое этот белый всегда выказывал негру, точно считая его ниже собаки.

Кроме того, у Сама были и старые счеты с капитаном, еще не сведенные, за жестокое наказание плетьюми, которому в прошлом году подверг его капитан.

О, он до сих пор не забыл этих плетей и с большим удовольствием задушил бы своими молотами-руками это тонкое горло янки, если бы не боялся быть убитым при первой же попытке.

И, стараясь побороть свой страх, негр продолжал чуть слышно:

– Чезаре собирается подговорить всех взбунтоваться, сэр...

– А дальше?

– И выкинуть вас за борт, сэр... к акулам, сэр... Акул здесь много, сэр...

– А потом что?

– А «Динору» сжечь в море, вблизи берега, сэр... А

самим на шлюпках добраться до берега, сэр, и погулять на денежки, которые найдут у вас, сэр...

– И все согласны?

– Еще митинга не было, сэр... Но скоро будет... Только

Чайка и Долговязого не пригласят... Они не согласятся...

– Почему?

– Они, сэр, другого полета птицы.

– Не такие мерзавцы, как все вы? – усмехнулся капитан

Блэк.

– Не такие, сэр... И Чезаре их тоже хочет отправить к акулам, сэр... И всех, кто не согласится...

– Однако я думал, что Чезаре умнее! – промолвил капитан.

И с этими словами он достал со стола золотой и, бросив его негру, сказал:

– Возьми, подлец... И, если что будет нового, опять приходи...

В эту минуту сверху донесся какой-то гул и в то же мгновение громовой голос Гаука.

– Убирайся, и чтоб тебя никто не видел! – сказал капитан.

Негр выскочил из каюты и замер от страха: луна светила вовсю, и Чезаре его увидел...

ГЛАВА VI

Жестокий шквал, налетевший с наветренной стороны, положил «Динору» на бок и понес ее с удивительною быстротой. Марса-фалы и брам-фалы были отданы вовремя, грот и фок были взяты на гитовы, и «Динора», встре-

тившая шквал с уменьшенной площадью парусности, была вне всякой опасности.

Блэк был уж наверху, штурман сменил Чайкина на руле, а Чайкин пошел помогать на бак.

Минут через десять шквал пронесся, но вслед за ним задул довольно свежий попутный ветер, позволивший

«Диноре» спуститься по ветру и лечь на надлежащий курс.

Все обрадовались, что задул попутный ветер, но радость была недолгая.

Ветер быстро крепчал, разводя громадное волнение.

Пришлось снова вызвать всю команду наверх, чтобы взять риф у марселей и спустить брам-стенги. И то они гнулись в дугу и того и гляди сломаются.

Предосторожность эта была нелишняя. К концу вахты

Чайкина в океане уже ревел шторм, один из тех штормов, которые пугают опытных и бывалых моряков.

Благоразумие предписывало выдерживать шторм под штормовыми парусами, держась в

бейдевинд, но тогда бриг двигался бы вперед не особенно быстро, а капитан

Блэк, напротив, хотел воспользоваться штормом и, так сказать, удрать от него.

И потому, вместо того чтобы лечь в бейдевинд, он спустился совершенно по направлению ветра, то есть на фордевинд, и «Динора» под зарифленными марселями, фоком и гротом неслась как сумасшедшая с попутным штормом, по временам зарываясь носом и черпая бортами.

А громадные волны так и гнались сзади, грозя обрушиться на корму и задавить своею тяжестью маленький двухмачтовый бриг.

Но «Динора» убегала от попутной волны и, поскрипывая от быстрого хода всеми своими членами и раскачиваясь направо и налево, летела так, что замирал дух.

На руле стоял Чайкин, подручным у него был Долговязый.

Положение рулевого было ответственное. Надо было не зевать и глядеть во все глаза, чтобы не дать «рыскать» носу; в противном случае волны могли залить нос судна.

Шторм разыгрывался все сильнее и боль-

ше, а капитан

Блэк, стоявший наверху, и не думал «приводить» к ветру.

Словно бы играя и наслаждаясь опасностью, он стоял на ютовой площадке, и его дерзкое, самоуверенное лицо, обыкновенно суровое и бесстрастное, теперь было возбуждено, а глаза искрились, точно в них был и вызов и удовольствие сильных ощущений.

Чайкин правил отлично, и капитан Блэк, обыкновенно скупой на похвалы, крикнул Чайкину.

– Хорошо!. Очень хорошо правите, Чайк... Оставайтесь и на следующую вахту до восьми... а потом отоспитесь.

– Слушаю, капитан!

– Отчего вы, Чайк, бежали с вашего судна?

– Я не бежал... Я опоздал и остался на берегу...

– Боялись порки?

– Да, сэр.

– А Абрамсон вас подловил?

– Да, сэр...

– Вы, кажется, порядочный человек, Чайк, и я жалею, что вы попали на «Динору». Не зе-

вайте, Чайк!

Действительно, Чайкин чуть было не прозевал, и небольшая волна окатила Чезаре, Сама и еще одного матроса на баке. Те сердито отряхнулись от воды.

Им было не до сильных ощущений, особенно Чезаре.

Он понимал опасность положения и сильно трусил. Трусил он, кроме того, и предательства Сама, в чем он почти не сомневался, увидав негра выходящим из капитанской каюты. Но, готовя жестокую месть Саму, он и виду не показывал, что видел выход негра от капитана, и таким образом несколько усилил беспокойство предателя.

– Этак и к акулам легко попасть, Сам? Как ты думаешь, обезьяна? – проговорил Чезаре.

– Все попадем, Чезаре... все попадем! Этот капитан совсем сумасшедший, – жалобно отвечал великан, с трепетом глядя на бушующий океан.

– И ничего нет легче... Только зазевайся на руле...

Гибель!

– Гибель!.. – повторил и третий матрос.

– Зачем же он ведет нас на гибель?.. – говорил Чезаре. –

И какие же мы будем дураки, если позволим ему вести нас на гибель... И какие же мы будем подлые трусы, если не скажем ему об этом... Пойдемте, ребята, подговорим других и явимся к нему. А если этот дьявол не согласится...

Чезаре оборвал речь и вспомнил, что этот «дьявол» –

отличный моряк и что в шторм нет расчета бунтовать против капитана. Для этого нужно выбирать тихую погоду.

Тем не менее страх перед гибелью заставил его обратиться к проходившему боцману и сказать:

– Плохи дела, боцман!

– Он ничего не боится! – ответил боцман, тоже перепуганный.

– А мы боимся.

– Неужели? – насмешливо спросил боцман, сорокалетний янки с худощавым энергичным лицом, вид которого свидетельствовал о злоупотреблении алкоголем и вообще о жизни, проведенной не особенно правильно.

– То-то... На жаркое к акулам мы не хотим попасть.

– А вам бы давно пора, Чезаре.

– Этот вопрос рассмотрим, боцман, в другое время, а теперь мы покорнейше бы просили вас доложить капитану, чтобы он привел в бейдевинд.

– Докладывайте сами, а я не согласен.

– Бойтесь этого дьявола? – с насмешливой улыбкой протянул испанец.

– Боюсь, как бы после моего доклада он не прострелил вашего черепа, Чезаре. И рано или поздно, а это случится! –

сказал со смехом боцман и отправился на бак.

Чезаре, однако, не принял к сведению этого предостережения. Разыгравшаяся буря и этот дерзкий бег «Диноры»

внушали ему серьезные опасения попасть к акулам на жаркое. И, охваченный страхом, он прошел на бак и стал подговаривать других матросов объявить «дьяволу», что погибать они не желают.

Все слушали испанца, казалось, одобрительно. Никому не нравилось это жуткое зре-

лице бушевавшего океана, среди которого «Динора» неслась с попутным штормом, зарываясь носом и нагоняемая сзади громадными валами.

Но никто не решился, однако, протестовать открыто.

Тогда Чезаре юркнул вниз, чтобы возбудить неудовольствие остальных матросов.

Но только что он начал было объяснять об опасном положении «Диноры», как боцман сошел вниз и сказал, что капитан его требует.

Как ни трусил Чезаре попасть на жаркое какулам, но предстоящее объяснение с капитаном навело на него еще больший страх. И он подошел совсем бледный к мостику.

– Хотите плетей, испанская собака? – крикнул капитан.

Чезаре весь съежился.

– Так они вам будут, если еще раз уйдете с вахты! А

пока ступайте проветриться на марс! Посмотрите, не видно ли чего впереди! – насмешливо проговорил Блэк.

Идти на марс в такую дьявольскую бурю не представляло для трусливого испанца ни

малейшего удовольствия, и потому он униженным тоном произнес:

– Но, капитан, позволю вам доложить, что я болен...

– Лжете... Лезьте, трусливая тварь, а не то...

Капитан опустил руку в карман...

– Иду, иду, капитан...

И Чезаре благоразумно попятился назад и, цепко держась за вантины, трусивший и полный ненависти к капитану, полез на грот-марс.

Там, на высоте, размахи качающегося на волнах брига были еще сильнее, чем размахи внизу. Чезаре, крепко уцепившийся за перила, держался на площадке, замирая от ужаса. Вид сверху на бушующий океан, освещенный выплывшею из-за туч луной, был действительно потрясающий, и Чезаре с суеверным страхом шептал молитвы, и в то же время в голове его пробегали мысли о мщении.

О, он непременно убьет этого дьявола капитана... Но прежде накажет предателя Сама... Только бы не погибнуть всем...

И вслед за словами молитвы из уст Чезаре вылетали самые ужасные ругательства, за-

глушаемые воем ветра и гулом шторма.

А шторм все свирепел и свирепел, и капитан Блэк все напряженнее всматривался то вперед, то назад за корму.

Положение действительно было очень серьезное, и он это отлично понимал. Неосторожность рулевых – и бриг будет залит волнами... Но эта игра в опасность, казалось, тешила его, и он не менял своего решения удирать от шторма, пользуясь его же силою.

Все чаще и чаще попадали волны на нос брига, и раз или два верхушки громадных валов, осаждавших «Динору»

сзади, вкатились с кормы, смывая все на своем пути.

Никто не спал в эту ночь.

Инстинкт самосохранения выгнал подвахтенных наверх, на палубу. На открытом месте казалось не так жутко, как внизу, где ничего не видишь и где воображение преувеличивает опасность. А наверху как будто могла еще быть если не надежда, то иллюзия спасения. Иллюзия эта –

бушующий океан.

И все эти попавшие из разных уголков ми-

ра люди, большею частью неудачники с самым сомнительным прошлым и с большим запасом греховных дел на совести, молчаливые и серьезные, сбившись в кучку у грот-мачты, со скрытым отчаянием, охватившим их души, смотрели вокруг и чувствовали, что смерть страшно близка. Чувствовали и сильнее жаждали жизни, той жалкой жизни несчастных отверженцев, которая едва ли для кого-нибудь из них не была злой мачехой, невольной, роковой.

И у многих из этих людей всплывали те воспоминания, те эпизоды из ранних лет жизни, которые теплом согревают сердце даже самого ожесточенного судьбою человека, показывая его самого в том виде, когда житейская грязь не оставила еще на нем больших следов.

И этот Сам, напоминающий скорее животное, чем человека, и тот, в ужасе вращая белками, с чувством проговорил, обращаясь к соседу:

– У Сама в Потомаке дочь и сын есть. У Сама и жена есть... И Сам их никогда не увидит. «Динора» непременно потонет в океане! И Са-

ма съедят рыбы! И жена и дети не узнают никогда, где Сам... Они будут думать, что Сам бросил их и никогда не вернется!

Капитан Блэк не покидал палубы всю ночь и не спускал с марса Чезаре, зная, что Чезаре трус и может только навести еще большую панику на матросов, и без того напуганных жесточайшим штормом. Не отходил от руля и штурман Гаук. Он стоял на штурвале, имея подручными

Чайкина и рыжего Бутса, и трое с трудом удерживали штурвал.

Чайкин хоть и видал на «Проворном» штормы, но такого, какой ревел в эту ночь, он не испытывал никогда, и ему было жутко. Рыжий Бутс, напротив, был спокоен и сосредоточенно молчал, мечтая о золотых россыпях.

К утру шторм усилился настолько, что волны сзади нагоняли «Динору» и все чаще и чаще вливались верхушками через корму. «Динора» отставала от волны. Приходилось или привести в бейдевинд, или рискнуть на опасную меру: прибавить площадь парусности, чтобы бриг помчался скорее, удирая от волн.

И капитан Блэк решился на последнее и повелительно крикнул в рупор:

– Рифы у фока отдать!

Все ахнули. В первое мгновение никто не тронулся с места.

– Оглохли, что ли? – раздался гневный голос Блэка.

Несколько человек кинулось отдавать рифы.

Большой нижний парус, надувшийся теперь во всю свою площадь, прибавил ходу, и бриг понесся с большей быстротой, весь вздрагивая от быстрого хода и скрипя всеми своими членами. Но волны уже не догоняли судна.

Зато бриг зарывался носом, и бак обливался водою.

Фок-мачта, казалось, нагибалась чуть-чуть под тяжестью парусов. Опасность от оплошности рулевых увеличивалась еще более. Могла и треснуть фок-мачта.

Но капитан словно бы ничего не боялся, и что-то дерзкое до наглости было в его лице. И он улыбнулся, как бы торжествуя победу над свирепым штормом, которым воспользовал-

ся, и только по временам перегибался с высоты юта и кричал вниз, где у штурвала стояли рулевые:

– Не зевайте, Гаук... Дело серьезное.

– Вижу, капитан.

– Лупим отлично.

– Превосходно, капитан.

– Можем прямо и к дьяволам попасть...

Как вы полагаете, Гаук?

– Весьма легко, капитан!

– А я этого не хочу, Гаук. Еще не время! – самоуверенно крикнул Блэк.

И снова смолк, поглядывая вперед.

– Отчаянный человек этот капитан... Не правда ли, Чайк? – проговорил рыжий Бутс.

– Да... Много в нем храбрости...

– Терять ему нечего... В Сан-Франциско у него все потеряно: и деньги, и репутация, и женщина, которую он любит...

К полудню шторм стал «отходить», и все повеселели.

– Спустите, Гаук, эту испанскую каналью с марса. Теперь уж он не будет своею трусостью смущать других.

– Есть, капитан.

– Становитесь на мое место, а я посплю час-другой... И

Чайку хочется, верно, спать? Пусть его сме-
нят!

С этими словами он спустился вниз, сопроводимый своим бульдогом, и, войдя в каюту, запер ее и проговорил, обращаясь к собаке:

– Сторожи меня, пока я буду спать!

Собака весело мотнула хвостом и легла у двери.

Блэк выпил рюмку рома и, бросившись на диван, моментально заснул.

А набравшийся на марсе страху, голодный и невыспавшийся Чезаре в это время посылал втихомолку проклятия капитану. Спустившись вниз и забравшись в койку, он долго не мог заснуть, придумывая, как бы пожесточе расправиться с предателем Самом и как бы потом взбунтовать команду и выбросить за борт этого дьявола-капитана, прежде чем тот прострелит его, Чезаре, голову.

ГЛАВА VII

Прошло после шторма восемь дней.

Погода все это время стояла прелестная. Ветер дул ровный, но не свежий, и «Динора» подвигалась вперед узлов по пяти в час, грациозно поднимаясь с волны на волну и слегка раскачиваясь.

С полуночи до шести часов утра на вахту вышли штурман Гаук, Чезаре, Сам, рыжий Бутс, Чайкин и старый ирландец Маквайр.

Чайкин и Бутс стояли на руле, а так как править было легко, то они коротали свою вахту в разговорах.

Говорил, впрочем, больше Долговязый, а Чайкин слушал, изредка вставляя замечания или обращаясь за пояснениями, когда не понимал слов.

Другие вахтенные дремали, пользуясь спокойной вахтой и уверенностью, что Гаук и рулевые не проглядят опасности, если такая встретится в виде ли шквала, или встречного судна, с которым надо разойтись.

Великан негр, сбитый с толку вполне приятельским отношением к себе Чезаре за эти три дня, несколько успокоился и думал, что ночное посещение его капитанской каюты не

было замечено испанцем и, следовательно, ему не предстоит суда Линча, жестокость которого он узнал по опыту, когда служил на другом купеческом корабле.

Тогда за воровство, свершенное им у товарища, его до полусмерти отодрали плетьюми в глубине трюма, чтобы ни капитан, ни штурман не слышали отчаянных его криков. А

узнай матросы о том, что он шпион, ему, разумеется, грозила бы смерть. Это Сам хорошо знал, так как давно уже служил на купеческих кораблях и знал суровые обычаи моряков.

И он, исполняя теперь обязанности часового, который должен смотреть вперед, беспечно заснул, сидя на носу брига, у самого бугшприта.

Чезаре не спал и, словно тигр, сторожил намеченную им жертву. Во избежание огласки он решил без суда Линча расправиться самому с негром.

Что же касается до плана Чезаре убить капитана и завладеть судном, то исполнение его Чезаре решил отложить, ввиду того что капитан теперь предупрежден и, следова-

тельно, удвоит бдительность.

И Чезаре рассчитывал, что лучше завладеть «Динорой»

на обратном пути из Австралии. Тогда добычи будет больше, так как капитан получит деньги за груз.

Все матросы, за исключением боцмана, Чайкина и

Бутса, были посвящены в дело, задуманное Чезаре, и вполне ему сочувствовали, предоставив только Чезаре главное: убить капитана.

И Чезаре почти не сомневался, что это дело увенчается успехом, если только удастся как-нибудь подстерожить капитана и напасть на него врасплох, всадив ему в живот нож.

А штурман Гаук под угрозой быть выброшенным за борт, конечно, примет на себя управление «Динорой» и доведет бриг к берегу, чтобы, потопивши судно, можно было безопасно добраться на шлюпках.

Мысли об исполнении этого плана не покидали Чезаре с самого выхода «Диноры» из Сан-Франциско, а в последние дни владели

им еще сильнее, и он злился, что благодаря Саму надо отложить свое намерение.

Но в эту ночь Чезаре занят был главным образом Самом.

А ночь была чудная теплая и нежная. Мириады звезд ласково мигали сверху.

В такую ночь всякого человека охватывает доброе, хорошее настроение, и преступные мысли, казалось, не могут закрадываться в голову.

Но Чезаре давно уже очерствел сердцем и, ожесточенный за свои личные неудачи, давно уже озверел и, подобно зверю, жил инстинктами.

И он чуть слышно подкрался к Саму.

Тот сладко всхрапывал во сне.

Тогда Чезаре сильным ударом руки хотел столкнуть

Сама за борт.

Но Сам внезапно проснулся и каким-то чудом удержался.

Повернув голову, он увидел Чезаре, понял в чем дело и, в свою очередь, уцепился своими могучими руками за горло испанца. Несколько секунд между ними шла глухая

борьба, и вслед за тем Чезаре полетел за борт...

Через минуту за кормой раздался отчаянный крик о помощи.

Чайкин вздрогнул от ужаса. Рыжий Бутс сказал:

– А ведь это Чезаре за бортом!

Гаук уже командовал убирать фок и обстегнуть фор-марсель, чтобы лечь в дрейф.

Крики раздавались сильнее и жалобнее.
Они потрясли до глубины души

Чайкина, и он, весь охваченный внезапно
каким-то необыкновенно сильным чувством,
не рассуждая, что и зачем он делает, подбежал
к борту и бросился в океан спасти человека.

Все только ахнули. Всегда хладнокровный
Бутс изумленно пожимал плечами.

А Гаук проговорил:

– Чайк спятил с ума!

И с этими словами сам побежал помогать матросам убирать паруса и спускать на воду большой ял.

Капитан Блэк уже был наверху со своей собакой.

Когда он узнал в чем дело, то направил бинокль за корму и не отрывал глаз. Луна светила всюю, и

Блэк разглядел быстро плывущего Чайкина и в некотором отдалении черную голову Чезаре.

Когда ял был спущен и под управлением боцмана отправился в направлении, указанном капитаном, Блэк проговорил, обращаясь к Гауку:

– Если бы не этот дурак Чайк, не стоило бы останавливаться и спускать шлюпки из-за этого мерзавца Чезаре.

– И я того же мнения, капитан. Но из-за Чайка можно и остановиться, сэр. Хороший матрос Чайк...

– Только дурак... Нашел, кого спасти. И как тот упал за борт... Кажется, трусливая каналья.

– Верно, заснул, капитан, и как-нибудь со

сна...

– Странно... Позовите Сама!

Когда явился Сам, капитан по его испуганной физиономии догадался, что тут не без его участия дело, и спросил:

– Ты не видал, как упал Чезаре?

– Не видал, капитан.

И капитан более не спрашивал, рассчитывая узнать причину падения Чезаре потом, когда Сам явится тайно в его каюту.

А Чайкин, бывший хорошим пловцом, не спеша плыл «саженками», рассекая небольшие волны, на крик, не перестававший раздаваться среди тишины беспредельного океана. Наконец он был в нескольких саженях от Чезаре и как раз вовремя. Испанец, плохо плававший и, кроме того, от испуга совсем растерявшийся, видимо, уже терял силы и отчаянно барахтался в воде, не переставая кричать.

– Hallo! Hallo! – крикнул Чайкин, желая подбодрить

Чезаре. – Сейчас помогу вам!

Этот крик, раздавшийся совсем близко, пробудил в

Чезаре надежду на спасение, и он старался разглядеть, кто это мог броситься в океан, чтобы спасти его. Он вполне был уверен, что ради него не спустят даже шлюпки, что капитан рад будет отделаться от него и оставит его на съедение акулам, и вдруг нашелся человек, который рискнул жизнью, чтобы спасти такого человека, как он.

«Ужели это правда... Но где же, где же этот спаситель?»

– Ну, вот и я, Чезаре! – воскликнул, подплывая, Чайкин.

– Вы? – выговорил Чезаре, изумленный, что человек, которого он не терпел и которого чуть было не задушил, не заступись Бутс, его же спасает.

Ничего подобного ведь он не видел в жизни, и сам он не рискнул бы ничем для другого... А этот тщедушный матрос...

– Я самый. Не бойтесь, Чезаре... Ложитесь на спину, а я вас буду поддерживать, пока не подойдет шлюпка.

– И шлюпка... Значит, я буду жив?..

И на лице Чезаре вместе с выражением радости мелькнуло что-то мягкое, заменившее

жестокость его лица.

Он послушно лег на спину, а Чайкин, держась около, его поддерживал, взглядывая на бриг с обстененными парусами, покачивавшийся недалеко.

– Вот и шлюпка отвалила! – проговорил Чайкин.

– Отвалила?. Идет сюда?.

– Сюда.

– Кричите, Чайк... Кричите, прошу вас... Будем кричать вместе, а то...

И Чезаре стал дико кричать.

– Чего вы боитесь?. Со шлюпки заметили нас...

– А акулы... Вы их разве не боитесь, Чайк?.

При мысли об акулах и Чайкин пришел в неопиcуемый ужас.

И он начал кричать, думая криком поторопить шлюпку, и, охваченный страхом, ждал, что вот-вот его за ногу схватит акула и увлечет в глубину.

«Господи, спаси!» – мысленно молился он.

Шлюпка приближалась. Это увидел Чезаре и смолк.

Смолк и Чайкин.

– А Сам в шлюпке? – спросил вдруг Чезаре.

– Сама нет...

– Большой мерзавец этот Сам! Знайте это, Чайк. После я расскажу... А вы... вы, Чайк, спасли мне жизнь, а я хоть и большой негодяй, никогда этого не забуду... Верьте этому!

– прибавил Чезаре, и голос его чуть-чуть дрогнул.

В эту минуту подошел ял, и обоих матросов подняли на шлюпку.

Гребцы с удивлением смотрели на Чайкина.

А боцман сказал, подавая ему фляжку с ромом:

– Выпейте, Чайк... Оно полезно после ванны...

И тихо прибавил, крепко пожимая Чайкину руку:

– Вы вполне джентльмен, Чайк!

Чайкин отпил из фляжки и передал ее Чезаре. Тот жадно прильнул к ней.

– Счастливый вы, Чезаре! – насмешливо обратился к нему боцман, отнимая у него флягу...

– Какое счастье, когда вы не дали сделать

нескольких глотков.

– Будет с вас, я не про то хотел сказать.

– А про что?

– Не будь на «Диноре» вот этого молодца, – указал боцман на Чайкина, – не пить бы вам никогда рому...

Впрочем, кому быть повешенным, тот не утонет... Вы –

живое доказательство! – смеясь прибавил боцман.

Засмеялись и другие.

Когда ял вернулся к бригу и был поднят, Чезаре сконфуженно вышел на палубу и был встречен следующими словами капитана:

– Если вы опять доставите мне удовольствие упасть за борт, то знайте, что шлюпки за вами не пошлю...

И, обратившись к Чайкину, прибавил:

– А вам, Чайк, не советую впредь спасать таких джентльменов, как Чезаре. Он еще покажет вам свою благодарность, эта испанская собака! Ну, тогда уж я с ним сам рассчитаюсь. Пусть он это знает! А теперь переоденьтесь, и к своему делу!

Через несколько минут «Динора» снова

плыла прежним курсом, и капитан спустился к себе.

Разошлись и подвахтенные. Внизу они еще несколько минут толковали о происшествии. Удивлялись, как это

Чезаре мог свалиться за борт, и еще более удивлялись поступку Чайкина.

Ни одна душа не знала о столкновении Чезаре и Сама, и

Чезаре всем объяснял, что свалился за борт, бывши сонным. Сам тоже ничего не рассказывал.

Вахтенные снова задремали. Заснул и Чезаре, примостившись у марса-фальной кадки.

Но сидевший на носу Сам не смыкал глаз. Он, видимо, находился в большом беспокойстве и при малейшем шорохе пугливо озирался.

Чайкин опять занял свое место у штурвала рядом со своим подручным Бутсом.

Несколько времени рыжий Долговязый молчал и наконец сказал:

– Знаете ли что, Чайк?

– Что?

– Вы большой чудак, я вам скажу, и я вас

очень уважаю, но только я согласен с капитаном.

– Насчет чего?

– А насчет того, что рисковать жизнью за такого негодяя, как Чезаре, очень глупо.

– Да ведь и он человек... Как вы полагаете, Бутс? –

спросил Чайкин.

– То-то, что очень мало похож на человека. Помните, Чайк, как подло он дрался с вами?

– Помню. Душил было... И если бы не вы...

– Он бы вас задушил... Это весьма вероятно. Так какой же это человек, Чайк?

– Такой или другой, а все-таки... жалко человека! – с каким-то упорством добродушия настаивал Чайк.

– Так вы спасли бы и вашего старшего офицера, который вас драл на вашем клипере и заставил остаться в

Америке?

Чайкин на секунду задумался и потом уверенно ответил:

– Я думаю, спас бы.

– Чтобы он вас, Чайк, снова порол? – насмешливо спросил янки.

Этот вопрос несколько смутил Чайкина.

– Это, верно, у русских такая нелепая доброта, Чайк! А

все-таки я вас за это люблю, Чайк, хотя бы не выбрал вас в президенты... И знаете ли что?

– Что, Бутс?

– Непременно бросайте «Динору» и пойдём вместе искать золото... Тут на «Диноре» просто-таки страшно и быть... И Чезаре, и Сам, и другие... И этот Блэк... Поверьте, что тут что-нибудь да случится... Матросы взбунтуются, и кончится дело тем, что выбросят Блэка за борт или Блэк застрелит одного-двух... Мне уж давно кажется, что Чезаре что-то замышляет... Так лучше бросить «Динору»... Так, что ли, Чайк?

Но Чайкин колебался.

Ему не нравилось на «Диноре», но и заниматься совсем незнакомым ему делом было страшновато. И он рассчитывал, вернувшись в Сан-Франциско, поискать «сухопутного» места, где-нибудь около земли, по крестьянскому делу, которое больше всего манило его.

– Страшно, Бутс! – ответил он.

И Долговязый стал снова убеждать Чайкина, обещая ему, что через несколько месяцев они вернутся во Фриски не матросами, а пассажирами I класса на отличном пароходе и богатыми людьми. Тогда Чайк может купить ферму и делать на ней что ему будет только угодно...

Начинало рассветать.

Солнце медленно и торжественно выплывало из своих пурпурных риз, заливая небосклон переливами самых нежных красок. Все вокруг вдруг осветилось радостным светом наступившего чудного утра.

Океан словно бы потерял свою ночную таинственность и тихо и ласково рокотал, покачивая на своей мощной груди маленькую «Динору».

Чайкин и Бутс любовались восходом, и оба почти одновременно проговорили:

– Как хорошо!

А Гаук в эту минуту всматривался в горизонт, не отрывая бинокля от глаз, и вдруг проговорил, обращаясь к рулевым:

– Поздравляю вас, Чайк и Бутс!

– С чем? – спросили оба.

- С берегом.
- А разве виден?
- То-то сейчас открылся, и, если ветер не переменится, завтра будем на якоре в Сиднее. Только вы, Чайк, берега не увидите.
- Почему?
- Едва ли капитан кого-нибудь отпустит. Нам предстоит много работы.

2

На следующий день перед заходом солнца «Динора»

пришла в Сидней и стала на якорь в порядочном расстоянии от берега.

К вечеру пароход подвел на буксире баржи, и тотчас же началась спешная выгрузка.

Капитан действительно объявил, что никого не отпустит на берег. Только Бутс, как нанявшийся исключительно на один переход, имел право оставить бриг по окончании выгрузки.

Бутс не переставал сманивать Чайкина остаться в

Сиднее, чтобы потом отправиться в глубь страны искать золота, и Чайкин наконец ре-

шился просить рассчитать его и отпустить с брига. Причиталось ему около пятидесяти долларов, и с этими деньгами он рассчитывал обернуться первое время.

Но штурман, к которому Чайкин обратился с этою просьбой, решительно объявил ему, что капитан Блэк не отпустит Чайка.

– Но я не подписывал бумаги! – старался объяснить

Чайкин.

– Все равно. Не отпустит и не даст расчета. У него, видите ли, уже готов давно новый груз. Он торопится взять его и уходить. Будем грузиться день и ночь. И то мы запоздали. А надо еще вытянуть такелаж. Он ослаб после шторма. Работы по горло, и некогда искать нового матроса.

– А куда мы отсюда пойдём?

– Я и сам не знаю!.. А вы напрасно хотите оставаться в

Австралии. Верно, Бутс золотом сманивает. Так ведь он сумасшедший, и вы ему не верьте, что скоро сделаетесь богачом. Уж если хотите быть миллионером, то подождите, пока «Динора» вернется домой, во Фриски. Там и

оставите бриг, если здесь вам не очень нравится... Только уж шельму Абрамсона комиссионером не берите. Поняли, Чайк? Все поняли? – засмеялся штурман.

– Все не все, а понял, сэр!

– У нас в Северной Америке можно разбогатеть, если у вас хорошая башка. Только вам, Чайк, не разбогатеть. Вы даже из-за Чезаре готовы бросаться в воду! Это, впрочем, не мое дело... А если вы настаиваете уйти с «Диноры» с

Бутсом, то я скажу капитану. Хотите?

– Скажите.

– Ладно. Как только он выйдет, скажу и посмотрю, что из этого выйдет.

Капитан Блэк только раз съезжал на берег и пробыл на берегу целый день. Все остальное время он оставался на бриге и нередко выходил на палубу и поторапливал выгрузкой.

Чезаре всех уверял, что капитан получил деньги и за груз и за фрахт и что у него в каюте такая изрядная сумма денег, что хватило бы на всех матросов.

Чайкин в числе других матросов подавал

из трюма мешки, когда боцман сказал ему, что его требует капитан.

– Где он?

– На юте. Идите скорей, Чайк.

Чезаре подозрительно взглянул на Чайкина.

– Зачем он вас зовет? – спросил неожиданно Чезаре.

– Хочу уходить с «Диноры».

– Так он вас и пустил! – засмеялись многие.

Когда Чайкин, поднявшись на ют, приблизился к капитану, тот спросил довольно мягко:

– Хотите уходить, Чайк?

– Да, сэр! – ответил Чайкин.

– Вы не вправе, Чайк. Должны были предупредить при найме.

– Я не знал этого.

– Верю вам, Чайк, и рассчитал бы вас, но тогда я должен отпустить и других, если они захотят. Вы понимаете?

– Понимаю, капитан.

Блэк помолчал и, оглядывая с ног до головы Чайкина любопытным взглядом, продолжал:

– И знаете ли, Чайк, послушайте моего совета: не ищите вы золота в Австралии. Мне Гаук говорил... И вообще не идите в золотоискатели. Это – игра, а для игры нужны деньги, которых у вас нет. Потерпите-ка на «Диноре»... А

когда вернемся во Фриски, я охотно помогу вам приискать порядочное место. Вы стойте этого, Чайк! Стойте, Чайк! –

повторил Блэк.

И его, обыкновенно суровый, голос звучал мягко и ласково.

Чайкин поблагодарил капитана.

– Поблагодарите, когда дело будет сделано, а пока скажите Гауку, что с первого числа вы получаете, как рулевой, двадцать пять долларов в месяц. Понимаете, что я вам сказал, Чайк?

– Понимаю и...

– Не благодарите, Чайк, а скажите от меня Бутсу, что он спятил с ума. Откуда это он слышал, что в Австралии есть золото?

– Не знаю.

– Он, этот Бутс, решительно безумный человек, если воображает найти золото... Жаль,

что он уходит... Он тоже порядочный парень... Можете идти, Чайк... Да смотрите, остерегайтесь Чезаре! – тихо прибавил он.

Чайкин ушел от капитана, очень довольный прибавкой жалованья. О таком заработке он никогда и не мечтал.

– Ну что, Чайк? Как ваше дело? – спросил его штурман.

– Остаюсь. Но капитан прибавил мне жалованье и велел вам сказать.

– Сколько он вам назначил?

– Двадцать пять долларов.

– Очень рад за вас, Чайк, и рад, что вы остаетесь на

«Диноре».

Когда Чайкин спустился в трюм, чтобы снова приняться за работу, со всех сторон посыпались вопросы:

– Ну что, очень вас ругал капитан?

– Обещал плетей, собака?

– Грозил размозжить голову?

И когда Чайкин стал объяснять, медленно выговаривая слова и путаясь в них, что капитан не ругался, а, напротив, прибавил жалованья, то решительно все были изумлены.

И даже боцман воскликнул:

– Вот так штука! Чем вы укротили этого человека?

– Положим, вы стоите прибавки, Чайк, – вкрадчиво проговорил Чезаре, – а все-таки... удивительно. Впрочем, у капитана теперь много, много денег.

– Откуда? – спросил кто-то.

– А за груз получил!

– Вы видели, как он получил? – спросил насмешливо боцман.

– Этого не видал, но кое-что другое видел, когда капитан с берега вернулся... У него, должно быть, столько денег, что всем нам было бы довольно! – значительно продолжал Чезаре, когда боцман ушел.

Сообщение Чезаре, видимо, произвело впечатление.

Выгрузка была окончена в двое суток, и Бутс уехал с брига.

Прощаясь с Чайкиным, Бутс крепко пожал ему руку и сказал:

– Жалею, что вы не хотите быть миллионером, Чайк.

Надеюсь, встретимся еще... Вот адрес моей

матери в

Фриски. Через нее вы узнаете, где я.

Чайк, в свою очередь, благодарил Бутса за все, что он сделал для него, и когда Бутс уехал с «Диноры», чувствовал, что остается теперь одиноким.

Нагрузка шла спешно. Цезаре уверял, что ящики, которые грузили на «Динору», были полны ружьями и предназначались для южан, которые в это время вели войну с северянами...

ГЛАВА VIII

1

По окончании спешной нагрузки «Динора» снялась с якоря и взяла курс на мыс Горн.

Куда именно направлялся бриг, никто не знал. Не знал этого и штурман Гаук и, по-видимому, не особенно интересовался знать, в какой порт идет «Динора».

И когда боцман как-то спросил его, куда бриг идет, штурман пожал плечами и, смеясь, ответил:

– А может быть, к самому черту. Не все ли

равно?

Не интересовал его, казалось, и груз. По корабельным книгам было записано, что груз «Диноры» – железные изделия, а что там было, его не касалось, так как расписки в приеме груза выдал не он, а капитан. Гаук подозревал только, что железные изделия едва ли могли иметь сбыт в

Америке, да и слышал, что из Австралии железных изделий не возят, но благоразумно помалчивал и, разумеется, не задавал по этому поводу никаких вопросов капитану.

Его только озабочивало, и сильно озабочивало, то обстоятельство, что бриг на этот раз был сильно перегружен, так что борты его слишком мало возвышались над водой.

Таким образом, при шторме бригу угрожала большая опасность быть залитым водой.

И Гаук однажды даже решился обратиться на это внимание капитана.

Но Блэк, конечно сам отлично понимавший, какой опасности подвергается судно, слишком нагруженное, лаконично процедил сквозь зубы:

– Не беда!

И действительно, беды, казалось, не предстояло.

Погода стояла превосходная и вполне благоприятная для счастливого плавания. Ветер был попутный, не крепкий, а ровный, «брамсельный», как говорят моряки, и

«Динора», имея на себе все паруса, какие только можно было поставить, подвигалась к мысу Горну, делая в сутки от ста до ста двадцати миль.

Но, несмотря на это, Блэк, видимо, был чем-то озабочен и в течение дня почти не сходил с палубы и сам внимательно посматривал в подозрную трубу, особенно когда на горизонте белели паруса встречных судов или чернел дымок. Однажды, завидя на горизонте судно, по мачтам и оснастке несомненно военное, Блэк немедленно скомандовал поворот «овер-штаг» и направил «Динору» по такому курсу, чтобы избежать встречи с военным судном под флагом Северо-Американских Штатов.

И только, когда военное судно скрылось из виду, «Динора» снова повернула на прежний курс.

– Заметили, господа, в чем штука? – говорил потом внизу Чезаре матросам. – Боится встречи с военным кораблем, потому что мы везем военную контрабанду. Захвати нас северяне янки, – пропал и груз и «Динора». Он этого и боится! А между тем сам дьявол получит большие деньги, а нам платит черт знает как... Надо бы с этим покончить... Как вы думаете, господа? Могли бы и мы сами сообща продать груз южанам и поделить денежки...

– Конечно, могли бы! – отвечали многие матросы.

– А Гаук довел бы «Динору» в какой-нибудь порт южан не хуже этого дьявола!..

– Отчего не довести!

– А Блэк и умереть мог бы, не правда ли? Стоит только показывать всем одно и то же. А кто не согласен, тот мог бы раньше уйти с «Диноры»... Да и не станут в военное время особенно расспрашивать, куда девался капитан и чей груз. Верно ли я говорю, господа?

Этот разговор между пятью матросами происходил внизу. Сама не было. Все, по-видимому, находили предложение Чезаре очень заманчивым. Но старый ирландец сказал:

– Догадается ли отправиться на тот свет капитан, вот в чем штука?

– Это уж мое дело! – отвечал Чезаре.

– А если твое, то мы очень были бы рады...

Такой случай не скоро приходит...

– Только Горн обогнуть, и тогда я займусь этим делом!

– сказал Чезаре. – А пока ни гугу! – прибавил он.

Обыкновенных бурь, встречающих суда у мыса Горна, на этот раз не было, и ветер хоть и был свежий и волны поднимались большие, но «Динора» благополучно обогнула мыс и вошла в Атлантический океан.

– Везет капитану! – заметил по этому случаю Гаук, обратившись к Чайку.

Казалось, и сам Блэк сознавал, что ему «повезло» миновать Горн с перегруженной «Динорой» так счастливо, и он, видимо, повеселел. Вдобавок погода в Атлантическом океане стояла чудесная, а когда бриг вошел в тропики и получил пассат, то капитан Блэк с каким-то дерзким самоуверенным видом сказал однажды штурману:

– Видите, Гаук... Я выиграл ставку без боль-

ших козырей!

– Выиграли, капитан, пока... И можно сказать, без одного козыря! – отвечал Гаук.

А про себя подумал: «Плавание еще не окончено!»

– Теперь уж Горна впереди нет... Значит, не «пока».

Вы, Гаук, разве никогда не рисковали?

– Случалось.

– Ну и я рискнул.

Но если капитан Блэк был вполне доволен благоприятными условиями плавания, то это, однако, еще не успокаивало его. И чем больше к северу поднималась «Динора», тем нервнее и беспокойнее становился он, хотя и тщательно это скрывал. К северу чаще попадались навстречу суда, что не особенно приятно было Блэку. И он почти все время находился наверху, сторожа их, и только, когда ночи были темные, высыпался часа четыре крепким сном.

Он хорошо знал, что американские крейсера северян шныряют в этих местах, осматривая подозрительные суда, а «Динора», сильно нагруженная, была очень подозрительна. Но

зато, в случае благополучного прихода в один из портов южан, он наживет сразу хорошие деньги, так как груз был взят Блэком за свой страх и ружья куплены за его счет.

«С этими деньгами можно попробовать снова счастья и...»

Обыкновенно на красивом и энергичном лице Блэка появлялось угрюмое выражение, когда он думал вслед за «счастьем» о той особе, ради которой он добивался «счастья», то есть денег, всеми средствами и портрет которой был в его каюте. Недаром же этот человек, казалось ничего не боявшийся, с каким-то восторженным благоговением смотрел на портрет, припоминая черты лица, которые напрасно старался забыть. Недаром же он решил, что эта особа должна быть его женой, хотя она не только не обещала ему этого, но, казалось, со страхом смотрела на Блэка и холодно отвечала на его привязанность, зная по опыту бешеную ревность этого человека, благодаря которой она чуть не была им убита.

Казалось, судьба покровительствовала Блэку. До сих пор «Динора» плыла счастливо и

ловко скрылась при двух встречах с американскими крейсерами.

«Динора» уже огибала Антильские острова, нарочно в далеком расстоянии, и теперь взяла курс на Нью-Орлеан.

Но именно здесь, недалеко от берегов, и предстояла большая опасность встречи с крейсерами.

И Блэк в эти дни был в особенно нервном настроении.

2

Озабочен был и Чезаре.

Заботы эти вызывались его упорным желанием отправить на тот свет ненавистного ему капитана Блэка.

Испанец лелеял эту мысль. Он обдумывал с упорством маньяка, как бы незаметно подкрасться к капитану сзади и всадить ему нож между лопатками. Словно тигр, сторожил он капитана по ночам, притаившись у выхода из капитанской каюты, но ни разу не представлялось удобного момента, чтобы напасть сзади. Чезаре, разумеется, был слишком трусливым человеком, чтобы напасть открыто, и

знал, чем рискует.

А между тем «Динора» уже была недалеко от цели плавания. Еще дней пять-шесть попутного ветра – бриг войдет в порт, и груз, на который так рассчитывал Чезаре, минует его рук. Не достанутся ему и деньги, которые, по расчетам Чезаре, должны были находиться в капитанской каюте.

И Чезаре негодовал, точно у него отнимали его собственность.

Убедившись наконец, что капитан так осторожен, что его никак не поймать врасплох, Чезаре жадно ухватился за мысль, которая внезапно осенила его.

Мысль, казалось, действительно была превосходная, и капитан будет в его руках.

И Чезаре весело улыбался в тот темный теплый вечер, когда его осенила идея, казавшаяся ему великолепной.

Он вышел наверх и направился к Саму, который, свернувшись, лежал на баке.

Заметив Чезаре, негр вскочил.

– Не бойся, Сам! – прошептал Чезаре.

Но Сам подозрительно вращал своими белками.

– Говорю: не бойся! У меня в руках ничего нет, а ты, скотина, сильнее меня... Пойдем вниз. Мне надо с тобой поговорить!

– Если ты пойдешь вперед, я пойду за тобой.

– Ладно.

И Чезаре двинулся. Сам осторожно пошел за ним.

Когда они спустились вниз, в маленькой матросской каюте не было никого.

– Хорошенько слушай, Сам, что я тебе скажу.

– Буду хорошо слушать, Чезаре.

– Я знаю, что ты предатель... Я видел, как ты выходил тогда ночью от капитана. За это я и хотел отправить тебя к акулам. Это не удалось, но я могу рассказать всем, что ты предатель, и ты знаешь, что значит суд Линча!.. Знаешь, чем это пахнет?

Сам вздрогнул.

– Но я этого не сделаю, если ты захочешь.

– Не сделаешь? – радостно воскликнул негр.

– Не сделаю, но, разумеется, если ты устроишь со мною одну штуку.

– Какую?

– Дать мне случай всадить нож капитану. Тогда груз будет наш, и деньги капитанские наши. Деньги за груз разделим между всеми поровну, а деньги – с тобою пополам. Хочешь сразу разбогатеть и жить джентльменом со своей семьей?. Хочешь, Сам?

– Но как это сделать, Чезаре? – спросил Сам, радостно оскаливая зубы.

– Ничего нет проще... Сегодня же ночью постучись в капитанскую каюту. У тебя ведь условленный стук... Не так ли?

Сам мотнул головой в знак согласия.

– И когда ты войдешь, я шмыгну за тобой, и мы в одну секунду покончим с Блэком.

– А собака? – испуганно прошептал Сам.

– Ты всади ей нож в горло, а с капитаном прикончу я...

Дельце будет хорошее. В несколько минут все будет сделано чисто... И ты, Сам, купишь этим свою вину и наживешь деньги...

– Дело хорошее, Чезаре, но...

– Жалко тебе, что ли, этого дьявола?

– Его не жалко, я сам задушил бы его, а страшно.

– Чего?

– Как бы капитан не прикончил нас самих, Цезаре, – вот чего страшно.

Цезаре набожно перекрестился и промолвил:

– Он не будет ждать смерти, и она придет... Он не успеет вскочить с места, как нож будет в его сердце... Понял, Сам?

– Понять-то понял...

– И согласен?

Сам в нерешительности молчал.

– Или ты находишь более выгодным по-пасть в наши руки, Сам, как шпион?

– О нет, нет... не хочу.

– Стало быть, согласен?

– Согласен.

– Вот это умная игра, Сам... Ты не такой дурак, как я полагал.

– Когда же сделать эту штуку, Цезаре?

– Сегодня ночью, после полуночи, как вступим на вахту.

– Так скоро?..

– Чего же ждать?.. Ждать, когда придем в порт, что ли?

– засмеялся Цезаре.

– Нельзя ждать! – согласился и негр.

– Так дело сделано?

– Сделано.

– Но только смотри, Сам, от меня не отходи... Мы до окончания дела не расстанемся ни на минуту... Понимаешь?

– Понимаю, Чезаре.

– А чтобы нам не было скучно, сыграем в карты... Хочешь?

– Давай...

– И по доллару партия...

– А на какие деньги?

– На настоящие... Надеюсь, после полуночи будет чем расплатиться проигравшему! – значительно проговорил

Чезаре.

С этими словами он вынул из кармана штанов засаленную колоду карт.

Негр увлекся игрой, горячился, проигрывал и удваивал ставки, и когда пробило восемь склянок (12 часов), Чезаре имел на Саме сто долларов.

– Ну, теперь пойдем другую игру играть! – проговорил

Чезаре и тихо прибавил: – Остер ли нож у

тебя? Возьми лучше мой!

И Чезаре подал негру хорошо отточенный нож.

– А ты с чем, Чезаре?

– Вот с этой игрушкой! – ответил с жестокой усмешкой испанец, вынимая из кармана штанов другой нож, длиннее и уже того, который дал Саму.

– Хорошенькая игрушка! – почтительно прошептал негр.

– Особенно если после удара повернуть ее в чужом сердце! – сказал Чезаре, опуская игрушку в карман. – Ну, идем!

3

Капитан Блэк спал тем тревожным сном, каким нередко спят моряки в море, особенно когда есть какая-нибудь опасность для судна. А для «Диноры» опасностей было немало, и они казались еще страшнее ввиду близости порта назначения.

Вероятно, капитану «Диноры» снились американские военные крейсера, потому что по временам он вскрикивал, ругался и командовал к поворотам. Однако он не проснулся,

когда в первом часу ночи раздался тихий и осторожный стук в двери его каюты. Зато Тигр, лежавший у порога, поднял уши и тихо заворчал.

Стук повторился, а капитан Блэк громко храпел на диване в своем желтом халате.

Тогда собака поднялась, подошла к дивану и осторожно коснулась лапой ноги своего хозяина.

Блэк мгновенно проснулся и, нащупывая в кармане револьвер, вскочил с дивана.

В двери постучали снова три раза.

Капитан, оторванный от сна, был раздражен. «Чего этому мерзавцу надо?» – подумал он и, прежде чем отворить двери, отдернул занавеску с одного окна, выходящего на палубу, и прислушался. На бриге все, казалось, было благополучно. Царила тишина. Только раздавались шаги Гаука над каютой.

Блэк задернул занавеску и, подойдя к двери, повернул ключ и тихо сказал:

– Входи, Сам!

И с этими словами быстро отскочил к дивану и, обращаясь к Тигру, прошептал:

– Смотри хорошенько, Тигр!

Негр вошел и, поклонившись, стал у дверей, испуганный и растерянный.

Тигр продолжал глухо ворчать.

– Запри двери, скотина, и говори, зачем

пришел!

Едва капитан произнес эти слова, как из-за громадной фигуры негра нырнула маленькая, приземистая фигура

Чезаре с ножом в руке и бросилась на Блэка.

Блэк едва успел отскочить в сторону и, не теряя хладнокровия, выстрелил в испанца.

Тот с проклятием упал, пораженный в голову.

Сам между тем старался избавиться от Тигра, который вцепился зубами в ногу негра и

не пускал его.

– Простите, капитан! Это Чезаре... заставил меня... Он уговорил...

–
Я тебя прощу! – промолвил капитан.

И с этими словами в упор выстрелил в негра.

Сам, шатаясь, опустился на пол.

Тогда капитан отворил двери и крикнул:

– Эй! На вахте! Выбросить этих двух мерзавцев за борт!

– Я... жив... я не хочу за борт! – прохрипел Чезаре.

– И я... жив... я поправлюсь... Пощадите, капитан! –

простонал негр.

Боцман и два матроса стояли в нерешительности.

– Боцман! Слышали приказание? – холодно проговорил

Блэк. – Или вам жаль этих двух негодяев, которые хотели убить меня и не сумели?

Боцман и матрос подняли Чезаре. Он уже был мертв.

Через минуту труп его был за бортом.

Сам продолжал молить не бросать его в воду. Он лучше умрет на бриге, где-нибудь в трюме... Он никому не будет мешать...

– Берите этого предателя и в море его!..

– О капитан... сжальтесь... Ради миссис Диноры сжальтесь! – вдруг сказал негр.

– Бросить его в трюм! Пусть околевает на бриге! –

вдруг переменял решение Блэк, услышав имя невесты.

Негра унесли в трюм.

Блэк поднялся на ют и несколько минут ходил взад и вперед, не роняя слова. По временам он всматривался в мрак ночи и взглядывал на белевшуюся за кормой ленту воды. Бриг шел хорошо при свежем ветре.

«Завтра придем!» – подумал Блэк.

И в голове Блэка роились радостные мысли о благополучном окончании плавания и о хорошем дельце, которое даст ему немало денег. И тогда он уедет немедленно в

Сан-Франциско... И там он снова увидит свою невесту...

«Знал, чем тронуть меня!» – пронеслось в голове у капитана, когда он вспомнил о негре.

И, вспомнивши о нем, он сказал Гауку:

– Мне очень жаль, что я не прикончил сразу Сама. Это животное стоило того.

– Я думаю, капитан, все это дело – штука Чезаре.

– Разумеется. Он захотел меня отправить на тот свет. А

затем отправил бы вас и Чайка...

– Без сомнения! – ответил штурман.

– Но только Чезаре плохо рассчитал. Все дело в хорошем расчете, не правда ли? Завтра будем, Гаук, в

Нью-Орлеане и убедимся, хорошо ли я рассчитал! Крейсеров что-то не видно...

– До завтра еще часть ночи, капитан.

– И штормы здесь разыгрываются быстро. Вы это хотите сказать, Гаук?

– Именно. И «Динора» перегружена, капитан.

– Верно. Но зато и ваши карманы, Гаук, я перегружу долларами... Только бы завтра скорей наступило!

– И не было неожиданностей, капитан.

В эту минуту на ют поднялся боцман и доложил:

– Молодец в трюме, капитан.

– Жив?

– Живехонек. Зубы скалит от радости. Рана оказалась у плеча...

Когда боцман ушел, капитан сказал Гауку:

– Ужасно трусливое животное этот Сам и ужасно любит жить.

– У него жена и дети в Потомаке, и он их любит, капитан.

– Любит? Разве он может любить?

Блэк помолчал и после паузы проговорил:

– Я думаю, можно перевязать рану этому скоту...

– Не мешает, капитан. Я аволюционист.

– И дать, пожалуй, по этому случаю подушку?

– С подушкой удобнее спать, капитан.

– Так велите перевязать ему рану и дать подушку.

– И, быть может, одеяло, капитан?

– Это ваше дело, Гаук.

– Так я все это сам сделаю, если вы постоите вместо меня наверху.

– Идите, Гаук... И знаете ли что?

– Что, капитан?

– Покажите, что вы не только добрый человек, но и хороший хирург! – с необычной ласковостью в тоне голоса промолвил капитан.

– Человека-то я немножко пропил! – шутливо ответил

Гаук и спустился вниз, чтобы перевязать негра и устроить его получше в трюме.

Его зачерствелое сердце еще доступно было состраданию.

Потрясенный всем только что виденным, стоял наш беглый матросик Чайкин на руле и думал о том близком дне, когда он оставит «Динору». Что будет он делать потом, Чайкин еще не решил, но, во всяком случае, он постарается найти себе другую работу вместо матросской службы. Очень уж страшно было ему снова попасть в такую же компанию товарищей, в какой он очутился благодаря еврею в Сан-Франциско. И он снова вспомнил с благодарностью о доброй Ревекке.

Без нее закабалили бы его на три года и дали бы пять долларов жалованья, а теперь он вольная птица и у него уже скоплено сто долларов жалованья благодаря тому, что ему дали прибавку: вместо десяти – двадцать пять.

Есть, значит, запас на черный день, и можно будет выбрать работу по душе. А душе его ближе всего была земля. И от своего приятеля Долговязого и от Гаука он слышал, что на

Западе хорошо платят хорошим работникам и что там можно очень дешево приобрести кусок земли и сделаться самому хозяином. Работай только!

«Прийти бы только скорей!» – мысленно проговорил

Чайкин. Он знал, что бриг нагружен ящиками с ружьями, –

об этом осторожно говорили между собою матросы, – и хотя не вполне понимал, отчего это капитан и Гаук избегают встречи «Диноры» с военными судами под американским флагом, но чувствовал, что капитан делает что-то нехорошее, и боялся, как бы из-за этого не вышло чего-нибудь скверного и для него.

Правда, благодаря Долговязому он уже знал права американского гражданина, знал, что без суда ничего с ним не сделают, и настолько свободно уже говорил по-английски, что не боялся очутиться в беспомощном положении на чужой стороне. Да и вообще за это

время плавания на «Диноре» и дружбы с Долговязым наблюдательный Чайкин присмотрелся и к людям, многому научился и многое понял в нравах и обычаях страны, в которую невольно попал, и уже далеко не был похож на того «зелененького», как обзывают американцы всякого вновь прибывшего в их страну. Он сумел бы за себя постоять.

– Чайк! – кликнул капитан с юта.

– Что угодно, капитан?

– Небось рады, что завтра доберемся до берега!

– Рад, сэр!

– И с «Диноры», конечно, уйдете?

– Уйду.

– То-то. И отлично сделаете... Вы слишком порядочный человек, чтобы плавать в такой компании. Да и вообще вы простофиля на редкость, Чайк! Удивительный. И вам трудно будет в Америке, если вы останетесь таким простофилей. Кстати, где спрятаны ваши деньги?

– В сундуке.

– Как сменитесь с вахты, положите их лучше в карман.

– Зачем, сэр?

Капитан рассмеялся.

– А затем, чтобы у вас остались деньги. Завтра ведь берег. Поняли, Чайк?

– Понял.

– Так не забудьте, что и вам нужны деньги, тем более собственные. Можно полюбопытствовать, сколько их?

– Сто долларов.

– Я думаю, у первого матроса на «Диноре» такой капитал! – усмехнулся Блэк. – В монетах?

– Да.

– Так придите утром ко мне в каюту. Я вам обменяю их на ассигнацию. Ее удобнее спрятать... Положим, на груди.

Не так ли, Чайк?

– Благодарю вас, капитан. Я и то думал, что неудобно иметь в кармане так много монет.

– Именно неудобно. Их так легко вытащить оттуда.

Капитан помолчал и спросил:

– А что вы думаете с собой делать, как уйдете с «Диноры»?

– Хотел бы найти береговое место... На зем-

ле работать.

– Вы отличный матрос и рулевой... Только надо выбрать получше судно... А если желаете быть фермером, –

поезжайте на Запад. Я вам дам рекомендательное письмо к двоюродному брату. У него ферма около Фриски... Завтра поговорим еще об этом. Я очень хотел бы быть вам полезным, Чайк. Знайте это!

– Благодарю вас, капитан. Вы очень добры ко мне.

– Не благодарите, Чайк! – остановил его капитан. – Мне вас надо благодарить.

– Меня? За что, капитан?

– А за то, Чайк, что вы заставили меня снова поверить в человека еще тогда, когда бросились спасать Чезаре...

Оставайтесь всегда таким простофилей, Чайк! Это, пожалуй, лучший способ прожить, не желая пустить себе пулю в лоб! – прибавил Блэк, и Чайкину показалось, что безнадежная нота прозвучала в словах капитана.

Через несколько минут вернулся Гаук и доложил капитану, что устроил негра.

– Пожалуй, и тюфяк ему дали?

– То-то, дал.

– И, пожалуй, стакан рому дали?

– И рому дал... И рану перевязал... И уж не сердитесь, капитан: я негра перевел из трюма, чтобы крысы его не пугали.

– Куда?

– В шкиперскую каюту. Там нашлось местечко... И...

– Что еще?

– И, с вашего позволения, сказал ему, что вы его простили, капитан.

– А вам, Гаук, идти бы в пасторы! – весело рассмеялся

Блэк.

– Боюсь, капитан, что одним пьяным пастором будет больше в Америке и одним недурным штурманом меньше... Надо играть в карты, имея козырей... А ветер что-то свежеет, капитан! – беспокойно прибавил Гаук.

– Разве?

– Наверное.

– Надеюсь, до шторма будем на месте. Хорошей вахты, Гаук! Разбудите, если увидите огни... А в четыре часа я вас сменю.

И с этими словами Блэк спустился в свою

каюту и, заперев ее на ключ, лег на диван.
Тигр устроился около.

ГЛАВА IX

1

К следующему утру ветер засвежел до того, что пришлось взять два рифа у марселей, и то перегруженная

«Динора» с трудом поднималась с волны на волну, и верхушки их часто попадали на бак.

Но Блэк, по-видимому, не беспокоился. До Нью-Орлеана оставалось всего шестьдесят миль, и он рассчитывал быть в порте до того времени, как разыграется шторм, который мог бы грозить серьезною опасностью

«Диноре».

Успокоился, казалось, и Гаук, стоявший с восьми часов на вахте. Он только особенно внимательно посматривал в бинокль и опытным морским глазом оглядывал рангоуты встречных судов, белевшихся на горизонте. Ни одно из них не возбуждало опасений ни Гаука, ни Блэка.

– Плохо северяне блокируют! – весело усмехнулся он. –

Нас раньше прозевали! Теперь крейсеров бояться нечего.

Они держатся мористее. Ну, пойду напьюсь кофе, а вы, Гаук, все-таки не зевайте... Да пусть часовые на марсах смотрят в подзорные трубы...

Капитан спустился на палубу и, увидав Чайку, кивнул ему головой и сказал:

– Ну, Чайк, несите свои деньги.

– Они со мной, капитан.

– Так идите ко мне!

Молодой матрос вошел вслед за капитаном в его каюту и, удивленный роскошью ее убранства, осматривал красивую мебель, ковер и стены, увешанные ружьями и фотографиями.

Тигр не ворчал на гостя. Напротив, он со благоволил даже подойти к нему и, вильнув хвостом, лизнул его руку, после чего улегся на полу.

Блэк между тем открыл железный ящик, в котором

Чайк увидел много золота.

– Сколько у вас, Чайк, денег? Сто долларов ровно?

– Сто десять, капитан.

И Чайкин стал вынимать из карманов доллары и разложил их кучками, по десяти долларов в каждой, на круглом большом столе перед диваном.

– Да вы садитесь, Чайк! – пригласил капитан. – Я вас позвал как гостя, а не как матроса!

– Я постою, капитан.

– Как хотите, но удобнее сидеть, и тем более что вы, Чайк, я полагаю, не прочь будете напиться со мною кофе...

Что вы на это скажете? Хотите?

– Благодарю вас.

– Да вы не благодарите, а отвечайте, хотите или нет.

– Хочу, капитан.

– Ну, вот это ответ... Эй, бой!

В каюту вошел негр лет пятнадцати.

– Дай нам кофе. Вы с коньяком?

– Нет, капитан.

– Вовсе не пьете?

– Совсем не пью.

– Решительно вы удивительный человек,

Чайк, и не будь вы таким доверчивым ротозеем, я сказал бы, что вы наживете деньги. Ну, вот вам банковый билет... Советую вам спрятать его на грудь. Оно будет верней.

И с этими словами капитан подал матросу билет и, взяв со стола сто долларов, положил их в железный ящик и, замкнув его, сел на диван.

– А десять долларов спрячьте. Еще вам за месяц жалованья придется получить от Гаука, – у вас и хватит на переезд во Фриски, если вы в самом деле хотите сделаться фермером... Хотите?.

Но Чайкин не отвечал и смущенно поvertывал в руке банковый билет.

– Вы, верно, ошиблись, капитан, – проговорил он, кладя билет на стол, – это билет не в сто, а в пятьсот долларов.

– Я не ошибся, Чайк. Я в деньгах не ошибаюсь, Чайк.

Вы можете спокойно взять этот билет и спрятать так, чтобы у вас не вытащили его добрые ребята. Четыреста долларов прошу принять в награду за вашу службу. Вы по совести заслужили их. Лучшего рулевого я не

видал.

– Очень вам благодарен, капитан. Дай вам бог всего хорошего! – благодарно и взволнованно проговорил Чайкин.

– Ну, бог едва ли пошлет что-нибудь хорошее такому, как я... А вам, Чайк... наверное, будет в жизни много хорошего. И вот что я вам еще скажу, Чайк. Если вам в

Америке – вы ведь простофиля! – плохо придется, если вам нужны будут деньги, – напишите мне. Я вам дам после адрес. Ну, а теперь возьмите свои деньги и давайте пить кофе. И ни слова больше об этом!..

Чайкин благодарно глядел на этого странного человека, наводившего трепет на всех матросов и на него, Чайкина, и теперь казавшегося далеко не таким страшным. И Чайкин никак не мог понять, что это за человек, но чувствовал более, чем понимал, что он находится в какой-то «отчаянности», и пожалел его.

И эту-то невысказанную жалость, вероятно, и прочел

Блэк в необыкновенно добром взгляде серых глаз, и от нее и сам Блэк словно почув-

ствовал себя смягченнее и добрее.

И он, видимо заинтересованный Чайкиным, подробно расспрашивал об его прошлой жизни, о службе, о том, как он остался в Америке.

– Еще чашку кофе, Чайк?

– Благодарю. Не хочу...

И Чайкин поднялся с места.

Поднялся и капитан, крепко пожал руку Чайкина и проговорил:

– Письма вам дам, как придем в Нью-Орлеан. Вы в день прихода можете уходить. Разгружать будут негры, и, следовательно, вы не нужны. А чем скорее вы уберетесь с

«Диноры», тем лучше... И никому не говорите, что у вас пятьсот долларов.

– Я не скажу.

– А вечером сегодня зайдите ко мне в гостиницу «Юг».

Я туда переберусь с брига... Там я вам дам рекомендательные письма. И знаете, Чайк, что надо вам сделать, когда съедете на берег?

– Что, капитан?

– Купить себе новый костюм, а этот выбросить...

Чайкин вышел из капитанской каюты.

Шутка ли сказать – пятьсот долларов! Таких денег он и не думал иметь когда-нибудь, а между тем банковый билет у него в кармане, и он крепко держит его.

А капитан Блэк в отличном расположении духа допивал вторую чашку кофе, заедая его маленькими галетами и предвкушая получку сегодня же крупной суммы за доставленные ружья, как вдруг над его головой раздался звонок. Это Гаук звал капитана.

В одну минуту он уже был около Гаука, который внимательно смотрел на горизонт в подозрную трубу.

– Что такое? – отрывисто спросил Блэк, взглядывая по тому же направлению, по которому глядел штурман, и не видя ничего невооруженными глазами.

– Подозрительный рангоут, капитан...

– С марсов кричали?

– Нет. Подозрительный, говорю, рангоут...

Издали и не отличишь.

– Вы думаете, военное судно?

– А вот посмотрите сами!

И Гаук передал трубу капитану.

Тот так и впился в горизонт. На голубом фоне неба выделялся силуэт трехмачтового судна, одетого во все паруса и шедшего наперерез курса «Диноры».

– Это «Вашингтон»! – дрогнувшим голосом проговорил

Блэк, и тень омрачила его лицо.

– «Вашингтон»? – упавшим голосом повторил и Гаук. –

Лучший крейсер северян! Уверены ли вы в этом, капитан?

Пораженный неожиданной встречей, Блэк, казалось, не слышал, что говорит штурман.

Так прошла секунда, другая.

– Я им живой не дамся! – проговорил Блэк. – Вызовите всю команду наверх и будьте готовы к повороту. Будем жарить прямо к берегу и выбросимся на мель. Там «Вашингтон» нас не поймает, если это он.

И с этими словами капитан спустился на палубу и полез на грот-марс.

Несколько минут прошло, а капитан все смотрел в трубу.

Наконец он спустился с марса и поднялся на ют.

– Отдавайте рифы! Попробуем удрать сперва, а если нет...

– Как бы не залило нас волнением, капитан...

– Выбросим часть груза... Живо отдавать рифы!

Через несколько минут рифы были отданы, и «Динора»

полетела скорей. Капитан не спускал глаз с судна, которое так напугало его. Теперь уже ясно были видны в трубу три высокие мачты клиперского вооружения. Не было сомнения, что это был знаменитый парусный ходок и вместе с тем имевший сильную паровую машину – клипер «Вашингтон», перехвативший немало судов, направлявшихся к южанам.

Волны начинали захлестывать «Динору» сильнее;

«Вашингтон» уже был виден простым глазом. Расстояние между ним и «Динорой» постепенно уменьшалось.

А ветер крепчал.

– Не бросать ли груз?

– Подождите... Еще, может быть, мы успеем добежать раньше до какого-нибудь воен-

ного судна южан... И, может быть, «Вашингтон» повернет! – говорил Блэк, стараясь утешить себя и не отрывая глаз от красивого «Вашингтона», который, чуть-чуть накренившись, летел тем же курсом наперерез «Диноры».

Прошло еще четверть часа. Расстояние видимо уменьшалось.

– Кидайте часть груза за борт! – наконец приказал капитан, полный злобы, что приходится кидать в воду большие деньги.

Гаук пошел на бак. В скором времени тяжелые ящики полетели за борт.

Облегченная «Динора» понеслась быстрее.

– Сколько выбросили, Гаук?

– Триста...

– Это пять тысяч долларов, Гаук... Но больше они не возьмут у меня... Смотрите... Подняли флаг...

– Какой нам поднять, капитан?

– Поднимите французский.

На гафеле «Диноры» взвился французский флаг.

– Поставьте брамсели, Гаук! – крикнул капитан.

Гаук только пожал плечами и послал людей ставить брамсели.

«Динора» оделась верхними парусами.

Через минуту и на «Вашингтоне» взлетели брамсели.

– За нами гонятся... Ясно! – сказал капитан.

– Сигнал на «Вашингтоне»! – объявил Гаук.

Гаук справился в сигнальной книге и доложил капитану.

– Требуют уменьшить парусов.

– Не отвечать!.

Минуты три висел на «Вашингтоне» сиг-

нал и был спущен.

Вслед за тем раздался выстрел.

– Сколько до Нью-Орлеана, Гаук?

– Миль двадцать пять...

– А близко ли до мели южнее?

– Миль пятнадцать, капитан!

В эту минуту снова раздался выстрел, и ядро шлепнулось в воду в значительном расстоянии от «Диноры».

– Не долетело! – усмехнулся Блэк.

Прошло с четверть часа. Снова раздался выстрел. На

этот раз ядро шлепнулось в воду невдалеке от кормы

«Диноры».

Блэк взглядывал назад на красавца «Вашингтона», измеряя расстояние между ним и «Динорой» сверкающими злыми глазами, словно зверь, преследуемый охотником.

До Нью-Орлеана не удрать, он это видел. Одна надежда на крейсера южан.

И он сказал штурману:

– Гаук! поднимитесь на марс с подзорной трубой. Не видать ли дымка или паруса?

Скоро Гаук спустился и доложил, что не видать.

– Ну, так лупим к берегу. Спускайтесь, Гаук! Не зевайте на руле, Чайк, при повороте!

– Слушаю, капитан! – отвечал Чайкин, ставший на руль.

Матросы обрасопили реи, Чайкин положил право руля, и «Динора», повернувши влево, понеслась перпендикулярно к берегу, в полный бакштаг, то есть имея ветер сзади себя. При новом курсе ход у «Диноры» значительно прибавился.

Этот маневр был тотчас же замечен на «Ва-

ШИНГТОНЕ».

Спустился и он в том же направлении, что и «Динора», и неся за ней, пуская по временам ядра.

Они падали все ближе и ближе от «Диноры».

Тогда Блэк решился еще прибавить парусов.

– Лиселя с обеих сторон! – крикнул он.

Гаук только взглянул на капитана и командовал ставить лиселя.

«Динора» помчалась еще скорей, вся вздрагивая от быстрого хода и зарываясь носом в воде. Волны перекатывались через бак. Брамстенги гнулись в дугу.

Все матросы замерли в страхе ожидания, что бриг зароется в волнах и пойдет ко дну. Чайкин с двумя подручными едва справлялся на штурвале, правя рулем в разрез волн и не допуская нос «Диноры» бросаться к ветру.

Сам Гаук, выдавший виды, бледный и серьезный, смотрел вперед, ожидая гибели.

Один только Блэк стоял на юте в вызывающей дерзкой позе и, казалось, не думал об опасности. Он обернулся назад и усмехнулся.

На «Вашингтоне» не решились ставить ли-
селя.

А ядра стали летать чаще и падали по обе-
им сторонам

«Диноры». Ясно было, что «Вашингтон»
все-таки нагонял

«Динору».

– Гаук! Где мы находимся теперь? Прине-
сите-ка карту!

Гаук принес из своей каюты карту. Блэк
внимательно поглядел на нее.

– Через полчаса будем у банки. Не так ли,
Гаук?

– Полагаю, капитан.

– А у начала банки пятнадцать фут на две
мили. «Динора» пройдет, а «Вашингтон» не
может: он сидит пятнадцать фут. Верно, Гаук?

– Верно, капитан.

– А от того места, где глубина будет двена-
дцать фут, всего три мили до берега. И если
счисление наше верно, то мы будем в пяти
милях южнее Нью-Орлеана, и, следовательно,
небольшой пароход оттуда спасет наш груз...

– Если не разыграется штормяга, капитан...

– Не думаю... Ветер силен, но до шторма

еще далеко!

– Все-таки на шлюпках трудно добраться до берега.

– Все же лучше этот риск, чем отдать «Динору» этому дьяволу...

– Или...

Гаук остановился.

– Попасть раньше к рыбам... Смотрите, как нос зарывается!

– «Динора» вывезет! – уверенно сказал капитан.

Ядра участились.

– Торопитесь пустить нас ко дну! – засмеялся капитан. –

Скорей бы отмель...

И Блэк нетерпеливо взглянул на часы.

«Еще двадцать минут. В этот промежуток времени

„Вашингтон“ не догонит!» – подумал Блэк.

Ядра начинали падать впереди брига, перелетая с шипящим свистом через головы моряков. Но пока ни одно ядро не попало в «Динору». Расстояние между судами уменьшалось все более и более.

«Если отмель дальше, чем я считаю, то...»

Блэк не окончил своей мысленной речи и, радостный, смотрел на «Вашингтон».

На крейсере убирали паруса.

– На лот! Как глубина?

Один из матросов пошел бросать лот.

– Пятнадцать! – крикнул он.

– Мы на банке, Гаук! – весело проговорил

Блэк.

– На банке, капитан!

– «Вашингтон» в дураках!

– Но смотрите: он бросил якорь и поворачивает к нам лагом.

– Хочет дать залп...

Но пока крейсер поворачивался, «Динора» еще убежала вперед.

Раздался оглушительный залп.

Блэк повернулся к «Вашингтону» и низко раскланялся.

– «Динора» нас вывезла, Гаук, она не изменила нам в трудную минуту. Эй, на лоте! Кричать глубину!

– Пятнадцать!

– Отлично. Вот и берег виден.

Действительно, полоска низкого берега виднелась на горизонте.

– Тринадцать с половиною!

Блэк взглядывал на гнущиеся брам-стенъги и все еще медлил убирать паруса, желая быть по возможности дальше от «Вашингтона» и ближе к берегу.

Прошло еще минут десять. Лотовой выкрикивал ту же глубину. «Динора» мчалась как бешеная.

– Тринадцать!

– Лиселя долой! Фок и грот на гитовы! И живей, черти!

– командовал капитан.

Минут через пять паруса были убраны. Но и под марселями и брамселями «Динора» бежала узлов по десяти.

– Двенадцать с половиной! – во все горло крикнул матрос, бросавший лот.

– Марса-фалы и брам-фалы долой!

И когда «Динора», остановленная в своем беге, пошла тихо, Блэк скомандовал отдать якорь.

Вся команда «Диноры» облегченно вздохнула.

Чайкин перекрестился.

– Счастливо вывернулись из беды! – про-

молвил Гаук.

– «Динора» вывезла! – весело ответил капитан. – Ну, а теперь надо послать шлюпку на берег, Гаук, и немедленно дать знать в Нью-Орлеан о нашем приходе.

– Шлюпку зальет, капитан.

– По сто долларов каждому, кто поедет, и пятьсот рулевому! Скажите им, Гаук...

В эту самую минуту Блэк посмотрел в подзорную трубу на «Вашингтон», и лицо его мгновенно омрачилось...

– Черти! – произнес он.

Взял трубу и Гаук и увидел, что на «Вашингтоне»

спускают баркас.

– Хотят взять нашу «Динору» баркасом!

– Так я им и дал!.. Так я их и подпущу!

И капитан крикнул боцману собрать всю команду.

Все пятнадцать человек собрались перед ютом.

– Джентльмены! – начал капитан, – на нас собираются напасть и отнять бриг. Я думаю не отдавать его и встретить баркас пулями... Но так как я вас не нанимал защищать

«Динору» с ружьями в руках, то считаю долгом узнать, кто желает сражаться и кто нет. Кому угодно, тот получит по сто долларов, а кому не угодно, тот на время битвы будет заперт в трюме, чтобы не мешал нам... Когда дело окончится так или этак, не желающие получить по сто долларов будут, конечно, выпущены из трюма или нами, или матросами с «Вашингтона», если они перестреляют всех нас...

Выходите, джентльмены, не желающие кутнуть в

Нью-Орлеане. Надеюсь, вы верите моему слову? Выходите же, джентльмены, боящиеся пуль... Выходите!

Ни один из матросов не вышел.

– Мы хотим заработать сто долларов! – раздались голоса.

– Очень рад... Сейчас вы получите ружья... Гаук, посмотрите, отвалил ли баркас, и много ли на нем людей?

Гаук посмотрел в трубу и ответил:

– Баркас у борта, под парусами... Сажают людей...

Пятьдесят человек... Маленькое орудие...

– Ладно. Через час баркас подойдет... Мы встретим его как следует!

С этими словами Блэк вместе с Гауком и Чайкиным пошли в капитанскую каюту и вынесли оттуда штуцера и заряды.

Вслед за тем матросы стали укладывать на бортах брига койки, круги запасных тросов, парусов и мешки с водой, чтобы иметь прикрытие от пуль.

Гаук распорядился всеми этими приготовлениями и назначал места матросам.

Блэк в это время писал что-то у себя в каюте. Окончив писание, он спрятал на груди банковые билеты, наполнил карманы золотом, лежавшим в железном шкапе, и, взяв с собою свой штуцер и нащупав в кармане своего короткого пиджака два револьвера, поднялся наверх.

– Послушайте, Чайк! – сказал капитан, позвавши к себе русского матроса. – Если меня убьют, достаньте с груди конверт с банковыми билетами и письмом и доставьте конверт в Сан-Франциско по адресу. Я вам верю. Вы его доставите.

– Доставлю, капитан.

– И скажите на словах этой леди все, что было. Писать теперь некогда.

– Слушаю, капитан.

– А золото в карманах – после раздачи по сто долларов каждому – завещаю, в случае смерти, вам... В карманах есть насчет этого две записки: одна вам, другая Гауку... А

теперь по местам. Становитесь около меня, Чайк!

С этими словами Блэк стал у борта на шканцах, за двумя большими крутами очень толстого белого манильского троса, служившего отличным прикрытием против выстрелов.

По обеим сторонам капитана стали Гаук и Чайкин.

Баркас под парусами, шедший среди волн, был уже виден простыми глазами.

Блэк не спеша зарядил свое ружье. То же сделал и Гаук.

Медленно заряжал и Чайкин.

Он был, видимо, взволнован.

«Неужели придется стрелять в людей? И за что?» –

думал Чайкин, и лицо его омрачилось вы-

ражением недоумения и тоски.

– Готовы ли, джентльмены? – крикнул Блэк.

– Готовы, капитан! – отвечали матросы.

– Стрелять не раньше, как я прикажу. И целиться хорошенько!

И капитан обошел вдоль борта и вернулся на свое место, осмотревши, хорошо ли прикрыты стрелки.

– А вы, Чайк, что нос повесили? Трусите?

– Да, капитан! – ответил Чайкин.

– Бойтесь, что вас убьют?

– Людей убивать страшно, капитан!

– Но тут игра в открытую. Если вы не убьете, вас убьют!

– То-то я и думаю, что лучше не быть убитым и не убивать!

– Так идите вниз, Чайк.

– Нет, капитан, я не пойду. И то нас немного. И я не оставлю вас в беде. Я добро ваше ко мне помню и не забуду! – горячо проговорил молодой матрос.

Блэк взглянул на это простодушное лицо, на эти добрые проникновенные глаза Чайкина и в каком-то раздумье произнес:

– Вы редкий экземпляр человеческой породы, Чайк!..

И, проговорив эти слова, примолк и задумался.

2

– Капитан! баркас поворачивает назад! – воскликнул вдруг Гаук.

Блэк взглянул перед собой. Действительно, баркас поворачивал назад.

Капитан поднялся на ют и направил подзорную трубу на «Вашингтон». На фор-брамстеннге крейсера подняты были позывные, призывавшие шлюпку к борту.

Блэк недоумевал.

Но скоро недоумение его рассеялось, и радостная улыбка озарила его лицо, когда он обвел трубой горизонт и увидел дымок со стороны Нью-Орлеана.

Через несколько минут обнаружился силуэт монитора, державшего курс на американский крейсер.

– Спасены! – прошептал Блэк, не отрывая глаз от трубы, и облегченно вздохнул.

Прошло несколько минут. В подзорную трубу видно было, что на «Вашингтоне» разводили пары и ставили паруса.

– Гаук! Отберите ружья и снесите в каюту. Теперь мы спокойно пойдём в Нью-Орлеан. И скажите нашим джентльменам, что по сто долларов они все-таки получают!

Громкое «ура» раздалось на «Диноре», когда Гаук сообщил эту новость матросам.

– Ну, Чайк, радуйтесь! Никого убивать не придется!

Баркас пристал к борту «Вашингтона» и тотчас же был поднят. Вслед за тем «Вашингтон» пошел в море.

Монитор, весь купаясь в воде, с одной небольшой мачтой погнался за ним.

Послышался звук выстрела с монитора. «Вашингтон» не отвечал.

– С якоря сниматься! – весело крикнул Блэк.

Через десять минут «Динора» уже держала курс на

Нью-Орлеан. Ни монитора, ни «Вашингтона» не было видно на горизонте.

Ветер заметно стихал, и на «Диноре» были поставлены все паруса, какие было можно поставить.

Чайкин стоял на руле, действительно радостный, что не придется стрелять в людей и что близок час, когда он оставит «Динору» с изрядным запасом денег.

Теперь у него бродили мечты о том, чтобы вызвать мать из России. Деньги на это есть.

Но приедет ли она? Не побоится ли она, никуда не выезжавшая из деревни, одна ехать за океан?

И где он поселится?

Во всяком случае, Чайкин решил воспользоваться покровительством капитана и взять у него рекомендательные письма, которые тот предлагал.

Его тянуло к земле. Там он спокойно заживет.

Такие мысли бродили в голове Чайкина, когда он стоял на руле в этот день, полный для него тревог и неожиданностей.

Ветер стихал. Солнце поднялось уже высоко на голубом высоком небе, подернутом белоснежными перистыми облачками, и поря-

дочно подпекало. Но ветер умерял зной, и не чувствовалось томительной жары.

На «Диноре» прибирались по случаю близости порта. С

борта были убраны разные вещи, положенные для прикрытия, подметали палубу и чистили медь. И на всех лицах этой разноплеменной команды светилась радость при мысли, что скоро берег и можно будет после долгого плавания загулять на те сто долларов, которые обещал капитан. И его теперь не так уже ненавидели. Его даже хвалили, но все-таки никто почти не хотел больше оставаться на

«Диноре». Слишком опасно плавать с таким дьяволом. Ему все нипочем!

При этом вспомнили и о том, как поплатился Цезаре.

А Чайкин вспомнил про Сама и сказал Гауку:

– А что Сам?.. О нем и забыли сегодня, мистер Гаук.

– Вы правы, Чайк... Эй, боцман!

Боцман подошел, и Гаук попросил его дать Саму поесть и велел сказать ему, что скоро

Гаук сделает ему перевязку.

Боцман скоро вернулся и доложил, что Сам просится наверх.

– Пусть выйдет!

Великан негр вышел испуганный и подставил свою спину под лучи горячего солнца. Скоро, впрочем, он уже радостно ворочал белками, устремленными на берег. О, как жадно он его ждал и как он хотел поскорее уйти с «Диноры»!

– Из-за чего вышло это дело, Сам? – спросил его один из матросов.

– Сам был дурак.

– Отчего дурак?

– Послушался Чезаре. Капитан Блэк – настоящий дьявол. И с ним нельзя шутить! – с каким-то суеверным ужасом проговорил негр.

– А как же ты хотел пошутить?

Сам рассказал то, что произошло в каюте, умолчав, конечно, какую предательскую роль играл он, бывши доносчиком.

– Его никто не убьет! – прибавил шепотом негр. – Он заколдованный. И он все видит в человеке. Он знал, что

Чезаре подговаривал нас к бунту и что мы согласились.

– Знал?.. Но как же он мог знать?

– Не знаю. Но он знал. И Чезаре ему перед смертью признался... И как он меня велел кинуть за борт... Я слово сказал... Оно меня спасло.

– Какое слово?

– Миссис Динора... Леди в Сан-Франциско. Она одна может околдовать капитана... Я слышал... Она была его невеста...

Вдруг Сам смолк, и его блестящее глянцево-чернокожее лицо исказилось ужасом. Из каюты вышел капитан

Блэк и увидел негра.

Чайкин взглянул на капитана и обратил внимание на грустное выражение его лица.

«Казалось бы, ему радоваться... „Динора“ уже приближается к рейду, а он вдруг заскучал!» – подумал Чайкин. А Блэк поднялся на мостик и, обращаясь к Гауку, сказал:

– Как станем на якорь, объявите команде, что она мне более не нужна. Раздадите им деньги, и они могут убираться к черту. До выгрузки пусть останутся только боцман, плот-

ник и вы, Гаук...

– Разве «Динора» больше не пойдет в плавание?

– Я больше не пойду... Я сегодня же переберусь на берег и завтра же вечером уеду во Фриски!

– А «Динору» поручите продать?

– «Динора» ваша, Гаук! Я зарабатывал на контрабанде, а вы по чести заслужили долю барыша. И бриг – ваш барыш. Ни слова больше. Сегодня же вступайте во владение и, когда груз будет сдан, набирайте экипаж и идите куда хотите. Только я отдам вам бриг с одним условием...

– С каким?

– Перемените его название... Надеюсь, вы согласитесь?

– Разумеется...

Гаук, как настоящий янки, не рассыпался в благодарностях и только сказал:

– Вы мне предложили очень выгодное дело, капитан.

И, стараясь скрыть радостное волнение, протянул Блэку руку и крепко ее пожал.

– Судовые бумаги сегодня же получите от

меня! – сказал Блэк и прибавил: – Я пойду укладываться... А вы становитесь на якорь поближе к пристани!

Между тем «Динора» входила на рейд, полный судов, и ровно в четыре часа дня бросила якорь.

Через полчаса началась выгрузка. Блэк тотчас же съехал на берег и немедленно отправился на телеграф.

ГЛАВА X

1

Очувтившись на берегу, Чайкин испытывал радостное чувство человека, вырвавшегося на свободу после долгого плена. Вид садов с роскошною зеленью, эти диковинные фрукты, продававшиеся на улицах, – все говорило ему о земле и в первые минуты заставляло забывать, что он один как перст в незнакомом городе. И все его интересовало: и американцы-южане, совсем непохожие на тех янки, которых он видел в Сан-Франциско, и множество военных на улицах, и еще большее количество негров.

На первых же порах его удивило обращение с ними белых людей. Он видел, как надсмотрщик рабочих, рывших какую-то канаву, подхлестывал бичом по их голым спинам и осыпал ругательствами, и Чайкин только на другой день узнал о том, что негры находятся в рабстве и что война между северными и южными штатами идет именно из-за отмены рабства.

Нащупывая по временам на груди спрятанные в мешочке банковые билеты, наш молодой матрос дошел до одной из больших улиц, имея маленький узелок в руке со всем своим имуществом, и, увидав магазин с готовым платьем, зашел туда.

Через полчаса из магазина вышел совсем другой Чайкин, непохожий на прежнего. В новой пиджачной серой паре, с широкополой сомбреро на голове, в накрахмаленной рубашке с отложным воротником, повязанным цветным галстуком, в крепких, на двойной подошве, башмаках, Чайкин имел вполне джентльменский вид, и когда взглянул в магазине на себя в зеркало, то в первую минуту сам себя не узнал – до того изменил его ко-

СТЮМ.

В том же магазине, в котором можно было купить решительно все, Чайкин купил дешевые часы в пять долларов, две смены белья, чемодан и револьвер. Засунув револьвер в карман, он в лавке уложил все свои вещи в чемодан и, расплатившись, вышел на улицу, чувствуя себя словно бы независимее и свободнее, снявши свое матросское отрепье, полученное им от господина Абрамсона.

«То-то удивились бы наши ребята с „Проворного“, если б меня увидали!» – подумал молодой матрос, заглядывая в витрины магазинов, отражавшие щеголевато одетого господина.

И он чувствовал себя господином.

Вспоминая ребят, Чайкин словно бы жалел их, что и они не такие же вольные птицы, как он сам, и даже не знают, как приятно быть вольной птицей и не знать над собой гнета. Он понял это всем своим существом и не раз благодарил господа бога в горячей молитве, что он сподобил его сделаться человеком. И вся его жизнь на клипере, где он вечно чего-то боялся, где боцман мог бить его и где

сам он казался себе таким ничтожным и в чем-то виноватым, – эта жизнь представилась ему теперь далекой и чужой, хотя тоска по родине временами и заставляла его тосковать и, стоя на «Диноре» у руля, напевать вполголоса свои родные песни.

Чайкин направился в ресторан. Ему очень хотелось есть. Он увидел скромный ресторан, на дверях которого крупными буквами было написано: «Обед за 50 центов», и вошел в двери.

Из дверей коридор вел в небольшой сад, где за столиками сидели обедавшие, и Чайкин уселся за один из свободных столиков.

Тотчас же бой-негр подошел к нему.

– Какое вино будете пить, сэр?

– Дайте пиво.

Обед очень понравился Чайкину, и он после солонины и свинины, которые давали на «Диноре», с удовольствием съел тарелку супа, какой-то рыбы, зелени и мяса. И когда ему подали вазу, полную груш, яблок и персиков, он жадно набросился на них.

– Кофе прикажете, сэр? – снова спросил бой.

– Давайте и кофе! – решительно приказал Чайкин.

Бой принес кофе и подал газету.

– Вечернее прибавление, сэр!

Чайкин взял газету и вспомнил «Долговязого», говорившего, что всякий человек должен читать газету.

И на первой же странице он прочитал напечатанное крупными буквами: «Бой „Потомака“ с „Вашингтоном“».

В заметке описывалось, что «Потомак» обратил в бегство «Вашингтон» и что только свежая погода помешала

«Потомаку» пустить ко дну крейсер.

У всех посетителей были газетные листы в руках, и на всех лицах светилось радостное возбуждение. Поднялись шумные разговоры, требовали вина, говорились патриотические речи.

– А вы чего не радуетесь? – вдруг обратился к Чайкину высокий плотный американец с большой бородой, в кожаной куртке и в красном поясе, из-за которого торчал револьвер.

Красное лоснившееся лицо его, масляные глаза и заплетающийся язык свидетельство-

вали в достаточной степени, что этот господин пьян.

– Чего вы не радуетесь, спрашиваю я вас? – вызывающе продолжал американец, схватывая Чайкина за плечо.

Только тогда Чайкин понял, что обращаются к нему.

– Чего мне радоваться? – ответил Чайкин.

– Вы иностранец... извините... А я думал, вы янки...

Тогда я вздул бы вас, а теперь могу только сожалеть, что вы не радуетесь тому, что «Вашингтон» позорно бежал от

«Потомака». Вы, верно, недавно в нашей стране?

– Сегодня только.

– Немец?

– Русский... На «Диноре» пришел.

– На «Диноре»!.. Привезли нам ружья... Эй, бой! две рюмки рома!.. Пью за ваше здоровье!..

Незнакомец подсел к Чайкину, внимательно разглядывая его новый костюм и новый чемодан.

Чайкин выпил рюмку рома.

Незнакомец велел подать бутылку и налил Чайкину еще рюмку, но Чайкин решительно отказался и, уплативши по счету, вышел из ресторана.

Едва прошел он несколько шагов, как американец его нагнал.

– Вы ищете гостиницу... недорогую, конечно? Я вам охотно покажу недорогую. Я сам в ней стою. Хотите? Там очень хорошо, и, если у вас есть деньги, не бойтесь. Отдайте их хозяйну, и дело в шляпе. Я отдал свои пять тысяч.

Чайкин несколько струсил.

Гаук, прощаясь с ним, предупредил его, чтобы он был осторожен и первым делом купил револьвер, иначе того и гляди ограбят.

И Чайкин, желая отделаться от навязчивого незнакомца, ответил:

– Благодарю вас. У меня уже взят номер в гостинице.

– Взят? – недоверчиво спросил высокий господин в куртке, взглядывая на чемодан.

– Взят.

– В какой же гостинице, позволю себе спросить? Здесь надо держать ухо востро, и мне не хотелось бы, чтобы иностранец составил

неправильное представление о нашем городе, если его обкрадут... Я сам моряк и уважаю моряков. Я капитан Джиксон... Мой катер стоит на рейде...

грузится. Вот моя карточка...

И с этими словами капитан дал Чайкину карточку.

– Меня нечего обкрадывать. У меня нет денег! – проговорил сухо Чайкин.

– А разве капитан Блэк, привезший контрабанду, не наградил вас?. Разве новенький костюм, который так хорошо сидит, куплен в долг и вы не знаете, чем заплатить за номер? – насмешливо продолжал капитан.

И с этими словами он подхватил Чайкина под руку и хотел было свернуть с ним в глухой переулок, но Чайкин быстро повернулся и пустился бежать по улице.

Громкий хохот раздался вслед за ним, и капитан кричал вдогонку:

– Джон!.. Джон!.. остановись, дружище!

Чайкин остановился около небольшой площади, обсаженной деревьями, где было много народа.

Остановился и присел на скамейке. Никто не обратил внимания на его бегство. Теперь, когда «капитана» не было близко, Чайкину самому сделалось совестно, что он так струсил. Следовало бы проучить этого мазурика и позвать на помощь вместо того, чтобы позорно бежать. Но Гаук его напугал рассказами о смелых грабителях.

И теперь, когда на скамейку присел какой-то господин с бронзовым лицом, Чайкин как-то подозрительно взглянул на него и отодвинулся подальше.

Как-то быстро настали сумерки, и площадь осветилась огнями. Заиграл военный оркестр, и публика наполнила площадь и окаймлявшую ее аллею.

«Однако не пора ли и к капитану Блэку?» – подумал

Чайкин и хотел взглянуть на часы, но в жилетном кармане их не оказалось.

«Ах мазурик!» – вырвалось по-русски у

Чайкина, и он со страхом нащупал грудь. Билеты там, на месте. Затем он ощупал карман штанов. Слава богу! И кошелек с несколькими золотыми и серебряные доллары целы.

И Чайкин облегченно вздохнул и решил быть еще осторожнее и избегать по возможности разговоров с незнакомыми людьми наедине.

Прелестный вечер опустился над городом, и месяц томно глядел с высокого звездного неба. Толпы народа высыпали на улицу и сидели у кофеен, у домов. С разных сторон долетали звуки музыки. В воздухе стоял душистый аромат от цветов.

«Славно как!» – шепнул Чайкин, вздыхая полною грудью, и встал, чтобы идти в гостиницу «Юг», к капитану

Блэку.

Полисмен, к которому обратился Чайкин, указал на высокое, ярко освещенное здание, бывшее в нескольких шагах.

2

Чайкин вошел в подъезд пятиэтажного отеля.

В большом, ярко освещенном вестибюле,

сквозь стеклянные двери которого, против входа, темнела листва большого сада, на большом кресле, за барьером, важно восседал старый негр швейцар в красной ливрее и в обшитой галунами красной высокой шляпе-цилиндре.

Чайкин решил обратиться к негру и спросил:

– Позвольте узнать, капитан Блэк дома?

Негр посмотрел на Чайкина, потом на доску, висевшую на стене, покрытой объявлениями, и ответил:

– Ключа третьего номера нет. Верно, третий номер дома. Если вы войдете в первый этаж и повернете в левый коридор, то, постучавшись в дверь, узнаете, дома ли третий номер и захочет ли он вас видеть.

– Благодарю вас.

– Вы, конечно, иностранец?

– Я русский.

– И с «Диноры»?

– С «Диноры».

– Нехороший груз привезла «Динора», нехороший! –

тихо проговорил старик негр.

Чайкин поднялся в первый этаж и постучал в двери третьего номера.

– Войдите!

Капитан Блэк полулежал на диване в большой, роскошно убранной комнате, покрытой ковром. На столе перед диваном стояло несколько графинов, бутылка и стаканы. Чайкин заметил, что Блэк был мрачен. Тигр воркнул, но тотчас же смолк.

– Здравствуйте, Чайк. Очень рад вас видеть! Вы – молодец! – сказал капитан, крепко пожимая матросу руку и оглядывая его костюм. – Совсем джентльмен. Садитесь!

Чего хотите? Содовой воды с коньяком? Бренди? Шерри-коблера? Наливайте себе!

– Благодарю, капитан. Я ничего не хочу.

– Как знаете. Ну, куда решили ехать?

– В Сан-Франциско, капитан! – ответил Чайкин, осторожно присаживаясь на кресло, обитое бархатом.

– Значит, остались при прежнем намерении поступить на ферму?

– Да, капитан.

– А Гаук хотел предложить вам быть боцманом на бриге. Пятьдесят долларов в месяц.

Он только что был у меня и хотел завтра утром переговорить с вами. Вы где остановились?

– В «Матросе».

– Напрасно. Это скверная гостиница. Там вас могут обчистить. Перебирайтесь сюда и будьте моим гостем. Не отказывайтесь и не благодарите. Мне хочется быть полезным вам, Чайк!

С этими словами капитан Блэк позвонил и, когда вошел слуга, приказал ему приготовить номер в этом же коридоре для Чайкина и немедленно послать в «Матроса» за вещами джентльмена.

– Напишите на моей карточке свою фамилию. И приложите доллар за уплату за номер. Вот так. Ну, теперь все в порядке. Садитесь, Чайк, и выпейте шерри-коблера... Он не крепок.

И Блэк налил из графина в стакан питье, полное мелкого льда, и, подавая соломинку, проговорил:

– Опустите ее в стакан и тяните. Очень вкусно.

Чайкин покорно исполнил приказание ка-

питана и нашел, что это питье действительно вкусно. А за что с ним так ласков этот странный человек, он этого решительно не понимал.

– Так подумайте, Чайк, о предложении Гаука. А рекомендательные письма вам готовы. Вот они!

Блэк вынул из бумажника два письма и подал их Чайкину.

– Вас охотно возьмут на ферму. Вы – добросовестный работник, Чайк. Я это видел. И боцман были бы недурной, если только экипаж на бриге будет не такой, какой был при мне. Гауку таких и не нужно. Он не будет возить рискованного груза...

– Я в боцмана не пойду, капитан! – решительно заявил

Чайкин.

– Почему?

– Не по мне. Надо быть строгим с людьми. А я не умею.

Жалко людей...

Блэк удивленно посмотрел на Чайкина.

– Вы говорите: жалко... А вас самих разве жалели?

– Может быть, от этого и жалко! – промолвил Чайкин.

– Чудак вы, Чайк, большой. Редкий экземпляр человеческой породы. Еще стакан шерри-коблера?

– Благодарю. Довольно.

– И, пожалуй, вы правы, что в боцмана не идете... Поезжайте лучше во Фриски и поступайте на ферму. Осмотритесь и, конечно, свою ферму заведете. Хотели бы?

– Чего лучше?

И лицо Чайкина просияло. Недавний мужик, еще чувствовавший над собою власть земли, сказался в нем и на чужбине.

Блэк видел это радостное сияние. Оно, казалось, производило на него успокаивающее впечатление.

– Ну, хорошо. Положим, Чайк, вы купили земли и построили дом. А потом что?

– Чего ж еще мне, капитан?

– И у вас нет других, больших желаний, Чайк? – удивленно и с видимым любопытством ожидая ответа, допрашивал Блэк, потягивая через соломинку шерри-коблер.

– Мало ли чего человек хочет, капитан.

– Например? Чего бы вы еще хотели, Чайк?

– Мать выписать бы из России, если уж самому нельзя на родину. Только едва ли мать поедет.

– Отчего?

– Побоится. Далеко очень.

– А больше у вас нет желаний?.

– Прожить хорошо.

– Что вы называете: хорошо?

– По совести. Людей не обижать, злого не делать.

– И только?. А разбогатеть разве не хотите?

– Я и так богат, – добродушно промолвил матрос. – И

никогда не забуду как вы наградили меня, капитан! – с чувством прибавил Чайкин.

– Я говорю: разбогатеть по-настоящему, иметь много-много денег.

– Бог с ними, с деньгами. Что с ними делать? Я в бедности вырос и никогда не думал о богатстве.

– Я первого встречаю, как вы, Чайк. Счастливый и хороший вы человек! – с необыкновенною задушевностью проговорил капитан Блэк и примолк.

А Чайкин смотрел на бледное, мрачное лицо капитана и про себя пожалел его и подумал:

«Верно, совесть оказала себя!»

И в голове Чайкина невольно пронеслись воспоминания и о жестокости капитана в плавании, и об убийстве

Чезаре, и о приказании выбросить за борт живого негра

Сама, и о ненависти экипажа «Диноры», и вообще о дурной жизни Блэка, про которую, бывало, на вахтах рассказывал приятель Чайкина – Долговязый.

Наш простодушный матрос чувствовал скорее, чем понимал, что этот человек страшен именно потому, что ничего не боится, не зная удержу своей воле, но что в нем вместе с дурным и злым есть хорошее и доброе, которое теперь заговорило в нем и доводит его до «отчаянности», как про себя определил Чайкин мрачное настроение капитана Блэка.

И Чайкин весь как-то притих, смущенный, что мешает капитану своим присутствием, злоупотребляя его добрым отношением.

Как раз в эту минуту вошел слуга и доло-

жил, что вещи мистера Чайка привезены и что шестой номер для него готов.

И Чайкин поднялся с кресла.

– Вы куда, Чайк? Спать разве хотите?

– Нет, капитан. Но я боюсь помешать вам...

– Напротив, я рад, Чайк, что вы здесь. Я по крайней мере не один... Тоска, Чайк... Вот я и выгодное дело сделал... нажил сегодня хорошие деньги на ружьях, которые мы привезли и из-за которых я рисковал быть повешенным, если бы не разmozжил себе голову раньше, чем попасться в руки капитана крейсера, который вчера заставил нас стать на мель... Тут у меня чек на пятьдесят тысяч долларов, Чайк, – говорил Блэк, хлопая рукой по боковому карману. –

С этими деньгами можно начать какое-нибудь дело, чистое дело, – и все-таки... тоска... И знаете ли отчего, Чайк?

– Отчего, капитан?

– Во-первых, оттого, что я до сих пор не получаю телеграммы из Фриско... А во-вторых...

Блэк на секунду остановился и с горькой усмешкой прибавил:

– Оттого, что я и не получу ее, если особа,

от которой я жду телеграммы, узнала из газет, какой груз привезла

«Динора» и какой негодяй капитан брига. Не все, как вы, Чайк, жалеют людей, особенно таких, как я... Выпейте еще шерри. Не бойтесь, Чайк, не будете пьяны. Вам и не надо быть пьяным. Вам забывать нечего, Чайк.

Он налил Чайкину шерри-коблера, а себе содовой воды, наполовину разбавленной коньяком.

Отхлебнувши половину стакана, Блэк неожиданно проговорил:

– И знаете, что я вам скажу, Чайк?

– Что, капитан?

– Если бы я раньше встречал таких людей, как вы, Чайк, то, наверное, получил бы телеграмму, которую жду!

Чайкин решительно не мог понять, какое отношение может иметь получение телеграммы к знакомству с ним, но почувствовал, что он, скромный и простой человек, нужен капитану в эти минуты его тоски и отчаяния.

И, полный участил к нему, он с какой-то уверенностью, вызванной добротой его сердца, проговорил:

– Вы ее получите, капитан!

– Почему вы так думаете, Чайк? – с тревожным любопытством воскликнул Блэк.

– Так мне кажется... Надо получить! – ответил Чайкин и смутился.

А смущение его вызвано было тем, что он не решался сказать капитану, что думает так потому только, что жалеет капитана и всем сердцем хочет, чтобы телеграмма была.

– Вы, Чайк, верно сказали: мне надо получить! – подчеркнул капитан. – И если я ее получу, то весьма возможно, что я попробую развязаться с дьяволом и не стану больше ставить все паруса в попутный шторм, рискуя отправить и себя и других ко дну... Помните, Чайк, тогда на «Диноре», на пути в Австралию... страшно было, а?..

– Очень, капитан.

– Вот так, Чайк, я всю свою жизнь жарил под всеми парусами в попутный шторм с тех пор, как пятнадцатилетним мальчишкой ушел из дома с десятью долларами в кармане. Тогда я был не такой, Чайк... Тогда мать не плакала из-за меня, как потом, Чайк... Тогда она не думала, что ей придется краснеть за

сына... И сын не думал, Чайк, что он больше не покажется на глаза матери, чтобы не причинять ей лишнего горя. Не думал, что через других известит о своей смерти. Пусть она лучше думает, что ее любимый сын умер. Это лучше для нее, чем знать, каков у нее сынок. А она похожа на вас, Чайк... Она тоже бросилась бы спасать врага, как бросились вы, Чайк, спасать

Чезаре, рискуя жизнью... И тогда, когда вы это сделали, Чайк, вы заставили вспомнить старушку и заставили вспомнить, что и я когда-то был человеком... Вы меня удивили, Чайк, и заставили посмотретья в зеркало... А я давно этого не делал, Чайк... Очень давно... Понимаете ли, что я вам говорю, Чайк, и почему я, страшный капитан

Блэк, с вами именно об этом говорю?.. Никому я не сказал бы того, что сказал вам, беглому русскому матросу. И я знаю, что один вы на «Диноре» старались найти и мне оправдание в вашем добром сердце. Не правда ли, Чайк?

– Правда, капитан.

– А все-таки очень боялись меня?

– Боялся.

– Больше, чем своего русского капитана? – спросил

Блэк.

– Нет. Своего я по-другому боялся... На своем судне я боялся, что меня будут наказывать линьками, а на «Диноре» я вас боялся, пока вы не показали своей доброты ко мне, капитан...

Блэк налил себе еще коньяку с водой. Он начинал слегка хмелеть и, мрачный как туча, примолк.

Так прошло несколько минут.

– Слушайте, Чайк, о чем я буду просить вас, – наконец заговорил он. – Оставайтесь здесь еще три дня. Можете?

– Сколько вам угодно, капитан.

– Всего три дня... Если я в течение трех дней не получу телеграммы, то попрошу вас передать собственноручно письмо одной особе во Фриско. Письмо и в нем чек на пятьдесят тысяч долларов на предъявителя. И, кроме того, попрошу вас, Чайк, рассказать обо мне то, что вы видели и что слышали теперь... Исполните, Чайк?

– В точности исполню, капитан.

– Если особы этой не будет во Фриско, вы узнаете от ее матери, куда дочь уехала, и немедленно поедете туда, где она находится, чтобы лично передать письмо и сказать обо мне. Деньги на расходы по поездке получите, разумеется, от меня. Сделаете это, Чайк?

– Будьте уверены, капитан.

– А если эта особа умерла, то письмо сожгите, а из пятидесяти тысяч десять возьмите себе, а сорок отправьте матери – адрес я вам дам. Хотя мать и не нуждается, имея капитал, тем не менее кому, как не ей, принадлежат эти деньги? Она их хорошо употребит, я знаю.

Чайк поблагодарил Блэка, изумленный его распоряжением оставить себе десять тысяч, но решительно отказался от этого подарка.

– Я вам возвращу тогда деньги, капитан! – сказал он.

– Мне трудно будет возвратить, Чайк.

– Отчего?

– Оттого, что если в течение трех суток, считая с этого часа, – теперь десять часов, Чайк, – если я не получу телеграммы, то ровно в десять часов в субботу я пушу себе пулю

в рот. Поняли, Чайк, почему я вас прошу остаться и быть исполнителем моих последних распоряжений...

Чайкин в страхе смотрел на Блэка.

– Что вы так смотрите, милый мой Чайк? Вы думаете, что так страшно расстаться с жизнью?. У меня рука не дрогнет... Не бойтесь. Когда последняя надежда рухнет – жить будет скучно! – прибавил с грустной улыбкой Блэк.

Чайкин не сомневался, что капитан приведет свое намерение в исполнение, и, охваченный чувством ужаса и жалости, воскликнул:

– Нет, нет, капитан, не делайте этого!..

– Вам жаль будет меня, Чайк?

– Жаль! – с необыкновенной искренностью проговорил

Чайкин. – И убивать себя грех. Бог дал жизнь, бог и возьмет ее. Надо терпеть, капитан... И теперь уже вам не так тяжело будет жить, хотя бы вы и не получили телеграммы...

– Почему вы, Чайк, думаете, что мне будет легче жить?

– А потому, что бог вам сердце смягчил...

заставил мучиться за то, что вы не по правде жили...

– Да, совсем не по правде, Чайк! – усмехнулся капитан

Блэк.

– А теперь вы стали другим человеком и будете по совести жить... Нет, не делайте этого греха, капитан... Я...

Вы извините, что говорю так с вами... я – матрос, а вы –

капитан, но я любя говорю! – застенчиво прибавил Чайкин.

И эти простые немудрые слова, согретые любовью, произвели магическое действие на Блэка. Он смотрел на

Чайкина, и мало-помалу лицо его прояснилось, брови раздвинулись и что-то бесконечно нежное засветилось в его глазах.

Казалось, этот страшный капитан готов был расплакаться. И, по-видимому, чувствуя это и стыдясь такой слабости, он дрогнувшим от волнения голосом проговорил:

– Довольно, довольно об этом, Чайк... Еще у нас три дня впереди... А вы... вы, Чайк, славный человек, и вас я никогда не забуду!

И с этими словами Блэк крепко стиснул руку Чайкина.

Чайкин тотчас же повеселел и вдруг проговорил:

– А наши матросики как терпят... Ах, как терпят... А

все-таки живут, надеюсь, что лучше будет. И непременно будет! – решительно прибавил он.

Блэк улыбался и стал спрашивать Чайкина о прежней его жизни.

В двенадцатом часу капитан провел своего гостя в номер, показал ему, как действовать электрическими звонками, посоветовал Чайкину утром взять ванну, которая помещалась в маленькой комнате, рядом с номером, и с вечера выставить сапоги и платье, чтобы их вычистили, и, пожелав спокойной ночи, ушел, оставив молодого матроса несколько ошалевшим при виде роскошной обстановки и большой, застланной ослепительно белым бельем кровати, которая была в его распоряжении. Первый раз в своей жизни он, привыкший к курной избе и кубрику на судах, будет спать на такой кровати. И Чайкин чув-

ствовал некоторое смущение, когда, раздевшись, осторожно улегся после молитвы на прямую пружинную кровать и, прикрывшись легким пикейным одеялом, задернул кисейный полог «мустикерки».

Смущение скоро сменилось приятным чувством удовлетворенности уставшего тела. Обрывки мыслей путались в голове Чайкина, и он никак не мог их поймать. Полусонный, он затушил свечку и через минуту-другую уже храпел во всю ивановскую.

ГЛАВА XI

Когда на следующее утро Чайкин проснулся, он не без изумления протирает глаза, находясь еще под впечатлением последних сновидений. Во сне он видел себя на клипере, и боцман его ругал, обещая «начистить зубы». На этом обещании молодой матрос проснулся и... несколько секунд не мог сообразить, почему он лежит на мягкой постели и через тонкую ткань полога видит роскошную обстановку номера.

Наконец он освободился от чар сна, вспомнил, что боцман уже не может «начистить

ему зубы», и, нащупавши на груди фланелевую маленькую сумочку, в которой хранились деньги, быстро вскочил с кровати, прошел в соседнюю комнату и пустил воду в ванну.

Освежившийся после ванны, он вымылся в мраморном умывальнике и, окончив свой туалет, позвонил. Вошел слуга-негр и почти-точно спросил, чего желает «масса»

(господин).

– Нельзя ли кофе напиток, милый человек? – ласково спросил Чайкин.

– Сюда угодно?

– А разве можно в другом месте?

– Идите вниз... Там готов завтрак. Я вас проведу.

Слуга провел Чайкина на веранду, на которой стоял длинный стол, накрытый скатертью. На столе стояли приборы и большие чашки, хлеб, масло, разные сыры и блюдо горячей ветчины. Один старый господин, весь в белом, уже сидел за столом и пил кофе.

Перед верандой был роскошный цветник, а за цветником шел сад, густой тропический сад, полный разных пальм, тамариндов, бана-

новых деревьев и хлопчатника.

Чайкин замер от восторга при виде этой роскоши и жадно вдыхал аромат цветов.

«Экая благодать!» – подумал он, любуясь цветами и темной листвой сада.

Слуга принес кофе, и Чайкин сел за стол, с удовольствием поглядывая на блюдо с ветчиной и на миску с большим картофелем.

Он оказал честь и ветчине, и сыру, и хлебу с маслом, запивая эти яства вкусным кофе с горячим молоком, и когда есть уже больше не мог, пошел с веранды в сад.

Несмотря на восьмой час утра, солнце палило невыносимо, и в саду было так душно, что Чайкин скоро вернулся в свою уже прибранную комнату. Звуки музыки привлекли его к окну, и он увидел полк солдат, мирно шагающий сзади музыкантов. Вокруг шла целая толпа.

Многие женщины плакали.

«На войну, верно, идут!» – подумал Чайкин, слышавший, что в Америке идет междоусобная война, и, сравнивая выpravку американских солдат с русскими, нашел, что американцы не такие бравые, как наши, и только

впоследствии убедился, что отсутствие выправки не мешало американцам быть необыкновенно выносливыми и не хуже русских оказывать чудеса храбрости и отваги.

Полк прошел, улица опустела, и Чайкин принялся за газету, которую купил на веранде у газетного разносчика, вспомнив совет Долговязого непременно читать газету.

Газета была в руках у Чайкина первый раз в жизни, и он добросовестно и усердно штудировал ее, но, незнакомый с американскими делами, понимал очень мало в передовых статьях и заинтересовался только тогда, когда начал читать описание недавнего сражения, в котором южане описывались как победители. Чайкин только что одолел рассказ о битве и хотел перейти к следующей по порядку статье, имея намерение одолеть всю газету с начала до конца, как раздался стук в двери и вошел Гаук.

Он был очень весел и, поздоровавшись с Чайкиным, произнес:

– Вам говорил вчера капитан Блэк о моем предложении?

– Говорил.

– А говорил он вам, что я заново перекрашу бриг и переменю оснастку... То-то будет красивое суденышко –

бриг «Блэк». Уж я переменял название. Теперь бриг не

«Динора», а «Капитан Блэк»...

– Почему переменяли?

– Капитан подарил мне бриг с условием, чтобы я перекрасил его.

– Он разве подарил вам? – удивился Чайкин.

– А вы разве не знали? Подарил в награду за последнее плавание. Поджентльменски поступил. Как вы находите, Чайк? Так ведь редко награждают!

– Он и меня наградил, капитан Гаук. При расчете пятьсот долларов дал.

– Вы их стоили, Чайк. Ну, так как же, Чайк?.. Идите боцманом.

Чайкин наотрез отказался: и должность не по нем, и хочется ему на земле пожить, заняться землей...

– Очень жалею, Чайк! А я было думал, что вы будете на

«Блэке» боцманом... Пятьдесят долларов в

месяц и продовольствие... Желаю вам всего хорошего, Чайк! Не будь вы таким простофилей, вы скоро сделали бы настоящим янки и нажили бы деньги... Но на берегу вас непременно облапошат... Берегите свои карманы, Чайк, и не верьте всякому... В море куда лучше, Чайк, особенно если подобрать команду... А вы были бы с хорошими матросами отличный боцман... И после года я, куда ни шло, прибавил бы вам еще двадцать пять... Семьдесят пять в месяц и продовольствие, ведь это не дурно, а? – неожиданно вставил Гаук и, весело подмигнув глазом, похлопал Чайкина по плечу. – Не подходит? Видно, решились быть кротом, а не морским волком, Чайк?

– Да, капитан. С малолетства я был на земле. Люблю землю. А за приглашение благодарю и за то, что вы, мистер

Гаук, были добры ко мне на «Диноре», благодарю! – задумчиво промолвил Чайкин. – С вами я охотно стал бы служить, если бы не искал другой работы! – прибавил он.

Гаук поднялся и, крепко пожимая руку, сказал:

– Помните, Чайк, если захотите быть у ме-

ня боцманом, я к вашим услугам. Запомните, что через пять месяцев я буду в гавани Фриско. Там меня найдете на «Блэке». Кланяйтесь капитану. Я стучался сейчас к нему. Верно, спит...

отсыпается после плавания.

С этими словами Гаук ушел, а Чайкина охватило беспокойство за Блэка. Вчерашний разговор припомнился молодому матросу, и он вышел из комнаты и, подойдя к дверям номера Блэка, прислушивался.

Все было тихо.

Наконец Чайкин решился постучать.

– Капитан Блэк давно ушел, – проговорил слуга-негр, появившийся в коридоре.

– А нет ли капитану телеграммы?

– Есть... Он только что ушел, как пришла телеграмма! –

отвечал негр, ласково скаля зубы.

– Слава богу! – вырвалось из груди обрадованного

Чайкина, и он перекрестился.

Негр во все глаза глядел на Чайкина и, любопытный, как все негры, спросил:

– Вы, масса, друг капитана?

– Я очень благодарен ему. Он был добр ко мне.

– А к нам он не добр, масса. Он привез оружие на своем бриге... Он, значит, не хочет, чтобы нас освободили от неволи, если помогает южанам... Но им все-таки плохо.

Недавно их поколотили... Я слышал от верных людей! –

тихо проговорил негр. – Ведь вы, наверное, за наших заступников... Не правда ли?.. Вы не хотите, чтобы негры были невольниками?.

Чайкин сам был из крепостных и понимал, что значит неволя. И он ответил негру:

– Дай вам бог быть вольным... Правда свое возьмет.

– Я так и знал, что вы за нас... Вы так ласково говорите со мной, масса... Вы не американец, должно быть?

– Я русский...

– Русский?. О, я читал в газетах, что ваш царь освободил народ из неволи и потому желает, чтобы и нас освободили... И ваша эскадра недавно пришла в Нью-Йорк.

Эти слова негра были очень приятны Чайкину. Он ласково улыбнулся негру и сказал:

– У бога все равны, и наш царь это понимает: потому-то он и объявил волю.

– И Абрам Линкольн понимает. Он умница и добрый.

– А кто Линкольн?

– Линкольна не знаете?. Президента?.. – удивился негр.

– Вот он.

И негр, озираясь, достал из кармана своего фрака замасленную фотографию Линкольна и показал ее Чайкину.

– Каков? – с гордостью проговорил негр.

– Значит, хорош, коли подневольных людей жалеет!. –

отвечал Чайкин, возвращая карточку.

В коридоре показался какой-то господин, и негр, плутовато подмигнув глазом, приложил палец к губам: молчи, мол.

Чайкин понял это и громко спросил:

– Капитан Блэк не говорил, когда вернется?

– Нет, не говорил. Верно, к ленчу придет.

Чайкин не знал, что такое «ленч», но сообразил, что, верно, какая-нибудь еда, и спросил:

– А когда ленч?

– В час, ровно в час, масса. А обед в семь часов, и ваш прибор будет рядом с прибором вашего друга, капитана

Блэка.

Негр пошел вниз, а Чайкин в свою комнату. Он было принялся за газету, но ему не читалось и не сиделось на месте. Ему хотелось поскорей увидеть Блэка и сообщить радостную весть о получении телеграммы. Верно, это та самая, которую он ждет и из-за которой решил покончить с собой.

И Чайкин надел шляпу и вышел на улицу. Палило отчаянно, но Чайкин самоотверженно стоял под палящими лучами солнца на тротуаре, высматривая среди проходящих знакомую фигуру капитана.

Наконец Блэк подъехал в коляске, весь в белом, в шляпе, обернутой кисеей. Чайкин сперва было его не узнал в этом костюме, но через мгновение типичное лицо капитана Блэка, мрачное и бледное, заставило Чайкина броситься к нему.

– Капитан! Телеграмма получена! – радостно воскликнул Чайкин.

Блэк побледнел еще больше, и вслед за тем краска залила его щеки.

– И вы стояли на этом пекле, чтобы порадовать меня, Чайк? О, добрая душа! – проговорил Блэк, выскочив из коляски и входя в подъезд.

– Где телеграмма мне?..

Швейцар ее подал. Капитан быстро распечатал и стал читать тут же. Чайкин с радостью заметил, что лицо капитана словно бы преобразилось. Счастье и радость светились на нем.

Он взглянул на Чайкина, увидел его сияющее лицо и шепнул ему:

– Я буду жить, Чайк... Я буду жить! – повторил он.

На следующее утро Блэк и Чайкин плыли вверх по реке

Миссисипи на большом двухэтажном белом пароходе. В

небольшом городке Батонруже они должны были расстаться. Блэк уезжал на север, в Ричмонд, где в одном из госпиталей находилась его невеста сестрой милосердия, а

Чайкин должен был продолжать путь до

Канзаса, а оттуда в мальпосте 10 до Сан-Франциско через прерии, еще мало населенные колонистами и где кочевали индейцы. Тогда тихоокеанская железная дорога еще не была проведена.

Билет на пароход купил Чайкину Блэк в первом классе, чтобы быть вместе некоторую часть пути.

Перед расставанием Блэк сказал Чайкину:

– Не забудьте, Чайк, что в Америке у вас есть преданный и многим обязанный друг, который обидится, если вы не обратитесь к нему, если вам не повезет на первых порах и вам нужна будет помощь... Вы отказываетесь теперь от билета в тысячу долларов – это ваше дело... Но, смотрите, не вздумайте бедовать и не известить меня об этом. И вообще давайте о себе знать. Адресуйте ваши письма во

Фриско на имя одного моего приятеля (вот вам карточка) с передачей господину Джемсону... Капитана Блэка уж

10 Почтовой карете (фр., malle-poste).

больше нет, Чайк... Помните это... Меня

снова зовут

Джемсон, Генри Джемсон, как звали покойного моего отца... Уведомьте, когда поступите на ферму. Советую поступить к одному из тех двух лиц, к которым я дал рекомендательные письма... Эти господа порядочные. Дорогой держите ухо востро. На Западе много охотников до чужих долларов, а у вас их немного... А дорога до Канзаса во

Фриски долгая и не всегда безопасная... В глухих местах пошаливают западные молодчики. Револьвер у вас есть?

– Есть!

– Отлично! И старайтесь попасть на мальпост, где кучер дядя Билль... Не забудьте, Чайк!

Пароход подходил к маленькому городку. На пристани толпилось много солдат в своих белых блузах и широкополых шляпах.

– Ну, прощайте, Чайк... Надеюсь... до свидания... Я, верно, через несколько месяцев буду во Фриско... Война скоро кончится.

– И северяне победят? – спросил Чайкин, добросовестно прочитавший сегодня утром газету.

– Об этом говорите громко, Чайк, в Канзасе, на Миссури, а здесь все – сомбреро, рабовладельцы, и потому помалчивайте, чтоб не получить пулю в лоб... Ну, разумеется, южане проиграют свою игру! – совсем тихо говорил Блэк-Джемсон. – Да, вот еще что, Чайк. Если за Соленым озером, в Неваде, в большой пустыне случится, что на мальпост нападут джентльмены на лошадях и захотят отобрать от вас билет в пятьсот долларов, то вы покажите этим господам вот эту бумажку и скажите, что вы приятель

«Черного ястреба». Запомните. Я прежде знавал Черного ястреба и кое-кого из этих джентльменов пустыни... Надеюсь, они оставят вас с билетом! – прибавил Джемсон, подавая бумажку, на которой было написано: «Не трогайте, джентльмены, Чайка».

Чайкин спрятал бумажку в кошелек.

Пароход пристал к берегу.

– Прощайте, мистер Джемсон. Благодарю вас за все.

Они крепко пожали друг другу руки, и Джемсон сошел с парохода. Чайкин следил за ним глазами. Тот обернулся и кивнул голо-

вой.

Через четверть часа пароход пошел далее, рассекая острым носом мутноватые воды широкой реки.

Чайкин спустился в общую залу и принялся дочитывать утреннюю газету.

И как только он ее кончил, к нему подсел красивый молодой брюнет в кожаной куртке и высоких сапогах и, фамильярно хлопнув по плечу, спросил:

– Далеко едете?

– Далеко.

– А например? Я до Мемфиса, а вы?

– Я еду в Сан-Франциско.

– За золотом? – насмешливо спросил брюнет.

– Нет, за работой.

– Можно ли узнать за какой?

– На ферму рабочим.

– И едете в первом классе?

– Один знакомый заплатил за меня.

Человек в кожаной куртке подмигнул глазом, словно бы хотел сказать: «Ври больше!»

– Приятно иметь таких знакомых, черт возьми!

– Очень! – добродушно подтвердил Чайкин.

Брюнет не без уважения взглянул на Чайкина, как на человека, который врет мастерски, прикидываясь простачком, и, вынимая из кармана две колоды карт, проговорил:

– До обеда еще долго. Не хотели ли сыграть?

– Я не умею.

– Не умеете? Очень жаль! А впрочем, если не умеете, то этой игре не трудно научиться... Даю слово, что весьма легко... Смотрите!

И с этими словами брюнет стал метать банк.

– Не правда ли, очень просто?

– Я этой игры не знаю.

– А вот я вас научу, если позволите... Эй, черномазый!

два коблера! – презрительным тоном крикнул брюнет слуге-негру, появившемуся в каюте. – Положим, вы ставите пятьдесят центов, – я на крупные ставки никогда не играю! – на даму, которую вы вынули из вашей колоды...

Эта карта многим приносит счастье, сэр... Выньте на даму...

Чайкин послушно вынул даму.

– Теперь я начинаю. Правая сторона моя, левая – ваша... Если дама упадет налево – пятьдесят центов ваши, направо – мои...

Брюнет не спеша стал класть карты. Дама упала налево.

– Счастливец вы! Дамы вас любят... Ну, теперь попробуйте поставить, ввиду вашего счастья, доллар, положим, на туза...

Чайкин вынул из своей колоды туза.

– Посмотрим, что скажет туз... Я тузов обыкновенно бью!. – говорил, смеясь, брюнет, стасовывая карты. – Напрасно я вам посоветовал ставить на туза. О, черт возьми! С

вами просто страшно играть. Вы опять выиграли. Туз на левой стороне, и у вас в кармане полтора доллара. Получайте их!

И господин в кожаной куртке вынул из кармана штанов кучку золота и серебра и, бросая на стол монету в пять долларов, проговорил:

– Три с половиною дайте сдачи и ставьте теперь карту по своему выбору, а то я советую на свою голову!

– Что вы? Я разве взаправду играл? Вы

только учили! –

проговорил Чайкин, отодвигая от себя монету.

– А я полагаю, что деньги ваши... Я бы на вашем месте спокойно их взял.

– Нет, не мои! – протестовал Чайкин.

– Ну, как хотите... Спорить не будем... Ставьте карту по-настоящему и положите на нее монету, которую вам не жаль проиграть. А перед этим хлебните коблера...

– Благодарю вас. Я не пью. И карты не поставлю... Я не буду играть.

Несколько пассажиров, сидевших в большой общей каюте, безмолвно наблюдали эту сцену. Некоторые улыбались. Только один пожилой, прилично одетый господин, по-видимому возмущенный поведением человека в кожаной куртке, встал с лонгшеза и, подойдя к столу, за которым сидел Чайкин, обращаясь к брюнету, проговорил резким тоном:

– Что вы пристаёте к джентльмену!.. Разве вы не видите, что он иностранец, не желающий пользоваться счастьем в игре. Не хотите ли, я воспользуюсь им?.. Вынимайте-ка из кармана деньги... Я их переложу в свой...

– С удовольствием обчищу ваши карманы. Как прикажете вас звать, так как я не имею чести знать вашего имени.

– Капитан Бутс. А вы?

– Шкильнер, агент по всяким делам... к вашим услугам!

– сказал брюнет и, вынув из кармана, положил на стол кучку денег.

То же самое сделал и капитан Бутс, пока агент по всяким делам тасовал карты.

– Сколько ставите, капитан, и на какую карту?.

– Доллар для начала, – отвечал капитан, выдвигая монету, – а карту... не будете ли вы добры, молодой джентльмен, вынуть мне карту. Я буду играть на ваше счастье! –

обратился он к Чайкину. – Вы, по-видимому, очень счастливый человек... Как позволите назвать вас?

– Чайк...

– Так выньте-ка карточку...

Чайкин вынул тройку. Она выиграла, и капитан, устроив куш, опять попросил Чайкина выбрать карту. И эта выиграла. Шкильнер, казалось, удивлялся и довольно часто вспо-

минал черта. Через четверть часа вся куча золота перешла к капитану Бутсу. Он сосчитал деньги и проговорил смеясь:

– Двести долларов пригодятся... Благодарю вас, мистер

Чайк. Это ведь я вам обязан... А вы больше не хотите, видно играть, агент?

– Буду, если только мистер Чайк не станет выдергивать карт. Ему нестерпимо везет!

Тогда капитан Бутс обратился к Чайкину и сказал:

– А знаете ли что, мистер Чайк? Давайте-ка пополам играть. Тогда он не может запретить ставить карты по вашему выбору, и мы дочиста обчистим агента. Идет, что ли, агент?

Шкильнер, казалось, не решался.

– Что, трусили, агент?.

– Так и быть, проиграю вам еще сто долларов! – наконец сказал он и бросил на стол билет в сто долларов.

– Сколько поставим, мистер Чайк?. Назначайте вы куши, и карты ставьте вы...

У Чайкина заблестели глаза. И он уже было решился рискнуть пятью долларами, как, бросивши случайно взгляд на пожилую жен-

щину, сидевшую за большим обеденным столом с книгой в руках, увидел, что она быстро покачала головой, словно бы давая знать, чтобы он не играл. В то же время Чайкин вспомнил, что говорил Блэк-Джемсон про шулеров.

Он тотчас же одумался и сказал:

– Извините... Я не буду играть... Играйте одни...

И с этими словами он встал и пошел вниз в свою каюту.

В двойной довольно просторной каюте Чайкин после ухода Блэка был один. В Батонруже никого не посадили к нему. И он был очень этим доволен, напуганный только что сделанным знакомством и своим соблазном играть в карты.

Теперь он готов был чуть ли не в каждом пассажире видеть мазурика, имевшего намерение посягнуть на его деньги, и решил вперед быть осторожным и избегать разговоров с пассажирами, а то того и гляди обьегорят.

«Вот только этой доброй барыни, что головой махнула, нечего опасаться. Спасибо ей!» – подумал Чайкин и стал глядеть в открытый большой иллюминатор на реку и на берег, по-

крытый густым зеленеющим лесом. По временам пароход шел близко к берегу, и тогда Чайкин видел высокие, стройные сосны, дубы и другие деревья, которых не знал. Довольно часто попадались и поселки, а то и одинокие бревенчатые дома в лесу.

И чем более глядел Чайкин на лес, тем задумчивее и грустнее становилось добродушное лицо его.

Он снова испытывал жуткость одиночества среди чужих людей, в чужой стороне, в которой очутился неведомо как и из которой нет ему возврата. И хотя, слава богу, жизнь на чужой стороне впереди ему как будто и улыбалась, и он не чувствует себя теперь таким подневольным, каким чувствовал раньше, и вдобавок имеет такие деньги, о которых не посмел бы и думать ни в деревне, ни на службе,

– тем не менее тоскливое чувство давало себя знать...

Чтобы размыкать его, Чайкин запел вполголоса родную песню. Но заунывный, полный тоски напев не размыкал тоски. Напротив, он пел, а голос его вздрагивал и слезы тихо кати-

лись из его глаз...

А он все пел и как будто духовно сливался с родиной и словно бы видел перед собой и родной лес, куда нередко ходил, и речонку, и почерневшие избы, и свою Пегашку, с которой он делал свое любимое мужицкое дело.

Уже темнело. То и дело на берегу светились огоньки в одиноких домах.

«И они в одиночку здесь больше живут. Не так, как у нас в России – деревнями. Здесь будто и деревень нет!» –

подумал Чайкин, переставая петь.

В это время раздался у каюты звонок. Чайкин догадался, что зовут обедать. Он зажег в кенкетках свечи и, оправившись перед зеркалом, вышел из каюты, по роскошному, обитому ковром трапу поднялся в следующую палубу и вошел в ярко освещенную обеденную залу, где большой стол, сверкавший белизной белья, графинов, стаканов и рюмок, был уставлен вазами с персиками, сливами и грушами, среди которых возвышались очищенные ананасы. Лакеи-негры были во фраках и в нитяных перчатках.

Чайкин смущенно озирался вокруг. Пасса-

жиры первого класса еще не собрались, и в зале было только несколько человек. Но вот раздался второй звонок, и публика стала собираться. Чайкин заметил, что дамы принарядились.

Пока шли разговоры, Чайкин сидел в стороне и глазами искал капитана Бутса и агента по всем делам, но их, однако, не было. Прозвонил третий раз, и все стали садиться за стол. Подошел и Чайкин, но не знал, куда ему сесть.

– Вот ваше место, сэр! – указал ему старик негр. – Тут на карточке ваше имя.

Чайкин сел около пожилой дамы в черном платье, которая его остановила от игры. По другую сторону сидел высокий, рыжеватый молодой человек.

Несколько сконфуженный соседством, Чайкин сосредоточенно и серьезно ел суп.

– Вы, верно, недавно в Америке? – спросила его соседка.

– Недавно.

– То-то я сейчас же это и заметила... Вы отлично сделали, что не играли.

– Благодарю вас, что вы предупредили ме-

ня... Но кто были эти господа?

– Известные шулера из Нью-Орлеана... Они ездят на пароходах, чтобы излавливать доверчивых людей.

– Так они знали друг друга?

– Еще бы. Они компаньоны. Играли нарочно, чтобы втянуть вас в игру.

– Я раз проиграл им пятьдесят долларов! – заметил рыжий молодой человек.

– Но где же они? – спросил Чайкин.

– Остались в Майерсвиле, чтоб сесть на пароход, который пройдет сверху... Они – профессиональные шулера.

Капитан – такой же капитан, как я король, а агент – такой же агент, как вы принц! – рассмеялся рыжий молодой человек. – И советую вам никогда не играть в карты с незнакомыми людьми!.

К концу обеда соседка спросила Чайкина, какой он нации, и, узнавши, что русский, обрадовалась. Она оказалась полькой и говорила по-русски. И с какою радостью оба они заговорили по-русски! После обеда они долго еще беседовали вдвоем, и Чайкин ушел спать значительно повеселевший. Ему еще два дня

предстояло удовольствие говорить на родном языке, так как случайная знакомая ехала до Сан-Луиса, где имела магазин. Она рассказала

Чайкину свою историю. Муж ее, механик, во что бы ни стало хотел разбогатеть, и они, имея две тысячи рублей, переселились в Нью-Йорк двадцать лет тому назад, через несколько месяцев после свадьбы. Но разбогатеть было не так-то легко, как казалось. Скоро часть денег была прожита, часть пропала в спекуляциях, и они бедовали долго, пока муж не получил наконец хорошего места на одном заводе в Нью-Йорке. Они вздохнули, зажили хорошо, но мысль сделаться богатыми не давала мужу покоя, и, когда в

Калифорнии открыто было золото, муж оставил место и уехал в Сан-Франциско.

– Мужу посчастливилось, – рассказывала полька, – и он в три месяца нашел золота на сто тысяч долларов и вернулся в Нью-Йорк. Казалось бы, чего больше желать? Но человек никогда не бывает доволен. Муж построил завод и разорился дотла. Приходилось начинать все снова. А муж начинал прихварывать. Мы переехали на юг, сперва жили во

Флориде, а потом в Нью-Орлеане. Опять наши дела несколько поправились... Муж заведовал мастерской паровой компании, а сам все мечтал сделаться миллионером и вернуться домой в Варшаву. Все разные изобретения по машинной части выдумывал, бедняга, и пять лет тому назад умер... Тогда я переехала в Сан-Луис и открыла там маленький магазин дамских нарядов. Прежде я была портнихой и хорошо кроила. Знание и пригодилось. Дело пошло, и я, слава богу, живу безбедно и воспитываю двоих детей. Одно только жалко: не с кем перемолвиться на своем языке, – со вздохом прибавила полька.

– А с детьми? – спросил Чайкин.

– Они почти не говорят по-польски. Родились здесь и настоящими американцами стали. Один уж скоро собирается на завод поступить, – ему шестнадцать лет, хочет сам зарабатывать деньги, – а другой еще ходит в школу...

– А на родину вам не хочется?

– Еще как хочется!. как уедешь?. Дети держат... А им какая работа на родине, если они и языка не знают...

– А на побывку съездить?

– То-то хоть взглянуть на родные места да на маму...

Она еще жива и все зовет приехать. Вот, бог даст, подрастет Влодек и станет на свои ноги, тогда я непременно поеду погостить домой!.. Непременно поеду!. Сдам магазин помощнице и поеду... Да, господин Чайкин, здесь в Америке хоть и недурно, господь не оставил меня своей милостью, – а все-таки нет на свете места лучше родины.

Каждого кулика к своему болоту тянет.

– Это верно. На чужбине – словно в домовине¹¹, говорят люди.

Полька глубоко вздохнула и сказала:

– В двадцать лет, что мы здесь, поневоле свыкнешься, а в первые годы сколько я слез пролила, тосковавши... И

боже мой!.. Да и теперь как вспомнишь о родине, так и защежит сердце. Так, кажется, и полетела бы в Варшаву, хоть бы только глазами взглянуть на свой город...

– А вы, значит, из Варшавы сами?

– Там родилась, там выросла, там замуж вышла... Думала, что и умру там, а вышло по-

иному. Видно, здесь придется помереть.

Эти слова напомнили нашему матросу, что ему никогда не вернуться в Россию, и его лицо омрачилось.

– Мне так никогда не видать своих мест! – уныло промолвил он.

Полька не расспрашивала почему. Она догадалась, что новый ее знакомый один из тех многих в Америке людей, которые имеют счеты со своей родиной.

Она только сочувственно промолвила:

– Кто знает? Может быть, и увидите...

Два дня Чайкин пользовался возможностью говорить по-русски. Как только новая его знакомая показывалась в общей каюте, он подходил к польке, и между ними начи-

11 Домовина – гроб.

нался разговор и оканчивался только поздно вечером, когда они расходились спать. И эти разговоры имели своим предметом преимущественно воспоминания. Словоохотливая полька словно хотела себя вознаградить за долгое молчание, чтобы поговорить хотя бы на родственном языке о своей Варшаве, о

родителях, о своей молодости, о том, как она жила швеей в одном русском доме и выучилась хорошо по-русски.

В свою очередь, и Чайкин познакомил госпожу Згрожельскую со своей историей, чем рассеял подозрения польки, подумавшей было, что Чайкин бежал с родины вследствие свершенного им какого-либо преступления.

Она слушала с большим сочувствием рассказ Чайкина о том, как тяжело было служить матросом на клипере, как он остался в Сан-Франциско, и очень волновалась, когда

Чайкин рассказывал о плавании на «Диноре» и о том, как часто все рисковали быть на морском дне во время бурь...

Говорил он и о капитане Блэке.

Когда он произнес эту фамилию, госпожа Згрожельская сказала, что она еще недавно где-то читала о каком-то капитане Блэке, который под другим именем был известен как начальник шайки разбойников на пустынных дорогах

Запада.

– Это, наверно, не мой капитан.

– Не ручайтесь... Когда мы жили в Сан-

Франциско, то знали одного очень прилично-го джентльмена, который потом был наказан судом Линча... Его повесили ночью в парке...

– Что ж он делал?

– Тоже занимался разбоем: по ночам выезжал за город в маске и грабил и убивал, но все не попадался в руки правосудия. Его и осудили своим судом... Здесь это часто бывает... Так вы едете в Сан-Франциско?

Чайкин объяснил, что он хочет поступить работником на ферму в тех местах.

Госпожа Згрожелская очень одобряла планы нашего матроса заняться землей и, если бог даст, завести свою ферму.

Она сама давно мечтала о ферме и о тихой жизни на лоне природы, вдали от города. Она хоть и горожанка, а любит природу. Но пана Згрожелского, ее мужа, всегда тянуло к городу... Он до самой смерти не терял надежды снова разбогатеть и вернуться на родину миллионером. А

город и сгубил его. Слишком уж много сил вытягивает город у человека, а муж к тому же был слабого здоровья.

– Он и сторел раньше времени! – грустно

промолвила полька и прибавила: – Избегайте городов и в особенности спекуляций: один из них богатеет, а сотни разоряются и начинают снова... Такой уж народ эти американцы! Но нам с ними не тягаться... Лучше быть довольным малым, чем гнаться за большим. Не правда ли?

– И я так полагаю. Да я никогда не думал о богатстве...

С большим сожалением простился Чайкин с госпожою

Згрожельской. Они горячо пожелали друг другу всего хорошего и расстались, быть может, навсегда.

А впрочем, кто знает?

Все остальное путешествие на пароходе Чайкин оставался один. Напуганный джентльменами, предлагавшими ему играть в карты, он теперь почти на всех пассажиров поглядывал подозрительно и ни с кем не разговаривал;

если же кто-нибудь обращался к нему, он отвечал лаконически.

В каюту, которую Чайкин занимал, так и не нашлось другого пассажира, и он большую

часть времени проводил в ней, спасаясь от жары наверху и от массы мошек, комаров, которые по временам решительно отравляли существование. По обыкновению, он сидел у открытого иллюминатора и разглядывал берег, то покрытый лесом, то представлявший собою роскошный зеленый ковер, пестревший яркими цветами.

По вечерам, после обильного американского обеда, Чайкин выходил на палубу и ходил взад и вперед, раздумывая о будущем устройстве своей жизни. И он благодарно вспоминал о капитане Блэке, от души желая ему избавиться от «дьявола», о котором рассказывал капитан.

А на реке было так хорошо после дневного зноя.

Пароход быстро несся вперед, бороздя воду колесами, и высокая балансирная машина мерно отбивала такт. Темное небо горело мириадами звезд. Огоньки поселков говорили, что близко живут люди и наслаждаются чудным вечером после дневной работы. Изредка встречались лодки и слышен был веселый говор...

В один из таких вечеров Чайкин стоял, прислонившись к борту, и глядел на реку, залитую лунным светом. Впереди чернела небольшая лодочка... Пароход к ней приближался, как вдруг... что это – во сне или наяву? – как вдруг Чайкин услышал из лодки звуки русской песни. Два голоса, один тенор, другой баритон, пели:

Вниз по матушке, по Волге...

– Братцы! – невольно крикнул Чайкин.

– Здорово, земляк! – взволнованно ответили оба голоса.

Пароход прошел, и песнь полилась снова.

Чайкин чуть не заплакал.

Когда его волнение прошло, он обратился к помощнику машиниста, который вышел подышать воздухом и стал вблизи него:

– Сейчас пели русскую песню. Здесь, значит, живут русские?

– Тут, в лесном поселке, пять русских живут! – отвечал помощник машиниста.

– Чем они занимаются?

– Дровосеки.

– И давно они здесь?

– Я пятый год хожу по Миссисипи. Они уж были здесь, только рубили лес в другом месте. Отличные джентльмены, я их знаю. Они прежде дрова нам ставили. Теперь лес сплавляют. Хорошо работают! – прибавил помощник машиниста.

– У какого-нибудь хозяина живут?

– Зачем? Они сами хозяева и компаньоны. Они сняли большой участок и все вместе живут в лесу. Там у них домик выстроен. Я был у них в гостях. Очень гостеприимные джентльмены и много могут выпить вина... А вы русский, видно?

– Русский.

– Тоже из Сибири удрали? – спросил, подмигивая глазом, помощник машиниста, пожилой господин с длинной окладистой черной бородой.

– Нет. Почему вы подумали, что я убежал из Сибири? –

удивленно спросил Чайкин.

– Те пять молодцов русских дровосеков из Сибири бежали. Они рассказывали, что там не очень-то хорошо им было. Они находят, что у нас лучше! – засмеялся бородатый гос-

подин, пожеывая табак.

И, сплюнув за борт, спросил:

– А вам нравится у нас?

– Очень.

– Ну еще бы! Свободная страна! – внушительно проговорил машинист.

И, кивнув головой, ушел в машину.

«Живут, значит, и здесь русские люди!» – подумал

Чайкин, и ему стало легче на душе.

Чем выше поднимался пароход, тем более менялся вид пассажиров. Когда Чайкин плыл по Миссури, то на пароходе он уже не видал смуглых, загорелых лиц южан, кожаных курток, высоких сапогов, широкополых сомбреро и револьверов за поясами.

И в общей каюте и на палубе, не стесняясь, бранили «собак южан» и рассказывали о победах северной армии, и о близком торжестве Севера, и об освобождении негров. В

маленьких городках, где останавливался пароход, заметно было большее оживление, чем на юге. Продавцы газет являлись на пароход, и тотчас же все пассажиры расхватывали газеты и жадно читали. Покупал газету и Чай-

кин и читал ее с увлечением, все более и более интересуясь тем, что делается на белом свете.

Худощавые, нервные, довольно бесцеремонные в обращении янки понравились Чайкину гораздо больше ленивых и высокомерных южан. Янки, по наблюдениям русского матроса, были «проще». И он заметил, что они и пили водки и вина меньше, и почти не играли в карты и в кости, и обходились с неграми далеко не с тем презрением, как южане.

И Чайкин уже не относился подозрительно к пассажирам. Напротив, он прислушивался к их разговорам в общей каюте и старался понять, хотя и не всегда успешно, их беседы и споры о войне, о политических делах, о генералах.

Он только вынес уверенность, что Линкольн, должно быть, хороший человек, так как все превозносили его и говорили о нем с большим почтением.

Но особенно удивило его, когда он узнал, что президент

Северо-Американских Штатов был прежде

простым дровосеком.

В тот день, когда пароход должен был к вечеру прийти в Канзас, Чайкин был несколько озабочен, где ему остановиться на ночь.

Он хотел было спросить кого-нибудь из пассажиров, но не решался.

Его озабоченность внушила участие одному старому худощавому господину в черном люстриновом сюртуке и в высоком цилиндре. Он внимательно поглядывал на Чайкина, сидевшего в уголке, в отдалении от других, и наконец подошел к нему.

– Что приуныли, сэр? Такой молодой человек и как будто не весел! Куда едете? – спросил старик грубоватым, резким, но в то же время полным добродушия голосом.

Этот старик с выбритыми усами и длинной седой бородой сразу внушил к себе доверие, и Чайкин ответил, что едет в Сан-Франциско и не знает, где ему остановиться в

Канзасе на ночь.

– Чтобы подешевле! – прибавил он.

– Так вот отчего вы приуныли? – рассмеялся старик. –

Ну, я могу вам помочь. Остановитесь в «Зо-

лотом якоря» на набережной, прямо против паровой пристани.

– Очень благодарен вам! – горячо поблагодарил Чайкин.

– И скажите хозяину, что вас прислал Старый Билль!

Он вам правильный счет подаст и направит вас в контору дилижансов. Завтра и отправитесь на Запад, если торопитесь во Фриски и не намерены пробовать канзасского виски...

– Я не пью.

– И хорошо делаете, сэр. Я тоже не пью – и хорошо делаю. Мне шестьдесят лет, а посмотрите, какой я молодец! Не правда ли? – добродушно засмеялся Старый Билль.

– Правда!..

– Ну, прощайте. Мне сейчас выходить! – сказал старик, пожимая Чайкину руку. – От души желаю вам успеха!

Вечером пароход подошел к Канзасу. Чайкин взял свой чемодан и вышел на пристань.

Пробившись среди толпы, он вышел на ярко освещенную набережную и остановился в стороне, поглядывая, где гостиница «Золо-

той якорь».

Этой остановкой Чайкина довольно ловко воспользовался маленький мальчик в пиджаке, в соломенной шляпе, из-под которой выбивались непокорные черные кудри; он стоял на тротуаре около ящика, на котором лежали две сапожные щетки. Мальчик схватил ногу Чайкина и поставил ее в выемку на сапожном ящике с такою стремительностью, что Чайкин едва удержался на одной ноге.

– Держитесь крепче, сэр! Мостовая крепкая!

Чайкин не успел сообразить, что все это значит, как уж маленький американец, смазавши быстрым движением руки башмак Чайкина ваксой, принялся чистить его двумя щетками.

Тогда только наш матрос понял в чем дело и добродушно рассмеялся.

– Давайте-ка я отполирую другую лапу, – приказал мальчик, когда один башмак блеснул на диво. – Можете обходиться без зеркала! – прибавил он, не без гордости посматривая на дело своих рук.

Чайкин поставил другую «лапу».

Она была в минуту окончена.

– Сколько следует? – спросил Чайкин.

– Со всех я беру по доллару, а с вас десять центов! –

засмеялся юный канзасец.

Чайкин отдал монету и спросил:

– Где здесь гостиница «Золотой якорь»?

– Вы слепы, что ли? Она прямо перед вами.

Вон вывеска! – указал мальчик рукой.

И в ту же минуту захватил ногу какого-то господина, остановившегося около ящика.

– Не надо!

– По-моему, необходимо. Ваши сапоги, сэр, могут пугать публику!.

Господин рассмеялся и поставил ногу на ящик.

«Экий дошлый мальчуг!» – подумал, улыбаясь, Чайкин и направился через площадь в гостиницу. В конторе он обратился к хозяину с просьбой дать ему маленькую комнату и сказал, что его прислал Старый Билль.

– Два доллара вам не дорого?

– Мне бы в один... если есть...

– Эй, Сам! покажите джентльмену сто номеров восьмой номер на самом верху!

Негр взял из рук Чайкина чемодан и повел нашего путешественника наверх.

Крошечная комнатка под крышей была образцовой чистоты. Ковер покрывал всю комнату. Кровать с безукоризненным бельем, умывальник, столик и стул составляли все ее убранство.

Нечего и говорить, что Чайкин остался вполне доволен своим помещением, о чем и объявил негру-слуге. Узнавши от него, что дижжанс, отправляющийся на далекий Запад, уходит на следующий день в три часа дня, Чайкин поблагодарил негра и, раздевшись, заснул как убитый.

ГЛАВА XII

1

Проснулся Чайкин в семь часов утра. Солнце заливало своими лучами комнатку сквозь маленькое окно и радовало матросика, вселяя в него бодрость и надежду.

Он встал, помолился богу и, одевшись, веселый и жизнерадостный, спустился вниз, в столовую. Там уже было несколько человек,

пивших кофе и завтракавших и сидевших за стаканчиком грога и бренди.

У прилавка, заставленного бутылками, стоял хозяин, высокий янки с живыми, пронзительными глазами, и следил, чтобы посетителям скорее подавалось то, что они требовали. Два негра – слуги сновали взад и вперед с подносами.

Чайкин подошел к хозяину и поклонился.

– Хорошо выспались? – спросил американец, протягивая Чайкину руку.

– Отлично, благодарю вас. Позвольте спросить вас, далеко отсюда контора дилижансов?

– Близко. Сам проводит вас. А вы в этом костюме намерены ехать? – вдруг спросил хозяин, оглядывая Чайкина с ног до головы.

– В этом.

– Не годится! – отрезал янки.

– Какой же костюм надо, позвольте узнать?

– Кожаные куртку и штаны, высокие сапоги и широкополую шляпу. Недурно запастись и теплым плащом, если у вас его нет. В горах холодно. А револьвер есть?

– Есть.

– Все вещи можете купить в моей лавке. Она рядом.

Глядите в оба, чтобы приказчик не подсунул вам гнилого товара. Скажите, что Старый Билль вас мне рекомендовал.

А где вылез Старый Билль?

Чайкин сказал, что Старый Билль сошел с парохода в каком-то поселке недалеко от Канзаса, и спросил:

– А кто такой Старый Билль?

– Старый Билль? Он шериф и гроза здешних молодцов, занимающихся не совсем чистыми делишками. Он поехал ловить одного такого молодца и, верно, поймают. Вот кто такой Старый Билль. Вы с ним, значит, на пароходе познакомились?

– Да.

– И, значит, вы в наших краях первый раз, если не слышали о Старом Билле?

– В первый.

– Издалека прибыли?

– Из Сан-Франциско. Ходил на бриге матросом в Австралию, а оттуда в Нью-Орлеан. Теперь еду в

Сан-Франциско! – добросовестно ответил

Чайкин.

Вместо ответа янки рассмеялся и весело подмигнул глазом, словно бы хотел сказать:

«Однако ловко ты врешь!»

И, видимо заинтересованный, продолжал насмешливым тоном:

– Видно, много заработали в матросах, что оделись джентльменом и едете за свой счет на Запад?

– Много. И, кроме того, капитан меня наградил деньгами.

– И даже наградил? Удивительный капитан! Не выпьете ли вы за его здоровье чего-нибудь?

– Благодарю, я не пью. А капитан действительно удивительный! – говорил Чайкин, не замечая насмешки хозяина.

– Однако вы, сэръ, еще зелененький. У нас в Америке врут правдоподобнее! – добродушно рассмеялся янки. – Вы не будьте в претензии. Я для вашей же пользы говорю. Уж если вам нужно напускать туман, то надо делать это чуть-чуть половчее. А вы не умеете!

– Я не вру! – ответил Чайкин и весь вспыхнул.

– Тогда я, значит, первый дурак в Канзасе, с вашего позволения.

Между сидевшими за столиками, ближайшими к буфетной стойке, раздался смех. Кто-то сказал, обращаясь к хозяину:

– А вы, Джемсон, не припирайте молодого иностранца.

Вы не Старый Билль!

– И заметьте, Джемсон, отчего и не разбогатеть матросу, если, например, капитан нечаянно упадет за борт и в каюте окажутся деньги! – со смехом заметил другой.

Сконфуженный Чайкин проговорил, обращаясь к хозяину:

– Напрасно вы, мистер Джемсон, не верите...

– Канзасцы народ недоверчивый... быть может, вы не откажетесь назвать фамилию вашего удивительного капитана?

– Охотно. Капитан Блэк!

Это имя вызвало сенсацию.

– Вы говорите – Блэк, капитан «Диноры», которая недавно привезла ружья южанам?

– Он самый.

– Тогда извините, сэр. Охотно верю вам,

сэр. Я кое-что слышал о капитане Блэке, сэр. Он отчаянный джентльмен, но умеет рассчитывать как следует. Дельце с военной контрабандой – ловкая штука. И если он не был захвачен

«Вашингтоном» и не был вздернут на фок-карее, то, следовательно, ему везет дьявольское счастье по-прежнему...

Другой на его месте давно был бы на виселице... Когда-нибудь да попадет!

– За что он мог быть на виселице?

– За многое, за очень многое. Он под другим псевдонимом хорошо известен на дальнем Западе... Но только он так чисто вел дела, что повесить его было нельзя... Говорят, он подарил бриг своему помощнику, а сам уехал на север?

– Да. И уверяю вас, он станет другим человеком теперь!

– горячо произнес Чайкин.

– Способный и умный джентльмен... Он каким угодно человеком может быть... Однако вы, верно, хотите завтракать? Эй, Сам, подайте джентльмену позавтракать!

Пятьдесят центов полный завтрак, сэр. А

после завтрака

Сам проводит вас в контору дилижансов. Возьмите билет и на обратном пути купите в моей лавке необходимые вещи... Я сам с вами пойду... А то такого, как вы, простофилю, приказчик соблазнится надуть! – проговорил со смехом хозяин. – Вот свободный столик... Садитесь... Сам сейчас вам подаст!

Несколько сконфуженный и обиженный за бывшего капитана «Диноры», Чайкин досадовал, что пустился в откровенность с хозяином гостиницы и вызвал недоверие.

Он решил впредь быть осторожнее и с первым встречным не откровенничать.

Тем не менее неприятное объяснение с хозяином не помешало проголодавшемуся Чайкину съесть два больших куска поджаренной ветчины, пару яиц и несколько ломтей вкусного белого хлеба с маслом и сыром и выпить две большие чашки кофе с горячим молоком.

Расплатившись, он вышел с негром слугой на улицу.

Через полчаса он уже был в конторе дилижансов и спрашивал дешевое место до Сан-Франциско.

Молодая барышня сказала ему, что осталось только одно место – рядом с кучером.

– Отлично. Позвольте место. Что стоит?

– Двадцать пять долларов.

Чайкин достал из кошелька деньги и получил билет.

– Ровно в три дилижанс отойдет. Не опоздайте.

– Не опоздаю.

Возвратившись в гостиницу, Чайкин зашел в контору и, обратившись к хозяину, проговорил:

– Не поведете ли в свою лавку?

– Идем!

В большом магазине, в котором были всевозможные товары, начиная с дорогих материй и духов и кончая смолой и гвоздями, хозяин сам выбрал то, что рекомендовал купить, и выложил все это на прилавок перед Чайкиным.

Чайкин внимательно осматривал каждую вещь, особенно тщательно оглядел сапоги и ощупал их со всех сторон и спросил, что будет все стоить.

Хозяин ответил, что двадцать долларов.

– А дешевле нельзя?

– Дешевле? – переспросил хозяин. – Я вам назначил самую низкую цену.

Чайкин задумался.

– Так и быть, скину вам доллар за то, что не поверил вам! – сказал, смеясь, янки. – А вы не сомневайтесь, молодой человек, товар я выбрал вам хороший.

– Я не сомневаюсь и беру вещи.

– Ну, надевайте их сейчас же. Посмотрим, хорошо ли сидит на вас куртка.

Чайкин удалился с приказчиком в соседнюю комнату и через пять минут вышел оттуда в новом костюме: в куртке и в кожаных штанах, в высоких сапогах и в новой шляпе.

Все сидело на нем отлично. Затем он накинул на себя теплый плащ с капюшоном и остался доволен и им.

– А есть ли у вас одеяло? – спросил хозяин.

– Нет.

– Советую купить. Чем дальше к Западу, тем гостиницы на почтовых станциях будут хуже, и одеяло пригодится, да и всегда оно вам будет нужно. И маленькую подушку возьмите.

– Позвольте и одеяло и подушку.

– Я дам вам недорогое, так, доллара на три.

А подушку в доллар.

Чайкин купил одеяло и подушку.

Уплативши деньги, он забрал свое платье и, возвратившись в гостиницу, пошел в свой номер укладываться.

Уложившись и связавши одеяло и подушку, он осмотрел сумку на своей груди и сосчитал, сколько у него осталось денег в кошельке. Оказалось двадцать долларов.

«Этих денег с лихвой достанет на еду!» – подумал Чайкин, очень довольный, что до Сан-Франциско ему не придется менять банкового билета, зашитого на груди.

Около двух часов он спросил себе ветчины и хлеба и, простившись с хозяином и давши Саму двадцать центов, отправился с вещами в контору дилижансов.

– Счастливого пути! – проговорил хозяин, когда Чайкин выходил из гостиницы.

2

Кучера дилижанса, мистера Брукса, почтенного старика с длинной седой бородой,

сильного и крепкого на вид, скорей можно было бы принять за джентльмена из северных штатов, а не за одного из тех добродушно-грубых и мужественных «молодцов Запада», как называют этих людей по большей части с темным прошлым и сомнительным настоящим, которые в малонаселенных и еще глухих в те времена территориях далекого Запада составляли значительный элемент населения и пионеров, открывающих новые места.

И статная, полная достоинства фигура, и лицо мистера

Брукса, и то обстоятельство, что он не сыпал ругательствами, – все это не соответствовало его профессии и тем своеобразным манерам «молодцов Запада», которые Чайкин успел заметить уже в Канзасе.

Ровно в три часа кучер затрубил в рожок, и путешественники, одетые как и Чайкин, с револьверами за поясами, а некоторые и с ружьями, стали садиться в неуклюжий и громоздкий дилижанс, представляющий собой высокую, на круглых рессорах, карету, внутри которой было шесть мест, сзади – два и на

козлах, рядом с кучером, – одно.

Еще оглушительный рев рожка – и четверка сильных мулов вывезла дилижанс с грязного двора. Скоро он был уже за городом, и мулы побежали крупной рысью по ровной степной дороге. Через час-другой, миновавши несколько одиноких поселков, или «ранч», дилижанс уже выезжал в громадную прерию Канзасской территории, в которой в те времена еще кочевали краснокожие индейцы, занимая разными своими племенами громадное пространство между Канзасом и Скалистыми горами Калифорнии, пока не были уничтожены частью пионерами, частью войсками и пока не погибли от водки.

Тогда они свободно еще охотились в обширных степях за буйволами, лосями и антилопами и нередко пытались нападать на белых смельчаков, селившихся в тех местах, на обозы товаров и эмигрантов, направляющихся к Соляному озеру, и на дилижансы. Так называемые форты, то есть бревенчатые шалаши, которые были расположены по всему Западу от Канзаса до Сан-Франциско, в расстоянии сто или двести миль один от другого, и в

которых находились небольшие отряды солдат, конечно, не могли исполнить своего назначения – охранять дорогу от индейцев, и пионеры и торговцы за свой страх и риск отправлялись в глубь западных редких городов и поселков, селились на выбранных местах, строили новые городки, и, разумеется, многие платились жизнью, дорого, впрочем, продавая ее индейцам.

Был август в конце. Погода стояла жаркая, но поднятый верх защищал головы Чайкина и кучера от палящих лучей солнца. И Чайкин с радостным чувством истинно сухопутного человека любовался этими бесконечными равнинами. Масса подсолнечников и маленьких, Похожих на наши лютики цветов порой золотили обширные пространства. Эти равнины на расстоянии двухсот миль от

Канзаса были оживлены зеленью дубов, вязов и орешников, растущих по берегам реки Канзаса.

Воздух был теплый и душистый от луговых цветов. То и дело срывались ржанка или бекас. В воздухе парил коршун. Из земляной норки выбегала луговая собачка.

Изредка попадалась вблизи дороги ранча с садом.

Около – стадо овец.

К вечеру дилижанс проехал через индейское селение.

Это – мирные индейцы, бросившие охоту на буйволов и сделавшиеся фермерами. Среди их домиков – и ранчи белых, которые спаивают водкой «делаварцев», и скоро все их земли и уголья попадут за бесценок в руки белых.

Остановки на станциях, у какой-нибудь одинокой ранчи или бревенчатого шалаша, для смены мулов были непродолжительны. Останавливались только два раза в день по полчаса для завтрака и обеда. Путешественники большею частью имели свою провизию. Чайкин обыкновенно спрашивал хлеба и ветчины и довольствовался этой пищей да молоком, когда оно бывало в ранчах.

Чем дальше подвигался дилижанс на запад, тем пустыннее становилась степь, и тем чаще попадались скелеты лошадей, волов и мулов. Волки и вороны поедали павших животных, не боясь людей... Они не отбегали да-

же, когда дилижанс проезжал мимо. Нередко Чайкин видел, что волк, не обращая внимания, пробирался около дороги, по которой ехал дилижанс, видел гремучих змей, извивавшихся по земле. И ему делалось жутко от этой пустынности и безмолвия, и он радовался, когда кудахтали в кустах степная курочка.

Он спрашивал обо всем своего соседа, старого кучера, который охотно водил беседы с Чайкиным, видимо возбуждившим к себе участие.

Из этих бесед Чайкин узнал многое о далеком Западе, об индейцах, владения которых придется проезжать, о пионерах-колонистах, о переселенцах, о пустынной дороге впереди, о той американской Сахаре, где нет хорошей воды, нет растительности... один песок да песок...

– И дорога предстоит опасная! – заключил мистер

Брукс.

– Индейцы нападают?

– Нападают, когда они на «боевой» тропе.

Но теперь они считаются в мире и потому едва ли нападут на дилижанс. Они теперь гра-

бят только одиноких колонистов, являясь к ним в виде попрошайек...

– Так какая же опасность?

– От агентов большой дороги.

– Какие это агенты?

– Это беглые разбойники. Они разъезжают шайками и нападают на фургоны с переселенцами, на пионеров, на дилижансы, на одиноких пешеходов, на охотников. У этих людей столько преступлений в прошлом, что одно-другое лишнее им не в тяготу, и они отчаянный народ... Любой из них не остановится перед убийством... Еще две недели тому назад в двух милях от Денвера один такой молодец уколошил троих...

Чайкин невольно вспомнил слова капитана Блэка и порадовался, что у него его карточка.

В долгой дороге люди сходятся скоро, и Чайкин охотно слушал рассказы старика Брукса. Он таки видывал виды на своем веку и много переменял профессий, пока не сделался кучером.

И Чайкин совсем разинул рот от изумления, когда узнал, что Брукс был последова-

тельно журналистом, рудокопом, золотоискателем, метрдотелем, конторщиком в банкирской конторе, проповедником, владельцем фабрики и богатым человеком, имевшим свой дом, лошадей и так же мало думавшим лет десять тому назад сидеть на козлах, как мало думает он теперь сидеть в качалке на веранде своего дома в Нью-Орлеане.

– Тогда я разорился дочиста! – спокойно говорил мистер Брукс, похлопывая бичом в воздухе, чтобы заставить мулов бежать пошибче к ближайшей станции, до которой, по его словам, оставалось не более двух миль.

Там Брукс рассчитывал постоять часа три и заночевать до рассвета, так как ночь обещала быть темной, а дорога впереди была с оврагами.

– Отчего же вы не попробовали начать снова? – спросил

Чайкин.

– Не для кого было. Жена и дочь умерли вскоре от холеры. И трудно было начинать снова... Да и пришел я к убеждению, что и не к чему... Заплатил я все, что мог, кредиторам и остался с десятью долларами в кармане на

улице.

– И что ж вы тогда сделали?

– Поехал в Канзас и получил место кучера в «Почтовом обществе». С тех пор прошло десять лет, как я езжу между

Канзасом и Денвером. И чувствую себя недурно. Я поздоровел и, не правда ли, гляжу молодцом!

– Это правда.

– А ведь мне шестьдесят лет!

– И вы не жалеете богатства?

– Нисколько.

– Я тоже полагаю, что не в богатстве счастье.

– Мало людей, которые так думают.

– А из Денвера нас другой кучер повезет? – спросил

Чайкин.

– Другой. И дилижанс будет другой, и дорога другая –

куда хуже, и индейцев чаще будете видеть, и менять мулов реже, и ехать тише, и ночевать где придется... За Денвером перевалите горы и поедете потом пустыней... Безлюдная, мрачная страна... А в Денвере вы запаси-

тесью провизией.

Оно вернее будет! – прибавил мистер Брукс.

Солнце склонялось к закату. Вдруг впереди что-то зачернело и послышался гул. То буйволы пересекали дорогу.

– Ишь ты! – воскликнул по-русски Чайкин.

– Вы русский? – спросил кучер.

– Русский! – отвечал Чайкин. – А вы как узнали?

– По вашему восклицанию. Я знаю русских.

– Где ж вы их видали?

– А здесь... в степи.

– Как так?.. Разве здесь есть русские? – обрадованно спросил Чайкин.

– Есть. Они гонцики скота... Русских гонциков предпочитают другим. Они всегда аккуратно пригоняют скот из

Канзаса или из Ливенворта во Фриски... Там продают и возвращаются обратно. Хозяйева очень ценят русских гонциков скота... Честно делают свое дело и мужественно защищаются от нападений индейцев.

– И много таких гонциков?

- Человек пятьдесят.
- И давно они в этих краях?
- Давно, должно быть... У них около Ливенворта и своя деревня есть. И русские леди есть... Выписали из России.

Уже стемнело, когда дилижанс подъехал к станции. Это была небольшая ранча, одна комната которой любезно была предоставлена пассажирам. Желаящим раздавали буйволодые шкуры для подстилки на ночь.

Чайкин поужинал вместе с мистером Бруксом и потом с радостью выпил две большие чашки горячего чая, который раздобыл Брукс от хозяина ранчи.

Затем Чайкин вышел из ранчи и несколько времени стоял в саду, всматриваясь во мрак ночи. Воздух был свеж.

Близость сиерр, покрытых снегом, давала себя знать.

Кругом царила тишина. Только по временам раздавался протяжный вой.

«Волк бродит!» – подумал Чайкин.

Скоро он вернулся в комнату и, разложив на полу буйволодную шкуру, положил подушку и, покрывшись одеялом, заснул.

Когда с рассветом раздался звук почтового рожка, Чайкин быстро вскочил. Вставали и остальные пассажиры.

Двое «молодцов Запада» посылали проклятия и ругательства, что их рано будят. Даже присутствие дамы не особенно стесняло их.

Чайкин вымылся на кухне и, вернувшись, с удовольствием увидел, как хозяин ранчи, молодой канзасец с продувным лицом и плутовскими глазами, ставил на стол огромный кофейник, горячее молоко, чашки, сухари, бутылки с ромом и блюдо с ветчиной.

– Кушайте, джентльмены. Всего один доллар за завтрак!

Пока пассажиры и кучер завтракали, канзасец рассказывал, что ночью он чуть было не побеспокоил джентльменов.

– Почему? – спросили со всех сторон.

– Индейские собаки – команчи – бродили ночью слишком близко.

Молодая пассажирка, ехавшая в Денвер к мужу, побледнела при этих словах. Не особенно приятное впечатление произвели эти слова и на двух почтенных мулатов, и на одного молодого рыжего господина, и на Чайкина.

Только «молодцы» и Брукс спокойно продолжали уплетать ветчину.

– Не показалось ли вам, Джо? – спросил Брукс.

– То-то, не показалось, Брукс, так как я не был пьян и слышал, как эти бестии перекликались по-волчьи... Они, наверное, хотели ограбить ранчу, да увидали, что здесь много народа, и ушли...

– Ушли – и делу конец. А вы напрасно только пугаете пассажиров, Джо! Команчи, быть может, имеют личные счета с вами за то, что вы дорого продаете им ром... Не так ли, Джо? – продолжал Брукс.

Джо ничего не ответил, но объявил, что сегодня же поедет в форт и попросит пару солдат.

– А если вам их не дадут?

– Уеду к реке.

– А ранча?

– Продам ранчу. Уж есть покупатель... Довольно с меня и этого! – прибавил он и, отдернув прядь кудрявых волос, показал глубокий и огромный шрам на лбу.

– Это прошлогоднее посещение чайенов? –

промолвил

Брукс.

– Прошлогоднее, когда я уложил двух собак.

– Да, Джо. Вам лучше продать ранчу! – сказал Брукс. –

Готовы ли леди и джентльмены? – спросил он, обращаясь к пассажирам.

Пассажиры и Брукс расплатились и вышли.

Рассветало. На востоке занималась заря. Впереди синели сиерры.

– В дилижанс, леди и джентльмены! Прощайте, Джо!

Не забудьте дать знать в контору, если вы оставите ранчу...

Не забудьте поставить кого-нибудь за себя на станции...

Дилижансу нужны почтовые мулы... Слышите, Джо?

– И без вас знаю, Брукс.

– Я только напомнил.

– Помню.

Брукс щелкнул бичом, и дилижанс покатился.

– А индейцы в самом деле были? – спросил Чайкин.

– Наверное, были.

– Я выходил в сад и слышал волчий вой. Я думал, что волки.

– Это не волки, Чайк. Им нечего выть. Они здесь сытехоньки... Им тут пицци много... Смотрите...

И Брукс указал бичом на павших лошадей и волов у дороги, на которых сидели коршуны.

– Это были команчи. Они давно добираются до Джо.

– За что?

– А за то, что он порядочный таки негодяй. Он дорого продает индейцам водку и вообще обманывает их, лицемерно представляясь их другом. Еще недавно нападение команчей на одну ранчу возбудило подозрение, что индейцев натравил Джо, а после он же донес на них, и их судили и двух повесили... Быть может, индейцы И сообразили, с каким другом они имели дело.

– А индейцы показали на суде, что подстрекателем был

Джо?

– Нет. Они умеют держать слово. Они не выдали его.

Чем ближе дилижанс приближается к Денверу, тем становится душней... Воздух совсем раскаленный. Томит жажда, а питья хорошего нет. Вода в ручьях горьковатая.

Но и ее пьют. Одни только несметные стада буйволов чернеют то впереди, то сзади, то пересекают дорогу. Дилижанс окружен со всех сторон этими животными, любящими низкую сладкую траву этих равнин.

Но скоро эти зеленые равнины и стада остаются сзади.

Дилижанс незаметно поднимается на возвышенность и едет по песку. Солнце печет немилосердно. Степь почти голая, полна ящерицами и змеями. В воздухе кишит саранча... Жилья нигде нет... Только бревенчатые шалаша-станции одиноко стоят. Там меняют мулов и едут дальше.

Чайкин изнывал от жары и нетерпеливо ждал Денвера.

Но под самым городом он увидел еще степной буран, напомнивший ему шквал на море.

Но буран показался ему более ужасным.

Это было часу во втором дня.

В воздухе было особенно душно, и Брукс тревожно поглядывал на горизонт.

– Не нравится мне воздух! – вдруг сердито проговорил он.

– А что?

– Дышать трудно. Пахнет бураном. Вы, Чайк, видели бури на море. Теперь увидите бурю на земле. Здесь очень сильны бури.

– Вы ее ждете?

– Жду... Вот она идет сюда. Смотрите!

И Брукс указал Чайкину на маленькое серое облачко на горизонте, такое же, какое не раз видел Чайкин на море перед шквалом.

Облачко это все росло и росло и с быстротой приближалось. Вот оно разрослось в гигантскую черную тучу, которая задернула все небо и распространила вокруг полутьму. Молния изрезывает эту тучу огненными линиями, и среди тишины раздается оглушающий раскат грома.

И вслед за тем ворвался порыв ветра и хлынул дождь.

Ветер высоко вздымал песок, стоявший вроде смерча столбами, и дождь немилосердно хлестал.

Мулы остановились через несколько времени и повернули экипаж так, чтобы им стоять спинами к ветру. Они жалобно мычали.

Через несколько минут Чайкин и Брукс были мокры, несмотря на поднятый верх и фартук.

Буря делалась сильнее и сильнее. Казалось, дилижанс сейчас свалится.

В таком положении путешественники про-

были два часа. Два часа бушевала буря с дождем...

Наконец туча понеслась далее; вдруг прояснело, солнце весело глядело с голубого неба, и чудесный свежий воздух ласкал обоняние.

Брукс повернул мулов, и они весело и шибко побежали вперед.

Через четверть часа Чайкин увидел обоз фургонов, расположенных в виде эллипса. Внутри были женщины и дети и варили пи-

цу. Мужчины носили воду из ручья. Волы были пущены на траву.

– Зачем они сделали такой забор? – спросил Чайкин.

– Они остановились и будут ночевать здесь. Такой забор – лучшая защита против нападения индейцев.

– А как много народа идет на Запад, и не боится!

– Да, американцы не боятся! – не без гордости ответил

Брукс. – И за Денвером вы увидите, несмотря на пустынную дорогу и на индейцев, обозы с товарами, фургоны с переселенцами, стада скота... ранчи, в которых есть водка.

– Куда ж это все идет?

– В рудокопные округа Колорадо, Утахи и до самой

Калифорнии. Туда везут в легких степных фургонах продукты восточных городов и ферм: яблоки, зерно, сушеные фрукты, табак, рис, чай, муку, солонину, сахар, мануфактуру, словом, решительно все... И вот таким-то образом мало-помалу заселяется Запад. Уединенные ранчи образуются в поселки, поселки

в города... Скоро пройдет тихоокеанская железная дорога, которая соединит Нью-Йорк с Сан-Франциско, и тогда все эти пустынные места оживут и покроются городами.

– Куда же денутся индейцы? – спросил Чайкин.

– Им отведут земли и заставят работать... А не захотят

– тем хуже для них... Их усмирят войсками... Что делать? –

прибавил с видом сожаления Брукс.

К вечеру замелькали огоньки Денвера.

– Что, большой это город? – спросил Чайкин.

– О нет... В нем только четыре тысячи жителей... но зато отчаянных жителей...

– Отчаянных?

– Еще бы! Там живет много сорвиголов. Что ни дом, то кабак или игорный дом. Вам придется переночевать в

Денвере. Фургон идет завтра.

– А где переночевать?

– В Денвере две гостиницы, и обе скверные и грязные.

Мы приедем в ту, которая считается почто-

вой станцией.

Оттуда отходит почтовый фургон. Я попрошу, чтобы вам отвели подешевле комнату.

– Благодарю вас.

– Не за что. Переночуете и завтра пораньше купите себе провизии. А то в ранчах, кроме водки, ничего не найдете.

– А вы не знаете, кто поедет кучером? Не Старый ли

Билль?

– Он самый. А вы как его знаете? – удивился Брукс.

– Мне о нем еще в Нью-Орлеане говорили.

– Кто?

– Мой капитан.

Фамилии его Чайкин благоразумно не назвал.

– Ваш капитан дал вам добрый совет ехать со Старым

Биллем. Старый Билль давно ездит, хорошо знает местность и вполне честный человек... Он не продаст своего пассажира.

– То есть как это не продаст?

– Он не соблазнится барышами и не войдет ни в какие соглашения с агентами боль-

шой дороги, хотя бы ему предложили миллион долларов. Он настоящий джентльмен, но, надо признаться, немножко грубоват. Да вы, Чайк, парень не глупый и поймете Старого Билля... Вам долго придется сидеть с ним рядом. И вы во всем слушайте его, Чайк. И ваше счастье, что вы едете с ним. Когда он едет, на почтовый фургон реже нападают.

– Но почему же? Извините, мистер Брукс... Я все-таки не понимаю.

– Потому, Чайк, что Старый Билль не пошлет, например, условной телеграммы агентам большой дороги о том, например, что едет пассажир с туго набитым карманом...

Потому, Чайк, что Старый Билль не подвезет фургона к ущелью и именно к вечеру, когда пассажиры дремлют и не успеют приготовиться к нападению. У них револьверы еще будут за поясами, когда агенты наставят свои к их головам... Потому, Чайк, что Старый Билль знает гнезда агентов и любит проезжать их среди белого дня и притом дает совет пассажирам иметь револьверы наготове... Поняли теперь, Чайк?

– Понял, мистер Брукс!

– И все порядочные люди уважают Старого Билля. А

главное – он сам себя уважает. Это первое дело... И агенты предлагали ему большие деньги, чтоб он вступил в их компанию, но он послал их к черту. И они его боятся, так как знают, что он из своей винтовки убивает наповал и владеет ножом не хуже испанца. А кроме того, он знает в лицо почти всех агентов большой дороги... Знает, но ни одного из них не назвал шерифу. «Это, говорит, не мое дело, а ваше. Мое, говорит, дело пустить ему пулю в лоб при встрече... И я свое дело при случае исполню». Действительно, года три тому назад Старый Билль одного агента убил наповал, а другого, начальника шайки, пожалел...

подстрелил только руку. У него были с ним какие-то личные счета. Он чем-то обязан был тому молодцу.

Чайкин почему-то вспомнил про капитана Блэка.

– Ну, вот и город дьяволов! – проговорил, смеясь, Брукс, когда дилижанс поздним вечером въехал на большую улицу с небольшими

домами, из открытых окон которых раздавались ругательства и проклятия игроков и пьяные возгласы кутящих молодцов в кабаках.

Ночь была знойная и душная.

– Поздравляю, леди и джентльмены, приехали. Можете выходить! – проговорил Брукс, когда дилижанс остановился у гостиницы и целая кучка любопытных окружила карету.

ГЛАВА XIII

1

Большая часть пассажиров ехала в Денвер. Эти ушли по своим домам, окруженные друзьями и знакомыми. Скоро была опорожнена и почта – газеты и письма, предназначавшиеся жителям этого дьявольского городка.

В гостиницу вошли только трое: два «молодца Запада»

и Чайкин в сопровождении Брукса.

Хозяин гостиницы, толстый янки, встретил Брукса восклицанием:

- Целыми доехали, старина?
- Как видите...
- Значит, собаки не шалят?

– Пока нет... А вы, Джипп, вот этого джентльмена подешевле устройте! – указал Брукс на Чайкина.

– Ладно.

И, пожав руку Чайкину, спросил:

– Дальше едете?

– Дальше.

– Завтра?

– Завтра.

– Ну, так доллар заплатите за кровать. Идет?

– Идет.

– А кровать будет одна в комнате? – спросил Брукс.

– Одна. А что, разве он боится компании? – засмеялся

Джипп.

– Он первый раз в нашей стороне и всего боится.

Два «молодца» уже сидели в общей комнате, откуда доносились громкие восклицания и ругательства, а Чайкина слуга негр повел в маленькую и довольно грязную каморку, где стояли кровать и стул.

– Хорошо, сэр?

– Отлично.

– Ключ действует.

И негр, скаля белые зубы, показал, что ключ действует.

Он зажег свечку и сказал:

– Если хотите поужинать, то кое-что есть.

– А чай есть?

– И чай есть. И водки сколько угодно! – засмеялся негр.

– А вода есть, чтобы помыться?

– Вода?

Негр заглянул в медный умывальник, висевший на гвозде, и сказал:

– Сейчас принесу. Только лучше бы завтра заодно помыться, а то горячего внизу ничего не получите после десяти часов. А уж скоро десять.

– Несите воды... Я хоть грязь смою...

– Верно, буран захватил? – спросил болтливый негр.

– Буран.

– А в газетах нет известия, что северяне побили совсем южан?

– Есть... Побили... Однако несите воды.

– Несу... Несу... И хорошо побили?

– Кажется, хорошо.

Негр исчез и скоро вернулся и подал воды.

– И скоро будет мир, сэр? – спрашивал негр, пока

Чайкин, вымывши руки, отмывал грязь с своего лица.

– Кажется, скоро.

– Завтра я вас побрею, если хотите, сэр... Всего двадцать пять центов. А то усы у вас большие. Или вы носите усы?.. Впрочем, вы не янки... Янки усов не носят. Вы, верно, немец, сэр... Нет?

– Я русский.

– Это очень далеко ваша страна?

– Очень...

Негр вышел, и вслед за ним вышел и Чайкин, заперев двери на ключ и положив ключ в карман. В общей комнате было много народа. За столиками сидели денверские бородатые «молодцы» в высоких сапогах, в кожаных куртках, с револьверами, торчавшими из-за поясов, и с большими охотничьими ножами, выглядывавшими из карманов штанов. У всех на головах были широкополые шляпы. Все потягивали водку, вино или пиво.

Все это общество произвело на Чайкина сильное впечатление. Ему казалось, что он очутился среди разбойников. А между тем среди этих «разбойников» было много мужественных славных ребят.

Чайкин робко пробирался между столиков, отыскивая себе место.

Все столы были заняты, и он не знал, как ему быть.

Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Чайкин искал глазами Брукса, но его не было; он на дворе отпрягал мулов и отдавал в конторе отчет за свой «рейс».

– Да чего вы зеваете!. Как вас прикажете звать, джентльмен? – раздался около Чайкина грубый голос какого-то молодого человека.

– Места нет! – отвечал сконфуженно Чайкин.

– А разве около нас нет места? Садитесь и заказывайте что вам надо.

– Очень вам благодарен! – проговорил Чайкин, сядя за столик, у которого сидели два молодых человека и пили грог.

Слуга негр подошел к Чайкину и спросил:

– Грог, ром, коньяк, шерри-коблер, виски,

эль, портер, пиво?

– Что у вас есть по части съестного?

– Горячего или холодного?

– Горячего.

– Жареная ветчина, свиная котлета с томатом, жареные томаты, баранина.

– Дайте мне свиную котлету.

– Свиную котлету! – повторил слуга.

– И чаю.

– Чаю! – повторил удивленно негр.

– Да...

– И больше ничего? Ни водки, ни пива?

– Больше ничего.

Негр взглянул на Чайкина как на диковинное существо, какого еще не бывало в Денвере, и проговорил:

– Через пять минут вы все получите, сэр.

С таким же изумлением посмотрели на Чайкина и два молодых денверца и, не обращая более на него внимания, продолжали между собою разговор.

Шум в зале стоял невообразимый. Пол, покрытый опилками, представлял собою громадную плевательницу.

Несмотря на открытые окна, табачный

дым наполнял комнату. На некоторых столах играли в карты, и среди игроков нередко возникали недоразумения.

Вдруг раздался выстрел из револьвера и затем другой.

Чайкин испуганно озирался. Но никто не обратил на эти выстрелы особенного внимания. Только хозяин схватил за шиворот какого-то бледного молодого человека и высадил его в окно.

– Кого поместили, Джипп? – спросил кто-то.

– Рыжего Филли.

– А кто?

– Неизвестный мне джентльмен.

Среди публики раздался одобрителный хохот.

– Метка смертельная?

– Пустяки. Помечена левая рука. Эй, джентльмены! –

громовым голосом крикнул хозяин.

На секунду воцарилась тишина.

– Кто умеет сделать перевязку, пусть перевяжет Филли.

А товарищи его пусть отведут к доктору.

Соседи Чайкина по столу тотчас же встали

и пошли к тому столу, где сидел раненый, зажимавший рукой рану, из которой била кровь. На столе лежали разбросанные карты и куча золота.

– Из-за чего это ранили человека? – испуганно спросил

Чайкин старика кучера Брукса, когда он четверть часа спустя подсел к Чайкину.

– Из-за игры... Рыжий Филли, кажется, сплутовал и передернул карту. Он на это мастер.

– А тому ничего не будет?

– На такие пустяки здесь не обращают внимания! –

промолвил Брукс. – Вот если молодец занимается воровством и особенно любит чужих лошадей, тогда его обязательно вздернут ночью на большом дубе у въезда в город...

– Кто вздернет?

– Кто-нибудь из членов «бдительного комитета», по решению комитета.

И Брукс пояснил, что во всех молодых городах Запада есть такие «бдительные комитеты», тайными членами которых состоят лучшие граждане, и быстро решают дела с слыш-

ком отчаянными молодцами, против которых иногда нет судебных улик.

– Это у нас называется судом Линча! – пояснил Брукс. –

Порядочному человеку он не страшен, а мошенники и убийцы с целью грабежа его боятся...

Через полчаса Чайкин простился с Бруксом и, расплатившись, пошел в свой номер спать.

До его ушей долго еще долетали пьяные крики и ругательства. Но наконец он заснул.

2

Чайкин проспал крепчайшим сном до восьми часов утра.

Когда он вошел в общую залу, Брукс был там.

– Ну что, отоспались, Чайк? – спросил он, пожимая

Чайкину руку.

– Отоспался... И жара какая, однако! А когда почтовый фургон идет?

– В одиннадцать. Времени еще много. Позавтракайте хорошенько, а потом пойдем по-

купать провизию. А вот и

Старый Билль!

В комнату вошел низкого роста, коренастый и плотный старик с седой бородой. Его красно-бурое, изрытое морщинами лицо с седыми клочковатыми нависшими бровями, из-под которых глядели серые, пронзительные глаза, казалось суровым. Он был в высоких сапогах, в кожаных штанах и в белом пиджаке; на голове была соломенная шляпа.

– Ну, Джишп... дайте-ка! – произнес он грубым голосом, подходя легкой и бодрой походкой к прилавку и протягивая свою широкую загорелую руку хозяину.

Хозяин налил рюмку рому, которую Старый Билль выпил с маху. Крякнувши, Билль проговорил:

– А затем можно и кофе пить. Так ладно будет.

Он отошел от прилавка и подсел к Бруксу.

– Это тот самый молодчик, о котором вы говорили мне вчера, Брукс? – спросил он, указывая бесцеремонно пальцем на Чайкина.

– Тот самый.

– Ладно... Довезем до Фриски! – сказал он,

протягивая

Чайкину руку.

– А много пассажиров везете, Билль?

– Нет. Всего три пассажира, и все ваши. Откуда те двое?

– Из Канзаса.

– Вы их знаете, Брукс?

– Знаю.

– Кто они?

– Игроки.

– Очень счастливо играют? – усмехнулся

Билль.

– Да. И потому улепетывают из Канзаса.

Билль, казалось, не особенно был доволен этими сведениями.

Он отпил несколько глотков кофе и, обращаясь к Чайкину, сказал:

– Покажите-ка ваш револьвер!

Чайкин вынул из-за пояса револьвер и подал Биллю.

Старик внимательно осмотрел его и, возвращая назад, промолвил:

– Умеете стрелять?

– Не стрелял никогда. Из ружья учился.

– У меня есть запасная винтовка, если по-

надобится. А

ну-ка, попробуйте выстрелить из револьвера вон в этот стакан! – указал Билль на стакан, стоявший на одном из близких столиков. – Как цена, Джипп?

– Десять центов.

– Так валяйте. Я плачу за стакан.

– А разве здесь стрелять можно? – спросил Чайкин.

– Отчего же нельзя. Ну, цельтесь.

Чайкин нацелился и выстрелил. Стакан разлетелся вдребезги.

– Отлично, Чайк... Зарядите снова...

С этими словами Билль ушел.

Вскоре Брукс с Чайкиным ушли покупать провизию на дорогу и через полчаса вернулись с большим ящиком, в котором был окорок ветчины, сухари, бутылка коньяку, сахар, кофе и кофейник.

– Ну, теперь все в порядке! Можете ехать! – сказал

Брукс.

В одиннадцать часов Чайкин вышел на двор гостиницы и увидел легкий фургон, закрытый со всех сторон кожей, с отверстиями

в виде маленьких окон. В задней части была почта – тюки газет и писем, а впереди оставалось пространство, набитое сеном.

– Садитесь, джентльмены! – крикнул Билль.

Два молодых канзасца сели в фургон. Чайкин хотел садиться на козлы. Но Билль сказал:

– Внутри и для вас места хватит.

– Но у меня билет на козлах.

– Садитесь в середину. Надеюсь, джентльмены ничего не будут иметь против?

– Конечно! Садитесь. Места довольно! – отвечали джентльмены.

Старый Билль уселся на широкую скамью впереди и хлопнул бичом.

Фургон двинулся.

Вскоре за Денвером начался подъем на Сиерру-Мадре, и затем, когда фургон миновал проход за гору, он направился к северу, к городу Соляного озера, вдоль Черных гор, потом по лесистому месту, полному ручьев и потоков, и снова по склонам гор. И все – и горы, и земля, и деревья – в этой горной стране было красного цвета. Потому-то испанцы, первые

завоеватели этой страны, и назвали ее Колорадо.

Скоро, однако, эта красивая местность остается сзади, и фургон плетется по холмистой возвышенности, покрытой песком с растущим на нем диким шалфеем, пересекая часто ручьи и овраги... Дорога однообразная и скучная. Жара нестерпимая. Станции, где меняют лошадей, редки, и там ничего нельзя достать, кроме водки... Нередко на горах и на склонах Чайкин видел индейских всадников из окна фургона и объявлял об этом спутникам.

И тогда все схватывались за револьверы.

Но Старый Билль успокаивал.

– Не нападут... Я нарочно закрыл фургон, чтобы они не видели, сколько пассажиров... Они могут думать, что тут целый десяток... Видите... Поворачивают назад...

И действительно, поворачивали.

Несмотря на опасность от индейцев и всякие лишения, на этой горной дороге то и дело встречались эмигрантские и товарные фурунны и кучки пешеходов.

Вот как объясняет В. Диксон, автор весьма

любопытной книги об Америке шестидесятых годов, эту кипучую деятельность янки, прокладывавших путь через равнины и горные дороги, через пустыню, среди враждебных племен индейцев. Позволю себе сделать большую выписку, из которой читатель узнает, какой еще недавно, всего лет сорок тому назад, был запад Америки, теперь прорезанный железными дорогами, покрытый городами и фермами и не знающий уже страха от индейцев, остатки которых кое-как влачат свое существование.

«Какой-нибудь торговец на реке (Миссури) узнает, например, что горные округа Запада терпят недостаток в каком-нибудь товаре – в чае, в хлопчатнике, во фруктах или, быть может, в дубленой коже. Он тотчас соображает, что через несколько недель запрос будет громадный и цены сильно поднимутся.

Купив товар дешево, он решается рискнуть, положившись на свои соображения. К главному своему товару он присовокупляет дюжину мелких предметов, например, к обозу чая немного живности, немного красного вина, немного хинина и других лекарств, по-

поны, перчатки, быть может тысячу пар сапог.

Он покупает пятьдесят или шестьдесят легких фургонов с двенадцатью волами на каждый, нанимает смотрителя обоза, или капитана, и сто человек сторожей, потом упаковывает свои товары и отправляет караван в степь.

Никакая контора не застрахует эти товары, не поручится за благополучное доставление их в Денвер, на Соляное озеро, в Виргинию. Это путешествие считается рискованным приключением. Люди, предпринимющие его, должны быть хорошими стрелками и отлично вооружены. Но никто не ожидает, чтобы они стали защищать обоз от нападения индейцев: если число напавших краснокожих очень велико, то возчикам позволяется отрезать постромки, вскочить на мулов и лететь на ближний военный пост или станцию, оставив фургоны, товары, волов и мулов в жертву индейцам. Нет человека, который желал бы, чтоб у него содрали кожу с головы, а возчики, имея, быть может, жен и детей в

Омахе или в Ливенворте, естественно, за-

ботятся о безопасности своих волос. Убийства случаются в обозах, устроенных самым лучшим образом, но храбрейший западный молодец ценит свою жизнь дороже сотни ящиков чая и тысячи мешков муки.

Некоторые из этих обозов берут по дороге пассажиров, предоставляя им кормиться вместе с возчиком и самим стряпать себе пищу.

Путешествие, если оканчивается благополучно, совершается от реки Миссури до Соляного озера в девяносто дней. Всего расстояния тут тысяча двести миль – до Денвера шестьсот и оттуда столько же. Средним числом делают в день четырнадцать и пятнадцать миль, хотя некоторые возчики проходят до двадцати миль в день.

Среди дня, часа в четыре или пять, они отдыхают, пускают мулов пастись на траве и сами варят себе кушанье.

К ночи они останавливаются лагерем подле ручья или, если возможно, подле леска. Для безопасности они делают забор из фургонов, то есть ставят их в виде эллипса, открытого только с одной стороны. Каждый фургон прижат к своему соседу и возвышается над

ним по крайней мере на треть, как чашки весов на гербах. Форма эллипса считается лучшей защитой против нападения индейцев и принята за правило после многих опытов старых мексиканских торговцев.

Когда фургоны расставлены как следует и волы пущены на траву, возчики принимают-ся рубить и ломать сучья; женщины и дети (если таковые есть налицо) разводят огни, приносят воду из ближнего ручья или источника, ставят на огонь котел и пекут хлеб. Некоторые из молодых людей отправляются через ручьи и овраги за поисками луговых собачек, степных цыплят и ржанок. В счастливые дни эти охотники нападают на след антилопы или лося.

При такой удаче вечер оканчивается веселым банкетом.

Другие охотятся за гремучими змеями и убивают их, также и за волками, которые часто рыскают вокруг лагеря. Я однажды видел, как убили большого серого волка в двух шагах от фургона, в котором спал ребенок.

Когда люди отужинали, а волы и мулы наелись травы, их загоняют внутрь цепи фурго-

нов, – иначе утро застало бы их в расстоянии нескольких миль, в лагере какого-нибудь индейского племени. Песни, сказки, иногда пляска доканчивают утомительный день. В теплую погоду люди спят в фургонах, чтобы избежать волков и гремучих змей. Когда же снег лежит глубоко в оврагах, когда ветер наносит лед, спать в фургонах холодно, и возчики предпочитают лежать на земле, прикрывшись попоной и положив под голову бутылку с водкой вместо подушки.

Задолго до рассвета все уже на ногах и за работой: кто закладывает фургоны, кто надевает ярмо на волов, кто наскоро съедает завтрак. Восходящее солнце встречает их уже на пути.

Иногда владелец сопровождает свой обоз, но редко, ибо наемный капитан гораздо лучше справляется с пьяными, беспокойными и сварливыми возчиками.

Хозяин обоза путешествует в дилижансе скорее, но не приятнее, чем нанятые им люди, и ожидает их в Денвере, на

Соляном озере или в городе Виргинии, где может продать или гуртом, или в розницу все

свои товары, фургоны и волов.

Жители ранч состоят из двух классов: 1) более предприимчивый класс людей, уходящих в горы, чтобы устроить себе поле, посеять рожь и отвести в пастбище своих немногочисленных коз и овец; это класс людей, ведущих борьбу за существование, с одной стороны, с природой, с другой – с враждебными краснокожими, живущих на дурной пище и на дурной воде; эти пионеры поселяются здесь в надежде укрепиться на незанятой земле и положить основание счастью своих детей и внучат; 2) более беззаботный, нерадивый класс людей, строящих бревенчатые шалаши на большой дороге, по которой идут возчики и эмигранты, с целью продавать водку им и даже пьяницам чайеннам и сиуксам и таким образом обогатиться в короткое время.

Оба класса ведут жизнь, полную опасностей и лишений. Они еще более, чем возчики и эмигранты, ежедневно рискуют своею жизнью, ибо каждый молодец, требующий водки с револьвером и с охотничьим ножом за кушаком, отличается живым, буйным характером.

ром и часто хочет выпить водки, когда у него нет ни гроша, чтобы заплатить за нее. Но самая большая опасность, постоянно грозящая обитателям ранч, – это индейцы, особенно если какое-нибудь могущественное племя, как сиуксы и понки, выходит на боевую тропу.

Краснокожий любит водку более, чем жену или детей.

В мирное время он готов все продать за ядовитое зелье, даже жену, детей и военнопленных. Но когда сиукс выкрасил себе щеки и заткнул себе за пояс нож для скальпирования кожи с головы врага, он уже не думает о покупке у белых любимого напитка. Он с остервенением бросается на ранчу, захватывает силой водку и часто вместе с нею уносит и черепа продавцов.

Однако страсть к барышам соблазняет обитателей ранчи, и те, которые избегли смерти или плена, возобновляют свои сожженные жилища и снова запасают товар.

Если такой обитатель ранчи проторгует благополучно три сезона водкою, то делается богатым человеком.

Вдоль этой горной дороги в каждом обозе

между грубыми возчиками, новыми эмигрантами, случайными путешественниками и местными жителями нет другого разговора, как об индейцах».

ГЛАВА XIV

Весь путь до города Соляного озера путешественники были в напряженном состоянии. Один только Старый

Билль, казалось, с философским спокойствием молчал на своем сиденье или развлекал себя, мурлыкая под нос какую-то песенку.

Чайкин тоже молчал. Спутники его, после того как он отказался играть в карты, не обращали на него внимания и по целым дням играли в кости.

Во время остановок для еды они, однако, гостеприимно предлагали Чайкину и Старому Биллю разные вкусные консервы, которыми они обильно запаслись, и разные крепкие напитки, но и тот и другой отказывались. Они закусывали и пили кофе на станциях или у какого-нибудь ручья, и в это время Старый Билль обменивался несколькими словами.

Чайкин заметил, что Старый Билль несколько угрюм и нередко пристально поглядывал на двух игроков.

И однажды Старый Билль шепнул Чайкину:

– Будьте осторожны с этими молодцами. Не нравятся мне они. Где у вас спрятаны деньги?.. На шее, конечно?

– Да...

– Ночью покрепче застегивайтесь. Вы крепко спите?

– Крепко.

– Так знаете ли что? Пересаживайтесь-ка лучше ко мне... Скажите, что вам душно сиди... что у вас голова болит или что-нибудь вроде этого...

Чайкин обрадовался предложению и после остановки пересел к Старому Биллю.

– Что, товарищ, от нас ушли? – спрашивали спутники.

Чайкин объяснил, что душно.

– А не бойтесь, что индейцы подстрелят вас и Билля первыми. Эй, идите лучше к нам. Но Чайкин отказался.

Через три дня фургон въехал на большую,

широкую, обсаженную акациями улицу города Соляного озера.

Чайкин пришел в восторг, увидевши маленькие чистенькие дома, утопавшие в садах. Яблоки, персики и виноград приятно ласкали взор.

Фургон стоял в городе три часа.

Чайкин воспользовался этим временем, чтобы закусить, купить фруктов и погулять по городу. Вместе с тем, по совету Билля, он купил бочонок и наполнил его водой.

– Впереди будет пустыня. Запасайтесь водой.

В городе Соляного озера сел еще пассажир, и это обстоятельство как будто обрадовало Билля.

Пассажир был здоровый детина лет за сорок, с ружьем и револьвером. Он сказал, что был возчиком и теперь переезжает во Фриски.

Неуклюжий, тяжело ступавший, он с первого же взгляда производил приятное впечатление своим добродушным, даже простоватым загорелым лицом, окаймленным русой окладистой бородой. Особенно добродушно

глядели его серые глаза. Хотя он и отлично говорил по-английски и сплевывал по-американски, но на янки не походил и вместе с бородой носил и усы.

Два западных молодца, казалось, не особенно довольны были новому пассажиру. Однако потеснились и дали ему место.

Фургон выехал из города Соляного озера – города, сделавшегося оазисом среди бесплодной пустыни благодаря необыкновенной энергии и трудолюбию англосаксонской расы, к которой принадлежала сравнительно небольшая горсть людей, первая двинувшаяся через неизвестные песчаные степи и перевалившая через Скалистые горы, где горные тропинки были занесены снегом.

«Без слез старики не могут рассказывать теперь, – говорит Диксон, – как они взбирались по этим горам, таща за собой фургоны, отыскивая себе пищу, без всякой помощи, без проводников. Сильные и молодые шли вперед, пробивая тропинку для стариков и женщин, отгоняя волков и медведей, убивая змей и охотясь за лосем и диким оленем.

Наконец, когда они достигли вершины

горного прохода, их глазам представились бесконечные бесплодные, каменистые равнины, с пересохшими ложбинами потоков, с обнаженными холмами, с узкими оврагами, с крутыми пропастями и ручьями горькой воды.

День за днем, неделя за неделей шли они по этим холодным сьеррам, по этим угрюмым долинам. Пища оскудевала, дикие животные встречались реже; утахи и сенеки выказывали вражду: смертность между переселенцами была страшная, и в конце их путешествия, если когда-нибудь они достигнут конца его, их ожидала такая же обнаженная соляная пустыня!

И все же они не отчаивались, несмотря на враждебный вид этой страны. Они и не ожидали цветущего рая. Решившись поселиться в этой новой стране, они знали, что в ней никто не жил, потому что ее считали вполне негодной».

И, остановившись у Соляного озера, в бесплодной, казалось, пустыне, они показали чудо труда. В городе Соляного озера зелень, цветы, вода, красивые дома, банки, гостиница,

газеты и вокруг города – цветущие фермы.

Как только фургон миновал этот оазис, началась каменистая степь, начало той песчаной степи, которая называется великой пустыней.

На второй день путешествия фургон уже находился в ее границах.

– Джентльмены! – обратился Старый Билль во время одной из остановок, – нам предстоит тяжелый путь пустыней. Берегите воду и не расходуйте ее легкомысленно.

О, что это были за ужасные дороги. Песок, один голый песок, и ничего более. Жгучее солнце, палящий зной и нестерпимая жажда. Ступицы вязли в песке, и крепкие сильные мулы шагом тащили фургон.

Чайкин мужественно переносил тягости путешествия и нетерпеливо ждал ночи, довольно холодной на этой возвышенной пустыне, когда фургон останавливался на ночевку. Разложивши буйволовою кожу, которую ему дал

Старый Билль, Чайкин ложился рядом с ним на землю около фургона и подкреплялся сном. Остальные пассажиры спали в фургоне.

С рассветом Старый Билль поднимался, запрягал мулов при помощи Чайкина, и снова мучительный день, снова песок кругом и скелеты волов, лошадей, а иногда и людей!

Наконец пустыню миновали, и путешественники ожили, увидевши перед собой степь, покрытую зеленью...

Мулы побежали веселей и скоро остановились у ручья с водой. И мулы и люди жадно набросились на воду. Мулов распрягли, пустили на траву, а путешественники, вымывшись в первый раз после выезда из города Соляного озера, расположились основательно позавтракать.

Два молодые канзасца усердно угощали нового пассажира коньяком, и пассажир не отказывался и, к удивлению

Старого Билля, выпил целый стакан сразу, потом другой, третий и не показывал ни малейшего признака опьянения.

Только его добродушные серые глаза несколько увлажнились – вот и все.

– Ловко пьет! – заметил Билль на ухо Чайкину.

– Да... Вроде русских матросиков! – ответил

Чайкин, вспоминая невольню фор-марсового Кирюшкина на «Проворном».

– Они хотят его накатить! – сказал Билль, запрягая мулов.

– Зачем? – спросил Чайкин.

– Чтобы предложить ему сыграть в карты или в кости и нагреть его! Не нравятся мне эти молодцы. Очень не нравятся! – повторил Старый Билль, и его суровое лицо сделалось еще более суровым...

Старый Билль не ошибся в своих предположениях.

Как только трое пассажиров, закончив завтрак стаканом горячего грога, весьма полезным, по их словам, во время жары, уселись на свои места и фургон тронулся, один из молодцов предложил своему товарищу от скуки перекинуться в карты.

– Пожалуй! – равнодушно ответил товарищ.

Тотчас же пустой ящик из-под галетов был поставлен на сене внутри фургона, и предложивший игру вытащил из кармана две колоды карт.

– Во что будем играть? – спросил он.

– Да лучше всего в банк, я полагаю. По крайней мере дело чистое.

– Чего чище! Кому метать?

Вынули по карте. Старшая карта оказалась у молодца с широким шрамом на щеке, который предложил играть.

Тогда он вынул из кармана штанов изрядную горсть золота и положил на ящик.

Вынул такую же кучку и его товарищ.

Чайкин повернулся и стал смотреть.

Началась игра. Золотые монеты переходили из рук в руки.

Новый пассажир тоже глядел на игру.

– Пожалуй, и вам хочется взять у меня несколько золотых, джентльмен? – обратился банкомет к возчику.

Тот был в нерешительности и теребил бороду своими толстыми жилистыми пальцами.

– Чего вы пристаёте, Виль, к джентльмену! – проговорил другой канзасец, красивый молодой брюнет с бледным лицом. – Быть может, джентльмен не располагает свободными деньгами и у него всего-навсего долларов десять, чтобы прожить дня три во Фриски до

приискания занятий... Возчики много оставляют на Соляном озере... Не так ли? Добродушный возчик мгновенно преобразился.

Скромное лицо его приняло вызывающий вид, и он хвастливо проговорил, взглядывая на брюнета не без некоторого снисходительного презрения.

– У меня, у возчика Дуна, денег нет? Я не раз капитаном с обозами ходил.

– Неужели? – с умышленным недоверием в голосе спросил брюнет.

– У меня, может быть, более денег, чем у вас вместе!.

Как вы думаете, джентльмены, а?..

– Извините, капитан... Но я смею думать, что вы хватили коньяку больше, чем следовало по этому дьявольскому жару, и преувеличиваете несколько свой текущий счет... Положим, я с собой имею всего лишь триста долларов и чек на тысячу долларов на банкира во Фриски...

– А у меня вот здесь три тысячи долларов чистоганом в золоте! – воскликнул капитан Дун и, вынув из кармана большой кожаный кошель, потряс им перед физиономиями двух

молодых людей. – Слышите, джентльмены?

– Слышим! – весело ответили оба игрока.

– Я торжественно прошу извинить меня, капитан. И в доказательство моего глубокого раскаяния позвольте выпить с вами по стаканчику коньяку. В бутылке еще кое-что осталось! – сказал брюнет.

Капитан добродушно засмеялся и, выпив стаканчик, проговорил:

– Я не сержусь... Я только хотел доказать вам, что вы неправильно понимаете людей.

– И вы блистательно это доказали, капитан. Позвольте пожать вашу руку.

Старый Билль в эту минуту толкнул Чайкина и, когда тот повернулся к нему, шепнул:

– Величайший болван этот Дун. И он, наверное, не янки...

И Чайкин нашел, что этот возчик очень уж «прост»: вздумал деньги показывать.

– Так вы не хотите, капитан, проиграть десяток монет из вашей кошницы, а? – спросил банкOMET.

– А может быть, хочу!

И с этими словами возчик достал из кармана горсть золота и, вынувши из колоды

карту, поставил на нее всю эту горсть и спросил:

– Угодно бить на всю эту штуку?

– Хотя бы на десять таких! – высокомерно отвечал банкомет, начиная тасовать карты.

Обернулся и Старый Билль и посмотрел на капитана не без некоторого удивления: тот не был пьян, а между тем, решаясь играть с незнакомыми людьми, ставит крупную ставку.

Но одобрительная усмешка пробежала по его губам, когда в следующий момент он увидел, как капитан взял вдруг у банкомета карты и, внимательно пересмотрев карту за картой, проговорил:

– Извините, я хотел пересчитать карты...

– Только пересчитать? – усмехнулся банкомет.

– Разумеется. Иначе для чего же? Я не смел бы и предположить, что у такого джентльмена могут быть крапленые карты.

Банкомет несколько смутился.

– Тем более, – продолжал с самым добродушным видом возчик, – что я умею отличать крапленые карты и во время игры хорошо

слежу за руками, и если увижу, что руки действуют нечисто, то могу хватить по башке так, что человек не встанет.

И, показывая свою здоровенную руку, прибавил:

– У меня тяжелая рука. В прошлом году на Соляном озере я так помял одного молодца, который со мной нечисто играл, что он шесть месяцев пролежал больной... Так идет моя горсть... Начинайте!

Банкомет перевернул колоду. Капитан открыл свою карту. Оказалась пятерка.

Банкомет стал метать. И Старый Билль и капитан глядели пристально на руки банкомета.

– Бита! – сказал банкомет, придвигая к себе горсть золота.

Капитан поставил вдвое больше на туза.

И туз был бит.

– Двести долларов проиграл. С меня довольно! – проговорил капитан.

– А разве отыгратся не хотите, капитан?

– Не хочу.

– Решительно не хотите?

– Решительно не хочу и предпочитаю вы-

спаться!

– Это, пожалуй, будет лучше, Дун! – промолвил, оборачиваясь, Старый Билль.

– И я полагаю, что лучше! – добродушно ответил Дун.

И с этими словами растянулся и скоро захрапел.

Вслед за тем молодые люди прекратили игру и тоже заснули.

К вечеру фургон остановился на почтовой станции, в устье долины, из которой дорога дальше шла в гору узким и длинным ущельем.

Вечер был чудесный, теплый и темный. У станции расположился на ночевку обоз; маленькая комната бревенчатого шалаша была полна возчиками, и пассажиры фургона расположились обедать на воздухе.

Билль куда-то исчез.

Прошел час, когда он наконец вернулся и расположился обедать, доставши из своего мешка провизию.

– А скоро мы дальше поедем?.. Пора бы и запрягать!

Как вы полагаете, Билль? – обратился один

из «МОЛОДЦОВ»

к Биллю.

– Я полагаю, что мы дальше не поедем и будем здесь ночевать! – сухо отозвался Старый Билль.

– Это почему?

– А потому, что дорога скверная...

– Но мало ли скверных было дорог... Мы и по ночам ехали... Мы торопимся...

– Я не поеду! – решительно проговорил Билль.

И, обратившись к Чайкину, прибавил:

– В этих местах, случается, агенты большой дороги пошаливают... А милю надо ехать ущельем.

– Неужели шалят? – изумленно воскликнул канзасец со шрамом на лице.

– А вы разве никогда не ездили в этих местах, джентльмен?

– Никогда. Дальше Денвера не бывал.

– И ничего не слышали про агентов? – с нескрываемой иронией спрашивал Билль.

– Слышать, положим, слышал. Но чего их нам бояться?

Нас пятеро вооруженных людей, не правда

ли, капитан?

Капитан, снова попробовавший и своего коньяку и коньяку любезно его угощавших молодых канзасцев, протянул:

– Надо слушаться Старого Билля. Он всякую дыру здесь знает...

– И всяких мошенников и шулеров, даже таких, которые никогда здесь не бывали! – насмешливо прибавил

Старый Билль.

– И я предпочел бы поэтому хорошо выспаться здесь, чем пристрелить какого-нибудь мерзавца, а то и пару. Я

своего кошель с золотом даром не отдам...

Так, значит, ночуем здесь, Билль?

– Ночуем.

Оба канзасца стали ворчать о том, что, заплативши деньги, они теряют даром время, но Старый Билль не удостоил обратить на эту воркотню внимания и, покончивши с едой, обратился к Чайкину:

– Не поможете ли развести костер, Чайк?

Они отошли на несколько шагов, чтобы нарубить сучьев.

– Надо держать ухо остро, Чайк! – сказал

на ухо Чайку

Старый Билль. – Эти два молодчика подозрительны... Я

думаю, что они агенты большой дороги и могут пустить нам пули сзади во время нападения их компаньонов. Потому я и не еду дальше. А этот дурак капитан, показавший свои деньги, недурная приманка...

Вернувшись к станции, Старый Билль и Чайкин развели костер позади фургона.

– Ну, спать, черт возьми, так спать! – проговорил молодой красивый брюнет и полез в фургон.

За ним полез и другой и сказал капитану:

– Полезайте и вы... места троим хватит. Отлично выспимся!

– У костра на воздухе лучше, Дун! – заметил Старый

Билль.

– А пожалуй, что лучше!

И с этими словами Дун, захватив с собою из фургона попону, одеяло и подушку, подошел к костру и стал стлать себе постель.

– Так лучше будет! – значительно проговорил Билль.

– То-то, лучше! – добродушно засмеялся Дун.

– А вы, Дун, извините, простофиля! – шепотом сказал ему Билль. – Деньги напрасно показывали этим молодцам.

Теперь остерегайтесь их. Поняли?

– Понял. Спасибо, Билль.

– И не играйте с ними. Они известные шулера.

– Спасибо, Билль! – ласково промолвил Дун.

– Ну, а теперь возьмите сюда винтовку да осмотрите револьвер и спите покойно. Я спать не буду... В ущелье шайка агентов. Думаю, что не посмеют напасть. Здесь много людей... А все-таки могут рассчитывать, что возчики перепьются... Впрочем, я предупредил их...

Дун сходил за винтовкой. Вслед за ним и Старый Билль принес два ружья.

– Вы что это... в самом деле боитесь агентов? И вы, Билль? Мы не боимся и спать будем! – крикнул из фургона один из молодцов.

– И хорошо сделаете! – резко заметил Старый Билль.

Принес и Чайкин попону, одеяло и подушку и, разостлавши все около костра, прежде, чем лечь спать, по обыкновению стал читать «Отче наш», осеняя себя крестным знамением.

И только что Чайкин окончил молиться, как Дун радостно и взволнованно сказал по-русски:

– Земляк... российский... Вот не ожидал!

И Дун, крепко пожавши руку Чайкина, троекратно поцеловался с ним.

А Чайкин обрадованно сказал:

– Господи! вот-то где довелось... И давно вы в этой стороне!

– Шесть лет... А вы?

– Года еще нет...

– Давно из России?..

– Два года тому назад... Я матросом был...

– Матросом? Да ведь и я матросом на флоте служил... И

звать меня Артемием Дунаевым... А по здешнему выходит

Дун... А тебя как звать? – спросил Дунаев, переходя тотчас же на «ты».

– Чайкиным, Василием Чайкиным, а по-

здешнему

Чайк...

– Ну, Чайкин, рассказывай, что нового на родине...

Давно ничего не слыхал. Из газет здешних только знаю, что батюшка царь император Александр Второй освободил хрестьян. Волю дал. Ну, а как матросское житье?. Давай присядем у огонька... И как же я рад земляку... Как же я рад! – говорил Дунаев, закуривая трубку.

– А я-то рад как...

Они присели к костру, и Чайкин рассказал земляку свою историю, рассказал про плавание на «Диноре» и про капитана Блэка.

– Тебе пофартило, братец ты мой, а я таки много прежде натерпелся, пока не нашел места и сделался возчиком...

Однако давай-ка побалуемся чайком... Будем пить чай, и я тебе расскажу, как я бежал с корвета «Нырок» и сделался мериканцем... И очень скучал я по России, пока не привык...

Дунаев достал из своего мешка котелок, чай, сахар и две кружки и, когда чай был готов, предложил Старому

Биллю попить чайку. Тот не отказался и проговорил:

– Соотечественника встретили, Дун?

– Да, Билль. И тоже бывшего матроса, Билль.

– Так пусть Чайк вам расскажет, что вы очень глупо поступили сегодня, Дун... А еще капитан!

Дунаев засмеялся.

– Раззадорили они меня, черти.

– Зато теперь не миновать нам агентов... Не пейте слишком много коньяку, Дун. Хотя вы и крепки, – я видел, сколько вы можете выпить, – а все-таки... Ну, пока вы разговариваете, я засну, а в одиннадцать разбудите меня...

– Разбудим. Спите с богом, Билль.

Билль после двух кружек чая лег спать.

А Дунаев, покуривая трубочку и отхлебывая по временам чай, начал рассказывать Чайкину свою историю.

Говорил он тихо, не торопясь, видимо довольный, что может поговорить по душе с земляком, да еще с матросом.

Вокруг стояла тишина. Из отворенных

окон станции не раздавалось более пьяных окриков. Возчики полегли спать у обоза. Только два часовых сидели у своего костра с ружьями в руках.

Ночь была теплая.

ГЛАВА XV

1

– Тоже, братец ты мой, пришли мы шесть лет тому назад на «Нырке» во Франциски, и тоже, прямо-таки сказать, в большой тоске была наша команда из-за командира...

Однако терпели мы – ничего, мол, не поделаешь. Терпели и бой, и линьки, и строгость... А в ту пору, вскорости за нами, пришел на другом конверте во Франциски адмирал

Ястребов, только что прибыл из России новым начальником эскадры... И на третий же день приехал на «Нырок»

делать смотр. Всем он остался доволен, потому как у нас работали по всем статьям, прямо сказать как черти. Таким-то манером адмирал благодарил и за парусное учение, и за

антиллерийское, и за пожарную тревогу, и за десанту:

«Очень, говорит, за все вам благодарен!» Это адмирал капитану и старшему офицеру. «Ну, а теперь, говорит, поставьте команду во фронт. Я как следовало опрошу, нет ли у их претензий». Ладно. Выстроили это нас по порядку, от шканец к баку, по вахте с каждой стороны, и капитан и все офицеры, как полагается, ушли вниз. Только один вахтенный остался на мостике.

Подошел это адмирал таким гоголем, – видный он из себя был и такой форсистый, в мундире и при орденах, – к фронту и первым делом: «Спасибо, ребята!» Это он за смотр. Ну мы, как следует: «Рады стараться, ваше превосходительство!» А у меня, братец ты мой, тую ж минуту в голове мысль. И ровно эта мысль винтит мне башку, ровно бы буравом: «Неужто, мол, так и уедет адмирал и не узнает, в какой мы нудливости и тоске живем и как нас без всякой жалости тиранит этот самый капитан? Неужто, думаю, правде так и не дойти о том, что вовсе незаконно с нами поступают, и касательно провизии... и воню-

чей солониной обижают, и остаточных от положенного харча денег нам не выдают!»

Думаю я это, братец ты мой, и бытто кто-то во мне говорит: «Объяви да объяви!» А мне страшно, храбрости во мне нету, – потому неизвестно, как это еще адмирал примет и как бы из всего этого не вышла для меня беда...

А тем временем адмирал спрашивает: «Есть ли, ребята, у кого претензии?»

Молчат все. Пролети муха, слышно бы было. А у меня,

милый ты мой человек, сердце так и колотится, и в уши опять кто-то шепчет: «Выходи и объяви претензию и на командира и на провизию. Не бойся пострадать за правду!»

А я, грешный человек, боюсь... Выйти из фрунта не решаюсь и вместе с другими молчу, ровно воды набрал в рот.

«Так ни у кого нет претензий?» – еще раз спросил адмирал.

Опять молчат все. Опять мне в голову ударило. А я ни с места.

«Ну, говорит адмирал, очень рад, что вы всем, ребята, довольны и что ни у кого пре-

тензий нет».

Сказал это он и пошел по фрунту... Тут, братец ты мой, меня ровно бы выбросила из фрунта какая-то сила, и я не своим голосом крикнул: «Есть, ваше превосходительство, претензия!» И как это сказал я, так всякий страх во мне сразу прошел. Точно я вдруг во все другим человеком стал.

– Это в тебе, Дунаев, правда заговорила! – сочувственно промолвил Чайкин.

И вслед за тем торопливо прибавил:

– Что же адмирал?

– Остановился и, обернувшись, поманул к себе пальцем. А сам, вижу, стал строгий такой с лица и глаза свои на меня уставил. Подошел я к нему, остановился за три шага, снял шапку и жду.

«Кто ты такой?» – спрашивает.

«Матрос первой статьи, Артемий Дунаев!» – отвечаю.

«Какая такая твоя претензия? Объявляй. Только смотри, говорит, ежели твоя претензия окажется облыжной, то будешь наказан по всей строгости, понял?»

«Понял, ваше превосходительство».

«И хочешь заявлять претензию?»

«Точно так, ваше превосходительство!»

Он пронзительно взглянул на меня своими пучеглазыми глазами и сказал:

«Так говори... Очень, вижу, смелый ты».

«Дозволите, спрашиваю, все говорить?»

«Все говори...»

Ну, я и стал, братец ты мой, обсказывать и только дивлюсь, откуда это слова только у меня берутся. Обсказал я, как тиранит нас капитан, как один матросик после порки через два часа помер, как меня сажали в карцерь и два дня не давали есть, и когда я доложил об этом старшему офицеру, то мне дадено было триста линьков и я пролежал в лазарете пять ден и стал грудью болеть. Обсказал, что не проходит дня без того, чтобы не наказывали линьками людей, и насчет харча обсказал.

«Гнилой солониной нас кормят, ваше превосходительство!»

«Ты врешь, мерзавец! – крикнул вдруг адмирал и весь побелел из лица. – Я, говорит, пробовал пробу».

«Извольте посмотреть, говорю, ваше превосходительство, какая солонина в некото-

рых бочках...»

«Ступай на место. Я обследую... Но если ты хоть что-нибудь солгал, я засужу тебя в арестантские роты, как бунтовщика против начальства!»

Пошел этот адмирал, сердитый такой, спрашивать вторую вахту, а уж там, значит, некоторые матросики, по моему примеру, стали выходить из фрунта и объявлять претензии на капитана.

Ушел адмирал, велел распустить команду, а меня и еще двоих заключить в карцерь до решения дела. Однако, после ребята сказывали, велел все бочки с солониной вынести наверх и пять приказал тут же выбросить за борт. И капитану и левизору, сказывали, была выволочка...

А я тую ж ночь бежал на берег...

– Как же ты надоумился?

– Очень даже просто. Плавать я здоров...

– Значит, до берега вплавь? – нетерпеливо спросил

Чайкин.

Рассказчик в качестве «обамериканившегося» человека лукаво подмигнул глазом и за-

тем весело проговорил:

– Это самое и есть...

– Как же ты сделал?

– Очень просто сделал. Снял я, значит, в карцюре башмаки, оставил шапку, в коей было зашито два доллара, завязал я их в рубашку крепко-накрепко и вышел наверх...

В эту минуту среди тишины раздался вдруг издалека свист, и Дунаев замолчал.

Часовые у обоза взялись за ружья. Старый Билль проснулся, вскочил и, схватывая ружье, проговорил:

– Это, наверно, агенты свищут...

– Зачем? – спросил Чайкин...

– Ждут ответа... от этих...

И Старый Билль махнул рукой на почтовый фургон.

Там как будто зашевелились.

Раздался новый свист.

– Будьте спокойны... Ответа не будет! – уверенно сказал Старый Билль.

– Отчего вы полагаете, Билль? – спросил Дунаев.

– Оттого, что мы с вами тотчас же пристрелим свистунов! – громко произнес Билль.

Действительно, на свист ответа не было.

– Ну, продолжайте болтать, джентльмены, а я сосну...

Молодцы не посмеются сделать визита...

И Старый Билль, положив около себя ружье, снова лег и скоро захрапел.

Наши земляки положили ружья.

– Однако и сторона! – протянул Чайкин.

– Это только в этих пустых местах. А то во всей Америке очень даже спокойно. Никакого разбоя нет... Так только ежели промежду себя иногда поспорятся, так друг в дружку палят! – успокоительно ответил Дунаев.

– Видел я в Денвере...

– А что?

– Из-за карт... в гостинице один другому всадил пулю... И никакой тревоги... Сидят все и пьют... бытто не человека, а кошку изничтожили.

– Очень просто... Не плутуй! Я ежели поймаю, что в карты нечисто играют, башку расшибу... Потому такой человек хуже всякого вора...

– И тебе приходилось бить?

– Приходилось...

– До смерти? – со страхом спросил Чайкин.

– До смерти, слава богу, не было... А повреждение оказалось большое... А ты не плутуй! – упрямо повторил

Дунаев.

– А этот чисто тебя обыграл? – спросил Чайкин, понижая голос до шепота, показывая рукой на фургон.

– Как бытто не совсем... Однако ловко ж он в таком разе плутует... Очень ловко!. Я во все глаза смотрел и ничего не заметил... Только в сумление впал...

– Оттого и бросил играть?

– Да. А поймай я его, – лежал бы он теперь, братец ты мой, с пробитой головой... Это как бог свят... Я быка кулаком ошарашиваю, а не то что человека. Бог мне силу дал!

Ну, да я еще завтра его попытаю...

– Как?

– Попрошу сыграть...

– Брось лучше...

– Еще, быть может, свои доллары верну. А то, что им пропадать. Небось я кое-чему научился в Америке... Знаю, как шулеров ловить... Вот завтра увидишь...

– А ты, Дунаев, рассказывай дальше... На самом любопытном месте остановился... Это как с конверта бежал...

– Да... Ловко я им тогда показал. Небось капитан-то до сих пор меня помнит...

– Как так?

– А так, что его все-таки уволили со службы из-за моей претензии. Адмирал разборку сделал опосля и отослал его обратно в Россию...

– Да как же ты про все это прознал?

– А во Францисках с матросиками нашими через два года после бегов виделся. Они и об-сказали все... Говорили, что наши конверт-ские меня добром вспоминают... Избавил я их от зверя...

– Еще бы не вспомнить... Ну, так сказывай, как это ты убег.

– Вышел наверх, вижу: боцмана на баке нет, и все вахтенные дремлют... Ну, я, господи благослови, полез по бугшприту, спустился по якорной цепи и тихонько бултых в воду...

– Холодно было?

– Не до холоду, а как бы с вахты не увидели, – вот в чем дума моя была!.. Ну и поплыл я

сперва тихо, саженками, а как отплыл от конверта, тогда прибавил ходу. Жарю, братец, всю... Приморился к концу. Спасибо на мериканскую шлюпку меня подобрали и доставили на берег... Тут, братец ты мой, я перво-наперво перекрестился, да и айда в салун... Выпил два стаканчика, обогрелся, да и вышел на улицу. А на улице, вижу, какой-то бродяжный человек стоит. Подошел и по-русски заговорил. Оказался поляк...

Он и свел меня в ночлежный дом и за это десять центов взял... Проснулся я, вышел на улицу, зашел в салун, опять выпил стаканчик да закусил и побрел себе по городу. Думаю: «Господь не оставит. Найду себе какую-нибудь работу...»

– И что же, скоро нашел?

– То-то, нет. В очень безобразном я был виде: штаны да рубаха, босые ноги, на голове картуза нет. Американцы этого не любят. Никто не брал. Отовсюду гоняли... А на улице все глаза на меня таращили. Однако в участок не брали, потому здесь нет этого положения, как у нас: за загривок да в участок; а ежели ты ничего дурного не делаешь, никто тебя

не смеет тронуть. Ладно. Пробродил я таким манером целый день, к вечеру купил себе булки, поел, да и опять в ночлежный дом... Там народу всякого много бывает...

– А сколько берут за ночлег?

– Ежели с тюфяком и подушкой – двадцать центов, а так, за пол – десять. Отдал я двадцать центов, сосчитал достальные деньги, – а их всего без малого доллар остался,

– лег и думаю себе: «Два дня я еще пропитаюсь, а там как?»

Однако заснул вскоре, потому устал очень, весь день бродимши. Проснулся, вижу, рядом – жид. Ну, а жид, братец ты мой, по-всякому понимает. Я к нему: «Так, мол, и так».

Оказалось, хорошо понял жид и по-русски знает. Так он и объяснил, что без башмаков да без шапки никуда меня на работу не примут. «А будь башмаки да шапка, обязательно, говорит, примут, потому, говорит, у вас очень здоровые руки и много силы. Вон у меня, говорит, никакой силы нет, хоть есть и сапоги и шапка». И умный оказался этот жид...

Ловко придумал! – с добродушным смехом воскликнул

Дунаев.

– А что?

– Да то, что нам вовек не придумать. Очень умное!

– Жиды умные... Что ж он придумал?

– А вот что: «Я, говорит, куплю вам башмаки и шапку, и пойдем вместе – я буду вам переводчиком. Как возьмут вас на работу, вы мне платите двадцать пять центов, за то что пользуетесь башмаками и шапкой, с доллара. А через две недели заплатите мне сполна за башмаки и шапку».

– Это он большой процент взял!.. – заметил Чайкин.

– Зато выручил, а главное – поверил, что я не уйду с башмаками и шапкой! – рассмеялся

Дунаев. – Пошли мы с жидом в лавки; он купил за четыре доллара башмаки и шапку, и мы пошли на пристань. Меня тую же минуту взяли на выгрузку и дали за день два доллара... А вечером «босс» – это значит надсмотрщик работ – велел опять приходить на работу.

– А жид?

– Он каждый вечер приходил к расчету и

получал свои двадцать пять центов. Тем и кормился, как говорил, в ожидании какого-нибудь подходящего дела. Работать он не мог: вовсе щуплый был... Через две недели я заплатил, по условию, за башмаки и шапку четыре доллара, – так он очень жалел...

– Почему? – удивился Чайкин.

– А потому, что уже больше нельзя было получать проценту. «Вы бы, говорит, земляк, хоть недельку еще придержались платить капитал, и я бы, говорит, еще недельку имел маленький гешефт, то есть пятнадцать центов в день». – «Как, говорю, пятнадцать? Ведь я тебе двадцать пять платил?» – «Вполне, говорит, верно, но я десять центов отдавал капиталисту, тому, у которого занял четыре доллара... Будь у меня самого четыре доллара, я сейчас бы торговлю открыл». – «Какую?» – спрашиваю. «Фруктовую, говорит, купил бы лоток подержанный за доллар, шертингу¹² для покрывки на пятьдесят центов да товару на два с половиной доллара. На пропитание и заработал бы. А

если дело пойдет, Мошка лавочку откроет, а потом большой-большой магазин, и Моисей

богатый будет... непременно богатый будет!» И так это он уверенно говорил, братец ты мой, этот худенький, изморенный жидок, что я, признаться, подумал, что он вправду всякое дело обмозгует и оборудует. «Отчего же, спрашиваю, ты, Мошка, эти самые четыре доллара не займешь для себя?» – «Не даст без процента, а процент большой нельзя платить – разоришься...» И стал подбивать меня, чтоб я дал ему четыре доллара и сделался бы его компаньоном; доходы пополам. Ну, я пожалел Мошку и дал ему, потому что у меня после двух

12 Ткани (от англ. shirting – ткань для рубашек).

недель десять долларов было в залишке. Очень был он благодарен. «Не забуду, говорит, вашего доверия. Русские жидам не верят, а вы поверили. И зато вы недурное дельце сделали, согласившись быть моим компаньоном. Я, говорит, буду вашу часть доходов раз в неделю отдавать».

– Ишь ты... Небось, обманул?

– То-то, нет... И очень даже меня вызволил, я тебе скажу, этот Мошка. Честный человек

оказался... Вовсе на совесть поступил! – заметил рассказчик.

Он закурил трубку и продолжал:

– А платили за выгрузку и нагрузку очень хорошо. Такой цены у нас в России и не слышали. Вначале по два, а потом и по три доллара в день зарабатывал. Ну, зато к вечеру уставал, потому здесь работа требуется чистая, без лодырства. Здесь, братец ты мой, платят хорошо, ежели ты сильный и умеющий человек, но уже зато и требуют с тебя всей твоей шкуры, и чтобы ты соблюдал себя, пьяный на работу не приходил, а не то живо стоняют... И вскорости, как стал я работать на пристани, я и оделся по-хорошему, и квартиру нашел, и ел сытно. Приду с работы, умоюсь, пообедаю и завалюсь спать до утра. И хозяева добрые люди были. Харч давали свежий... И комнату содержали в порядке. И понимали меня: чехи были. И по-английски приучали... В первое же воскресенье вечером явился Мошка ко мне на квартиру и доллар принес. «Чистая, говорит, прибыль!...» И счет подает... Чехи смеются: «Все, говорят, как следует: в запасный капитал доллар, ему за труд

доллар и по доллару на брата выручки. Правильный, мол, жид

Мошка!» И веселый он такой был. И все хвастал: «Скоро лавочку, говорит, откроем!»

– И что же, открыл?

– Через полгода открыл, а теперь у него лавка во Фриски.

– И ты его компаньон?

– Нет... Я сам просил меня выделить... Однако и сон клонит. Давай-ка, братец ты мой, соснем, а завтра буду тебе досказывать в дилижансе о моем житье... Времени-то у нас много еще впереди до Франциски... А ночь-то какая тихая... Вон и небо прочищается... Звезды блестят...

И Дунаев разложил две шкуры и, покрываясь одеялом, предложил Чайкину лечь рядом.

– Шкуры и на тебя хватит, землячок! – проговорил он, зевая. – Уже первый час на исходе. Спать-то немного. С

рассветом поедем...

И Дунаев скоро захрапел.

2

Чайкин подбросил несколько сучьев в ко-

стер и поглядел кругом.

Перед ним высились темные пятна гор по обеим сторонам ущелья. Направо – маленький одинокий домишко станции. Налево – теплая даль степи. Высоко над головой

Чайкина сверкали звезды. Ночь была теплая. Кругом царила мертвая тишина.

Только по временам раздавалось ленивое чавканье волов и тихое ржание проснувшегося мула в обозе, бывшем недалеко от фургона. Раздавался храп спящих людей.

Спали и обозные часовые у тлевшего костра, спал и Старый

Билль.

Вдруг Чайкину послышался странный тихий вой, донесшийся с гор.

Он прислушался с напряженным чутким вниманием.

Рассказы о нападениях агентов большой дороги невольно пришли ему в голову, и ему сделалось жутко.

Прошло еще несколько минут, во время которых Чайкин напрягал свой слух, чувствуя, как усиленно бьется сердце, и глядел во все глаза в ту сторону, с которой он услышал

вой.

Вой повторился, но уже ближе.

Тогда Чайкин, помня приказание Старого Билля разбудить его, дотронулся до его плеча.

Старый Билль, словно моряк, моментально проснулся и поднялся.

– Что поздно разбудили? – проговорил он, взглядывая на часы. – Или все болтали с соотечественником?

– Да, Билль. И Дун уже спит... И все кругом спят...

– И часовые... Вижу. Беспечный народ...

– А между тем я сейчас слышал...

– С этого бы начали. Что вы слышали? – тревожно спросил Старый Билль и взял ружье.

– Какой-то вой... Слышите, Билль?

Вой повторился.

Билль прислушался и затем сказал:

– Это не агенты большой дороги. Это действительно настоящий волк. По-волчьи только индейцы перекликаются, но слух у меня хорош, – это не индейцы. Ложитесь-ка спать, Чайк. Спать уже недолго. Скоро я вас разбужу, и мы поедем дальше... Агенты, наверное, те-

перь далеко. Поняли, что им не было расчета нападать здесь. А я им не дался в ловушку, не поехал ночью в ущелье...

– Почему вы догадались, Билль, что агенты нападут в ущелье?

– А справился здесь. Да и молодцы мои не внушали доверия. Еще придется иметь с ними дело. И вы скажите своему товарищу, чтобы дорогой он сидел против них. И

вы так же сядьте... И следите за ними, особенно после того, как минуем Виргинию. Там они любят пошаливать, собаки!

А пока ложитесь и спите спокойно. Старый Билль не будет спать! – успокоительно прибавил он.

И с этими словами Билль закурил трубку и стал ходить взад и вперед около костра. Подходил он и к фургону.

Чайкин все это видел, когда лег. Но скоро он уже ничего не видал и не слышал. Сон крепко захватил его в свои объятия.

Но, верно, не особенно приятные сновидения посетили его, потому что он часто ворочался на своем ложе и по временам вскрикивал и просыпался.

И, просыпаясь, он радовался, что его вели на бак наказывать линьками только во сне, а не наяву, и снова засыпал, взглядывая на фигуру Старого Билля, который ходил мерными шагами, как часовой, на которого можно было положиться.

Действительно, Старый Билль был добросовестным охранителем почтового фургона. Он зорко поглядывал кругом и внимательно прислушивался к малейшему шороху.

Наконец наступила предрассветная пора.

Звезды угасали, и на востоке загорелась заря. Обоз просыпался, собирался в путь. Старый Билль уже давно поставил котелок со свежей водой на костер и, перед тем как идти на станцию за мулами, напился горячего кофе с сухарями и приготовил целый кофейник для Чайкина.

– Проснитесь, иностранцы! Утро на дворе. Пейте кофе, и поедем!. – проговорил Старый Билль, поталкивая Чайкина и его соседа.

Оба проснулись, и оба тотчас же вскочили, как вскакивали, бывало, при окриках боцмана: «Пошел все наверх рифы брать!»

Оба встретили радостно начинающийся

рассвет и пошли к ручью мыться. Помывшись, оба русских человека, на чужбине так же, как и на родине, сняли шапки и, повернувшись на восток, где начинала алеть заря, прочитали

«Отче наш», истово крестясь во время молитвы.

– Кофе готов, джентльмены, пейте да закусывайте.

Десять минут на завтрак! – смеясь проговорил Старый

Билль, ведя четверку мулов к фургону.

Наши матросы стали пить горячий кофе и есть ветчину, колбасу, мясо бизона и хлеб; все это вытащил из своей сумки Дунаев и предложил Чайкину угощаться.

Скоро вылезли из фургона и оба канзасца, заспанные и угрюмые.

Они подошли к костру, кивнув головами обоим землякам, и брюнет стал готовить кофе.

Русский язык, на котором говорили оба иностранца, и их видимая близость, казалось, удивили и не понравились двум янки.

Они торопливо и молча пили кофе, сильно

разбавленный коньяком, и завтракали.

– Пора садиться, джентльмены! – крикнул Билль, когда мулы были запряжены.

– Но мы еще не позавтракали, Билль! Дайте позавтракать!

– Даю вам еще пять минут!..

– Однако... не много же вы даете!.

– Торопиться надо, джентльмены. Вы ведь очень торопитесь. Вчера даже ночью хотели ехать!.

– А вы испугались агентов?.. – с искусственным смехом проговорил молодец со шрамом на щеке.

– И, кажется, не напрасно... Свист ночью был... Вы не слышали разве?

– Свист? Скажите, пожалуйста, какая диковина...

свист!

И оба молодца засмеялись.

Они едва успели съесть по куску ветчины, как Билль закричал:

– Прошу джентльменов садиться!

«Джентльмены» поторопились забраться в фургон.

Дорога шла по ущелью в гору, и лошади

поднимались шагом по узкой каменистой дороге.

Старый Билль, Дунаев и Чайкин шли пешком с ружьями на плечах. Ружья посоветовали им взять Билль.

– Это ущелье самое любимое местечко агентов! – сказал он. – Хотя я на них и не рассчитываю, а все-таки... до подъема лучше быть наготове. А там, за перевалом, опять степь... Далеко кругом видно... Врасплох не застанут

Старого Билля!

Тем временем оба молодца переглянулись, и один из них шепнул:

– Догадался старый дьявол!..

– А если бы нам вдвоем смастерить дело? – сказал красивый брюнет.

– То есть как?

– Без чужой помощи. Я уложу сзади Билля,
ТЫ

Дуна и потом белобрысого...

– Рискованно. А впрочем, увидим... Не по-
дойдет случая, тогда из Виргинии дадим теле-
грамму в Чизаквиль, чтобы у Скалистого уще-
лья... пять агентов напали спереди, а мы сза-
ди... Тогда игра беспроигрышная...

– Хитер эта старая лисица Билль!

– С него и начать.

– Как бы он сам не начал! – сурово прогово-

рил молодец со шрамом. – Недаром они с ружьями и теперь идут... Своя шкура мне дорога...

– А три тысячи этого русского дурака?

– Надо предложить ему сыграть опять в карты...

– А кулак его видел?..

Они замолчали. Пешеходы замедлили шаг.

Вдруг из боковой ложбины показались три всадника в масках.

Билль в мгновение ока задернул спереди фургона фартук и одним словом остановил мулов.

Увидавши трех вооруженных людей, всадники тотчас же повернули лошадей и скрылись в горах.

Канзасские молодцы, развалившиеся в фургоне, не видели появления верховых и только, увидавши себя в темноте, поняли, что Билль закрыл их неспроста. Но все было тихо кругом, и

Билль уже отдернул фартук.

– Что случилось? Зачем это вы нас закрыли, Билль? –

спросил канзасец со шрамом.

– Боялся, что вас пристрелят, джентльмены! – иронически ответил Старый Билль.

– Кто?

– Агенты.

– Разве вы их видели?

– Сию минуту они показались и, не будь дураки, ускакали... Ну, я первым делом и беспокоился за вас, джентльмены... Я вполне уверен, что если бы агенты напали, вы были бы убиты первыми! – внушительно прибавил

Старый Билль.

– Спасибо, Билль, за заботу о нас... Мы никогда не забудем вашей услуги! – весело проговорил бледный брюнет.

– Не стоит благодарности... Вы знаете, я на ветер слов не пускаю!

И Билль приказал мулам тронуться.

Чайкин был испуган, а Дунаев добродушно его утешал:

– А ты, Чайкин, не трусь... Видишь, они уехали...

– А эти? – шепнул Чайкин, указывая на фургон.

– Этих Старый Билль обрабатывает. Умнее Старого Билля нет, братец ты мой, дилижанщика. Он первый по этим местам и всех людей насквозь понимает... И знаешь ли, что я слышал про этого самого Билля?

– Что?

– Будто он сам занимался такими делами, когда молодой был.

– Ну? – недоверчиво протянул Чайкин.

– Так рассказывают. Говорят, он первый по этой части был... Но только скоро бросил это занятие... потому после одного случая совесть

зазрела.

– После какого?

– А ошибкой дитю пристрелил. Целил, значит, в фургон, в человека, и рука, что ли, дрогнула, но только дитю убил. И, как увидал он этого убитого дитю, бросил это самое дело... и скрылся из этих мест... И только через несколько лет поступил в дилижанщики... И стал первым дилижанщиком... И пассажиров бережет и этих самых агентов изничтожает... Ненавидеть их стал... И те его не любят... Однако редко на его дилижанс нападают... Знают, что он стрелок отличный и винтовка у него, брат, на редкость.

Правда ли это была, или же кем-либо сочиненная сказка, обратившаяся потом в легенду, трудно было сказать, но что в те времена на большой дороге между Денвером и Сан-Франциско о Старом Билле ходила такая молва, в этом Чайкину пришлось убедиться и потом.

К восьми часам фургон поднялся на перевал. Оттуда дорога спускалась в равнину.

– Ну, садитесь, джентльмены... Теперь поедем рысью... И ружья можно положить... А

на случай чего револьверы в кармане... Не так ли, Дун?

– Правильно, Билль. И нож вдобавок за кушаком! –

прибавил Дунаев, указывая на пояс.

– Вы, я знаю, бывалый... А все-таки сдурили.

– Знаю, знаю... Извините, Билль...

– Теперь этим молодцам вы задали работы! – сердито сказал Старый Билль.

Он остановил мулов, и все сели в фургон.

Канзасцы хотели было дать место Дунаеву, но он, к их удивлению, сел рядом с Чайкиным, лицом к двум молодым канзасцам.

– Вам, Дун, неудобно... Садитесь к нам. Место есть! –

предложил один из них.

– Мне и здесь хорошо... благодарю вас! – ответил Дунаев.

Канзасцы опять переглянулись, и Чайкин заметил это.

ГЛАВА XVI

Между тем фургон спустился с горы и поехал по красивой зеленой равнине, полной цветов. Дорога была отличная, и в фургоне почти не трясло.

– Ну, земляк, теперь можно и про твое житье-бытье продолжать. Очень ты любопытно все обсказываешь про

Америку! – проговорил Чайкин.

– Да, братец ты мой, вольная сторона... И всякого народу здесь есть. Со всяких стран сюда приезжают – счастья искать. А главное – нет прижимки. И коли ты себя соблюдаешь, тебе все дороги открыты, даром что ты из простого звания... Да здесь звания не разбирают... Сегодня ты, скажем, дрова пилишь, а завтра тебя выберут в сенаторы, и никто не удивится... Наш один российский тоже на большую должность попал... после пяти лет, когда настоящим американцем стал, с правами, значит.

– И ты американец?

– Форменный... Хоть в губернаторы могу! – добродушно рассмеялся Дунаев. – Я ведь уже седьмой год как здесь... И если правду тебе говорить, так еду во Франциски жениться.

– На американке?

– На американке... Обученная! В школе была. Здесь, братец ты мой, все должны обучаться... Хочешь не хочешь, а учись!.. Свадьбу справлю и открою мясную... Надоело скот гонять... Ты на свадьбу-то ко мне приходи. Ужо я тебе и адрес дам...

– Приду беспременно... А ты, Дунаев, сказывай про свою жисть-то здесь...

– Да на чем я тогда остановился?

– А как ты Мошкиным компаньоном был и как он тебя вызволил... А по какой причине, ты и не объяснил...

– По какой причине?. А из-за пьянства. Я, братец ты мой, на конверте первый пьяница был! Запоем пил до последних сил. И чуть бы я не пропал, кабы не добрые люди... Ну, так слушай, Чайкин, как все это вышло. Я расскажу тебе, как я в самом начале закурил в этой Америке.

Думал, порки за поркой не будет... валяй вовсю... И

вальнул...

Дунаев на минутку примолк, откашлялся и продолжал:

– Месяц это либо полтора этак жил я по-хо-рошему.

Работал на пристани, и босс меня первым рабочим считал, и у чехов в полном, можно сказать, удовольствии находился. Хорошие лю-ди были: и чех и жена его, чешка. Он столяр был, а она шитьем занималась. Ладно. Жил я таким манером и вовсе напитками не зани-мался. Потому в будни некогда: придешь до-мой, пообедал, да и спать. А по воскресеньям, когда, значит, шабаш, я около чехов остаюсь.

Они непьющие, и мне нежелательно. Так только за обедом пивка кружки две выпью с чехом, – вот и всего...

Дунаев остановился... Он увидел карты в руках у одного из канзасцев и вдруг обратил-ся к вчерашнему партнеру:

– А хотите сыграть? Мне хочется рискнуть на одну карту.

– С большим удовольствием. На одну так на одну. Какая будет ставка?

– Двести долларов.

– Ставьте карту.

– Нет, ставьте вы, а метать буду я...

– Зачем же вы? Вчера метал я.

– А сегодня хочу я! – настаивал Дунаев.

Билль обернулся и сказал:

– Так-то оно правильнее будет... Вы сообразительны, Дун...

– Я не люблю понтировать... и никогда не понтирую! –

сказал канзасец.

– Так, значит, не хотите?.

– Метать могу, а понтировать нет...

– Ну, ладно, мечите. Позвольте-ка колоду! Дунаев внимательно пересмотрел карты.

– Ставьте деньги! – сказал он.

Игрок бросил двести долларов. Вынул и положил на пустой ящик такую же сумму и Дунаев.

– Готово? – спросил он.

– Готово.

– Так позвольте снять?.

– Извольте.

– Опять на даму, что ли, поставить? – воскликнул Дунаев.

И, вынув из колоды пятерку, положил на нее двести долларов.

– Угодно открыть карту? – спросил банк-мет.

– Нет, зачем же. Мечите втемную. Хочу по-пробовать счастья на темноту...

– Будь по-вашему...

Билль про себя выругал русского простофилю, который заранее объявил карту, и обернулся, чтобы посмотреть на игру.

Молодец со шрамом стал метать... Через несколько карт направо упала дама, налево – пятерка.

– Ну, Дун, вы несчастливы. Ваша дама бита! – проговорил банкомет.

– Напротив, мне повезло. Пятерка дана!

И с этими словами Дунаев перевернул свою карту.

Увидевши пятерку, канзасец понял, что опростоволосился, поверив восклицанию Дунаева, и проговорил:

– Вы сегодня счастливы, Дун!

– Ну, Дун, втемную, видно, вам более везет! – проговорил Билль и засмеялся, подмигнув ему глазом: дескать, ты не такой простофиля, как я полагал!

А Чайкин, ничего не понявший, заметил по-русски:

– Брось! Не играй больше!

Между тем Дунаев опустил четыреста долларов в карман и, улыбаясь своими серыми глазами, проговорил простодушным тоном:

– Сквитались, и будет. Не хочу больше обыгрывать вас.

Канзасец убрал карты и заметил смеясь:

– И я не желаю обчищать вас, Дун...

– Так-то оно и лучше! – внушительно промолвил Билль и погнал мулов.

– Ну, теперь можно и рассказывать, Чайкин... Двести долларов я вернул. А ловкий шулер. Его и не поймать. А то свернул бы ему хайло на сторону! – сказал Дунаев не без простодушия в голосе. – Да еще, пожалуй, придется...

Подозрительный народ...

И, закуривши трубку, продолжал прерванный рассказ.

2

– Так жил, говорю я, братец ты мой, по-хорошему, как в одно воскресенье вышел я погулять. Побродил по улицам и спустился к пристани... А там, знаешь, салунов види-

мо-невидимо. Зашел я в один салун и выпил, сперва один, потом другой, третий стаканчик, а там все больше да больше... И так, милый человек, пьянствовал я недели две, в запой, значит, вошел. Все деньги пропил, платье пропил, ночевал в ночлежных домах и был вроде последнего скота... И когда несколько пришел в себя, пошел на работу к своему старому боссу. Увидал он меня, значит, оборванного, пьяного, в одних штанах, и сердито покачал головой: нет, мол, такому пьянице работы. И прогнал... Ходил я по разным местам просить работы – везде гнали вон... И в ту пору голодал я... Корки по ночам на улицах собирал... До точки до самой дошел... Вот тут Мошка, дай бог ему здоровья, и вызволил меня... Проходил я по одной глухой улице в самой полной отчаянности, можно сказать, как слышу, меня кто-то окликает. Смотрю, Мошка с лотком. Я

к нему и первым делом: «Хлеба, говорю, дай»... Он мигом сбегал в съестную и принес хлеба и кусок мяса... И смотрит на меня, удивляется, в каком я виде и как я вроде будто голодного пса набросился на пищу. И как наел-

ся я, так он и говорит: «Я вас на квартире искал, на пристани искал, – все хотел вашу долю отдать, но нигде вас сыскать не мог.

Пойдемте, говорит, ко мне». Пошли. Жил он в каморке, однако хоть и жид, а чисто. Приютил меня и первым делом принес костюм и все как следует; одним словом, в человеческий вид привел, и вечером, когда вернулся с улицы со своим лотком, сейчас мне счет подает: «На вашу, мол, долю причитается барыша пять долларов, а издержано, мол, на вас десять долларов – пять, говорит, из запасного капитала. А завтра идите на работу. В таком виде вас примут. А чехи о вас беспокоились. Тоже искали. И живет у них теперь вместо вас один тоже русский, из беглых. А

бежал он оттого, что свою веру хотел исполнять, а ему не позволили. Очень, говорит, хороший человек и тоже о вас спрашивал. А работает он у того босса, где и вы работали...

А наши, говорит, дела идут хорошо. И товар хороший держу и кредит имею. И не забываю, что вы мне помогли тогда, и никогда не забуду!» – говорит. И так тронул меня за душу этот Мошка, что и не объяснить. Пря-

мо-таки спас... Отдал он мне свою койку, а сам лег на пол спать... А

в пять часов утра побудил, напоил кофеем, и мы вместе вышли... Прихожу к боссу на пристань...

– Что же, взял он тебя?

– То-то, не хотел брать сперва. Он страсть не любил пьяных и сам не пил. Зарок положил никогда не пить. И

вызвал он этого самого русского, что жил у чехов. И велел ему объяснить, что он такого пьяницу принять не может

«Пусть, говорит, даст слово, что не будет пьянствовать, –

тогда, говорит, приму». Перевел это мне все русский и спрашивает: «Даешь зарок?» – «Не могу, говорю, дать зарока, а постараюсь». Ладно. Доложил он мой ответ боссу.

Тот усмехнулся в бороду и велел мне идти на работу... Ну и старался же я... Ах, как старался... Как к вечеру окончил работу и мне выдали два доллара, этот самый русский – из раскольников он был – позвал к себе ночевать... Чехи обрадовались, накормили. И остался я у них опять жить вместе с Игнати-

ем, этим самым раскольниковом. И скоро сдружились мы... Очень строгого поведения был человек, а добер... Все меня больше добрым словом наставлял, чтобы я не пьянствовал... А месяца так через два сманил он меня ехать в работники на ферму... «Там, говорит, у земли, лучше, чем в городе. И воздух легкий. А жалованье дают хорошее...» Ну, мы и поехали, и перед отъездом я ушел из компаньонов Мошки. А он за это выдал мне двадцать пять долларов. Шибко он торговал и о лавочке начал думать. И

славное житье было на ферме, куда лучше, чем таскать ящики на спине... Благодать одна. Хозяин попался рассудливый и толковый. Очень доволен был работой. Мы вдвоем всю работу справляли, а ферма была большая.

Завтракали и обедали мы вместе. Хозяйка приветная была... И так, братец ты мой, прожили мы с Игнатием два года... И было скоплено у нас у каждого по двести долларов... И я водки не пил вовсе: не достать было на ферме, да и не тянуло... Стыдно хозяев и Игнатия...

– А скоро ты языку обучился?

– Через год говорил по малости, а понимать, почитай, все понимал... И, верно, жили бы мы и дольше, но только тут случай вышел... Игнатий женился и ушел свою ферму строить... А участки тогда дешево продавались... А женился Игнатий на одной переселенке... И чудно это вышло, я тебе скажу. Остановилась недалеко от фермы партия переселенцев... на Соляное озеро шли, где мормоны живут...

Так бесстыжая секта на Соляном озере обзывается. Там они и живут... Видел небось город ихний?

– Видел. Хорош город.

– А прежде тут пустыня была. Эти самые мормоны выстроили... Народ трудящийся, да только неправильный...

– Чем?

– Многожены, вроде бытто турок... Ну, так пошли мы под вечер к этим самым переселенцам, что пристали на ночевку... Всякого народа там много – бедноты больше – и мужчин и женщин... Посмотрели мы это, как они, усталые, варят себе пищу, послушали, как они молитвы распевают, и пошли домой на

ферму, как видим: у перелеска сидит одна переселенка и горько-горько плачет. Ну, подошли. Видим, молодая и бледная девушка, с лица чистая и пригожая... И

спросил ее Игнатий: «Чего, говорит, вы в сокрушении находитесь?» Она и обсказала, что смутили ее из Лондона обманом и что теперь только она узнала, куда она идет... А

ей идти к мормонам не хочется... И как ей быть, не знает!

«А вы не идите!» – это ей Игнатий. «А как не идти? Куда я денусь? И меня не пустят!» – говорит. На это ей Игнатий и объяснил, что мы живем на ферме и можем ее там укрыть до времени. И работа там найдется. А на ферме, мол, хозяева хорошие люди... «От беззаконной жизни вас спасут... Потому, говорит, мормонская жизнь беззаконная!» И

так он это убедительно ей обсказал, что она доверилась и обрадовалась. И говорит: «Ежели спасти в самом деле меня хотите... приходите к этому самому месту, но ночью, когда в нашем лагере спать будут, и укройте меня где-нибудь,

пока они не уйдут дальше». На том и поре-

шили и, вернувшись на ферму, рассказали хозяину. Он согласился, а хозяйка даже очень хвалила Игнатия, что пожалел девушку, и обещала взять ее к себе в помощницы... «Только, говорит, не попадитесь переселенцам... А то вам плохо будет. Убьют!» Как настала ночь, пошли мы к тому самому месту, у перелеска. А ночь была темная. Боялись, что не найти переселенку. А голос подать громко опасно. У лагеря мормонского часовые ходят и, слышим, молитвы свои распевают... Однако нашли ее. Сидит на пеньке и дрожит в одном платье, – а ночь была свежая. Ну, мы увели ее и спрятали в стог сена. Небось не отыщут, если б и хватились.

– А хватились? – спросил Чайкин.

– Хватились. Только что рассвело, как на ферму приехали пять человек верхом и с револьверами и стали спрашивать: «Не здесь ли переселенка?. Не заплутала ли, мол, она?..» Хозяин ответил, что никакой переселенки не знает и не видал. Тогда они слезли с лошадей и попросили позволения осмотреть дом... Обшарили всю ферму, звали переселенку и так и уехали... Однако извинились... Только к

утру, когда переселенцы уже давно уехали, вышла переселенка из стога... И плачет и смеется... И хозяйку целует... Ну, на другой день определили ее к месту, по птичьей части, и очень была довольна эта самая Эмма. Из ирландок она была. А вскорости после этого Игнатий поехал с ней в

Сакраменто венчаться, а с месяц спустя и задумал сам строиться... Звал и меня...

– А что ж ты?

– А я задумал по другой части... в возчики... Тоже,

братец ты мой, случай вышел. Встретил я как-то артель возчиков, что возвращались в Канзас, – они гоняли оттуда скот, – и вдруг услышал, что по-русски говорят... И так обрадовался, что и не сказать. Всю ночь просидел с двумя земляками. Они и уговорили меня идти с ними... И так это мне вдруг захотелось быть со своими, что я утром явился к хозяину и рассказал, что так, мол, и так. Очень пожалел, что ухожу, однако понял мое желание. Вот с тех пор я и стал возчиком... Нарботал денег, а теперь вот хочу мясником быть! – заключил свой рассказ Дунаев.

– Оказывается, здесь жить можно! – заметил Чайкин.

– То-то, говорю, очень даже можно. И российские наши, что скот гоняют, даже большим пользуются доверием.

Им без всякой расписки большие деньги поручают. Небось наши себя здесь не подгадили... Это разве по городам, которые русские из господ от долгов сюда бежали или от каких-либо уголовных дел, – тем плохо... Потому форсу много, а работать не умеют. Привыкли все на готовом да на звании своем. А здесь – шалишь! на форс не обращают внимания, а главное – каков ты работник и чего стоишь!..

– А есть здесь такие?

– Есть. И во Францисках есть, и одного такого беспардонного в Канзасе видал. В отрепьях ходит, даром что барин и всяким наукам обучался. И ничего не умеет делать, ни к чему не приспособится... И места ему давали – не годится... Потому лодырь... Так мы этого самого барина тоже хотели приспособить... И вышел только один смех с ним.

– А как же вы хотели приспособить?

– А счета наши записать все, чтобы представить хозяину и объяснить, на что израсходовано... В те поры я еще писать не умел, и никто из наших не умел по-аглицки.

– Ну, и что же?

– А то же. Взял это он от нас три доллара, да ничего и не сделал... Насилу счета вернули... А барин был важнеющий... Сам в отрепьях, а нас сиволапыми в пьяном виде называет... «У меня, говорил, у самого тысяча душ крепостных было... Я, говорит, в каретах ездил, а не то чтобы вам, мужикам, служить да счета писать». Ну мы смеемся, бывало: форси, мол, да нет-нет и накормим... Однако, братец ты мой, и есть захотелось.

– И мне хочется.

– Давай-ка у Билля спросим, скоро ли станция.

Дунаев спросил у Старого Билля.

Тот лаконически ответил:

– Через полчаса. На станции обедать будем!

Нельзя сказать, чтобы наши земляки ехали очень удобно, сидя в передней части фургона. По временам и встряхивало порядочно,

и солнце нестерпимо жарило им спины. Но они терпеливо переносили эти невзгоды, слушаясь совета Старого Билля, и, по обычаю простых русских людей, умеющих терпеть, еще шутили и смеялись и, несмотря на долгую и скверную дорогу, чувствовали себя бодрыми.

Под вечер они обыкновенно, выходили из фургона и шли пешком, а на ночных остановках всегда спали у костра, дежуря по очереди, чтобы дать и Биллю возможность поспать. И держали они при себе ружья и револьверы главным образом потому, что Старый Билль боялся предательского нападения двух канзасцев.

Они уж более не заговаривали ни с Биллем, ни с русскими и держались особняком.

Только раз как-то, на ночной стоянке, один из молодцов насмешливо спросил:

– Кого это, джентльмены, все сторожите по ночам?

– Мало ли здесь мерзавцев бродит! – отрезал Билль.

– Однако никто из мерзавцев не нападал?

– Сунься только! – промолвил Дунаев.

– А что?

– А то, что я очень хорошо стреляю...

– Очень приятно слышать. Нам зато спокойно спится, зная, что нас сторожат. Спокойной ночи, джентльмены!

В ту же ночь, когда дежурил Билль, он заметил, что из фургона вылез один из молодых, и тотчас же приготовил револьвер...

Но «молодец», постояв минуту, полез в фургон.

– Бдительны! – шепнул он товарищу.

– То-то и есть. Надо подождать еще несколько дней. За

Виргинией мы их всех уложим! – проговорил канзасец со шрамом. – А пока и не пытайся. Они не так глупы, эти русские, как ты полагаешь. Тогда с дамой этот барбос ловко меня провел, очень ловко. И вообще надо быть с ними осторожными.

– А что?

– Билль шутить не любит... Знаешь, как он одному пассажиру-агенту всадил пулю в лоб.

– Слышал.

– Как бы и нам не всадил.

– За что?

– Разве ты не видишь, что он догадывается, кто мы...

– Вижу... Но догадка – не уверенность...

– Убеди-ка в том Билля! – со смехом отвечал более осторожный агент.

– А как ты думаешь, у этого белобрысого глупого русского есть деньги?

– Есть.

– Сколько?

– Пятьсот долларов есть.

– Откуда ты знаешь?

– А он сам хвастал на пароходе. Я тогда там с наклеенной бородой был.

– Значит, у Дуна три тысячи да у этого пятьсот. Итого три тысячи пятьсот. Ну, у Билля с собой ничего нет. Он не возит денег... Зато его пробитый череп порадует агентов...

Чего, дурак, не идет в компанию?

Разговаривая в фургоне очень тихо, они не догадывались, конечно, что Старый Билль в эту минуту стоял рядом с фургоном и слышал все от слова до слова.

Убедившись окончательно в том, что он везет двух агентов, Билль на следующее утро не подал им никакого вида, что знает, кто

они, – напротив, он даже стал любезнее и несколько раз заговаривал с ними...

Прошло еще семь дней томительной дороги, и, наконец, одним жарким утром фургон въехал во двор гостиницы маленького городка Виргинии.

ГЛАВА XVII

Старый Билль объявил, что дилижанс уедет через три часа и потому джентльмены имеют время взять ванну и основательно позавтракать.

Обрадованные остановкой, Дунаев и Чайкин вошли немедленно в гостиницу и, заказавши завтрак, отправились брать ванну, чтобы основательно отмыться от грязи и переменить белье. После долгого переезда по жаре и в пыли они представляли собой довольно грязных джентльменов, и ванна была для них необходима.

– Эх, Чайкин, теперь бы в бане попариться. Разлюбезное было бы дело! – заметил Дунаев, когда бой повел их туда, где были ванны.

– Чего лучше! – ответил Чайкин и, вздохнув, прибавил: – Теперь никогда не уви-

дим, брат, русских бань.

Одни ванны. А в них не то мытье!

Канзасцы, вместо того чтобы сделать то же, что сделали русские, торопливо ушли в город, даже не умывшись.

– Не теряют, черти, времени! – проворчал Старый

Билль и вслед за ними вышел из гостиницы.

Он отправился в телеграфную контору. Знакомый телеграфист радостно встретил Билля и спросил:

– Куда шлете телеграмму? Что-нибудь случилось?

– Я никуда не шлю телеграммы. И пока ничего не случилось, а может случиться... Я за справкой. Были у вас сейчас два молодца?

И Билль не без художественного таланта описал их наружность и в заключение назвал кандидатами на виселицу.

– Вы вправе, конечно, не отвечать, но дело идет о безопасности почты и двух других пассажиров, не считая меня.

– Только что вышли! – отвечал телеграфист.

– Я имею основание думать, что эти мои пассажиры просто-таки агенты большой дороги.

– Сдается на то, Билль. Рожи отчаянные.

– Давали они телеграмму?

– Я знаю, Билль, что без особенной надобности вы не станете испытывать мою телеграфную совесть.

– Надеюсь.

– И потому я вам отвечу, что один молодец сейчас сдал телеграмму.

– Передана она?

– Нет. Только что хотел передавать.

– Так не передавайте ее!

Телеграфист на секунду опешил.

– Не передавайте телеграммы, прошу вас!

И Старый Билль передал про разговор канзасцев, слышанный им ночью у фургона.

– Он, наверное, телеграфировал в Сакраменто?

– Положим, что так.

– И звал несколько друзей к Скалистому ручью?

– Не несколько, а прямо шесть!

– Видите! Значит, я имею право просить

вас не исполнять своей обязанности.

– Так-то так! Конечно, я не поступлю против совести, если не отправлю этой предательской телеграммы, Билль, призывающей к убийству. Ведь я знаю, Билль, вы будете защищаться и не позволите шести разбойникам...

– Восьми, телеграфист! – перебил Старый Билль. – Вы забыли еще двоих – моих пассажиров.

– Тем хуже... Но вы, говорю, не позволите даже и восьми негодьям взять вас, как цыпленка.

– Конечно, не позволю, тем более что у меня будет еще двое помощников – русских. Но трое против восьми – игра неравна.

– Ввиду этого, повторяю, совесть моя будет спокойна.

Не буду я виноват и против государства, если исполню вашу просьбу, Билль, и не отправлю телеграммы. Правильно ли я рассуждаю?

– Вполне. Можете сослаться на мое заявление. Могу дать и письменно.

– Спасибо, Билль, за одобрение, но вы ведь знаете, как мстительны агенты? Через неде-

лю, много две, я буду убит здесь, в своей конторе. Понимаете, в чем загвоздка, Билль?

В том, что у меня очень милая жена, Билль, и прелестная девочка шести лет. И мне хотелось бы пожить более двух недель... Вот эти-то соображения и смущают меня...

– На этот счет будьте покойны! О неотправленной телеграмме никто, кроме нас двоих, не узнает.

– А эти молодцы? Ведь они скажут потом своим друзьям, что сдали в Виргинии телеграмму, и догадаются, что она не отправлена. И им, конечно, будет известно, что вы были в конторе...

– Эти молодцы никому больше ничего не станут говорить. Понимаете? – значительно прибавил Билль.

И его старое лицо было необыкновенно серьезно.

– Понял, Билль... В таком случае...

– Вы не отправите телеграммы?

– Не отправлю. Я будто бы ее не получал...

Пожалуй, даже возьмите текст телеграммы. Ну ее к черту! – сказал телеграфист, отдавая телеграмму Биллю.

Старый Билль прочел следующие слова:
«Сакраменто. Отель Калифорния. Капитану Иглю.

Надеюсь, вы и пять друзей встретите меня у Скалистого ручья с провизией».

Билль положил телеграмму в карман и пожал руку телеграфисту.

– Возьмите уж и доллар, уплаченный за телеграмму.

Мне с ним нечего делать.

– Держите пока у себя. Он получит свое назначение. Я

спрошу у него, кому послать этот доллар, и на обратном пути сообщу, куда его послать.

Прощайте!

– Прощайте, Билль. Счастливого пути!

– Благодаря вам он будет, надеюсь, счастлив! Спасибо, телеграфист!

Когда Билль вернулся в гостиницу и после недолгого своего туалета вошел в общую залу, то застал там Дунаева и Чайкина. Оба, вымытые и освеженные после ванны, уписывали поданный им завтрак. Яичница с ветчиной только что была окончена, и наши путешественники принялись за бараньи котлеты с

картофелем.

Старый Билль присел к столу, занимаемому русскими, и заказал себе завтрак.

– Где это вы пропадали, Билль? Я вас искал, чтобы выпить с вами стаканчик рому. Чайк не пьет! – проговорил

Дунаев.

– Маленькое дельце было в городе! – спокойно проговорил Билль.

– А куда девались наши спутники?

– Кто их знает! А вы ловко вернули свои двести долларов, Дун. Только советую вам никогда вперед не рассказывать, сколько у вас денег.

– Больше не буду, Билль. Не сердитесь! – с подкупающим добродушием сказал Дунаев.

В общей зале, кроме Билля и двух русских и жены хозяина у буфета, никого не было. По временам кто-нибудь заходил, выпивал стаканчик рому и уходил. Старый Билль внимательно всматривался в каждого проходящего.

Чайкин заметил это и спросил:

– Пассажиров отсюда не будет?

– В конторе никто не записался. Да и места нет. Разве сзади втиснуть...

В эту минуту в залу вошел рослый, высокий мужчина в широкополой шляпе и в высоких сапогах и, подойдя к столу, проговорил:

– Не возьмете ли меня, Билль, пассажиром до Сакраменто?

– Места нет! – резко ответил Старый Билль, оглядывая своим быстрым, пронизательным взглядом рослого господина с головы до ног.

Взглянул на него и Чайкин, и он ему не понравился.

Что-то неприятное было в маленьких, беспокойно бегающих глазах этого человека, и Чайкин почему-то обрадовался, что Билль ему отказал.

А тот между тем настаивал.

– У меня очень спешное дело в Сакраменто, – говорил он мягким, вкрадчивым голосом, – и я готов хоть сбоку сидеть. Вы сделаете мне большое одолжение, Билль, если возьмете.

– Места нет! – еще суровее отрезал Билль.

– Но вы берете иногда пассажиров, если и нет мест...

– Беру.

– Так отчего меня не взять, Билль?

– Боюсь, что такому рослому молодцу будет неудобно сидеть, свесивши ноги. Если вы торопитесь, советую ехать верхом...

– Я совета вашего не спрашиваю. Я спрашиваю: берете или нет?

– А я, кажется, сказал, что не беру.

– Я буду жаловаться компании! – проговорил рослый господин, отходя.

Билль не удостоил его ответом и продолжал завтракать.

И, когда этот человек вышел, проговорил, обращаясь к

Дунаеву:

– Никогда не хвастайтесь, Дун, своими деньгами!

В скором времени явились и оба канзасца. Они заказали себе роскошный завтрак и спросили дорогого вина. Они были в веселом расположении духа, много болтали и много смеялись.

Старый Билль dokonчил свой завтрак и хотел было уйти, как один из молодцев обратился к нему:

– Не угодно ли, Билль, попробовать вина? Отличное.

– Благодарю вас, джентльмены. Я вина не пью! – отвечал Билль и вышел из залы.

– А вы, иностранцы, не выпьете ли с нами? Но Дунаев тоже поблагодарил и отказался:

– Чайк вовсе не пьет. А я пью только спирт! – прибавил он. Канзасцы больше не просили. А Дунаев сказал Чайкину:

– Не попьем ли чайку теперь?

– Попьем.

Дунаев попросил боя принести две чашки чая.

– А эти неспроста уходили, как ты думаешь? – спросил

Чайкин.

– Подозрительный народ! – ответил Дунаев.

– И Билль неспроста отказал тому пассажиру!

– Билль, брат, башковитый человек.

– И я так полагаю, – продолжал Чайкин, прихлебывая горячий чай, – что эти самые подговорили нового пассажира. Недоброе у них на уме.

– Не бойся, Вась, справимся с ними, если что... Опять так же сидеть будем в фургоне,

как и сидели. Вроде бытто сторожить их! – сказал с улыбкой Дунаев.

– А нехорошо все это! – раздумчиво проговорил Чайкин.

– Что нехорошо?

– С опаской ехать. А еще Америка!

– Да ведь это только тут опаска... в глухих местах. А в прочей Америке ничего этого нет... Здесь, сам видишь, пока пустыня! Пойми ты это, – говорил Дунаев, видимо, желавший защитить Америку перед Чайкиным.

– Народ отчаянный! – снова вымолвил Чайкин.

– По этим местам отчаянный, потому как сюда со всей

Америки самые отчаянные идут... Но только ты, Чайкин, напрасно обессуживаешь. По одной паршивой овце нельзя все стадо ругать. Так ли я говорю?..

– Да я и не ругаю... Я только сказываю, что в опаске нужно жить... Однако валим, братец, в лавку. Надо еще провизии купить на дорогу!

Они расплатились и вышли из гостиницы. В одной из ближних лавок они купили сооб-

ща окорок, сухарей и лимонов.

Когда они вернулись. Старый Билль запрягал лошадей.

Куча любопытных стояла на дворе.

– Садитесь по-прежнему! – шепнул Билль, когда Чайкин подошел к фургону. – Скоро вам с Дуном будет удобнее! – прибавил Билль.

Чайкин махнул головой, не понимая, впрочем, о каких удобствах говорил Билль.

В числе любопытных он заметил того самого рослого детину, который просил Старого Билля взять его пассажиром. Заметил он также, что, когда оба канзасца проходили через кучку собравшихся людей, этот высокий «джентльмен» что-то шепнул молодцу со шрамом на лице.

– Так и есть, сговорившись были! – сказал Чайкин Дунаеву.

– Небось не выгорело!

– Дошлый этот Старый Билль. Однако давай уложим хорошенько наши вещи, Дунаев.

Они переложили все вещи в переднюю часть фургона и, покрывши их сеном, устроили себе более или менее удобное сидение. Около было положено и ружье Дунаева.

Таким образом, фургон был, так сказать, разделен на две части.

Был двенадцатый час утра, и солнце жарило невыносимо.

– Опять нудно будет! – промолвил Чайкин.

– Ддда... жарко. Ну да теперь уж недолго маяться. Перевалим Скалистые горы и въедем в Калифорнию... А там и дорога лучше, и города чаще, и не будет больше пустынных мест... Там народу больше живет.

– А до Франциск далеко?

– Ден в шесть доберемся, бог даст!.. А там я тебя, Чайкин, устрою у чехов, где стоял. Хороший, безобманный народ. Ежели есть свободная комната, пустят.

– Я ненадолго. Как место получу, и поеду на ферму. У

меня письма есть.

– Если откажут по письмам, ты через контору. А то знаешь, что я тебе скажу, Чайкин?

– Говори.

– Поступай ко мне в лавку приказчиком, мясом торговать. Понравился ты мне.

– Нет уж, я попробую в деревню... Спасибо тебе, Дунаев.

– Как знаешь, а только и торговать выгодно. И жалованье бы тебе положил, и ели бы вместе, и когда по-русски перекинулись бы словом.

– Лестно-то это лестно, а все-таки я прежде попытаю на ферме поработать... Там я и в силу войду! А то щуплый я...

А земля здоровья даст.

– Пожалуй, оно и так. А ты на праздники ко мне приезжай, если ферма, как ты говорил, совсем близко от города.

– То-то, мой капитан сказывал, что близко... И я беспрерывно буду приезжать. Как земляка да не проведать...

Земляки говорили довольно громко по-русски, и этот неведомый язык обратил на себя внимание нескольких лиц из глазающей публики.

И один из зевак, видимо сторавший от любопытства, наконец не выдержал и, приблизившись к русским, спросил:

– На каком языке вы говорите, иностранцы?

– На русском.

– Вы, значит, русские?

– Русские.

– Очень хорошо. Позвольте пожать ваши руки, джентльмены... Билль! Не уезжайте пять минут... я хочу сказать речь.

И, не дожидаясь согласия Билля, этот господин взобрался на облучок фургона и зычным голосом крикнул:

– Леди и джентльмены! прошу выслушать внимательно то, что я буду иметь честь сейчас сказать вам. Настоятельно прошу вас, леди и джентльмены, не говорить, не кашлять и не плевать в течение пяти минут, если только это для вас возможно, в чем я, впрочем, сомневаюсь.

В толпе раздался смех. Но тем не менее толпа приблизилась к оратору и плотно сомкнулась. И моментально наступила тишина.

– Вы меня поразили, леди и джентльмены, и я не нахожу слов вас за это благодарить! – продолжал оратор. –

Так будьте такими же молчаливыми еще четыре минуты...

Не более. Леди и джентльмены! вы, вероятно, все, а если не все, то большая часть из вас,

читали, что русская эскадра, посланная императором Александром Вторым, освободившим свой народ, находится в гостях у нас, чтобы выразить свое сочувствие северянам... И русских чествуют в

Нью-Йорке, как добрых братьев, понявших великую цель нашей междоусобной войны. Леди и джентльмены! здесь вы видите двух русских... Вот они! (Оратор указал рукою на Дунаева и Чайкина.) К сожалению, мы поздно узнали об этом – они сейчас уезжают со Старым Биллем – и не можем угостить их как следует. Но это не помешает нам, леди и джентльмены, выразить в лице двух русских джентльменов наши братские чувства к великому русскому народу... Я, с своей стороны, могу поднести им по банке моей знаменитой ваксы, ваксы Тика, так как лучшей ваксы, по совести говоря, нет в целом мире, и вы можете в этом убедиться, леди и джентльмены, если будете покупать ваксу у меня, улица Линкольн, четыре. Русские джентльмены! не откажите принять по банке ваксы на память от гражданина

Виргинии... А затем, гип, гип, ура!

Толпа подхватила этот крик, и вслед за тем все стали подходить к Дунаеву и к Чайкину и крепко пожимать им руки.

– Ну, теперь садитесь, джентльмены, в фургон. Пора ехать! – крикнул Билль, когда рукопожатия были окончены. Наши земляки поклонились публике и заняли свои места.

Когда фургон двинулся, их проводили новыми криками в честь русских. А Дунаев и Чайкин махали шляпами.

Чайкин хотя и понял речь янки и был тронут ею, но его удивило, что он почему-то приплел вакцину, и он спросил

Дунаева:

– Зачем он о вакцине говорил?

– А это вместо объявления... Чтобы покупали у него вакцину! – смеясь, отвечал Дунаев.

– Чуждой народ! – промолвил Чайкин.

– Они понимают, что русские за них... Зато, братец ты мой, и нам уважение оказали... Ура кричали!

– И руку так тискали, что даже больно стало! – заметил

Чайкин.

И, помолчав, прибавил не без горделивого

чувства:

– Ддда! И здесь российских знают! Мне и негра в

Санлусе (Сан-Луи) говорил про нашу эскадру и хвалил царя нашего. Его все добрые люди хвалят за то, что крестьянам дадена воля. Без воли... какая жизнь...

– Южане не хвалят! – смеясь заметил Дунаев. – Им самим хотелось бы своих крепостных негров сохранить.

Ну, да им скоро крышка. Наш Линкольн довел их до точки... Замиренья просят... Согласны на то, чтобы негра был вольный человек... И нудно же было жить бедному негре...

Ох, как нудно!

– Шибко утесняли? – спросил Чайкин.

– И не дай бог! Мало того, что утесняли, а его и за человека, можно сказать, не считали. «Насекомая, мол, а не человек!» Я бывал на плантациях, видал, как с неграми поступали. Плетями так и подбадривали эти самые «боссы»

ихние. Жалко бывало смотреть.

Чайкин несколько времени молчал. И наконец в каком-то мучительном раздумье

спросил:

– И отчего это на свете людей утесняют? Как ты об этом полагаешь, Дунаев?

По-видимому, Дунаев не занимался подобными отвлеченными вопросами, хотя знал по опыту, что такое утеснение, и, жаждавший чутким сердцем правды, даже искал ее, явившись обличителем своего командира перед адмиралом.

ГЛАВА XVIII

Дорога шла холмистой равниной, покрытой еще зеленью и цветами. То и дело вспархивали чуть не из-под ног перепела и другая мелкая птичка. Луговые собачки высовывали мордочки из своих норок и перебегали от одной норы к другой, пока высоко парящий на небе коршун не заставлял их торопливо прятаться.

По бокам дороги нередко виднелись ранчи, окруженные садами, а вблизи от них пасущиеся стада овец. Иногда фургон обгонял обоз, но уже не так часто, как прежде; зато чаще встречались обозы с переселенцами и фугоны с пионерами.

Благодаря ветру зной был не так ощутителен, и наши русские путешественники чувствовали себя хорошо, и

Чайкин, внимательно следивший за всем, что видел на пути, довольно часто обращался к товарищу за объяснениями: расспрашивал он и о ранчах, и о пионерах, и о переселенцах – все его интересовало.

Канзасцы после обильного завтрака отлично спали на свежем сене, положенном в фургон. Начиная поклевывать носом и Дунаев.

А Билль сидел молчаливый на козлах. Чайкин обратил внимание, что Старый Билль сегодня как-то особенно задумчив и серьезен, точно думает какую-то думу. И во время остановок на станциях и когда они обедали втроем, он не раскрывал рта и, казалось, становился мрачней и мрачней. Его седые брови совсем насупились, и на морщинистом лице было выражение чего-то жестокого и непреклонного.

Так прошло двое суток.

На третьи перевалили хребет Скалистых гор и к концу дня спускались в долину между склонов по узкому ущелью...

Канзасцы, видимо, были возбуждены и все посматривали в маленькие оконца фургона.

Наконец фургон переехал большой ручей, перерезывавший дорогу. Это место было особенно глухо и представляло собою как бы ловушку. Дорога тут сворачивала направо под острым углом, спускаясь в долину.

Эта местность и называлась Скалистым ручьем и пользовалась недоброю славой. Здесь часто «шалили» в то время агенты большой дороги, внезапно показываясь на боковых тропинках на своих степных лошадях и чаще всего в масках, чтобы не быть узванными впоследствии людьми, ими ограбленными, при встречах в театре, игорных домах и отелях.

Дунаев в качестве гонщика скота и «капитана» знал это место и, предупредив Чайкина, следил за канзасцами.

Наши матросики увидели, какими удивленными стали вдруг их лица, оба заметили, как переглянулись они между собой.

А Билль как ни в чем не бывало, точно пренебрегая опасностью, тихо спускал фургон по крутому спуску, сдерживая лошадей.

– Как называется этот ручей, Билль? – наконец спросил один из канзасцев, нетерпеливый брюнет.

– Скалистый, сэр! – спокойно ответил Билль.

– Красивое местечко.

– Очень. Мы переехали Скалистый ручей и сейчас опять его увидим, как спустимся... Там местечко еще красивее.

Через несколько минут фургон спустился в начало долинки, и Билль, свернув с дороги, остановил лошадей близ широкого ручья, окаймленного в этом месте деревьями.

Несколько куликов и уток вспорхнули из-под лошадей.

– Не хотите ли отдохнуть здесь, джентльмены? Здесь недурно выпить чаю с ромом.

– Умно придумано, Билль! – весело сказал молодец со шрамом.

– Местечко действительно красивое! – подтвердил брюнет.

– А вы, Дун и Чайк, что скажете?

Те выразили согласие.

– Так выходите, джентльмены, а я распрягу лошадей...

Дун! Вы мне поможете? А вы, Чайк, достаньте ведра, чтобы напоить лошадей.

Билль слез, а за ним Дунаев и Чайкин... Вылезли и молодцы, направляясь к ручью.

Когда Дунаев очутился около лошадей Старого Билля, тот шепнул ему:

– Отпрягать не надо. Сию минуту мы скрутим им руки.

Вы возьмите брюнета, а я займусь рыжим. Веревки в ведре.

Не забудьте сперва обезоружить их. Надо свести с ними счеты.

– Не бойтесь, Билль, все сделаю чисто.

– Так идем... А вы, Чайк, оставайтесь у лошадей! –

сказал Билль явившемуся с ведрами Чайкину.

Билль и Дунаев, оба с ведрами в руках, пошли к ручью.

При их приближении канзасцы, тихо беседовавшие между собой, тотчас же смолкли.

– Сейчас сучьев нарубим для костра... Где у вас топор лежит, Билль?. И как вы не боитесь останавливаться у

Скалистого ручья, Билль! Здесь, говорят...

Но дальше молодец со шрамом не досказал. Билль крепко обхватил его, повалил на землю и швырнул в сторону два револьвера и нож, бывшие у него за поясом. В ту же минуту был повален и обезоружен Дунаевым и брюнет.

Оба, смертельно побледневшие, не пробовали сопротивляться, когда руки и ноги их были связаны крепко веревками.

– Это по какому же праву? – проговорил молодец со шрамом, стараясь принять спокойный вид.

– Охота разговаривать! – презрительно кинул брюнет. –

Точно не видишь, что Билль хочет нас доставить шерифу в

Сакраменто в виде товара.

– Ошибаетесь, джентльмены. Мы вас сейчас будем судить судом Линча. Садитесь и приготовьтесь защищаться! – угрюмо проговорил Билль.

Ужас искажил черты канзасцев.

Чайкин был поражен, когда увидел всю эту сцену, и не отходил от лошадей.

– Чайк, подите сюда! – крикнул Билль.

И когда Чайкин приблизился, Билль проговорил:

– Вы, иностранец, должны быть третьим судьей. Поклянитесь, что будете судить этих двух джентльменов по совести.

Испуганный, что ему придется судить, Чайкин просил избавить его от этой чести.

Но Билль сказал:

– Тогда нас будет двое без вас. Втроем дело будет правильнее.

– Не отказывайтесь, Чайк! – проговорил молодец со шрамом. – Прошу вас, будьте судьей.

Тогда Чайкин согласился и, перекрестившись, проговорил:

– Клянусь судить по чистой совести.

– Ну, теперь ладно. Я приступаю.

И с этими словами Билль сел на землю, поджав под себя ноги. По бокам его расположились Дунаев и Чайкин.

Билль был угрюмо серьезен, Дунаев торжествен, Чайкин подавленно грустен.

– Подсудимые, – начал Билль, – готовы вы отвечать на вопросы?

– Я готов! – отвечал дрогнувшим голосом

молодец со шрамом.

Брюнет молчал.

– А вы? – спросил Старый Билль.

– Я? Смотря по тому, что вы будете спрашивать, Билль.

– А вот услышите. Ваши имена, джентльмены?

– Меня зовут Вильям Моррис.

– А меня, положим, Чарльз Дэк.

– Положим, что так. Я обвиняю вас, Вильям Моррис и

Чарльз Дэк, в том, что вы, агенты большой дороги, имели намерение ограбить Дуна и убить всех нас предательски перед Виргинией. Помните свист? И помните, почему вы не ответили на него?

– А почему? – спросил Дэк.

– Потому что все мы были наготове. И я первый положил бы вас на месте, если б вы ответили.

– Правильно, Билль. Вы – ловкая лисица! – сказал, усмехнувшись, Дэк.

– А вы, Моррис, признаетесь?

– Признаюсь.

– Слышали, Дун и Чайк?

– Слышали, Билль.

– Затем у меня есть еще более тяжкое обвинение против вас, Моррис и Дэк. Слушайте, прошу вас, Моррис и Дэк, и вы, Дун и Чайк!

– Да не тяните души, Билль. Чего вы заправского судью корчите. Валяйте скорее! – проговорил Дэк самым искренним, слегка ироническим тоном.

Он уже вполне владел собой и, казалось, не сомневался в том, что его ожидает. И его бледное, потасканное, испитое и все еще красивое мужественное лицо улыбалось такою холодной усмешкой и в его глубоко сидящих черных глазах светилось такое равнодушие не дорожившего жизнью человека, что Чайкин, взглянув на него, невольно припомнил такое же выражение на лице Блэка, когда тот говорил о самоубийстве.

И Чайкин почувствовал не одно только страдание к этому человеку, а нечто большее.

– Извольте, Дэк, я тороплюсь! – отвечал Билль, сам внутренне любуясь мужеством Дэка.

– Спасибо вам, Билль! – промолвил Дэк. И старый Билль продолжал:

– Обвинение это заключается в намерении
вашем прикончить с нами по-предательски,
сзади, когда мы спали...

Не приведено оно в исполнение только по-
тому, что...

– Что Моррис был дурак и не согласился на
мое предложение! – перебил Дэк.

– Вы слышите, Дун и Чайк?

Те кивнули головами.

– Затем вы решили покончить все дело
здесь, у Скалистого ручья, и с этой целью да-
ли телеграмму в Сакраменто некоему Иглю
о том, чтобы он с пятью друзьями приехал
встретить вас с провизией... Правду ли я гово-
рю? Что вы скажете на это, Моррис?

Моррис пробормотал:

– Но это надо доказать... Вы видите, друзья
не приехали. На каком основании вы нас об-
виняете в этом?

– А вы что скажете, Дэк? Правду ли я гово-
рю, обвиняя вас и товарища вашего в этом?

– Я только скажу, что наша партия проиг-
рана, Билль.

Но более из любопытства присоединяюсь к
вопросу товарища: откуда вы все это узнали?

– Вы знаете, джентльмены, Старый Билль не лжет. И

все, что я сказал, я слышал от вас. Вы очень громко говорили об этом на ночной стоянке...

– Мало ли что говорится!. Это не доказательство... Это не улика!.. – воскликнул Моррис. – Ведь факта не было.

Мы хотели послать, но не послали телеграммы, иначе товарищи наши были бы здесь.

– А вы что скажете, Дэк? Подтверждаете ли вы слова товарища?

– Я ничего не скажу, Билль.

– Так я скажу, что ваш товарищ Моррис лжет. Вы послали телеграмму, и если она не дошла, то не по вашей вине.

Моррис поник головою. Дэк молчал.

– Сознаетесь вы в этом, Моррис?

– Н-н-нет! – пролепетал Моррис, поднимая голову, и весь как-то ушел в свои судорожно вздрагивающие узкие плечи.

– А вы, Дэк?

– Кончайте скорей, Билль. А то Чайк, прежде чем судить нас, упадет в обморок. По-

жалейте джентльмена! –

насмешливо промолвил Дэк.

Действительно, Чайк имел страдальческий вид и был бледен не менее Морриса.

Старый Билль сурово взглянул на такого слабонервного судью и сказал:

– Сию минуту кончу, Дэк.

И с этими словами Билль достал из кармана телеграмму и громко прочитал ее.

– Посмотрите, Моррис и Дэк, ваши ли здесь фамилии? –

сказал Старый Билль и, поднявшись, подошел к подсудимым и показал им обличающую их телеграмму.

Моррис был окончательно сражен и едва прошептал:

– Телеграмма моя!

– Говорите громче, чтобы судьи слышали.

– Телеграмма моя! – произнес Моррис.

– Ловко, Билль, обделано дельце, ловко! – сказал Дэк.

Старый Билль вернулся на свое место и предъявил телеграмму обоим судьям.

– Ну, джентльмены, – обратился Билль к подсудимым, –

больше, я полагаю, допрашивать нечего. Ваше дело ясное.

Но прежде чем мы постановим приговор, не скажете ли чего-нибудь в свое оправдание? Почему вы, оба молодые люди, вместо того чтобы честным трудом зарабатывать себе хлеб, позорите звание гражданина Северо-Американских штатов, выбравши себе такую гнусную работу, как грабеж и убийство? Быть может, вы доведены были до этого крайностью? Быть может, вас вовлекли другие? Мы примем все это во внимание.

У Морриса вздрагивали челюсти, когда он с трудом проговорил:

– Пощадите... Не убивайте!

Дэк нетерпеливо крикнул:

– Не разыгрывайте пастора, Билль. Пристрелите или вздергивайте скорей!

А Чайкин внезапно проговорил, обращаясь к подсудимым, с мольбою в голосе:

– Скажите... скажите что-нибудь... Ведь вы раскаиваетесь? Ведь вы больше не будете грабить и убивать? Не правда ли?..

– О, какой вы добрый дурак, Чайк! – ответил Дэк, и в его глазах мелькнуло что-то

грустное и безнадежное.

– Пощадите! – снова пролепетал Моррис.

– Какой вы трус. Даже и умереть не умеете! – презрительно крикнул Дэк.

И, обращаясь к Чайкину, прибавил:

– Достаньте, Чайк, из моего кармана трубку и табак, набейте трубку, закурите и суньте мне в рот.

Когда Чайкин все это исполнил, Дэк шепнул ему:

– Спасибо вам, Чайк... И за жалость вашу спасибо!

Только не стоит меня жалеть!

Чайкин снова вспомнил Блэка и отошел, взволнованный до последней степени.

– Билль! – позвал Моррис.

– Что вам, Моррис?

– Дайте мне один-другой глоток рому. Это меня подкрепит.

– Сейчас дам, Моррис! – почти ласково сказал Старый

Билль.

И он послал Дунаева за бутылкой и стаканом.

Когда тот принес ром, Билль налил полста-

кана и сам поднес его к побелевшим губам Морриса.

Тот жадно выпил спирт и, поблагодарив Билля, прошептал:

– Билль!. у меня есть жена и дети.

– Тем хуже для них, Моррис! – серьезно промолвил

Билль.

Он возвратился на свое место и, опустившись на траву, проговорил, обращаясь к судьям:

– Судьи! судите по совести, какого наказания достойны подсудимые. Закон Линча ясен, и мы должны его исполнить. Вы, Чайк, как иностранец и незнакомый с обычаями страны, подадите голос после Дуна... Ну, Дун, отвечайте, удостоверено ли, что подсудимые виновны?

– Удостоверено.

– И что с ними надо сделать по обычаям здешних мест и в защиту путешественников?

Дунаев, знавший, сколько терпят на дороге от агентов, сам во время путешествий имевший с ними дело и проникнутый воззрениями, обычными на далеком Западе,

несмотря на свое добродушие, почти не задумавшись, произнес среди мертвой тишины оканчивающегося чудного дня, прерываемый только посвистыванием куликов на ручье:

– Казнить смертью.

– А ваше мнение, Чайк?

– Простить! – порывисто воскликнул Чайкин и тотчас же сам весь покраснел.

Старый Билль изумленно взглянул на Чайкина, как на человека не в своем уме. Сконфузился за него и Дунаев.

Удивились такому приговору и оба подсудимые, и Дэк с каким-то странным любопытством глядел на этого белобрысого худенького русского, глаза которого возбужденно сияли, придавая его неказистому лицу выражение духовной красоты.

– Не убивайте их, Билль... не убивайте!. – вновь заговорил Чайкин среди общего мертвого молчания. – Простите их, Билль... Пусть они виноваты, но не нам отнимать чужую жизнь и быть убийцами...

Чайкин остановился.

– Это все, что вы хотели сказать, Чайк? – спросил

Билль.

– Нет... Я хотел сказать... видите ли...

– Может быть, вы затрудняетесь говорить ваши русские глупости по-английски, – так говорите по-русски, а Дун переведет... Хотите?

– Благодарю вас, Билль. Я буду говорить по-русски.

И, обращаясь к Дунаеву, Чайкин продолжал:

– И как у тебя повернулся язык, Дунаев, приговорить на казнь людей!. Забыл ты, что ли, в Америке бога, Дунаев?.

И ты скажи им, что нет моего согласия, чтобы убивать.

Может, они и сделались-то убийцами оттого, что люди друг дружку утесняют. Может, если мы их простим, то совесть в них зазрит. А совесть зазрит, так они не станут больше такими делами заниматься... Ты переведи им это... И

опять же: не казнить, а жалеть надо людей, пожалеть их родителей, детей, всех сродственников, а не брать на душу греха убийством. Разве и они не люди?. Я не умею сказать всего, Дунаев, но душа болит... И Христос,

за нас пострадавший, не то проповедовал. Он и самого Иуду простил, не то чтобы... Нет, не убивайте, не убивайте их!.. И ты сам виноват, Дунаев... Зачем хвастал деньгами?. Зачем соблазнял?. Все из-за этих проклятых денег вышло... А

кроме того, ведь живы все мы...

Все глаза были устремлены на Чайкина, и хоть американцы не поняли ни одного слова из его бессвязной речи, но видели его лицо, его кроткие глаза и чувствовали искренность любящего, всепрощающего сердца.

Когда Дунаев перевел все, что сказал Чайкин, Билль насмешливо проговорил:

– Значит, по-вашему, Чайк, убийц надо прощать?..

– Вспомните, Билль, прощал ли Христос.

– Ну, то давно было. А если прощать таких джентльменов, как эти, то по здешним дорогам нельзя будет ездить.

А нам дороги нужны, чтоб заселять Запад. Нам нужны честные рабочие, а эти господа им мешают... Вам, Чайк, надо в пасторы идти... вот что я вам скажу... Когда еще будут люди любить друг друга – это вопрос, а пока

надо возить почту и пассажиров без опасения... А вы все-таки очень хороший человек, Чайк! – прибавил взволнованно Билль.

И взволнован он был именно словами Чайкина, хотя и старался скрыть это. Но чувствовал и он благодаря этому крику возмущенного сердца ответственность свою перед совестью за жестокость возмездия... И, кроме того, вспомнил он и свое далекое прошлое.

И в сердце Старого Билля закралось сомнение. И разум его колебался.

Несколько секунд Билль молчал, словно бы проверяя себя, и наконец сказал, обращаясь к Дунаеву:

– В той чепухе, которую говорил Чайк, есть только два обстоятельства, заслуживающие внимания: первое – то, что вы сами, Дун, были дурак дураком, что хвастались деньгами, а второе – то, что намерение Морриса и Дэка укокошить нас не приведено в исполнение... Что вы на это скажете, Дун?..

– Это верно... И признаюсь вам, Билль, после того, что говорил Чайк, я бы взял свое слово назад.

– Какое слово?

– А насчет казни этих агентов...

Билль не без снисходительного презрения сказал:

– Странные вы, русские. Один готов всех прощать, а вы... готовы менять свои Мнения... Ну, да это ваше дело. А

слова ваши уже взять обратно нельзя. Теперь за мной голос. Моррис замер в ожидании. Дэк, казалось, спокойно ждал.

– Частным образом я скажу, что постановил бы такое решение: Морриса вздернул бы на дерево на берегу ручья, а Дэка не повесил бы, но так как это было бы несправедливо, то я подаю голос, ввиду вышеуказанных двух обстоятельств, против казни...

Чайкин весь просветлел и, перекрестившись, воскликнул:

– Душа у вас, Билль, добрая... Бог вразумил вас.

Моррис ожил. Дэк принял известие, по-видимому, безразлично.

– Но что же мы будем делать с молодцами? Я их не повезу дальше! – сказал после раздумья Билль.

– Оставим их здесь, Билль! – подал совет

Дунаев. –

Пусть добираются до Фриски как им угодно.

– Мы доберемся! – обрадованно заметил Моррис.

– Но только ружья и револьверы вы получите, джентльмены, потом, из конторы дилижансов, а пока путешествуйте без них... А затем еще просьба на честное слово, господа.

– Какая? – спросил Дэк.

– Не сделайте ничего дурного телеграфисту в Виргинии. Он не виноват, что не передал вашей телеграммы.

Обещаете?

– Обещаю, Билль.

– А вы, Моррис?..

– Я ему размозжу голову, если он тронет телеграфиста!

– отвечал за Морриса Дэк.

Билль приказал Дунаеву собрать ружья и револьверы канзасцев, и, когда это было сделано, их развязали.

Они тотчас же пошли к дилижансу, вытащили свой багаж и провизию. Моррис тотчас же достал бутылку рома, и налив себе стакан,

проговорил:

– Ваше здоровье, Билль. Ваше здоровье, судьи.

– Вы за здоровье Чайка пейте... Если бы не он, быть бы вам на дереве...

– За Чайка я выпью отдельно. Ваше здоровье, Чайк!

Дэк сидел молча на траве.

И только когда Билль приказал Дунаеву и Чайкину садиться в фургон, Дэк крикнул:

– Будьте счастливы, Чайк.

Чайкин вернулся и крепко пожал руку Дэку и потом

Моррису.

Через пять минут фургон покатил дальше. Дунаев и

Чайкин очень удобно расположились на местах, которые занимали агенты большой дороги.

ГЛАВА XIX

1

– Джентльмены, проснитесь!

Дунаев и Чайкин, проспавшие всю ночь, растянувшись в фургоне, быстро вскочили и взялись за револьверы, не разобравши спресонок голоса Старого Билля.

Но, увидавши его спокойное лицо, они тотчас же положили их за пояса и весело усмехнулись.

– Видно, агенты приснились? – засмеялся Билль. – И

крепко же вы спали... Полагаю, что и кофе не мешает выпить и позавтракать... А утро-то какое!

Действительно, было чудное раннее утро, полное бодрящей свежести.

Фургон стоял в стороне от перекрестка, у небольшой речки. Вблизи горел костер, и над ним блестел на солнце большой медный кофейник.

Наши матросы побежали к реке мыться.

– Не торопитесь, джентльмены... Мы здесь простоим час, а то и два... Мы будем ждать почты из Сапервиля...

Она должна быть в семь, а теперь всего пять...

Через несколько минут Билль и двое рус-

ских сидели за завтраком: ели ветчину и пили кофе.

Билль сказал, что он тоже отлично выспался, проспавши четыре часа.

– А где-то наши спутники теперь? – заботливо спросил

Чайкин.

Билль с удивлением взглянул на Чайкина и ответил:

– А вы, Чайк, все жалеете их?

– То-то, жалею.

– Не беспокойтесь, не пропадут... А я полагаю, что вчера, Чайк, вы взяли на душу греха! – неожиданно прибавил Билль.

– Каким образом?

– А таким, что ошарашили нас с Дуном своими речами, и мы отпустили на все четыре стороны этих молодцев, вместо того чтобы их вздернуть...

– Грех был бы, если б вы решились на это, Билль.

– А я не чувствую греха, хотя мне и пришлось двух вздернуть.

– Неужели вы повесили людей, Билль? – испуганно воскликнул Чайкин.

– Повесил и нисколько не раскаиваюсь!.. И снова повесил бы, если бы нужно было!

– За что же вы, Билль, вздернули двух? – спросил Дунаев.

– А тоже агенты были и сделали на нас нападение. По счастью, пассажиры не растерялись и не позволили оципать себя, как куриц... Агентов встретили пулями. Они бежали, а двое не могли: под ними были убиты лошади...

Ну, мы их судили и осудили, и я привел решение суда в исполнение...

– А пассажиры все целы остались? – спросил Дунаев.

– Один был убит, другой ранен, и меня задело в ногу! –

проговорил Билль.

– А где это было?

– У Скалистого ручья...

Чайкин слушал и раздумчиво произнес:

– А я полагаю, что канзасцы своего дела больше не начнут!

Билль усмехнулся.

– Сомневаюсь! – промолвил он.

– Не начнут! – упорно настаивал Чайкин. –

Другими людьми станут после того, как поняли, что их пожалели...

– Как волка ни жалеи, он все останется волком, Чайк.

– Тем человек и отличается от зверя – у него другое понятие и другая совесть.

– Молоды вы очень, Чайк, и еще не знаете, что есть люди похуже волков. И таких людей жалеть нечего... Их ничто не исправит! – строго сказал Старый Билль.

– Всех жалко... Всякого совесть может переменить. Это разве который вроде как в уме потерянный и не понимает, что делает, ну, так с такого человека что взять. Он не виноват, что бог его лишил рассудка...

– Поживете в Америке, Чайк, так поймете, что жалеть всех нельзя... Большой вы чудак, Чайк!. Налить вам еще кружку?

– Налейте Билль А какие люди бывают агентами, Билль?

– Всякие... Приедет молодец на Запад, попадет в дурную компанию, станет игроком, начнет пьянствовать – ну и собьется с пути... Захочет работать скверную работу, и сделается агентом большой дороги... Кто попадется

на виселицу, а кто и прикончит работу вовремя и, наживши деньги, займется другим делом. Только таких мало, и такие больше из агентов-неубийц... Они только грабят, но не убивают... Из таких есть во Фриски несколько известных людей... Прежде были агентами, а теперь... ничего себе...

живут порядочно.

– Значит, совесть-то свое взяла! – торжествующе заметил Чайкин.

– Вернее, что страх попасться заставил перемениться...

Билль некоторое время молчал и наконец произнес:

– В молодости и я был агентом!

– Вы? – в изумлении переспросил Чайкин.

– Был. Да Дун, верно, слышал про это. Слышали, Дун? –

обратился к нему Старый Билль.

– Слышал, Билль...

– От этого я и преследую агентов, что сам им был, и не сделаться бы мне порядочным человеком, если бы не один случай...

– Расскажите, Билль! – попросил Чайкин.

– Какой это случай? – спросил и Дунаев.

– Я его до сих пор помню, хоть он и давно был, очень давно. Мне тогда было двадцать лет, джентльмены, а теперь шестьдесят два... Тогда еще Запада мы и не знали.

Здесь индейцы одни жили... И тогда агенты были там, где теперь железные дороги... Что ж, я вам, пожалуй, и расскажу, как я чуть к самому дьяволу не попал в когти...

Никому я этого не рассказывал, а вам расскажу... Видно, и мне надо выболтаться! – прибавил Старый Билль.

И Билль откашлялся, закурил трубку и начал.

2

– Приехал я, джентльмены, в Америку из Англии молодым человеком... Бежал я из полка, в который меня завербовали не совсем так, надо правду сказать, чисто...

Заманили меня вербовщики в таверну, подпоили и заставили подписать контракт. Когда я протрезвился, то уже был в казарме и понял, что со мной сыграли очень плохую штуку. Не хотел я быть солдатом. Не по моему

характеру было это ремесло, джентльмены.

– А вы чем раньше занимались, Билль? – спросил

Чайкин.

– Так, по разным занятиям мыкался по Лондону... Отца своего я не имел чести знать. Бедная мать говорила, что он был из важных господ и бросил ее в тот год, как я родился, и с тех пор о нем не было никаких слухов... Мать осталась без всяких средств и поступила служанкой в одну из гостиниц, а меня отдала на воспитание на ферму, недалеко от

Лондона, и каждое воскресенье приходила навещать меня... Добрая женщина была моя мать, джентльмены, и, проживи она подольше, быть может, я не ездил бы теперь кучером в Америке, а жил бы в Англии. Но у каждого своя судьба. Могло быть и хуже и лучше того, что есть... И я, собственно говоря, не жалеюсь на свое положение и, верно, умру на своем посту, то есть на козлах или на конюшне, если только меня не оскальпируют индейцы или не повесят агенты большой дороги, – они не очень-то любят Старого

Билля! – прибавил старик.

– За что они вас, Билль, не любят? – осведомился Чайкин.

– За то, что я не очень-то балую их пожилой и хорошо стерегу почту и своих пассажиров. В опасных местах по ночам не езжу и ни на какие лестные предложения агентов не поддаюсь. Пробовали они – да отъехали, понявши, что Старый Билль совести своей не продаст ни за какие деньги... Раз даже двадцать пять тысяч долларов предлагали...

– За что? – спросил Дунаев.

– А собирался ехать из Фриски со мной один миллионер в рудокопный округ... Так агенты узнали и намеревались его захватить, чтобы взять с него большой выкуп... Ну, я ему и посоветовал либо не ехать, либо нанять конвой.

– И что ж он? Поехал?

– Поехал... Дело обещало наживу, а у кого много денег,

тот ведь еще больше их хочет, точно думает, что можно свое богатство в гроб положить.

– Не положишь! – засмеялся Дунаев.

– То-то, не положишь, и потому, я думаю,

нам, джентльмены, легче будет умирать: забот будет меньше насчет денег.

– И благополучно вы довезли миллионера, Билль? –

спросил Дунаев.

– Вполне, тем более что конвой в десять человек был, и агенты не решились напасть, получивши мой отказ от их предложения.

Билль сплюнул, спрятал трубку и продолжал:

– Как окончил я школу, мать мне нашла место мальчика при торговце овощами. Он потерял голос, и я должен был за него выкрикивать о товаре... Тоже прежде надо было выучиться кричать, потому что о каждом товаре в Лондоне на свой лад кричат... Всякое самое пустячное дело требует выучки – тогда только и можно хорошо исполнять дело. И я скоро отлично кричал и зарабатывал себе горлом квартиру, стол и два шиллинга в неделю... Так дожил я до шестнадцати лет и затем переменял, по совету матери, карьеру –

сделался яличником на Темзе... Тут уже не горлом, а руками надо было брать... Вам знакомо это дело, джентльмены... Работал я та-

ким манером два года и, нечего скрывать, был недурным гребцом, умел ругаться не хуже матроса и не прочь был выпить в компании... Ну и в карты научился играть... Мало ли чему научится молодой человек среди не очень-то разборчивых товарищей... Всего было. Юность-то была очень скверно проведена, и некому было в ту пору остановить меня и от выпивки и от игры.

Сперва как будто начинает человек шутя, понемногу, а что дальше, то больше втягивается... Тут уже труднее остановиться. Другие, мол, пьют и играют, отчего же и мне не делать того же. Смотришь, к дьяволу в когти и попался и совесть потерял и стыд. И однажды вечером, когда я сидел в таверне и был довольно-таки пьян, за мной пришел один человек: «Немедленно, говорит, поезжайте к матери. Она больна и вас зовет».

Старый Билль примолк и задумчиво стал набивать трубку.

Казалось, что те воспоминания о далеком прошлом, которые он собирался рассказывать, несмотря на их отдаленность, восставали перед ним, налагая на его лицо печать гру-

сти.

– Да, джентльмены, – продолжал Старый Билль после затяжки, – я в пьяном виде поехал, но только не в гостиницу, а в госпиталь Святого Патрикия... И только я слегка отрезвился, когда увидел мать на койке умирающей. Ее раздавил дилижанс на улице в этот день, и ее привезли в госпиталь. Она пристально взглянула на меня и велела нагнуться. И когда я нагнулся, она поцеловала меня и заплакала, а потом чуть слышно, прерывающимся голосом сказала: «Милый мальчик, милый, милый... Прости меня, что я не сумела тебя лучше устроить... Я не виновата, сынок, что не могла быть с тобой... Да сохранит тебя бог!»

И сунула мне затем в руки кошелек: «На черный день, говорит, пригодится. Поцелуй меня еще раз!» И после этого стала бредить... об отце вспоминала, прощала его... всякую всячину говорила... А этак часа через два скончалась... Тут уж я, джентльмены, совсем отрезвел и понял,

какой я был скотиной... Через два дня я похоронил мать и остался один-одинешенек на

свете... Очень тогда тяжело было... И вспоминать о тогдашнем скотстве скверно... Да и забыть нельзя, что я пьяный видел мать в последний раз...

– И после этого бросили пить, Билль? – участливо спросил Чайкин.

– Имел намерение, Чайк, имел намерение бросить и даже слово себе давал больше не напиваться и в карты не играть, а кончил тем, что через неделю опять закутил и проиграл все деньги, которые оставила мать. Целых тридцать фунтов, джентльмены... А на эти деньги я мог бы несколько своих лодок завести, а то и купить суденышко и заняться рыбной ловлей в море... Так сперва я и подумывал, да джин все эти хорошие мысли вышиб из головы...

Вы это должны понимать, Дун. Не правда ли?

– Очень даже понимаю. Я прежде до умопомрачения иногда пил. И сколько за это меня пороли, если бы вы только знали, Билль! – проговорил Дунаев с добродушным смехом, показывавшим, что бывший русский матрос давно забыл и простил эту порку.

– Могу представить себе, хотя и не испытал этого удовольствия. А что вы, Дун, пили и, верно, необыкновенно много пили, чтоб добиться, как вы говорите, до умопомрачения, так это видно.

– Почему? – смеясь спросил Дунаев.

– А тогда, после того как мы выехали из города Соляного озера.

– Что ж тогда?

– Разве не помните?

– Право, не помню.

– Я смотрел, как вы дули ром стаканами, когда агенты вас подпаивали, чтоб обыграть наверняка... Я видел немало людей, способных влить в себя много спирта, но такого крепкого, как вы, Дун, признаюсь, не видал...

– Я могу много выпить, Билль, и оставаться трезвым.

Однако продолжайте, Билль, продолжайте... Вы очень любопытно рассказываете... Вон и Чайк ждет не дождется, когда вы станете продолжать. Ему неинтересно слушать о выпивке. Он не пьет.

– Так-таки ничего, Чайк? – спросил Билль.

– Пива бутылку-другую когда пил прежде...

Да здесь вот шерри-коблер научился пить...
Да и то хочу бросить...

Не люблю я никаких напитков, кроме чая да кофе! – словно бы оправдывался Чайкин. – Так продолжайте, Билль...

Пожалуйста, продолжайте!

– Ну ладно... Продолжать так продолжать, пока не придет почта. Она всегда запаздывает, а сегодня мы приехали на «Перекресток» раньше, чем обыкновенно... На чем я остановился-то, джентльмены?

– На том, как у вас хмель вышиб хорошие мысли из головы! – подсказал Дунаев.

– Подлинно вышиб, если я вместо того, чтобы купить рыболовное судно, остался по-денным яличником у хозяина...

– А по сколько вы получали?

– Фунт в неделю, если память не изменяет, и квартиру.

А есть должен был на свой счет. Ну да, кроме жалованья, еще от джентльменов-пассажиров перепадало... дарили...

– Это в России называется получить «на чай», – вставил

Дунаев.

– И выпить водки? – спросил Старый Билль.

– Ну, разумеется...

– У нас просто давали без определения годности, хоть никто и не сомневался, что яличник в большинстве случаев пропьет два пенса, которые ему дарили... И выходит, тот же чай! – засмеялся Билль.

– И много в день этих пенсов набирали?

– Да не перебивай, пожалуйста, Дунаев! Дай человеку говорить! А то ты все его перебиваешь! – проговорил вдруг по-русски Чайкин.

– О чем это, Чайк? – спросил Билль.

Дунаев объяснил и обещал, что больше перебивать не будет.

Билль усмехнулся Чайкину и продолжал:

– Жил я, джентльмены, яличником, свободным яличником, и, как уж я говорил вначале, вдруг сделался солдатом и очутился в казарме. И так как со мною, как я вам объяснял, поступили нечисто, завербовали в пьяном виде, то мне моя солдатская куртка стала еще ненавистнее... Вы понимаете, джентльмены?.. По своей доброй воле все можно пере-

нести, а если не по своей, так и хорошее кажется дурным, а дурное так и вовсе отчаянным... Ну, я терпеть не хотел. Подал жалобу и представил куда следует те двадцать пять фунтов, за которые проданся...

– Какие это деньги. Билль? За что? – осведомился

Чайкин.

– А за то, что я продавался на службу.

– Кто платит их?

– Правительство.

– И всем желающим?

– Всем. Некоторым красавцам и высокого роста и больше платят... А в России разве ничего не платят?

– Нет. Взяли – и шабаш! – ответил Дунаев.

– Жду неделю, другую, третью ответа на мое прошение.

Ответа никакого. Наконец через месяц я получил ответ и двадцать пять фунтов обратно. В ответе этом было сказано, что просьба моя была рассмотрена как следует во всех подходящих канцеляриях и что она отклонена, как законному удовлетворению не подлежащая... Прочитал это я и тогда же решил про

себя бежать со службы в Америку. В

тот год как раз много народу переселялось, и об этом много писали в газетах... Но только первое время бежать нельзя было: очень сторожили новобранцев и никуда не выпускали из казарм. Строго было, и дезертиров, ежели ловили, присуждали к строгому заключению в тюрьме... Ну, я, разумеется, не пожелал, как вы догадаетесь, джентльмены, променять казармы на каторгу и решил выждать время... И

так эта мысль мною завладела, что я ее и днем и ночью имел в голове... Разбогатеть сумел в Америке... И берег эти самые двадцать пять фунтов, чтобы на них уехать...

Потом, когда я приехал в Америку и заработал денег, я эти двадцать пять фунтов, конечно, вернул! – не без гордости прибавил Старый Билль.

– Кому вернули? – спросил Чайкин.

– Правительству. В свой полк послал...

– И вы ни разу не были потом в Англии, Билль? –

спросил Дунаев.

– А разве вам можно было бы ехать в Англию? – осведомился Чайкин.

– Разумеется, можно. Всякие давности моей вины прошли, и никто бы меня не смел тронуть, тем более что я американский гражданин, слава богу! – с гордостью проговорил Билль. – Но только я в Англии с тех пор, как убежал из нее, не был. Да и что мне там было делать? Я там был бы один как перст... Родных ни души... Друг один был яличник, так и тот утонул в пьяном виде вскоре после моего отъезда, – я об этом в Нью-Йорке в газетах прочитал.

Нет, я не ездил, джентльмены! – повторил Билль.

Вдруг он примолк и, сделав знак рукой, чтобы молчали, зорко смотрел перед собой на траву.

– Чайк! Несите охотничье ружье! – чуть слышно прошептал он. – Обойдите сзади к фургону.

Через минуту Чайкин вернулся с ружьем. Тогда Билль лег ничком и пополз в траве. Дунаев и Чайкин молча следили за движением Билля...

Вдруг с громким кудахтаньем из травы тяжело поднялась, шумно хлопая крыльями, па-

ра фазанов, блестя на солнце перьями. Раздались один за другим два выстрела, и через несколько минут Билль вернулся с двумя крупными птицами.

– Вот у нас, джентльмены, и отличное жаркое будет к обеду! – весело проговорил он... – Кто из вас оциплет и выпотрошит птицу, пока я буду рассказывать вам историю своей жизни?

– Я это дело обработаю, Билль! – сказал Дунаев, беря из рук Билля фазанов.

– Экие красивые куры. Как их зовут, Дунаев?

– Фазаны! – ответил Дунаев.

– У нас в России их нет?

– На Кавказе есть... черноморские матросики говорили.

Вкусная птица!

И Дунаев принялся оципывать птиц.

А Билль зарядил ружье, положил на траву и, усевшись, продолжал:

– Шесть месяцев, джентльмены, я прослужил на службе ее величества королевы Виктории, а на седьмой месяц, как получен был приказ об отправлении нашего полка в Ин-

дию, я ночью удрал из казарм, продал форму и купил себе дешевую пару платья, шляпу и две смены белья – и с утренним поездом в Ливерпуль, как раз к отходу эмигрантского парохода в Америку. Бумаги свои мне дал мой друг яличник, и я под его именем был принят палубным пассажиром на пароход.

По приезде в Америку я бумаги вернул ему по почте и записался под своею фамилией: «Билль Робине», если вам интересно знать мою фамилию, хотя уже давно меня зовут в этой стране просто Старым Биллем. Прежде звали дядей

Биллем, но уж теперь какой же я «дядя»...

Когда я ступил после пятнадцатидневного плавания –

тогда пароходы не так шибко ходили, как нынче – на берег в Нью-Йорке, у меня был один фунт... Но я скоро нашел работу – поступил кочегаром на буксирный пароход, и дело мое было сделано... Не стану вам рассказывать, джентльмены, сколько я перепробовал профессий за два года: был я и конюхом, и разносчиком, и сторожем в цирке. Через два года у меня была тысяча долларов, и мне по-

везло... я попробовал играть на бирже, и через шесть месяцев у меня было двадцать тысяч долларов, а еще через шесть я все спустил... Но легкая нажива уже соблазняла меня, джентльмены... Работа казалась уж мне несостоящим трудом...

Мне хотелось быстро разбогатеть, и я отправился в южные штаты пробовать там счастья... Но в Ричмонде, вместо того чтобы начать работать, я стал посещать игорные дома и сделался профессиональным игроком. Шулером не был, в этом могу вас уверить, но играл каждый день, водил компанию с подозрительными джентльменами и пьянствовал.

Наконец и играть не на что стало... А уж привычка к праздной жизни сделала свое дело. Мне не хотелось работать и хотелось жить хорошо... И опять дьявол взял меня в свои когти, но на этот раз уже крепче, чем когда я ездил по

Темзе на шлюпке... Я поступил в шайку агентов, но не убийц, а только грабителей... мы останавливали дилижансы на большой дороге и грабили плантаторов. Жизнь мы вели кочевую, то на одной дороге, то на другой,

и снова у меня появились денежки, и снова я пьянствовал и кутил, пока... пока не случилось того, чему лучше бы не случаться, джентльмены, хоть этому я и обязан тем, что стал другим человеком. Но я вам все расскажу. Раз начал, так надо все рассказать!. Да и почты еще не видать! – проговорил глухим голосом Билль, взглядывая на дорогу, по которой должна была ехать почта.

И хотя Старый Билль и хотел рассказать то, чему «лучше было бы не случаться» и что случилось много-много лет тому назад, тем не менее он все-таки не решался и, опустив глаза, уставил их на кучку золы погасшего костра.

Чайкин украдкой взглядывал на Старого Билля и понимал, как трудно ему продолжать. И ему жаль было этого симпатичного старика, и ему очень хотелось, чтобы он не продолжал, не вспоминал бы вновь, что ему, очевидно, хотелось бы совсем забыть.

И Чайкин поднялся с места, сделав и Дунаеву знак подняться.

– Куда вы? – спросил Билль.

– А немного пройтись... Ноги размять... И

утро уж очень хорошее! – отвечал, несколько смущаясь, Чайкин.

Билль, по-видимому, понял и оценил деликатность

Чайкина и необыкновенно ласково взглянул на него.

– Далеко не заходите! Пожалуй, и почта скоро придет! –

сказал Билль.

– Мы недалеко.

Когда русские матросы отошли, Дунаев спросил:

– Ты чего позвал?

– А так... пройдемся... Пусть Билль один побудет...

– А что?

– Да ему что-то не хочется рассказывать. Верно, что-нибудь тяжелое для него...

– Не хочется, так и не расскажет. Это его дело. А здесь, братец ты мой, в этих краях у многих бывали такие дела, про кои неохота рассказывать... Ну да былъ молодцу не в укор...

– А все-таки совесть зазрит...

– Здесь не у многих. Было и сплыло. Нико-

му дела нет, что я в прошлом году делал, – веди только себя хорошо в этом году. А Биллю нечего прошлого стыдиться... Он зато давно правильным человеком стал. Его во всей округе почитают и уважают за его справедливость и честность...

Старики здешние говорят, что Билль первый человек... Его в Денвере хотели в шерифы выбирать...

– Не пошел?

– Не пошел. «Лучше, говорит, дилижанщиком останусь».

– Не зарится на должность?

– Простой... И добер к человеку... Поможет в беде. Он многим помогает по малости. У него есть деньжонки...

Скопил кое-что.

– Так отчего он не оставит своей работы? Трудная...

– Привык, и, сказывают, бытто зарок себе дал никем другим не быть, как дилижанщиком.

– Почему?

– А бог его знает. Так болтают. Может, и зря.

Они продолжали идти молча по дороге. Солнце уж поднялось высоко и пригревало изрядно. Хорошо еще, что ветерок умерял зной.

– Тоже вот и мой бывший капитан Блэк. Должно, и у него много на душе разных делов! – наконец проговорил

Чайкин, словно бы отвечая на занимавшие его мысли.

– Мало ли у эдакого отчаянного дьявола... Ты рассказывал, как он справлялся.

– То-то, справлялся, как зверь, можно сказать А

все-таки должна подойти такая линия, что бросить дол жен человек все такие дела. Кому раньше, кому позже... Может, перед самой смертью...

– От этого людям, брат, не легче...

– А когда-нибудь будет легче? Как ты полагаешь?

– Бог знает... А ты, Чайкин, не нудь себя такими мыслями, вот что я тебе скажу.

– Отчего?

– Оттого, что только себя в тоску вгоняешь. Что будет, то и будет, а пока что каждый чело-

век должен около себя заботиться... А ты уж больно допытываешься: как да почему все вокруг происходит... Ну да здешняя сторона тебя скоро обломает... Однако идем назад... Солнце-то больно греет.

Они повернули и через несколько минут возвратились к фургону.

Билль по-прежнему сидел угрюмый и задумчивый.

– Присаживайтесь-ка, джентльмены. Нагулялись? –

спросил Билль.

– Нагулялись, Билль.

– А почты все нет...

– То-то, нет.

– Так уж я вам dokonчу про свои прежние грехи... Я

понял, зачем вы уходили, Чайк. Благодарю вас! Но почта не пришла, и я пораздумал. Пораздумал и сказал себе: «Нечего скрывать, Билль, того, что было, хотя бы и очень дурное...»

– Зато, Билль, сколько у вас было хорошего! – заметил

Дунаев. – Вас все уважают.

– Это правда, уважают. И я, по чести скажу, ничего умышленно дурного не сделал с тех пор – подчеркнул

Билль. – А с тех пор прошло лет тридцать пять... Так слушайте, джентльмены, почему Билль, прежний пьяница, мот и игрок, стал совсем другим Биллем. Дайте только закурить трубку.

И Билль с видом какой-то суровой решимости начал:

– Как теперь помню, было это позднею осенью. Сидел я в гостинице в одном из городов южного штата, – зачем вам название города? – как ко мне входит наш президент

Томми (он давно повешен, джентльмены!) и говорит: «На днях хорошее дельце будет, Билль. Едет в Нью-Орлеан богатый плантатор с семейством и с деньгами. Так не худо,

говорит, поживиться его капиталом. Кошелек туго набит».

Мы вчетвером в ту же ночь и уехали из города и расположились лагерем вблизи одного ущелья, вроде Скалистого, будто охотники. Ну, разумеется, провизии было взято достаточно, вина тоже, и мы весело проводили

время в ожидании поживы... А тем временем мы успели поживиться шестьюдесятью долларами и лошадью одного мексиканца, который имел неосторожность проезжать мимо нас... Так прошло два дня... Эти два дня только

Томми был совершенно трезв, а мы трое не то чтобы совсем пьяны, а так, в достаточном возбуждении. Томми нарочно держал нас в таком состоянии, угощая вином. Это он называл «поддать пару». Так вот, джентльмены, были мы под парами, когда на третье утро, на заре, мы вчетвером, в масках конечно, подъехали к большой дорожной карете и приказали кучеру остановиться... Карета остановилась. Но сидящие в карете, вместо того чтобы встретить нас благосклонно и отдать свои кошельки, пустили в нас несколько зарядов из револьверов, и двое из наших упали с лошадей... Тогда Томми крикнул: «Билль, защищайся!» – и разрядил свой бульдог... Выстрелил и я, честное слово, почти не глядя, и вдруг услышал жалобный детский стон... Этого стона я никогда не забуду... Бывают времена, когда я его слышу... Он стоит в ушах и на-

поминает мне, что я – детоубийца.

Старый Билль помолчал.

– Дальше нечего рассказывать. Томми прикончил своими пулями плантатора, его молодую жену и девочку, негритянку-няньку, а я маленькую, лет пяти... Томми пристрелил и кучера негра... Когда я увидел убитую мною девочку, то я почувствовал весь ужас своего злодейства...

А Томми говорит: «Пожива нам досталась хорошая!» И

вынул из кармана мертвого кошелек и разбил шкатулку.

Она была вся полна золотом... А я, джентльмены, глядел на все и ничего не понимал. Словно бы на меня вдруг столбняк напал... И потом, как снова пришел в себя, я во весь дух поскакал прочь от этого места...

Билль снова примолк.

Чайкин находился под впечатлением рассказа. Потрясенный, он весь как-то съежился, и лицо его подергивалось.

А Дунаев заметил:

– Вы ведь не нарочно, Билль, убили ребенка. Вы ведь нечаянно...

– А не будь я в ту пору мерзавцем, не будь я агентом, так и нечаянности этой не было бы, Дун... Какое уж это утешение. Надо правде в глаза смотреть. Правда, Чайк?

– Правда, – чуть слышно промолвил Чайкин.

И опять наступило молчание.

– Что ж дальше вы сделали, Билль? – спросил наконец

Дунаев.

– Пролежал я около трех месяцев в одной уединенной ранче... Горячка была... На ранче говорили, что подняли меня без чувств на дороге... И когда я выздоравливал, то в это время я и думал о своей жизни и понял, какая она была позорная. И почувствовал к ней отвращение и дал себе слово стать другим человеком. Чтобы не было искушения в городах, я остался на ранче, отработал то, что был должен хозяину за мое содержание во время болезни, хоть он, добрый человек, этого и не требовал, и после уехал из южных штатов, чтобы больше никогда в них не возвращаться.

– Куда ж вы уехали, Билль? – спросил Дуна-

ев.

– На Запад... В Канзас... Тогда еще там жили индейцы.

– Что ж вы делали?

– Охотником был... Слонялся один с места на место...

– А индейцы вас не трогали?

– Не трогали. Я им зла не делал, и они мне не делали.

Мы дружны были... Все меня звали и называли Белым

Охотником. В таком одиночестве я пробыл, джентльмены, лет семь и, когда почувствовал, что нет для меня больше искушений, вернулся в город... Там открывалась компания дилижансов, и меня взяли кучером... С тех пор я и езжу по этой дороге, джентльмены, и надеюсь до смерти ездить и благополучно довозить пассажиров и почту, охраняя их от агентов.

– Не любите вы их, Билль! – заметил Дунаев.

– От этого и не люблю, что сам был агентом и знаю, как подло нападать исподтишка, и часто на безоружных людей.

Есть здесь разбойники, которые и женщин не жалеют...

Недавно была убита одна женщина вместе с мужем...

– А за что повесили Томми? За то дело?

– Нет! то дело так и осталось в тайне, – Томми ловко припрятал концы. Он уехал из страны на север и, как после я узнал, был повешен за убийство... Мне случайно попалась потом газета, в которой был напечатан судебный отчет и отчет о его казни. И на суде держал себя хорошо и умер без страха... Однако долго же не идет почта! – круто оборвал Билль разговор и сделался прежним серьезным и суровым и малоразговорчивым Биллем.

– Не случилось ли чего-нибудь! – заметил Чайкин.

– Здесь тихо. Не пошаливают. Да и кому охота нападать на письма.

Наступило молчание.

Между тем два фазана были ощипаны, выпотрошены и вымыты в свежей воде.

– Что с ними теперь делать, Билль?

– спросил Дунаев.

– Я полагаю зажарить их, Дун.

– А успеем до прихода почты?

– Не успеем, так дожарим на станции, где будем обедать.

Чайкин собрал сучьев и развел огонь.

Когда образовалась горячая зола, Дунаев обернул фазанов в свежие листья и всунул в золу, наблюдая, чтобы жаркое пропеклось со всех сторон.

Сзади вдруг послышался лошадиный топот.

Биль обернулся и схватился за ружье.

Всадник скакал во всю мочь по дороге... Он подскочил к костру и спрыгнул с лошади.

– Дэк! – воскликнули изумленно Чайкин и Дунаев.

– Вам, Дэк, что нужно? – сурово спросил Билль.

– Я нарочно приехал сюда, чтобы предостеречь вас...

– От кого?

– От моего товарища. Мне нечем было прострелить ему голову, а то бы я прострелил. Я вам верно говорю, Билль.

– За что?

– А за то, что он не чувствует благодарности, и за то, что вы нас не повесили благодаря главным образом Чайку, он вам же собирается напакостить.

– Каким образом?

– Он уехал в Сакраменто, чтобы организовать на вас нападение... Он звал и меня, но я... я еще помню, кому обязан жизнью.

Билль несколько мгновений молчал, словно что-то обдумывал, и потом протянул руку Дэку и сказал:

– Спасибо вам, Дэк. Вы поступили как порядочный человек... Теперь вижу, что Чайк был прав...

– В чем?

– Он утверждает, что вы бросите вашу по-

зорную жизнь и станете порядочным человеком. Ведь вы это говорили, Чайк?

– Говорил! – весело сказал Чайкин.

– Благодарю за хорошее мнение обо мне, Чайк. Быть может, вы и правы...

– Присаживайтесь-ка, Дэк, и не хотите ли закусить? –

предложил Билль.

– Не откажусь. Я еще не успел позавтракать сегодня.

Насилу достал лошадь в ранче у Косого Джима. Оставил залог...

– И стаканчик рома выпить не откажетесь, Дэк? –

предложил Дунаев.

– В этом не может быть сомнения...

Скоро Дэк с аппетитом принялся уписывать за обе щеки принесенные Чайкиным мясо и ветчину, выпив предварительно стаканчик рома.

Билль что-то раздумывал и наконец проговорил:

– Недаром я хотел повесить вашего товарища, Дэк.

Большой он мошенник!

– Оказывается, что большой, Билль. Я ему уж это сказал, когда он мне сообщил свое намерение.

– Что ж он?

– Он сказал, что это не мое дело... И так как он сильнее меня, то я должен был согласиться, что не мое дело, но объявил, что мы больше с ним не знакомы...

– И хорошо сделали, Дэк! – сказал Билль.

И когда тот позавтракал и после завтрака выпил еще стаканчик рома, Билль его спросил:

– Какую ему лошадь дал Косой Джим?

– Черную кобылу.

– Хорошая лошадь! Давно бы и Джима следовало повесить. Он укрывает агентов и помогает им... Что вы на это скажете, Дэк?

– Мне неудобно, Билль, быть судьей в этом деле...

Разве со временем... Тогда я, – быть может, не откажусь высказать свое мнение.

– Правильно сказано. А в каком часу выехал ваш товарищ?

– В шесть вечера, как только мы добрались до Джима...

– Значит, он уж обогнал нас.

– Весьма вероятно. Для этого он и поехал.

Билль пристально взглянул в упор на Дэка. Тот глаз не отвел под испытующим взглядом Старого Билля.

– А вы, Дэк, что думаете делать теперь?

– Ехать в Сан-Франциско.

– Верхом?

– Верхом.

– Извините, Дэк... Еще один вопрос.

– Предлагайте сколько угодно, Билль...

– Вы... в самом деле... возмущены вашим товарищем?.

Нет ли какой ловушки?

Дэк вспыхнул.

– Какая же может быть ловушка? Я торопился единственно для того, чтобы отплатить хоть отчасти за жизнь, которой я обязан Чайку. Для Чайка больше и приехал...

Ваше дело верить мне или не верить... И у меня револьвера нет! – прибавил в виде веского аргумента Дэк, выворачивая свои карманы.

– Довольно. Я верю вам, Дэк! – произнес Билль.

Дэк опять покраснел, на этот раз от удовлетворенного чувства.

– И сколько агентов, вы думаете, соберет этот мерзавец?

– Полагаю, человек шесть, по два на каждого из вас, и чтобы досталось по шестисот долларов на каждого.

– Как так? Почему по шестисот?

– Около этого... разделите-ка, Билль, на шесть три тысячи долларов Дуна да пятьсот долларов Чайка, которые зашиты у него и спрятаны на груди.

– А вы почему знаете, Дэк? – изумленно спросил Чайкин.

– Я слышал, как вы об этом говорили на пароходе...

– Но я вас не видал на пароходе...

– Не мудрено: я тогда был с бородой... Так разделите, говорю, три тысячи пятьсот долларов на шесть, и выйдет около шестисот на брата... Ради такого куша молодцы выедут...

– А что, Дэк, если против шести будет не трое, а четверо?

– Откуда у вас четвертый?

– А если я вас возьму в дилижанс и довезу

до Фриски? И

револьвер дам?

– Спасибо, Билль. Но я откажусь.

– Почему?

– Я не хочу стрелять в бывших товарищей.

Если бы даже со вчерашнего дня я и переменял о них мнение, все-таки мне бы не хотелось поднимать на них руку. Это пахнет предательством...

– Пожалуй, вы правы, Дэк. Вы гораздо лучше, чем я думал.

– Предупредить я могу... это долг совести, но пристать к какой-либо стороне считаю неудобным. Я предпочту оставаться нейтральным в этом деле и не спеша продолжать путь до Фриски...

– В таком случае я возвращу ваш револьвер... Без револьвера неудобно?

– Как будто бы не совсем.

Минут через десять приехала почта, то есть небольшая тележка с несколькими десятками писем и посылок.

– Что так поздно, Джо? – обратился Билль к заспанному мальчику лет четырнадцати, который привез почту и начал ее укладывать в

фургон.

– Дорога скверная, Старый Билль!

– А может быть, нам и спать хотелось,

Джо?

– Хотелось, Старый Билль.

– И мы вздремнули. А, Джо?

– Вздремнули, Старый Билль!

– И лошади вздремнули?

– Очень может быть, Старый Билль!

– В следующий раз выпитесь хорошенько дома, Джо, перед тем как везти почту. Слышите?

– Слышу, Старый Билль.

– И хорошо слышите, Джо?

– Хорошо, Старый Билль. А вот посылочка лично вам, Старый Билль. Отец велел передать!

И мальчик подал Биллю корзинку с персиками.

– Это для кого же?

– Для вас, Старый Билль. Мать сказала: «Старый Билль любит персики».

– Поблагодарите, Джо, отца и мать. Персики отличные.

Каков урожай, – сказал Билль, пробуя один

крупный свежий персик, – в вашем саду?

– Отличный.

– Кушайте, джентльмены, персики... Попробуйте и вы, Джо. После сна приятно съесть персики... Дэк! Полакомьтесь да возьмите себе на дорогу! – говорил Билль, поставив корзину на сиденье.

Все стали есть персики и похваливали, пока Билль запрягал лошадей.

– А что на свете нового, Джо? – спросил Билль.

– Перемирие заключено.

– С этого следовало начать, Джо! Слышите, джентльмены? Конец войне и рабству!. Ура! – радостно воскликнул Старый Билль.

– Ура! – повторили все.

– А еще что нового, Джо, у вас?

– Одного молодца повесили.

– За что?

– Пять лошадей увел.

– Лошадей-то вернули?..

– Вернули! Двадцать миль гнались за конокрадом. Нагнали, привезли к нам и ночью вздернули. Так и надо! Не кради лошадей! – энергично прибавил мальчик, внезапно

оживляясь.

– Здесь за конокрадство строго! – шепнул по-русски

Дунаев Чайкину.

– А еще что нового, Джо?

– Больше ничего, Старый Билль.

– Ну так до свидания, Джо. Кланяйтесь всем, да вперед не опаздывайте! Прощайте, Дэк! Еще раз спасибо вам!

И старый Билль крепко пожал руку Дэка.

– Револьвер получили?

– Вот он.

– И зарядов Дун дал?

– Дал.

– Возьмите и провизии.

И Билль отдал Дэку небольшой окорок, су-харей, бутылку рома и с десяток персиков.

Дунаев и Чайкин, в свою очередь, крепко пожимали руку Дэка и благодарили его.

А Дэк сказал Чайкину дрогнувшим голо-сом:

– Будьте счастливы, Чайк.

– Дай бог и вам счастья! – задушевно отве-тил Чайкин.

Все было готово. Дунаев и Чайкин сели в

дилижанс.

Билль взобрался на козлы.

– Будьте настороже, Билль, под Сакраменто, у Старого дуба... Желаю, чтобы игра разыгралась вничью, если встретитесь с агентами! – говорил Дэк. – Прощайте, джентльмены! Спасибо вам, Чайк!

– Надеюсь услышать о вас хорошие вести, Дэк! Еще раз спасибо! – сказал Билль.

– Во Фриски зайдите ко мне, Дэк... Быть может, устроимся с местом. Я открываю мясную.

И Дунаев сказал свой адрес.

– Прощайте, Дэк! – крикнул Чайкин, снимая шляпу.

В ответ и Дэк взмахнул своей, когда Билль взял вожжи, и фургон покатился.

ГЛАВА XX

1

Несмотря на тревожные вести, сообщенные Дэком о готовящемся нападении, Чайкин на этот раз менее беспокоился, почти уверенный, что Старый Билль как-нибудь да проведет снова агентов и встречи с ними не будет

и, следовательно, не придется обогреть своих рук кровью.

Эта уверенность в мудрость Билля поддерживалась и спокойствием, с которым тот принял известие, сообщенное

Дэком... Спокойствие это чувствовалось Чайкиным и в покойной позе Старого Билля, и в его могучей широкой спине, и в тех неторопливых окриках, которыми он по временам понукал левую дышловую лукавую лошадь.

Все это не омрачило того хорошего настроения, в котором находился Чайкин по случаю поступка Дэка, свидетельствующего, что он, Чайкин, не ошибся в своей вере в

Дэка.

«Совість небось заговорила и повернула человека!» –

думал Чайкин, вспоминая вчерашний день, когда Дэк мужественно ожидал, что его вздернут на дерево.

И Чайкин, душевно умиленный, радовался за «человека». Ему теперь этот Дэк казался близким, и будущая его судьба заботила русского молодого матроса.

– А ты, Дунаев, дай место! – обратился Чайкин.

– Кому? Тебе?

– Нет, Дэку.

– Отчего не дать!

– Не побоишься его взять?

– Чего бояться? Здесь, брат, если будешь всего бояться, так никакого дела не сделаешь. Был бы только человек пригоден к делу, а чем он занимался прежде, – этого не касаются. Тут ведь люди нужны, и большого выбора не приходится делать. Возьму. Попробую его. Если подойдет, оставлю.

– То-то. Надо вызволить человека.

– Он сам себя может вызволить, если захочет. Работай только. Только вряд ли он пойдет ко мне.

– Отчего ты так думаешь?

– Не пойдет он на «мясное» место.

– Почему?

– Джентльменист очень. Видел, руки у него какие господские... тонкие такие да длинные... Ему по какой-нибудь другой части надо заняться: либо в контору, либо по чистой торговле... Деликатного он воспита-

ния человек... Это сразу оказывает... А впрочем, нужда прижмет, так не станет разбирать местов. Здесь, братец ты мой, не то, что в России: барин – так он ни за что не возьмет простой должности. Здесь люди умней, никакой работой не гнушаются, – понимают, что никакая работа не может замарать человека.

– Это что и говорить!

– Здесь, в Америке, сегодня ты, скажем, миллионщик, а завтра ты за два доллара в день улицы из брандспойта поливаешь. И никто за это не обессудит. Напротив, похвалит.

В Сан-Францисках был один такой поливальщик из миллионщиков...

– Разорился?

– Да. А была у него и контора, и свой дом, и лошади –

одним словом, богач форменный... Но в несколько дней лопнул. Дело большое, на которое рассчитывал, сорвалось, и все его богатство улыбнулось... И он дочиста отдал все, что у него было, до последней платки, потому гордый и честный человек был, и сам определился в поливальщики.

Так все на него с уважением смотрели... На

ЭТОТ СЧЕТ В

Америке умны, очень умны!

– Что ж, этот миллионщик так и не поправился? –

спросил Чайкин, заинтересованный судьбой этого миллионера.

– Опять поправился... Поливал, поливал улицы, да и выдумал какую-то машину новую... Люди дали под эту машину денег, и он разбогател, и опять дом, и контора...

– Ишь ты!..

– А то, братец ты мой, и в возчиках у нас был довольно-таки даже странный человек из немцев!

– А чем странный?

– Да всем. Сразу обозначил, что не такой, как все... И с первого раза видно: к тяжелой работе не привык... И старался изо всех сил, чтобы, значит, не оконфузить себя... И

как, бывало, идем с обозом, он сейчас из кармана книжку –

и читает. И на привалах поест, да за книжку... И вином не занимался, и в карты ни боже ни!. Из себя был такой щуплый, длинноногий, в очках и молодой, годов тридцати...

И никогда не ругался, тихий такой да простой... И кто же, ты думаешь, оказался этот немец?

– Кто?

– Ученым немцем. Он всякую науку проишошел и был в своей земле при хорошем месте. Студентов обучал, профессором прозывался и книжки разные сочинял... А очутился в возчиках. И очень был рад, что его приняли в возчики.

– И долго этот немец был возчиком?

– Нет... Только обоз привел до Францисок.

– А потом куда делся?. Не слыхал?

– Потом он в добровольцы поступил солдатом в войска американские... Против южан драться захотел... Что с ним стало – бог его знает. А хороший был человек этот немец, надо правду сказать. Прост. Форсу не задавал оттого, что все знает... Бывало, на привале бросит книжку читать, да и давай рассказывать: отчего дождь идет, откуда гром берется, откуда облака, и почему реки текут, и как это солнце заходит... И любопытно так рассказывал. Многие слушали его. Он хорошо поаглицки говорил... Да и на многих других

языках. Дошлый на все немец был...

Дунаев замолчал и некоторое время спустя затынул вполголоса своим низким сипловатым баритоном «Не белы снеги».

– Не забыл русских песен? – весело спросил Чайкин.

– А ты думал, как? – ответил Дунаев и затынул громче.

– Я думал было, что ты совсем американцем стал...

забыл! – шутя промолвил Чайкин и стал подтягивать своим мягким тенорком.

Через несколько времени песня лилась громко. Голоса слились и звучали красиво, хотя и дрожали от тряски фургона.

Старый Билль слушал с видимым наслаждением русскую песню. Его загорелое грубое лицо понемногу теряло свое суровое выражение, и глаза светились мягко, так мягко.

Он нарочно попридержал лошадей, и когда они пошли шагом, голоса певцов не так вздрагивали...

Они кончили «Не белы снеги» и начали другую – заунывную, жалобную песню.

И Старый Билль под впечатлением груст-

ной русской песни и сам будто бы загрустил... Но это была жуткая и вместе приятная грусть.

Когда певцы смолкли, Билль пустил лошадей рысью и, оборотившись к пассажирам, произнес:

– Какие чудные песни, и как хорошо вы их пели, Дун и

Чайк!

– На привале вечером мы вам еще споем, Билль, если вам понравилось! – сказал Дунаев.

– Очень поблагодарю вас. Я люблю пение... А эти песни хватают за душу... Давно со мной этого не было, джентльмены... Видно, раскисать стал совсем Старый

Билль! – улыбнулся старик. – Однако еще не раскис до того, чтобы дать себя захватить врасплох... Этот разбойник, которого я охотно бы повесил, напрасно рассчитывает на деньги, господа.

– То-то, и я так полагаю, Билль.

– Полагаете?

– И даже уверен, Билль!

– А на каком основании, позвольте у вас спросить, Чайк?

Чайкин объяснил.

– Однако вы умеете хорошо замечать, Чайк! Даже заметили, как я покрикиваю на эту ленивицу, – указав своим грязным корявым пальцем назад, по направлению к левой рыжей лошади, проговорил Билль и рассмеялся громким добродушным смехом... – И спину мою рассмотрели... Что ж на спине написано было, Чайк?

– А то, что вы спокойны.

– И вы ведь верно все заметили, Чайк. Я спокоен. Мы не встретимся с агентами... Разумеется, мы бы не осрамылись, если б и встретились с ними. Быть может, и прогнали бы их, уложив двух-трех молодцов, но раз мы предупреждены, я не хочу подвергать и вас и себя риску быть пристреленными этими подлецами. Лучше еще поживем, джентльмены...

– Правильно сказано, Билль! – заметил Дунаев. – Но как же это мы не встретим агентов, Билль... Это довольно мудрено!..

– И вы, Чайк, думаете, что мудрено?

– Я думаю, все обладится! – с каким-то убежденным спокойствием сказал Чайкин.

Билль опять усмехнулся...

– Странные вы люди, русские! Чайк всему верит, думает, что все «обладится», а Дун легкомыслен, как ребенок... С вами, джентльмены, очень приятно иметь личные дела, но я не подал бы голоса ни за вас, Дун, ни за вас, Чайк, если бы вы баллотировались в президенты республики...

– А я подал бы за вас свой голос, Билль! – сказал весело

Дунаев.

– И я бы подал, – подтвердил Чайкин.

– Благодарю вас, джентльмены, но я пока не имею намерения конкурировать с Линкольном, да живется ему хорошо, этому честному, хорошему президенту. А что касается того, как мы не встретимся с агентами, то об этом я объясню вам на привале, когда будем есть ваше жаркое, Дун! Скоро и станция! Надо подогнать рыжую ленивицу.

Эй ты, миссис Лодырница! Приналяг! Вези добросовестно, если не желаешь попробовать бича Старого Билля!

И Билль продолжал вести беседу с лошадьми. Казалось, пение пассажиров привело его совсем в особенное настроение, и суро-

вый Билль сделался добродушен и даже болтлив, к удивлению Чайкина и Дунаева.

Они, вероятно, и не догадывались, что добродушное настроение Билля зависело отчасти от них. И если Билль, наверное, не подал бы голоса за обоих своих пассажиров при выборах в президенты республики, то, тоже наверное, сделал бы для них все, что только было бы в его возможности, – до того понравились ему оба пассажира, и в особенности Чайк, после его защитительной речи. Билль, впрочем, по-прежнему считал ее ни с чем не сообразной галиматьей, но эта галиматья тем не менее окончательно покорила сердце Билля и заставила его менее скептически смотреть на тех людей, которых он возил и встречал на большой дороге между Денвером и Сан-Франциско.

– Послушайте, Чайк! – окликнул Старый Билль Чайкина, повернув к нему голову.

– Что, Билль?

– Вы долго пробудете во Фриски?

– Не знаю. Как выйдет место по письму.

– Во всяком случае, день пробудете?

– Полагаю.

– В таком случае не хотите ли вы и Дун победать вместе во Фриски, а?.. И позвольте вас угостить... обедом и бутылкой вина... Если согласны, зайдите ровно в шесть часов в контору дилижансов... Montgomery-стрит, двадцать. Я буду вас ждать. Идет?

– Идет, Билль!

– Благодарю вас, Билль!

– Очень рад, джентльмены... А вот и станция... Мы там пообедаем в комнате. Небось проголодались, джентльмены?

– Очень, Билль! – отвечал Дунаев.

– А вы, Чайк?

– Я мог бы и потерпеть, если бы нужно было.

– Ооох... Слишком терпеливы вы, Чайк... Как бы вы не провалились здесь с вашим терпением. Пожалуй, вам и жалованья не будут платить, а вы все будете терпеть?

– Зачем не платить жалованья?..

– А затем, что вас только ленивый не надует, вот зачем... Ну да вас переделать невозможно. И не надо. Оставайтесь всегда таким, Чайк... Да хранит вас господь! Ну вот и приехали! – прибавил Билль, заворачивая лоша-

дей в ворота небольшой уединенной ранчи.

2

Через десять минут все трое сидели за небольшим столом, в маленькой полутемной и прохладной комнате.

Красивая молодая мексиканка, жена владельца ранчи, пожилого человека, тоже родом из Мексики, одетая в какую-то легкую яркую ткань, с ленивой грацией подошла к столу, держа в маленькой бронзового цвета руке горшок с молоком и несколько ломтей белого хлеба.

– Вот все, что я могу предложить гостям! – приветливо сказала она певучим голосом на плохом английском языке, ставя молоко на стол. – Больше у меня ничего нет, джентльмены. Соленую свинину вы есть не станете. Ваша, конечно, свежее! – прибавила она, вскидывая свои большие черные сверкающие глаза по очереди на трех гостей и задерживая свой взгляд чуть-чуть дольше на Чайкине.

Билль сказал, что у них все есть, и даже фазаны к жаркому, поблагодарил за молоко и хлеб и предложил хозяевам вместе пообедать.

Но красивая брюнетка отказалась. Отказался и мексиканец.

Пока Дунаев нарезывал ветчину, Билль спрашивал хозяина:

– Проезжие перед нами были, Диего?

– Были, Билль.

– Кто такие?. Не прикажете ли стаканчик рома, Диего?

А синьора пьет?

– Синьора не пьет, Билль, по-старому! – отвечал мексиканец. – Ей рано еще пить! – прибавил он. – Ваше здоровье, джентльмены!

И мексиканец выцедил ром с наслаждением пьяницы.

– Еще, Диего?

– Можно и еще.

– Не много ли будет, Диего? – вдруг проговорила его жена, и темные ее глаза сверкнули холодным блеском.

– А ты еще здесь? Ты шла бы, Анита, отсюда. Не надо мешать джентльменам! – строго проговорил Диего.

– Синьора нам не мешает... Чайк! угостите синьору персиками, если она отказывается с нами пообедать.

Чайкин встал, чтобы поднести корзину, но мексиканка уже подошла и сама взяла несколько персиков, поблагодарив Чайкина ласковым взглядом, и присела в отдалении.

Диего между тем выпил второй стаканчик.

– Так кто такие проезжали, Диего?

– Фургон с пионерами...

– А еще?

– Верховой.

– Не знаете, кто такой?

– Видал где-то, а не знаю.

– Какой он из себя, Диего?

– Рыжеватый, среднего роста...

– Со шрамом на щеке?..

– Именно...

– А лошадь его вороная?

– Да. Я знаю эту лошадь, – это черная кобыла Джима.

– В котором часу он у вас был, Диего?

– В котором часу?. В котором часу это было, Анита?.

Еще ты подавала тому джентльмену свинину, хлеб и кофе... И он так торопился ехать.

– Да так часа три тому назад...

– Это верно, синьора?

– Полагаю, что верно! – с достоинством отвечала мексиканка.

После этого Билль принялся есть. Не отставали от него и пассажиры, с особенным удовольствием напавшие на свежий мягкий хлеб, которого они давно не видали. После ветчины принялись за фазанов. Жаркое, приготовленное

Дунаевым, оказалось превосходным.

– А что, Диего... Не пора ли и лошадей закладывать? –

сказал Билль. – Только хороших дайте под почту.

– Дам лучших, Билль. Пойдем, Анита! – обратился

Диего к жене.

– Еще персиков, синьора! – предложил Билль.

Анита отказалась.

– Бери, когда предлагают! – проговорил Диего и толкнул Аниту к столу.

Та вспыхнула и, словно бы извиняясь за грубость мужа и желая показать свою деликатность, взяла один персик. Но

Билль заставил взять ее целый десяток. И

тогда супруги ушли.

– Слышали, джентльмены... этот подлый товарищ Дэка опередил нас. Он будет в Сакраменто на день раньше нас, и, следовательно, они нас действительно могут встретить у

Старого дуба, как предполагает Дэк. Но мы к Старому дубу не поедem.

– А как мы поедem, Билль?

– Я знаю старую, заброшенную дорогу, которая далеко в стороне от большой... Завтра на нее свернем, и, пока молодцы нас будут поджидать у Старого дуба, мы будем подъезжать к Сакраменто. Дорога, правда, скверная, но лучше ехать по скверной, чем по хорошей... Так мудрено или нет не встретиться с агентами? – шутливо промолвил

Билль, обращаясь к Дунаеву.

– Не мудрено! Виноват, Билль! Я и забыл об этой дороге. Слышал только, что была дорога.

– А я по ней ездил и знаю ее хорошо! – сказал Билль, отхлебывая от кружки молоко. – Чайк прав, положившись на Билля! Агенты не увидят ни ваших денежек, Чайк, ни денежек Дуна...

Оба супруга вошли в комнату.

– Что, готовы лошади, Диего?

– Сейчас будут готовы.

– Что мы вам должны?

– Ничего, Билль! – отвечал Диего.

– А молоко и хлеб?

– Стоит ли говорить о таких пустяках. Зато вы меня угостили ромом, а Аниту персиками.

– Ну, как хочешь... Спасибо за угощение... Да вот еще что: сегодня ночью, верно, к вам придет один верховой на серой лошади. Зовут его Дэк... Не забудете?

– Я ему напомню, Билль! – сказала Анита.

– Так скажите Дэку, верховому на серой лошади, что

Старый Билль и его пассажиры кланяются ему и благодарят.

– А за что благодарят? – спросила мексиканка.

– Он знает. А вам, синьора, знать этого не нужно!

– Да я и не желаю! – обидчиво промолвила Анита.

– Готовы лошади! – крикнул маленький негр, показываясь в дверях.

– Прощайте, синьоры!

– Прощайте, Билль! прощайте, джентльмены! Счастливого пути!

Когда фургон отъехал от ранчи, Старый Билль обернулся к пассажирам и проговорил:

– От хлопот, я думаю, мы избавимся благодаря тому, что Дэк оказался порядочным парнем... А не то пришлось бы нам посчитаться с агентами. Вы ведь не согласились бы отдать им свои пять тысяч и пожитки в придачу по первой их просьбе?

– Не согласился бы.

– И, значит, была бы жаркая схватка... Вы ведь знаете, Дун, агенты не любят, если им вместо денег показывают, как стреляют револьверы...

– Знаю, Билль.

– И я, признаться, предпочитаю такой образ действий со стороны пассажиров. Но, во всяком случае, это главным образом их дело, а не мое, и если они не согласны охранять свои денежки, то и я не смею пристрелить агента и...

молчу... Со мной был раз такой случай... Вез я четырех пассажиров... здоровые и сильные были джентльмены. Я

их предупредил, что агенты шалят и могут напасть, и спрашиваю, что они думают в таком случае делать.

– Что же они?

– Струсили, Дун, очень струсили, говорят: «Лучше отдать деньги, чем быть убитым. Деньги наживешь, а жизни не вернешь». Положим, это справедливо, но, с другой стороны, нельзя же позволять себя грабить... Поговорили мы об этом, а на следующий вечер подъехали к нам три джентльмена в масках, верхом, и просят меня остановиться... «А нето, говорят, мы лошадей остановим пулями...»

И пассажиры просят остановиться... Ну, я остановился и до сих пор не могу вспомнить хладнокровно, что три агента безнаказанно обчистили четырех пассажиров... Оставили им только сапоги да нижнее белье. И еще посмеялись после: «Добрые, говорят, у вас пассажиры, Билль. Возите таких почаще». С тем и уехали.

– Действительно, добрые... Таких редко встретишь в здешней стороне, Билль! – заметил Дунаев.

– То-то, редко... Да и пассажиры эти не янки были.

– А кто?

– Евреи.

– Трусливый народ. И на много их всех обчистили, Билль?

– Тысяч на пять долларов. Они потом точно исчислили свои убытки... И один из них, старый еврей, утешал товарищей тем, что агенты их только на пять тысяч обчистили, а не увели их... «Тогда, говорит, агенты могли бы лучший гешефт сделать... Выкуп побольше требовать».

– Разве они были богатые?

– Имели деньги во Фриски, в банке, и все вместе сто тысяч стоили.

– А по-моему, – вдруг заговорил Чайкин, – лучше все отдать, чем убить человека!

– Вы, Чайк, особенный, а я говорю про обыкновенных людей. И так как я обыкновенный, то и на нападение отвечаю выстрелом...

И Билль повернулся к лошадям.

Вечером, вскоре после того как дилижанс выехал со станции, на которой переменили лошадей, Билль свернул с большой дороги и

поехал в объезд по старой, уже заросшей травой.

– Скверная будет дальше дорога, джентльмены! –

проговорил Билль. – Придется ехать шагом... И будем мы всю ночь ехать. Только часа на два остановимся.

– А не собьемся ночью с дороги? – спросил Дунаев.

– Я дорогу знаю. Езжал по ней прежде три года, Дун...

Теперь эта дорога брошена, и по ней никто не ездит...

Скоро лошади поплелись шагом. Дорога действительно была отвратительная. В нескольких местах приходилось вброд переезжать ручьи, и довольно широкие...

Ночью фургон остановился. Билль отпряг лошадей и пустил их на траву.

Дунаев и Чайкин хотели было развести костер, но

Билль не позволил.

– Тут иногда индейцы шатаются... Не к чему привлекать их! – сказал он.

Через два часа снова тронулись в путь. От-

дохнувшие лошади прибавили шагу, но Билль их сдерживал. Предстоял еще длинный последний перегон, и Билль хотел сохранить их силы.

Наконец часу в седьмом утра путешественники увидели небольшой городок, расположенный в котловине между гор.

– Вот и Сакраменто! – весело сказал Билль. – Агенты, верно, все еще нас поджидают на условленном месте. Думают, что мы где-нибудь заночевали. То-то удивятся, когда в Сакраменто нас увидят!.. – засмеялся Старый Билль, видимо очень довольный, что так ловко провел агентов.

Лошади еще плелись по каменистой дороге. По бокам ее то и дело попадались небольшие дома и шалаши, и желтая почва была вся изрыта.

– Это брошенные прииски... Прежде тут копали золото!.. – пояснил Билль.

– А теперь где его копают? – спросил Чайкин.

– По ту сторону Сакраменто и во всем его округе... Еще много золота. Только уж нынче больше компании работают... Прежняя горяч-

ка прошла, когда сюда со всех стран приезжали искать золото...

– То-то, я слышал, много народу приезжало... И многие богатыми стали через золото...

– А многие и нищими стали, Чайк, после того как проигрывали и пропивали свое золото... Всего было... Ну, джентльмены, в Сакраменто мы отлично позавтракаем...

– Долго мы там будем стоять?

– Час или два, я полагаю... А завтра утром будем во

Фриски! Агентов уж больше нечего опасаться. Дорога между Сакраменто и Фриски людная!

В восемь часов утра фургон въехал в Сакраменто и остановился у гостиницы «Калифорния».

– Ну, джентльмены, идите-ка заказывать завтрак, я скоро приду к вам! – проговорил Билль. – Как-то чувствуют себя агенты!? – весело прибавил он.

3

В общей зале было всего несколько человек, доканчивавших свой завтрак.

Билль, Дунаев и Чайкин с волчьим аппетитом проголодавшихся людей ели бараньи котлеты и ветчину и запивали все это горячим кофе с молоком. Утолив голод, они беседовали между собой, как вдруг в растворенное окно они увидели пять всадников, остановившихся у гостиницы.

Билль усмехнулся про себя.

Через несколько минут все пятеро вошли в залу. Они были запылены и, видимо, только что вернулись с дальней дороги...

При виде Билля и его пассажиров на их лицах выразилось изумление.

Все они подошли к стойке, выпили по стакану водки и присели в ожидании завтрака к столу. Один из них, высокий, коренастый блондин, подошел к Биллю и, протягивая ему руку, сказал:

– Здравствуйте, Билль. Что нового?

– Здравствуйте, Смит... Ничего особенного... А вы откуда?

– Недалеко тут ездили... Старый прииск нюхали.

– Удачно? – приятным тоном спросил Билль.

– Нет. Не стоит ничего... Даром проехали.
А вы давно приехали?

– Час тому назад...

– Как же это мы вас не встретили, Билль?
Мы только что вернулись.

– Удивляюсь, как не встретили, Смит!.. Верно, дорогой спали, Смит! – иронически протянул Билль.

Смит рассмеялся и промолвил:

– Верно, что так, Билль, если только вы не ехали старой дорогой... Так нового ничего не слышно, Билль?

– Особенного ничего... Разве только то, что одного агента мы, к сожалению, не повесили...

– Агента?. О них что-то не слышно в последнее время.

– Вы, Смит, верно, глухи стали, – оттого и не слышали.

А еще, Смит, другая новость.

– Рассказывайте, Билль...

– Я шайку агентов провел, как дураков.

– Неужели? Каким же образом?

– Они собирались напасть на нас у Дуба... знаете, в двух станциях от ранчи Диего?

– Знаю. Местечко хорошее для нападения...

– И так как их было восемь человек против трех, то я и решил провести их, Смит.

– Да как же вы узнали, что на вас напасть хотят, Билль?

Или агенты вас предупредили? – насмешливо спросил

Смит.

– Чутьем, Смит... Я ведь старая лисица...

– Ну, очень рад, Билль, что все обошлось благополучно... А то, пожалуй, я не имел бы удовольствия пожать вам руку... До свидания, Билль!

– До свидания, Смит... Желаю вам в следующий раз напрасно не нюхать старых приисков...

– Спасибо, Билль.

Смит ушел к товарищам, а Билль продолжал разговор со своими пассажирами.

Через полчаса четверо джентльменов ушли.

Коренастый блондин снова подошел к Биллю и, протянув ему руку, сказал:

– Еще раз, Билль, позвольте сказать, что я очень рад, что вы провели агентов и остались

целы вместе с пассажирами.

– Спасибо, Смит... Что, вы не слышали, скоро ли повесят некоторых здешних молодцов? – вдруг спросил Билль.

– Каких молодцов, Билль?

– А тех, что по дорогам ищут наживы.

– Трудно их поймать, Билль...

– А пора бы...

– Видно, еще не пора.

– И повесить их пора, Смит. Как вы полагаете?

– Полагаю, что они не такие дураки, чтобы их повесили, Билль... Будьте здоровы, Билль!

Когда они ушли, Билль сказал Дунаеву и Чайкину:

– Знаете, кто такие эти джентльмены?

– А кто? – спросили оба русские.

– Агенты. Те самые, которые нас бы уколошили, если бы не Дэк...

Чайкин изумленно смотрел на Билля.

– Неужели? Вы, Билль, разве знаете, что они агенты?

– Отлично. И многие здесь знают.

– Так как же их оставляют на свободе?

– Знать не всегда значит иметь доказа-

тельства. Они пока не попались и ловко хоронят концы в воду. Этот Смит

– хитрая bestия... У него тут есть лавка для отвода глаз, а настоящее его занятие – грабить по дорогам...

– И убийство? – в ужасе спросил Чайкин.

– В крайнем случае, если подвергающийся нападению защищается. Месяца два тому назад они ограбили пассажиров дилижанса... И хотя были в масках, но один пассажир узнал Смита по обрубленному пальцу.

– И что же?

– Ничего.

– Отчего же он не жаловался в суд?

– Оттого, Чайк, что обрубленный палец еще не доказательство, и потому еще, что ограбленный боялся, как бы

Смит не отомстил... Ну и молчал. Смит и на свободе, пока его не повесят по приговору суда Линча здешние жители, когда убедятся, что он агент. Однако пора и в дорогу, джентльмены!

Скоро дилижанс выехал из Сакраменто.

На следующее утро наши путешественники приехали в

Сан-Франциско.

И Чайкин и Дунаев, прежде чем уйти, горячо благодарили Билля за благополучное путешествие и за то, что

Билль был так добр к ним.

В свою очередь, и Билль, крепко пожимая руки обоим русским, проговорил:

– Такие пассажиры не часто встречаются... Надеюсь, мы будем хорошими знакомыми.

И Билль пригласил своих пассажиров победать завтра в семь часов вечера в ресторане рядом с конторой дилижансов.

– А вы, Чайк, редкий молодой человек... да! – прибавил в заключение Старый Билль.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

1

– Ну, валим, Чайкин! Пойдем искать комнату.

День-другой побудешь ведь здесь... Отдохнешь... А там на место поедешь! – проговорил

Дунаев, веселый и радостный и оттого, что наконец добрался до Сан-Франциско цел, невредим и со своими тремя тысячами долларов в кармане, и оттого, что увидит невесту, и оттого, что скоро откроет мясную лавку и отлично заживет.

Будущее представлялось светлым и легко достижимым счастьем. Требования у него от жизни были небольшие: быть хозяином мясной лавки, жить спокойно, иметь семью... чего еще больше желать бывшему матросу?

И Чайкин был очень рад, что добрался до Сан-Франциско и скоро уедет на ферму. Земля его манила.

Вместе с тем главным образом его манила свобода. И он за этот год так уже привык к ней, что ему казалось каким-то далеким его недавнее прошлое, когда он был матросом на «Проворном».

Шагая по улицам, он вспомнил такое же чудное сентябрьское утро год тому назад, когда его наказали, вспомнил, как он опоздал на шлюпку, как его встретил

Абрамсон, увел к себе, как он поступил на «Динору».

Казалось, как все это давно было! Каким он был забитым! Как трепетал он командира и старшего офицера, как боялся он боцмана!

А теперь?

Теперь он чувствует, что сам себе господин, и это чувство наполняло его душу радостной уверенностью, что и он человек не по названию только...

Дунаев привел Чайкина в ту квартиру, где прежде сам стоял и где хозяева были такие добрые.

Но оказалось, что там давно уж живут другие жильцы, и наши эмигранты наняли комнату в соседнем доме. Комната была небольшая, светлая и чистая. Кроме кровати, был и большой диван.

– Хватит для нас двоих, Чайкин, кровати и дивана...

Небось прежде не так живали?..

– То-то, живали... А главное не в том, что худо жили, а в том, что в приневольной жизни жили!

– Я, братец, что было, то словно было и забыл, поживши в Америке... Вольно здесь жить... хорошо!

Они отправились взять ванну, – заведение ванн было поблизости, – и оба, вымытые, принарядившиеся в свои пиджаки, вернулись домой, чтобы оставить узлы с грязным бельем и дорожным платьем, и затем расстались до вечера.

Дунаев пошел к невесте, а Чайкин собирался побродить по городу, зайти к Абрамсонам, предъявить рекомендательное письмо капитана Блэка и послушать в парке музыку.

Чайкин прежде всего погулял по главной улице, вместо того чтобы идти к Абрамсонам, и пошел к набережной...

Его тянуло туда – посмотреть на те места, где он впервые ступил, где его, готового уже ехать на вольной шлюпке на

«Проворный», встретил Абрамсон.

Чайкин спустился к пристани. Салуны на набережной были полны. И на набережной было много матросов разных национальностей, с многочисленных судов, стоявших на рейде у пристани.

Чайкин взглянул на рейд, и крик изумления вырвался у него из груди.

Невдалеке стоял на якоре клипер «Про-

ворный», такой же щеголеватый, как и прежде, весь черный, с золотой полоской вокруг, с высокими, немного подавшимися назад мачтами и с белоснежной трубой.

У Чайкина екнуло сердце не то от страха, не то от неожиданности.

И в то же время ему очень хотелось увидеть русских матросов, поговорить с ними, узнать, как живется им, по-прежнему ли трудно, или полегче.

Он стоял и не спускал глаз с клипера, ожидая, не отвалит ли шлюпка...

И действительно, к парадному трапу был подан щегольской вельбот, в него спустилась толстая приземистая фигура в статном платье, в которой Чайкин тотчас же угадал капитана, – и вельбот отвалил.

Усердно налегая на весла, откидываясь назад и выпрямляясь, когда лопасти весел на секунду оставались плашмя в воздухе, матросы гребли с тою однообразною правильностью и с тем мастерством, которым особенно щеголяют на капитанских шлюпках.

Вельбот быстро приближался к пристани.

Чайкин отошел немного в сторону от того

места, где должен был пристать вельбот.

– Крюк! – услышал он отрывистый, сипловатый голос капитана и глядел на его красное бульдожье лицо, обросшее заседевшими черными бакенбардами.

Матрос на носу шлюпки бросил весло и взял крюк.

– Шабаш! – раздалась команда капитана.

И в мгновение ока весла были убраны, и вельбот пристал к пристани.

Капитан вышел из шлюпки.

– По чарке за меня! – сказал он, обращаясь к молодому загребному, который вместе с другими гребцами стоял, вытянувшись, перед капитаном и, весь вспотевший, тяжело дышал своей здоровой, высоко выпяченной грудью.

– Покорно благодарим, вашескобродие! – за всех отвечал загребной.

– Вельботу быть на пристани в семь часов!

– Есть, вашескобродие.

– Слышал?

– Слышал, вашескобродие, в семь часов.

– Если минуту опоздаешь... смотри!..

И с этими словами капитан пошел своей

быстрой походкой по пристани, слегка сторбившись по морской привычке.

Он был в нескольких шагах от Чайкина, взглянул на него и равнодушно отвел взгляд.

«Не узнал!» – подумал Чайкин.

И в ту же секунду в голове его блеснула мысль:

«А что, если б он узнал да велел отвезти его на клипер?»

От одной мысли у Чайкина упало сердце, и он инстинктивно отодвинулся.

Его окрик: «Прикажу вас всех отодрать!» – напомнил

Чайкину прошлое и заставил облегченно вздохнуть, когда он, успокоенный, радостно подумал, что теперь никто не может сказать ему этих слов...

Капитан взял коляску и уехал.

И гребцы тотчас же выскочили на пристань, исключая одного, и пошли на берег, направляясь, очевидно, в ближайший кабачок, чтобы «раздавить» по стаканчику.

Тогда Чайкин подбежал к ним.

– Братцы-матросики, здравствуйте! – радостно воскликнул он.

– Здравствуйте, земляк! – ответили матросы и, видимо, не узнавая Чайкина, удивленно смотрели на него.

– Аль не признали, братцы?

– Да вы кто такие будете? – спросил загребной.

– Нешто не узнал Чайкина, Вань?

– И впрямь, не узнал... Здорово, брат... Тебя и не узнать, Чайкин... Совсем форсистый стал... ровно господин.

Вельботные обрадовались и пожимали руку Чайкина –

недаром же его все так любили на клипсере. Его оглядывали и дивились.

– Так ты, значит, остался тогда...

– Остался, братцы...

Они вместе пошли в кабачок, и Чайкин на радостях угостил всех по стаканчику и выпил сам пива.

– Ну что, братцы, как живете?.. по-старому?

– По-старому! – отвечал загребной. – А ты как?

– Хорошо, братцы.

– При месте?

– В матросах был, а теперь около земли буду... И денег заработал, братцы... И вообще хорошо на воле жить... А

старший офицер как?

– Известно, как... Только, слышно, отмена скоро порки будет! – сказал загребной.

– Беспременно должна быть... А боцман что? – спрашивал Чайкин.

– Боцман куражится... Что ему!

– Кланяйтесь Кирюшкину, братцы, от меня. И всем ребятам кланяйтесь... А скоро пускать будут команду на берег?

– Первую вахту завтра...

– И Кирюшкина пустят?

– Верно, пустят...

– Так скажи ему, Вань, что я его беспременно хочу видеть. Добер он был до меня, и я этого не забуду вовек...

С четверть часа просидели гребцы с Чайкиным в кабачке, и все это время шли взаимные расспросы. Чайкин расспрашивал про житье на клипере, матросы расспрашивали Чайкина, как он этот год жил, и хорошо ли здесь жить, и как он научился ихнему языку, – словом, разговор не иссякал.

– А очень сердился капитан, что я опоздал тогда, братцы?

– Очень, и старший офицер тоже.

Когда загребной объявил, что пора «валить» на вельбот, Чайкин проводил гребцов до вельбота и еще раз просил сказать Кирюшкину, что он ему кланяется и будет завтра поджидать его на пристани... Пусть он позади всех, мол, идет... Затем Чайкин простился со всеми, пожелал, чтобы вышла матросикам «ослабка», и долго еще провожал глазами удалявшийся вельбот.

Через четверть часа он зашел в один из салунов на набережной и, позавтракавши, направился к Абрамсонам.

2

Переулок, в котором жил старый еврей, Чайкин нашел после долгих блужданий. Наконец он попал в него и узнал дом. Войдя во двор, он подошел к старенькому флигелю и постучал в двери.

Некоторое время никто ему не отворял. Тогда он стал стучать сильнее.

– Кто там? Кого нужно? – по-английски

спросил молодой голос, по которому Чайкин тотчас же признал Ревекку.

– Чайк! Русский матрос! – отвечал по-английски Чайкин.

– Мы не знаем Чайка... И отца нет дома...

– В таком случае кланяйтесь господину Абрамсону и вашей маменьке, Ревекка Абрамовна, а вас позвольте поблагодарить, что вы ко мне были добры и научили, сколько жалованья требовать... А я в другой раз приду! – проговорил Чайкин по-русски.

– Так это вы, тот бедный матросик, которого ночью отец привел? – спросила Ревекка, и тоненький ее голос сразу сделался радостным.

– Я самый, Ревекка Абрамовна!

– Так подождите минутку. Я сейчас отворю...

За дверьми торопливо зашаркали туфли.

Через несколько минут послышались шаги, и двери отворились.

При виде хорошо одетого Чайкина Ревекка удивленно попятилась назад.

– И вы, Ревекка Абрамовна, не узнали? – спросил, улыбаясь, Чайкин.

– Вы тогда были в другом костюме, а теперь такой джентльмен. Пожалуйста в комнату, господин Чайкин!.

Здравствуйте! Очень рада, что вы нас вспомнили! – радостно говорила Ревекка, пожимая руку Чайкина.

Чайкину показалось, что она похудела и побледнела и ее большие черные глаза как будто ввалились.

– Чем угощать вас, господин Чайкин? Может быть, рюмку вина хотите?

– Благодарю... Ничем. Я только что завтракал.

– Папенька скоро придет... Он по делам ушел, и маменька тоже по делам.

– А Абрам Исакиевич как поживает?

– Ничего себе... Все теми же делами занимается! –

прибавила смущенно Ревекка.

Скорбное выражение показалось в ее глазах.

– Только уж больше грогу мы не даем... Не даем больше грогу тем, кого приводит папенька! – словно бы желая оправдать отца, говорила Ревекка. – А дела плохо идут! – грустно

прибавила она.

– А маменька ваша торгует?

– Да... старое платье покупает... Кое-как перебиваемся... А ваши дела, видно, хорошо?

Чайкин сказал, что его дела хороши, что он поступает рабочим на ферму, и прибавил:

– И все с вашей легкой руки пошло, Ревекка Абрамовна.

Дай вам бог всего хорошего! Тогда вы меня надоумили, чтобы я и не пил и дешевле десяти долларов жалованья не брал. Помните?

– Очень помню. И папенька потом говорил, что вы очень умный человек – не дали себя обидеть. Очень хвалил...

– А вы как поживаете, Ревекка Абрамовна?

– Я?.. Нехорошо, Василий... извините... Егорович, кажется...

– Егорович... Чем же плохо?

– Всем плохо!

И Ревекка рассказала, что она вот уже шесть месяцев, как больна грудью и ходит к доктору. Но доктор ничего не может сделать.

– Грудь ноет, и по вечерам лихорадка. Разве не видите, Василий Егорович, как я похудела?

– Немножко похудели...

– Много похудела... И все худею с каждым днем... И

чувствую, что скоро и вовсе не буду на свете жить.

Чайкин стал было ее утешать.

– Не утешайте, Василий Егорович... Благодарю вас, но только напрасно... У меня чахотка... хотя доктор и не говорит, а я понимаю...

– Поправиться можно...

– При наших средствах никак нельзя... Бедный папенька старается, и маменька старается, чтобы квартиру другую, а ничего не выходит... А помирать не хочется...

Ах, как не хочется! – вдруг вырвался словно бы стон из впалой груди молодой девушки, и крупные слезы закапали из ее глаз.

Чайкину стало жаль девушку, и он сказал:

– А ежели бы вам в больницу идти? Там поправка бы скорей пошла.

– В больницу надо деньги платить... А их нет у нас, Василий Егорович. А вон и папенька!

Ревекка быстро отерла слезы и пошла отворять двери.

Абрамсон был очень удивлен, увидавши у себя такого приличного гостя, и, не узнавши Чайкина, с самым почтительным и даже боязливым видом подошел к нему и спросил:

– Чем могу служить вам?

Чайкин рассмеялся и, протягивая руку, проговорил:

– И вы не узнали? Помните Чайкина? Вы меня на пристани встретили и к себе увезли и на «Динору» определили.

Старый еврей был крайне удивлен и джентльменским видом Чайкина и главным образом тем, что он зашел к нему, несмотря на то, что он хотел поступить с ним далеко не хорошо, советуя наняться в матросы за десять долларов в месяц.

О том, что Чайкин благодаря Ревекке знал, какого рода грог хотели ему приготовить, Абрамсон, разумеется, и не догадывался, как и не догадывался, почему молодой матрос оказался таким «умным» при найме и отчего упорно отказывался от угощения, предложенного штурманом Гауком.

– Ай-ай-ай! И как же я рад, что вы не забыли меня, господин Чайк, и пришли к старому

Абрамсону... Я вам и сказать не могу, как я рад... – с искренней радостью говорил Абрамсон, крепко пожимая Чайкину руку и упрашивая садиться...

И, присаживаясь на ветхое кресло сам, продолжал:

– А Ривка бедная все нездорова... и очень нездорова...

И мне ее очень жаль... А дела мои этот год неважны были, господин Чайк... Пхе!

И на омрачившемся лице старого еврея появилось что-то удрученное и жалкое.

Чайкин заметил, что Абрамсон сильно постарел и опустился за этот год и как будто стал еще хуже. Его черный сюртук совсем лоснился, а цилиндр был рыжеватого цвета. Видно было, что дела были не только неважны, а и вовсе плохи.

– Отчего неважны, Абрам Исакиевич? – спросил Чайкин.

– Комиссионерство плохо идет... Мало матросов через меня нанимаются на суда... И капитаны меньше дают комиссии... И все это пошло с тех пор, как вы уехали! –

прибавил старик, и его большие черные

глаза, глубоко запавшие в глазницах, грустно глядели из-под нависших густых бровей.

Он, разумеется, не объяснил, почему именно плохие дела совпали с отъездом Чайкина. Он не хотел признаваться, что и жена и дочь отказались быть соучастницами в его преступном ремесле и не приготавливали более грога, после которого жертва засыпала и отвозилась на корабль, нуждающийся в матросе.

Приходилось эксплуатировать такого матроса, бежавшего с своего судна и приведенного с пристани или из какого-нибудь кабака, без помощи грога и, таким образом, получать гораздо менее «комиссии» и с капитанов, чем прежде, так как матросы были менее стоворчивы, хотя обыкновенно их и «накачивали» перед тем, как заключать договор.

Правда, совесть Абрамсона была гораздо покойнее, и

Ревекка не смущала отца своими безмолвными, полными укора взглядами, а, напротив, стала несравненно внимательнее и нежнее к отцу, но зато дела шли хуже, и матросы все реже и реже являлись временными жильцами той каморки, в которой ночевал в

первую ночь на чужбине Чайкин.

– А что же, Ривка, ты ничем не угостила дорогого гостя? – спохватился Абрамсон.

– Я предлагала... не хотят.

– Благодарю вас, Абрам Исакиевич. Я ничего не хочу...

– А какая у меня бутылка коньяку есть!.

И Абрамсон, желая выразить достоинство коньяка, причмокнул губами и сощурил глаза.

– Такого коньяку и не пивали, даром что смотрите совсем джентльменом... Мне его один капитан подарил...

– Я не пью, Абрам Исакиевич.

– Помню, как вы тогда отказывались, когда вас штурман угощал. Но ведь теперь никто вас не нанимает... Это не гешефт... хе-хе-хе... а я желаю угостить земляка и хорошего человека, который негордый и, несмотря на свой костюм, пришел к Абрамсону... И вы меня очень даже сконфузите, господин Чайк, ежели откажетесь выпить хоть чашку чаю с коньяком... Завари, Ривочка, чаю и подай бутылку... Там еще осталось.

И, когда Ревекка ушла, старый еврей, по-

сле паузы, сказал:

– Да, господин Чайк... не везет мне в последнее время...

– А вы, Абрам Исакиевич, попробовали бы заняться каким-нибудь другим делом.

Абрамсон печально усмехнулся.

– А разве я не думал об этом, господин Чайк?. Вы думаете, когда я бегаю каждый день на пристань, у меня в голове не ходят разные мысли, точно, с позволения сказать, муравьи в куче!.. У еврея всегда какой-нибудь гешефт в голове! – прибавил не без горделивого чувства Абрамсон, указывая своим большим грязным пальцем на изрезанный морщинами лоб.

– И что же?

– Мыслей много, а главного не имеется, господин

Чайк... Все равно как бы полк есть, а полкового командира нет! – пояснил Абрамсон.

– Чего не имеется?

– И как же вы, Чайк, такой умный молодой человек, а не знаете? Или так только показываете вид, что не знаете, а?

– Право, не знаю.

– Оборотного капитала нет, вот чего... Будь у меня оборотный капитал...

Абрамсон на секунду остановился. Глаза его заблестели, и лицо просияло, точно у него уже был оборотный капитал.

– Будь, Чайк, у меня оборотный капитал, так я такую ваксу пустил бы в продажу, что скоро нажил бы денег и первым делом послал бы Ривку в деревню, куда-нибудь на вольный воздух... А то здесь тает Ривка, как льдинка на солнце, Чайк!.. И так болит мое сердце за нее, так болит, что и не сказать! А ведь она у меня одна дочь... И какое доброе сердце у нее, если б вы знали, Чайк, – с необыкновенною нежностью проговорил старый еврей.

Чайкин по опыту знал, какое доброе сердце у молодой еврейки, и помнил, как она отнеслась к нему, когда он совсем «зеленый», как говорят в Америке о прибывших в первый раз в страну, очутился в Сан-Франциско.

«Совсем бы мог пропасть без нее!» – подумал Чайкин и спросил:

– А много надо вам оборотного капитала, Абрам Исакиевич?

– Много, господин Чайк, ежели по-настоя-

щему дело пустить, рекламу сделать хорошую...

– Это что же значит?

– А значит, объявления в газеты сделать и пустить по улицам двух-трех человек, одеть их с ног до головы в картон, на котором бросались бы всем в глаза крупные буквы объявления о вакцине... И знаете ли, Чайк, какое я сделал бы объявление? – снова оживляясь, проговорил

Абрамсон.

– Какое?

– Я уже давно его придумал, Чайк... Вот из этой головы! – горделиво прибавил Абрамсон и, выдержав паузу, сказал: «Вакса Абрамсона. Сама чистит!» Каково, Чайк?

Обратите внимание: «Сама чистит!» Ловко?

– Да как же она может сама чистить? – наивно спросил

Чайкин.

– Вот в этом-то и вся штука! – рассмеялся изобретатель вакцины, которая «сама чистит». – Уж если вы задали вопрос,

– а вы, Чайк, умный человек, я в этом убе-

дился, когда вы не подписывали условия и не соглашались менее чем за пятнадцать долларов поступить на судно, – так найдется немало дураков, которые подумают, что взаправду вакцина выскочит из банки и начнет чистить сапоги, и купят банку... На это и рассчитано объявление!

И Абрамсон засмеялся самодовольным смехом человека, выдумавшего не совсем обыкновенную штуку.

– Небось нарасхват будут покупать мою вакцину...

Только успевай мы готовить с Сарой... А Ривка тем временем поправлялась бы за городом... И недорого бы это стоило... Долларов за пятнадцать можно устроить где-нибудь на ферме. Она ест мало... Не объест!. А оборотного капитала нет! – снова повторил Абрамсон.

И, словно бы упавши с облаков, куда вознесло его пылкое воображение, опять печально опустил голову.

– Так сколько вам нужно оборотного капитала? –

спросил Чайкин.

– Полтораста долларов. С меньшим капи-

талом не стоит и начинать... А эти денежки не валяются на улице, Чайк! И

никто их не поверит, Чайк, такому нищему, как я... Каждый скажет: «Зачем ему давать деньги?.. Он зажилит эти деньги, а не сделает гешефта».

– Я вам дам полтораста долларов, Абрам Исакиевич! –
сказал Чайкин.

Абрамсон, казалось, не понимал, что говорит Чайкин.

Изумленный, с широко открытыми глазами, глядел он на своего гостя. И изможденное, худое лицо старого еврея подергивалось судорогами, и губы нервно вздрагивали.

Наконец он прерывисто проговорил взволнованным голосом:

– И что вы такое сказали, господин Чайк?..
Повторите...
прошу вас...

– Я сказал, что дам вам, Абрам Исакиевич, полтораста долларов...

– Вы! – воскликнул старый еврей, словно не доверяя словам Чайкина.

– То-то, я... Не сумлевайтесь... И, кроме то-

го, вы возьмите еще пятнадцать долларов... Отправьте немедленно Ревекку Абрамовну на вольный воздух.

– О господи! – мог только проговорить старик и, сорвавшись с кресла, крепко пожимал Чайкину руку.

Ревекка все слышала за перегородкой, в кухне, где она готовила чай. Слышала и, взволнованная, тронутая, утирала слезы.

Когда она принесла чай и бутылку коньяку, отец радостно проговорил:

– Рива... Ривочка... господин Чайк... он спасает нас...

дает сто пятьдесят долларов на дело и пятнадцать долларов...

– Я все слышала, папенька... Но только не надо брать...

У Василия Егоровича, может быть, последние. Где ему больше иметь?.. А ему самому нужно! – говорила Ревекка, и ее большие красивые черные глаза благодарно и ласково смотрели на Чайкина.

Абрамсон испуганно и изумленно спросил:

– Разве вы последние хотите мне дать, Василий Егорович?

– Дал бы и последние, – вам нужнее, чем мне... Но только у меня не последние... У меня пятьсот долларов есть, Ревекка Абрамовна...

– Пятьсот?! – воскликнул Абрамсон, полный удивления, что матрос имеет такие деньги.

Была удивлена и Ревекка.

Тогда Чайкин, краснея, поспешил объяснить, что последнее время получал на «Диноре» двадцать пять долларов в месяц и что капитан Блэк дал ему награды четыреста долларов, и рассказал, как он к нему хорошо относился.

И Ревекка тотчас же поверила. Поверил и Абрамсон, несмотря на такую диковинную щедрость капитана и свой скептицизм, выработанный благодаря ремеслу и собственной неразборчивости в добывании средств.

Да и трудно было не поверить, глядя на открытое лицо

Чайкина и слушая его голос, полный искренности.

– И вам, значит, повезло, Василий Егорович... И я рад очень... А что вы даете мне деньги, этого я вовек не забуду... Не забуду! Я

мог думать, что вы ругаете Абрамсона...

Тогда ведь я с вами худо хотел поступить, а вы за ало отплатили добром... И да поможет вам во всем господь! – с чувством проговорил старый еврей. – А капитал ваш я вам возвращу... Вакса пойдет... должна пойти! – прибавил

Абрамсон и сразу повеселел...

– Кушайте чай, Василий Егорович! Кушайте, папенька, чай!. – сказала Ревекка.

– Попробуйте коньяку... И что за коньяк, Василий

Егорович!. А может, вы хотите компаньонном быть? Если хотите – половина барышей ваша!

– Нет, Абрам Исакиевич, пусть барыши будут ваши... И

если поправитесь – отдадите... И не беспокойтесь за деньги... А у меня пятьсот долларов в билете... Надо его разменять... Пойдемте отсюда вместе в банк.

С радости Абрамсон налил в свой стакан порядочную порцию коньяку, после того как Чайкин налил себе несколько капель.

– Можно и в лавке, если угодно, разме-

НЯТЬ...

– Так разменяйте, Абрам Исакиевич.

И Чайкин достал из-за пазухи мешочек и вынул оттуда банковый билет в пятьсот долларов.

Давно уж не видал старый еврей таких больших денег, и когда взял билет в свою костлявую худую руку, то она слегка дрожала, и на лице Абрамсона стояла почтительная улыбка.

– А вы лучше сидите, папенька. Я разменяю! – вдруг сказала Ревекка.

– Пхе! Зачем ты? Тебя еще надуют. Фальшивых дадут...

– Мне-то?

– То-то, тебе.

– Разве я не понимаю, какие фальшивые деньги? – не без обиды в голосе спросила молодая еврейка.

– Ну, положим, понимаешь...

– И даже хорошо понимаю, папенька.

– Но ты можешь потерять их...

– Разве я теряла деньги, папенька?

– А то из рук вырвут...

– Зачем вырывать деньги? И разве я такая

дура, что деньги показывать всем на улице стану? Я не такая дура! –

И, словно желая убедить отца, она прибавила: – А если вы, папенька, пойдете менять, то...

– Что же тогда? – нетерпеливо перебил Абрамсон.

– О вас, папенька, в лавке могут подумать нехорошо...

Такой у вас костюм, – и такие деньги... И могут не разменять.

– А ведь Ривка умно говорит... Костюм... Это правда...

Но и тебе, Ривка, не разменяют. Тоже душно о тебе подумают...

Ревекка вспыхнула.

Тогда Чайкин сказал, что он сам разменяет и тотчас же вернется.

– Как бы и вас, Василий Егорович, не обманули...

Нынче фальшивые гринбеки 13 ходят. Возьмите лучше

Ривку, – сказал Абрамсон.

– Так-то оно лучше будет. Пойдемте, Ревекка Абрамовна.

– Ты, Рива, лучше в банк проведи, если в магазине не разменяют! – напутствовал отец.

Ревекка надела шляпку и бурнус, и Чайкин вышел с ней на улицу.

Молодая девушка шла первое время молча.

– Василий Егорович! – тихо сказала она.

– Что, Ревекка Абрамовна?

– Я вас так и не поблагодарила, – взволнованно произнесла она. – Но вы... вы... должны понимать, как я вам благодарна за то, что вы пожалели нас. И... эти пятнадцать долларов для меня...

– А вы разве не пожалели меня тогда, Ревекка Абрамовна?.. Всякий должен жалеть другого... Тогда и жить лучше будет...

13 Ассигнации (англ. greenbacks)

– Это вы очень даже верно говорите, Василий Егорович. И я прежде очень дурная девушка была... Папеньке помогала в дурных делах, нисколько не жалела людей. Но только, когда вы у нас тогда были и говорили, как надо жить, слова ваши запали в мою душу... И я с тех пор уже не помогала отцу... И мы с

маменькой отговорили его... Он больше уж никого не угощал грогом, от которого приходил сон... Бог даст, теперь он и совсем бросит свое нехорошее ремесло. И все это будет из-за вас... Так как же не благодарить вас?. И нет у меня таких слов, Василий Егорович...

Она говорила быстро и возбужденно и от этого вдруг закашлялась долгим сухим кашлем.

И на лице ее еще ярче выступил зловещий чахоточный румянец.

– А вы, Ревекка Абрамовна, лучше не говорите. И

пойдем потише... Время-то есть. И лучше в конку сядем, а то вы устанете! – предложил Чайкин, завидя приближающийся трамвай. – Верно, банки на Монгомери-стрите... Я

хорошо помню эту улицу...

Они сели в трамвай и через четверть часа были у одного из банков.

Войдя в роскошное помещение, Чайкин подошел к кассе и просил разменять билет.

– Бумажками или золотом? – спросили его.

– Четыреста бумажками по сто долларов, а остальные сто золотом! – отвечал Чайкин.

Кассир взял от Чайкина билет, взглянул на свет и положил четыре бумажки и стопку золота.

В свою очередь, и Ревекка посмотрела бумажки.

– Хорошие! – сказала она по-русски.

Чайкин аккуратно сосчитал деньги.

– А за промен вы не взяли! – обратился он к кассиру.

– Не берем! – коротко отрезал он.

Чайкин спрятал бумажки в бумажник, а золото в кошелек, и они с Ревеккой вышли из банка.

– И как скоро вы научились по-английски говорить, Василий Егорович!

– Тоже спасибо доброму человеку... научил и читать и писать.

И Чайкин дорогой в конке рассказал о Долговязом.

Когда они вернулись, дома была и мать Ревекки. Она встретила

Чайкина,

как встречают спасителя.

По-видимому, и старая еврейка разделяла надежды мужа на успех ваксы и на то, что

дочь поправится за городом.

Вместо ста шестидесяти пяти долларов Чайкин дал

Абрамсону двести и сказал:

– Возьмите, Абрам Исакиевич, лучше двести и, пожалуйста, не беспокойтесь о них. Возвратите, если, бог даст, дела поправятся... А не возвратите, я требовать не буду...

Мне не надо.

И отец и мать стали благодарить Чайкина. Но он остановил их:

– Не благодарите. Я должен благодарить...

И, смущенный, стал прощаться. Но его стали упрашивать посидеть еще и рассказать, как он провел этот год, и

Чайкин остался.

Все слушали с большим вниманием краткий рассказ

Чайкина о плавании на «Диноре» и, казалось, испытывали больший страх, чем испытывал сам Чайкин во время попутного шторма, когда он рассказывал о нем. Но особенный ужас возбудил в слушателях рассказ про расправу капитана Блэка с Чезаре и с негром Самом и удивление, когда Чайкин рассказал о

том, как тот же Блэк подарил штурману «Динору», как наградил всех матросов, как был ласков с ним и как поместил его в лучшей гостинице и потом взял место на пароходе.

И про путешествие в Сан-Франциско Абрамсоны слушали с захватывающим интересом.

– И какой же вы бесстрашный, Василий Егорович! – с почтительным уважением нередко вскрикивал во время рассказа Абрамсон, по-видимому сам не отличавшийся храбростью...

– И если бы вы знали, папенька, как они хорошо по-английски говорят! – вставила Ревекка.

– Чем же вы будете теперь заниматься, Василий Егорович? – спросил Абрамсон, когда Чайкин окончил свой рассказ.

Чайкин сказал, что поступит на ферму недалеко от города, что у него есть рекомендательные письма.

Абрамсон удивился.

– С вашим рассудком, Василий Егорович, не таким бы делом заниматься... А то что работать на ферме! Много ли в работниках вы

наживете?

– Люблю я землю, Абрам Исакиевич. Да и наживать денег не собираюсь. Если, бог даст, сам буду иметь земельку да домишко построю, так и слава тебе господи...

Абрамсон из деликатности не противоречил, но про себя подумал, что Чайкин не умеет пользоваться счастьем и что он совсем не понимает значения оборотного капитала и кредита, но все-таки не мог не заметить:

– Конечно, собственность иметь очень даже приятно, Василий Егорович, что и говорить, но ежели жить в работниках, то не скоро собственность приобретете... А

ежели да при оборотном капитале, как у вас, да еще при кредите, которым вы, конечно, могли бы пользоваться у капитана Блэка (дай бог ему здоровья, хоть он и очень страшный человек!), то можно довольно скоро ай-ай-ай!

какую ферму купить, и с воздухом, и с фруктовым садом, и со всем прочим... Вот на такую ферму мы завтра же свезем тебя, Ривочка, – неожиданно обратился старик, радостный и полный нежности, к дочери. – Я

знаю такую ферму...

совсем близко от города, и мы с мамой тебя навещать будем... И если и двадцать долларов попросят, я и двадцать дам, – да пошлет господь счастья Василию Егоровичу! И

ты скоро поправишься на вольном воздухе. Опять войдешь в тело и станешь здоровой девицей, как была... Не правда ли, Василий Егорович? – с тревогой в голосе спрашивал отец.

И пожилая еврейка, грязная, растрепанная, казавшаяся старше своих сорока лет в своем ветхом черном платье, с жадным нетерпением ждала ответа, и, конечно, утвердительного ответа, словно бы Чайкин был доктор и мог решить вопрос, ужасный для матери вопрос, который в последнее время все более и более мучил мать и гнал от нее сон по ночам, заставлял вскакивать с постели и подолгу стоять над спящей молодой девушкой, с ужасом прислушиваясь к прерывистому дыханию и какому-то странному клокотанию, по временам вырывающемуся из ее груди... И

мать тихо плакала, чтобы не разбудить больной, осторожно дотрогивалась рукой до

пылающего лба и молилась, прося у господина бога пожалеть Ривку и оставить ей жизнь, как ни тяжела эта жизнь, оставить матери единственную дочь, которая дает ей смысл жизни, ради которой она с утра до вечера ходит по дворам и за гроши покупает старье, чтобы за гроши потом продать его и выручить какой-нибудь доллар...

– Ведь поправится? – спросила мать.

– Отчего не поправится! Очень даже скоро поправится

Ревекка Абрамовна на вольном воздухе. Главное – воздух.

И дохтур у нас на «Проворном» об этом сказывал. «Всякая, говорит, болезнь от чистого воздуха проходит скорей...» И

был у нас на клипере один матросик. Тоже вроде будто такой болезнью болел – грудной, значит, – когда мы вышли из Кронштадта, а как добрались до теплого моря, до тропиков, так болезнь эта живо проходить стала, и матросик совсем выправился...

– Слышишь, Рива, что говорит Василий Егорович?. А

он понимает... Он все понимает! – обрадо-

ванно сказал

Абрамсон.

А мать, услышав эти обнадеживающие слова, взглянула на Чайкина своими выцветавшими глазами с необыкновенной благодарностью, сама вновь окрыленная надеждой, что Рива поправится.

И сама Ревекка, казалось, надеялась, потому что возбужденно и радостно, с какою-то жадностью молодости, которой так хотелось жить, проговорила:

– Конечно, поправлюсь... Отчего не поправиться?.. И

всегда буду молиться за вас, Василий Егорович! – прибавила она.

Чайкин поднялся и стал прощаться, обещая зайти еще до отъезда.

Абрамсон просил Чайкина сообщить адрес той местности, где он будет жить.

– И я вас уведомя, Василий Егорович, как вакса пойдет... Она непременно пойдет... Обратный капитал есть... Вот если бы и вы воспользовались своим обратным капиталом да, вместо того чтобы ехать в провинцию, остались во Фриски...

– Да полно, Абрам, не сбивай ты Василия Егоровича...

Он знает, где ему лучше...

– И, разумеется, на ферме лучше, чем в городе! – поддержала и Ревекка. – И Василий Егорович не имеет склонности к торговле... И бог с ней, с торговлей... В ней обмана много... Так уж вы не отговаривайте, папенька.

– Да я что?.. Каждый человек свою звезду имеет. Я

только думал, что, ежели при оборотном капитале... А и на вольном воздухе довольно хорошо жить. До свидания, Василий Егорович... Уж так вы, можно сказать, обкуражили нас, что и слова не найдешь...

– Если не сконфузитесь нашим обедом, так пожалуйста завтра к обеду! – пригласила госпожа Абрамсон.

Чайкин отказался, сказавши, что обещал завтра обедать со Старым Биллем и с Дунаевым.

ГЛАВА II

Был шестой час, когда Чайкин, поднявшись по широкой лестнице во второй этаж огромного дома на одной из лучших улиц Сан-Франциско, позвонил у дверей, на которых была дощечка с надписью: «Чарльз Браун, адвокат».

Под дощечкой была карточка, на которой было написано, что адвокат принимает по делам от восьми до одиннадцати утра.

На эту карточку Чайкин не обратил внимания.

Прошла минута, другая. Дверей не отворили.

Тогда Чайкин сильнее надавил пуговку электрического звонка.

Наконец двери отворились, и на пороге показалась молодая девушка с чепцом на голове и в ослепительно белом переднике. На ее милостивом лице было выражение недовольства.

– Вам что угодно? – резко спросила она, оглядывая уничтожающим взглядом Чайкина.

– Мне надо видеть господина Брауна.
– По делу?

– По делу!

– Вы грамотны?

– Да.

– Так что же вы звоните и напрасно беспокоите меня...

Вы думаете, вы даром тратите время, так и другие тоже?

Кажется, могли бы прочитать на дверях, когда господин

Браун принимает...

– Извините... Я...

Но горничная не дослушала и под носом у Чайкина захлопнула двери.

«Однако сердитая!» – подумал Чайкин, не догадываясь, кто с ним говорил, – барыня или горничная.

«По одежде, должно, барыня!» – решил Чайкин, которому не приходилось в Кронштадте видеть таких разодетых и «форсистых», как он подумал, горничных.

И, прочитав на карточке часы приема у адвоката, он спустился, несколько сконфуженный, по лестнице и вышел на улицу.

Он наобум повернул направо и вышел на знакомую ему главную улицу Сан-Франциско,

на Монгомерри-стрит.

Там было большое оживление, словно был какой-то праздник.

На тротуарах толпились пешеходы, проходившие или, может быть, гулявшие, но только все словно бы торопились и шли скоро. На перекрестке стояли кучки людей, громко разговаривали, расходились... На улице двигалось много экипажей. Маленькие мальчишки с газетами в руках ловко сновали между пешеходами, подбегали к экипажам, выкрикивая названия газет, и на лету схватывали десятицентовые и пятицентовые монетки, бросая газету в экипаж.

А на одном из углов большая толпа окружила какого-то господина, который стоял на своем маленьком экипаже-лавке, в виде ресурсной повозки, и говорил собравшейся толпе целые речи-импровизации, вызывавшие смех и рекомендовавшие пластыри от мозолей, помаду для ращения волос и различные капли от зубной боли.

Чайкин остановился и слушал, но оратор говорил так быстро, что Чайкин не мог уловить его речи и понять остроумие этого раз-

носчика, рекламирующего разные снадобья в качестве агента какого-нибудь оптового торговца этими товарами.

А оратор между тем говорил, что южан вздули и главным образом потому, что северяне, во-первых, защищали хорошее дело, во-вторых, гораздо храбрее южан и, в-третьих, потому, что «генерал Грант перед последним сражением излечился от зубной боли вот этими самыми каплями, леди и джентльмены!»

– Нужно только раз попробовать эти капли, заплатив за баночку пятьдесят центов, чтобы навсегда вылечиться от зубной боли... Сам Линкольн недавно написал мне: «Благодарю вас, мистер Трук, за присланные капли... Зубной боли больше нет... И мозолей нет после пластыря

Гум-Мум и К°...» Вот подлинное письмо.

И среди добродушного смеха публики оратор помахал в воздухе каким-то письмом и затем выкрикивал:

– Леди и джентльмены! у кого болят зубы? у кого мозоли? Даром, слышите ли, даром предлагаю немедленно вылечить зубы и гарантирую, что уничтожу мозоли...

Пожалуйте, не стесняйтесь... Я дам вам и пластыря и несколько капель, уверенный, что вы потом купите банку капель за пятьдесят центов и коробочку пластыря за тридцать центов. И не только купите капли для себя, но и для дедушек и внучек, у которых и зубов нет. Эй, вы, мрачный джентльмен! отчего вы так печальны, когда солнце светит, и мир заключен, и наш губернатор не вмешивается, к счастью, в дела, и ваша будущая жена будет похожа красотой на самую красивую леди, а характером на ангела?. Оттого, что у вас зубы болят и ноет мозоль?. Идите же скорей...

поворачивайтесь...

И среди оглушительного хохота действительно подошел какой-то господин мрачного вида и сказал, что у него болят зубы.

Тотчас же оратор взял несколько капель на вату, вложил их в рот мрачному джентльмену и спросил:

– Ну, что? Говорите по чистой совести... Легче?..

– Пока еще болит!.. – отвечает мрачный джентльмен.

Проходит минута.

– А теперь? По самой чистой совести, какая только может быть у продувного янки, отвечайте перед всеми здесь присутствующими, легче вам или нет?

– Легче...

– Поздравляю вас!. Ну, а теперь... совсем прошла боль? Отвечайте, сэр!

– Совсем прошла! – весело отвечает пациент.

– Ура!.. Очень рад за ваши зубы... Надеюсь, теперь вы купите склянку... Получите! всего пятьдесят центов!

Мрачный господин, внезапно повеселевший, уплачивает пятьдесят центов и прячет склянку в карман, чтобы после возвратит ее оратору-рекламисту, так как сам состоит в числе его помощников, играющих роли быстрого исцеляющихся пациентов для приманки публики.

И после такого наглядного примера быстрого исцеления многие покупают зубные капли у разносчиков, обладающих действительно замечательными ораторскими способностями.

Чайкин вышел из толпы, купил почти на-

сильно всунутый ему в руки номер вечерней газеты и зашел пообедать в один из ресторанов, на вывеске которого была обозначена недорогая цена обеда.

А из ресторана он отправился в тот самый городской сад, где был год тому назад и заслушался музыки, отчего и опоздал на шлюпку с «Проворного».

И опять, как тогда, Чайкин прошел в уединенную аллею и присел на скамейку и слушал музыку. Но зато какая была разница в настроении!

Тогда он был полон тоски приниженного, подневольного существа, душа которого болела, оскорбленная позорным наказанием и возмущенная поруганием человеческого достоинства, – а теперь он свободно, без страха и трепета, отдавался весь наслаждению льющихся звуков и чувствовал себя совсем другим человеком...

Прошло с полчаса, как Чайкин сидел один на скамейке, унесенный в мир каких-то

неопределенно хороших грез и мечтаний о будущем, когда неожиданно громко раздавшаяся русская речь заставила его поднять голову, и он увидел в нескольких шагах высокую, длинную фигуру рыжевато-старшего офицера и небольшого роста, кругленького и свеженького как огурчик, лейтенанта Погожина. Матросы «Проворного» звали Погожина «Волчком» за его постоянную суетливость на вахтах, но любили, так как

Погожин был «добер» и редко, редко когда приказывал наказывать линьками.

Оба они, одетые в статское платье, в цилиндрах, несколько сбитых на затылок, имели вид людей, только что хорошо пообедавших и выпивших настолько, чтобы ходить прямо, а не «дрейфовать», по выражению моряков, и только чувствовать чрезмерную веселую приподнятость и отвагу.

– Присядем, Иван

Николаевич!

Здесь хорошо! – предложил хорошо знакомый Чайкину, заставлявший не раз его трепетать басистый голос старшего офицера.

И вслед за этими словами они сели на ска-

мейку рядом с
Чайкиным.

Тот притих и любопытно ждал, о чем они будут разговаривать. Никогда он не видал старшего офицера в его, так сказать, неслужебном виде и не с сердитым суровым лицом, какое у него обыкновенно бывало во время авралов, учений и вообще в то время, когда он показывался матросам. Очевидно, ни тот ни другой не узнали Чайкина, далекие от мысли, что этот прилично одетый «вольный» господин с широкополой шляпой на голове – тот самый матрос, который и не подумал бы сидеть рядом с ними.

– А вечером в театр, Петр Петрович? – спросил, слегка заплетая языком, лейтенант Погожин.

– Можно и в театр, Иван Николаевич... А право, славно здесь. Очень хорошо! – произнес старший офицер, впадая в несколько мечтательное настроение под влиянием нескольких рюмок виски, хереса и кларета и нескольких бокалов шампанского, выпитых за обедом.

И лицо его было такое добродушное, что

Чайкин удивился и подумал:

«Совсем другим человеком оказывает, как на берегу очутился!»

– Небось и вам надоело плавание, Петр Петрович, а?

Хочется в Россию да пожить на берегу?

– А вы думаете, как? Так бы и закатился в деревню...

– Вы, кажется, тамбовский?

– Тамбовский... Под Тамбовом и имение наше... Мои старики там живут... Хочется по-видать их...

– А я к невесте закачусь, как вернемся.

– Куда?

– В Москву. Она москвичка. Вернетесь и, пожалуй, тоже надумаете жениться, Петр Петрович...

Старший офицер ничего не ответил, и на его лицо набежала тень.

– Вы вот спрашивали, Иван Николаевич, надоело ли мне плавание... – начал он.

– Спрашивал... это верно, Петр Петрович...

– А почему спрашивали?

– Да потому, что вы как будто и не скучаете по России.

– Не скучаю? А вы думаете, мне не очертело плавание.

Не надоело с утра до вечера собачиться?. Вы думаете, я об этом ничего не говорю, так, значит, и доволен?.. Вы как полагаете, весело мне с «Бульдогом» служить, что ли?..

Знаете небось чего он требует от старшего офицера?..

Чтобы на клипере была чистота умопомрачающая, чтобы матросы работали по секундам!. Зверь порядочный...

Недаром же «Бульдог»...

«Ишь как он честит капитана, а сам-то почище его будет!» – опять подумал Чайкин.

И как бы в подтверждение его мыслей молодой лейтенант спросил:

– Так зачем же вы собачитесь каждый день, Петр Петрович, если это вам неприятно? Разве нельзя не собачиться?

– Вот будете старшим офицером, тогда и увидите...

– Нет, не увижу...

– Увидите, что иначе нельзя...

– А я думаю, что можно, Петр Петрович... И вы меня извините, Петр Петрович, если я

здесь, на берегу, вам частным образом скажу одну вещь...

– Что ж, говорите одну вещь...

– И вы не рассердитесь?

– А не знаю, какую вещь вы скажете, Иван Николаевич.

– Давно уж я собирался вам сказать, да не приходилось... А сегодня, знаете ли, пообедали вместе... мадера...

шампанское... ликеры... все располагает к откровенности...

– Да вы не юлите, Иван Николаевич... Лучше прямо валяйте...

– И вальну, Петр Петрович... Вы думаете, я боюсь...

Вы старший офицер на клипере, а здесь... здесь кто вы такой, а? позвольте вас спросить? – с пьяноватым добродушием спросил лейтенант Погожин, уставившись своими замаслившимися карими глазами на старшего офицера с таким выражением, будто бы лейтенант доподлинно не знал, кто такой сидит рядом с ним, развалившись на скамейке, с манилкой во рту, полуприкрытом густыми и взъерошенными рыжими усами.

– Кто я такой? – спросил, улыбаясь, старший офицер.

– Да, я желаю знать, кто вы такой здесь на берегу?

– лейтенант флота, Петр Петрович Астапов. А вы кто такой?

– Я?

– Вы.

– И я лейтенант флота, Иван Николаевич Погожин... И, следовательно, здесь вы для меня не старший офицер, а просто Петр Петрович, с которым мы приятно провели время и проведем не менее приятно вечер... Так, что ли, Петр Петрович?

– Совершенно верно.

– Так я и скажу вам, что вы, Петр Петрович, уж очень того... собачитесь. Вы извините меня, а ведь так нельзя...

– То есть что нельзя?..

– Собачиться так, как вы... Ведь люди же и они, Петр

Петрович, и такие еще люди, что за ласковое слово что угодно сделают. Знаете ли вы это, Петр Петрович?. А ведь вы, в сущности, не зверь же, а между тем...

– Они привыкли! И вы напрасно эту филантропию разводите, Иван Николаевич.

– А на «Голубчике», у Василия Федоровича Давыдова отчего ни одного человека ни разу не наказали?. Между тем разве «Голубчик» хуже «Проворного»?.. Разве «Голубчик» не образцовое по порядку судно? Разве там работают не так хорошо, как у нас... Разница только та, что на

«Голубчике» матросы работают за совесть, а у нас за страх... На «Голубчике» они живут по-людски, без вечного трепета, а у нас... небось сами видите... Значит, можно, Петр Петрович... И настолько можно, что вот скоро выйдет приказ об отмене телесных наказаний. Слышали, что готовится эта отмена? Как же вы тогда будете?

– Тогда и я не буду...

– А как же вы говорите, что без этого нельзя... Эх, Петр

Петрович!.

Чайкин взволнованно слушал молодого лейтенанта, взглядывая по временам на него восторженно-благодарным взглядом за эти речи.

И Чайкин заметил, или ему так хотелось это заметить, что старший офицер, слушая эти откровенно обличительные речи подвыпившего младшего товарища, не только не гневался, а, напротив, как будто бы затих в каком-то раздумье, словно бы в нем пробуждалось сознание виноватости, которую он только что понял...

И он ничего не ответил лейтенанту и упорно молчал.

«И его зазрила совесть. Небось как в понятие вошел, так и совесть оказала!» – решил Чайкин со своей обычной простодушной верой в конечное торжество совести.

А Погожин между тем продолжал:

– Вот вы говорите, что привыкли. А Чайкин же в прошлом году скрылся здесь, в Сан-Франциско...

Чайкин невольно вздрогнул, когда упомянули его имя.

– А ведь какой исправный и тихий матросик был этот

Чайкин, и как все его любили... мухи не обидит! А знаете ли, почему он остался здесь?

– Почему? – автоматически спросил стар-

ший офицер.

– Потому, что опоздал на шлюпку с берега и боялся, что будет наказан.

Старший офицер молчал.

– Вы сердитесь, Петр Петрович?. Что ж, сердитесь... а я наконец не мог... И то молчал, позорно молчал два года, а теперь вот... выпил... и все вам выложил...

– Я не сержусь, Иван Николаевич! – тихо ответил старший офицер и прибавил: – Вы должны были сказать то, что сказали...

– То-то, должен был... И знаете ли что, Петр Петрович?

– Что?

– Теперь у меня как будто гора с плеч упала, и мои отношения к вам стали легче... По крайней мере вы знаете, как я думаю...

– Я знал... И знаю, что все мичманы так же думают... А

Чайкина жаль... Тихий, исправный матрос был... Только щуплый какой-то и боялся очень наказаний... Я, может быть, его бы и простил тогда...

– Он этого не мог знать...

– Разумеется, не мог... А откуда вы знаете,

что он опоздал тогда на шлюпку и от этого остался здесь? –

спросил вдруг старший офицер.

– Вчера его капитанские вельботные видели.

– Небось нищенствует здесь?.

– Никак нет, вашескобродие! – вдруг не выдержал

Чайкин и, поднявшись со скамейки, почтительно поклонился, приподнявши свою шляпу.

Оба офицера глядели на Чайкина изумленные. Казалось, хмель выскочил из их голов.

– Ты... Чайкин? – спросил старший офицер, настолько ошалевший при виде беглого матроса в образе приличного джентльмена, на котором статское платье сидело, пожалуй, не хуже, если не лучше, чем на нем самом, что не сообразил нисколько своего вопроса.

– Точно так, вашескобродие!

– Здравствуй, Чайкин! Очень рад тебя встретить! –

приветствовал его молодой лейтенант.

– И я очень рад, что довелось встретиться с вашим благородием.

– Что ты тут делаешь? – спросил строго старший офицер.

– Служил матросом, вашескобродие.

– Где?

– На купеческом бриге, вашескобродие.

– А теперь?

– Поступаю на ферму.

– И хорошо тебе здесь? – задал вопрос молодой лейтенант.

– Очень даже хорошо, ваше благородие.

– Хорошее жалованье получал матросом?

– Сперва пятнадцать, а как сделался рулевым, двадцать пять долларов, ваше благородие.

– И по-английски выучился?

– Выучился.

– И, кажется, газеты читаешь? – спрашивал лейтенант, заметивший газету, торчавшую из кармана пиджака Чайкина.

– Читаю... Любопытно, что на свете делается, ваше благородие.

– И как ты поправился... Загорел... Совсем молодцом стал! – ласково говорил Погожин.

– Спасибо на добром слове и за то, что вы о матросах только что изволили говорить, ва-

ше благородие! Бог за это вам счастья пошлет!.. – взволнованно произнес Чайкин.

– И тебе спасибо, и тебе дай бог счастья, Чайкин.

– А за то, что и вы меня пожалели, дозвольте поблагодарить вашескобродие... И осмеюсь просить пожалеть и прочих матросиков... А затем счастливо оставаться, вашескобродие! Прощайте, добрый барин! – обратился Чайкин к молодому лейтенанту.

И, снявши шляпу, он поклонился и ушел.

– Прощай, Чайкин! – крикнул ему вдогонку Погожин.

Несколько минут оба офицера стояли в молчании.

– Каков! – проговорил наконец старший офицер. – Ну, едем, что ли?..

Старший офицер поднялся мрачный, и два русских офицера молча пошли к выходу из сада, вдруг окутанного темнотой быстро спустившегося вечера.

2

Чайкин нашел дом, в котором он остановился с Дунаевым, не без расспросов у полиц-

менов.

Наконец он поднялся на четвертый этаж и позвонил.

Ему отворила двери хозяйка квартиры, пожилая дама, и сказала, что без него приходил и спрашивал его какой-то молодой человек.

– А как фамилия?

– Спрашивала – не сказал.

– А какой наружности?

– Очень приятный джентльмен... Брюнет...

Сказал, что завтра зайдет, и просил передать свое почтение.

«Верно, Дэк, не кто другой, и, верно, от Дунаева узнал о квартире», – подумал Чайкин, входя в комнату, и, усталый после ходьбы, бросился на маленький диванчик.

Незаметно для себя он уснул и около одиннадцати часов был разбужен своим сожителем Дунаевым.

Тот имел вид именинника и весело говорил Чайкину:

– Вечер такой чудесный, а ты, братец ты мой, спишь...

А я только что гулял... С невестой гулял! Толковали насчет лавки, – прибавил он.

– Столковались? – протирая глаза, спросил Чайкин.

– Одобряет. И отличная из нее выйдет торговка, я тебе, братец, скажу! Все, можно сказать, наскрозь понимает...

– Это что... А главное, душевная ли? – спросил Чайкин.

– Должно быть. Здесь, братец ты мой, душевность свою люди не так скоро оказывают, как у нас в России. Здесь на деле больше оказывается человек, а разговору не любят...

Ну, а ты что сегодня делал? Был насчет места? – спрашивал

Дунаев и стал раздеваться.

Чайкин рассказал, где был, и сообщил о встрече в саду со старшим офицером и лейтенантом Погожиным.

– Хочется и мне землячков повидать! – сказал Дунаев. –

И я завтра пойду на пристань; вместе пойдем... И толковитая, братец ты мой, моя невеста... Ах, какая толковитая... И умна понятием... И деньги мои к себе спрятала, чтобы целы были... «А то, говорит, ты опять ими хватать начнешь!» – добродушно смеясь, снова

стал нахваливать

Дунаев свою будущую подругу жизни.

– А Дэка видел?

– Видел. Кланяется тебе. Адрес взял.

– Он заходил.

– Тебя благодарить за жизнь хотел еще раз.

И форсисто как он одет! при цепочке, на перстах кольца...

– Видно, при деньгах?..

– Должно быть. И только он больше не Дэк...

– А кто?

– Брум...

– Это настоящая его фамилия?

– А бог его знает. Здесь не разберешь. Называйся как хочешь: сегодня – Дэк, завтра – Брум... Вот я открою лавку, буду себе торговать мясом, чего лучше... Небось не прогорим... На хорошем месте найдем помещение... А

главное – толковитая у меня будет жена, Чайкин... Умная!

Уж ей обещали в гостинице, где она горничной, что будут брать мясо у нас... Деловая баба! Ох, деловая! – сонным голосом говорил

Дунаев и скоро захрапел.

Лег спать и Чайкин и, перед тем как заснуть, подумал, что если он женится, то выберет не деловую, а душевную бабу.

3

На следующее утро Чайкин проснулся рано. Дунаев еще спал.

Тихонько одевшись, чтобы не разбудить сожителя, Чайкин стал читать газету, которую он вчера вечером купил, и внимание его было привлечено напечатанным крупным шрифтом перечислением содержания газеты, в котором между прочим значилось: «Убийство в Сакраменто».

В телеграфном сообщении передавалось, что третьего дня (в тот самый день, когда там были наши путешественники) был застрелен на улице джентльмен, принадлежавший, как уверяли многие, к шайке агентов большой дороги. Убийца ускакал.

По описанию наружности убитого Чайкин почти не сомневался, что был убит тот самый спутник в дилижансе, которого Билль хотел повесить и которого отстоял он, Чайкин.

Когда Дунаев встал, Чайкин дал ему прочитать газету.

– Укокошили мерзавца, что нас так отблагодарил! –

довольно равнодушно промолвил Дунаев.

– А ты думаешь, кто?

– А черт их знает. Свои, верно... А может, и Дэк наказал его за подлость...

– Дэк не решится быть убийцей! – заступился за Дэка

Чайкин.

– За других не ручайся, Чайкин... И знаешь, что я тебе скажу?

– Что?

– Вовсе ты прост! Вот поживешь здесь, Америка обломает тебя... Многому научишься, братец ты мой! – хвастливо говорил Дунаев, считавший себя американцем.

Позавтракавши, оба сожителя вышли вместе в девять часов.

Чайкин пошел к адвокату, Дунаев – к невесте, чтобы вместе с ней нанять помещение для лавки.

Они условились встретиться на пристани в первом часу, когда должен подойти баркас с

отпущенными на берег матросами с «Проворного».

На этот раз щегольски одетая горничная отворила двери немедленно после звонка и не имела такого сердитого вида, как вчера.

– Здравствуйте! – приветствовал ее Чайкин. – Можно видеть адвоката?

Горничная слегка кивнула головой и оглядела его с ног до головы с нескрываемой улыбкой, очевидно удивленная вопросом. Чайкин покраснел.

– Конечно, можно, раз он принимает с восьми до одиннадцати! – проговорила она и снова засмеялась, показывая свои белые мелкие зубы.

– Извините меня! – смущенно вымолвил Чайкин.

– Вы, верно, зеленый?

– Да.

– От этого и предлагаете глупые вопросы. Надо прежде подумать, а потом спрашивать.

– Это верно... Еще раз извините.

– Извиняю! – милостиво произнесла молодая девушка.

И с этими словами вручила Чайкину же-

стяжку с десятым номером и указала белой, почти что холеной рукой с кольцом на мизинце на одну из дверей.

Чайкин удивленно смотрел на жестянку.

– Ну, что еще? Чему удивляетесь? – спросила горничная, очевидно слегка потешавшаяся над этим застенчивым глупым иностранцем.

– А можно спросить? – робко спросил Чайкин, в свою очередь несколько удивленный, что горничная так форсисто одета и выглядит совсем барышней.

«И руки какие белые. Видно, черной работой не занимается!» – подумал он.

– Спрашивайте, если не очень глупо!

– Зачем мне эта жестянка?

– Вы первый раз у адвоката?

– В первый.

– И у докторов никогда не бывали? – со смехом допрашивала молодая девушка.

– Никогда.

– Ну, так знайте, что это очередной номер. До вас пришло девять человек, вы – десятый. Адвокат вас примет десятым. Поняли?

– Понял. Благодарю вас.

Он хотел было идти, но молодая девушка

остановила его и, переставши смеяться, проговорила не без участливой нотки в голосе:

– Вы, может быть, не знаете, что адвокат, к которому вы идете, очень дорогой: меньше пятидесяти долларов за совет не берет, и если у вас дело, то приготовляйте денежки.

– Я не за советом...

– А зачем?

– У меня есть к нему рекомендательное письмо... насчет места на ферме... За передачу письма платить ведь не нужно?

– Не нужно. Идите!

И Чайкин вошел в приемную.

В большой, роскошно и в то же время просто убранной приемной с массивными, обитыми темно-зеленой кожей креслами и двумя диванами, с дорогим ковром во всю комнату, дожидалось девять человек: шесть мужчин и три молодые дамы.

Одни сидели у большого круглого стола посреди комнаты, заваленного роскошными кипсеками 14 , книгами, журналами, газетами и фотографиями, и читали или разглядывали картинки и фотографии. Другие развалились в креслах, задравши, по обычаю аме-

риканцев, высоко ноги.

На отдельном столе, у раскрытого окна, выходящего в сад, стояли бутылки с вином, графины с прохладительными напитками, ваза со льдом, стаканы и рюмки.

Чайкин присел на ближнее к дверям кресло и озираал публику.

– Номер второй! – произнес торопливый и резкий голос из полуотворенной двери кабинета, и Чайкин успел увидеть смуглое длинное худощавое лицо с резкими чертами и клинообразной, черной как смоль бородой.

Какой-то толстяк медленно выползал из большого глубокого кресла.

– Попрошу джентльмена поторопиться! – отчеканил

14 Альбомами с гравюрами (англ. keepsake).

адвокат резким суховатым тоном. – У меня времени немного.

Толстяк с трудом вылез из кресла и торопливо, насколько позволял ему его громадный живот, вошел в двери.

Не прошло и десяти минут, как двери ка-

бинета отворились снова, и из двери раздался тот же отрывистый голос:

– Номер третий!

Молодая, очень красивая женщина под вуалью, с крупными брильянтами в ушах, одетая в роскошное серое шелковое платье, обшитое кружевами, чуть-чуть шелестя им, быстро двинулась к дверям.

«Должно, тут все богатые!» – решил Чайкин, вспомнив слова горничной о том, что адвокат меньше пятидесяти долларов за совет не берет, что, если дело придется вести, то надо припасать денежки.

И он прикинул в уме, сколько может получить адвокат в одно только утро, считая, что все девять человек пришли только за советом: оказывалось четыреста пятьдесят долларов, а в год, рассчитал Чайкин, до ста шестидесяти тысяч.

И он только дивился, как это можно наживать такие деньги и, главное, брать за какие-нибудь десять минут разговора по пятьдесят долларов. Это казалось матросу ни с чем не сообразным и просто-таки большою и возмутительною несправедливостью.

«Уж не подшутила ли надо мной горничная?» – подумал Чайкин.

Но словно чтобы уверить Чайкина, что горничная не подшутила, один из ожидавших джентльменов, потягивавший из рюмки херес, сидя в кресле, обратился к соседу:

– Третий раз прихожу... Сто пятьдесят долларов из кармана.

– А я дело веду...

– Большое?

– Не маленькое.

– И что платите ему? – кивнул на двери джентльмен с рюмкой хереса.

– В случае выигрыша пятьдесят тысяч.

– А в случае проигрыша?

– Двадцать тысяч!

Чайкин чуть не ахнул.

«Чистый грабеж!» – подумал он.

Между тем посетители прибывали, и когда был вызван девятый номер, в приемной уже снова набралось до десяти человек, и Чайкин должен был в уме удвоить цифру дохода адвоката, к которому имел рекомендательное письмо от

Блэка-Джемсона, и все-таки был далек от

истины, так как этот первый и действительно талантливый адвокат зарабатывал во время своей популярности, как говорили, до полумиллиона долларов в год, спуская эти деньги на безумные аферы.

– Номер десятый!

Чайкин вошел в громадный кабинет, с большими шкапами, полными книг, по стенам, с картинами и бюстами на подставках. Большой стол, стоявший посредине, был полон разных красивых вещей. Фотографии какой-то красавицы и двух детей красовались на видном месте.

– Садитесь!. Что угодно?. Прошу коротко изложить дело.

И когда Чайкин уселся в кресло и хотел было открыть рот, адвокат продолжал:

– Одну сущность, и покороче... И не тяните... Ну, в чем дело? Смошенничали? Хотите разводиться? Получили наследство? Не хотите платить по обязательствам? – закидал Чайкина вопросами этот худой нервный смуглый господин, лет сорока на вид, осматривая своими зоркими и пронзительными глазами Чайкина.

И, сразу решивши, что этот клиент ничего не стоит, выражаясь по-американски, адвокат прибавил:

– Имейте в виду, что я за совет беру пятьдесят долларов.

– Я не за советом... я...

Но адвокат не дал ему договорить и воскликнул:

– Так для какого же дьявола вы пришли сюда отнимать у меня время?.. Если не за советом, то уходите вон.

Чайкин догадался вынуть из кармана письмо Блэка и подать его адвокату.

– Так бы и сказали, – проговорил адвокат, оглядывая

Чайкина с ног до головы, как нечто в высшей степени курьезное.

– Вы не давали мне сказать...

– Вы, пожалуй, правы, – рассмеялся вдруг адвокат самым добродушным образом и начал быстро писать письмо и потом, вручая его, проговорил:

– Можете немедленно получить место на ферме... На конверте есть адрес... Джемсон уже писал мне о вас...

– Он здоров? – осведомился Чайкин.

– Здоров.

– И женился?

– Женился.

– Ну, слава богу! – радостно вырвалось у Чайкина.

Адвокат снова взглянул на Чайкина.

– А вы действительно из редких экземпляров человеческой породы. Вы – благодарное существо. Так место, говорю, вас ждет. Можете ехать хоть сегодня...

– Сегодня я не могу.

– Ну завтра, послезавтра, все равно. Вы будете жить у родственницы Джемсона... Но только Джемсон не хочет, чтобы она знала, что вы были матросом у капитана Блэка...

Понимаете?

– Она не будет знать...

– Затем получите тысячу долларов... Джемсон просил передать вам их.

– Мне не надо.

Адвокат снова посмотрел на Чайкина, как на человека не в своем уме.

– Не надо? Значит, вы счастливейший в мире человек! –

насмешливо проговорил он, пряча банковый билет в карман. – Но, во всяком случае, я должен объявить вам, по поручению Джемсона, что эту тысячу вы можете получить, когда настолько поумнеете, что поймете, что деньги всегда нужны. А если вам понадобится и более, то Джемсон поручил выдать вам и больше. Обратитесь тогда ко мне. А

затем можете идти, Чайк... Хоть вы и задержали меня, но я не в претензии, что увидал человека, который отказывается от денег и спасает негодяя, который чуть было его не убил.

Мне Джемсон сообщил кое-что о вас! Прощайте, мистер

Чайк!

– Позвольте мне только адрес господина Джемсона: я хочу поблагодарить его, – попросил Чайкин.

– Вот!

Адвокат дал адрес, надавил пуговку на столе и, наскоро пожавши Чайкину руку, указал ему на двери в глубине кабинета, а сам торопливо подошел к двери, ведущей в приемную, и нетерпеливо крикнул:

– Номер одиннадцатый.

Чайкин из дверей вышел в какой-то коридорчик, который привел его в прихожую.

Там уже была горничная.

– Ну, что?.. Уладили ваше дело?

– Уладил. Получил место на ферме.

– Какое?

– Да простым работником... Какое же другое! – радостно проговорил Чайкин.

– Да вы не русский ли?.. мистер Чайк? – вдруг спросила молодая девушка.

– Я самый... А вы почему знаете?.. – удивился Чайкин.

– Да о вас за столом много говорил хозяин с женой... О

вас господин Джемсон писал... Очень вы курьезный человек, господин Чайк! – прибавила горничная, с насмешливым любопытством глядя на Чайкина.

– Прощайте, мисс... как вас прикажете называть?

– Мисс Плимсон...

– Прощайте, мисс Плимсон!

– Прощайте, мистер Чайк! Верно, еще придете к нам?

– Едва ли... Зачем?

– А получить деньги?

– И это знаете?

– Знаю! – со смехом проговорила молодая девушка. –

Горничные все знают! – лукаво прибавила она.

– Я денег получать не буду.

– Посылать будут?

– И посылать не будут.

– Вы, значит, и так богаты? – насмешливо спросила молодая девушка.

– Очень! – смеясь ответил Чайкин.

Мисс Плимсон соблаговолила протянуть Чайкину руку.

Он почтительно пожал ее и ушел, радостный и счастливый, что скоро будет на месте, которое ему так по душе и которого он так желал.

«Действительно, мне везет в Америке!» – подумал он, благодарно вспоминая капитана Блэка.

ГЛАВА III

После завтрака в одном из дешевых ресто-

ранов на набережной, посещаемых преимущественно матросами с многочисленных кораблей на рейде и в гавани, Чайкин и

Дунаев поджидали в первом часу дня на пристани земляков с «Проворного» и в то же время любовались входом на рейд русского корвета под адмиральским флагом.

Оба бывшие хорошие марсовые на военных судах, они не без удовлетворенного чувства видели, как хорошо был выправлен рангоут на «Илье Муромце» и как быстро спустили на нем все гребные суда вслед за отдачей якоря.

– Небось ловко стал наш конверт на якорь! – не без гордости воскликнул Дунаев.

– То-то, ловко! – с таким же чувством произнес и

Чайкин.

Глазела на русский корвет и собравшаяся на пристани толпа, среди которой преобладали синие рубахи и сбитые на затылки шапки военных и купеческих матросов всевозможных национальностей.

И в этой толпе похваливали корвет.

Наши земляки слышали, как англичане,

скупые на хвалу, одобряли выправку «Ильи Муромца», и им это было очень приятно.

– Небось теперь матросикам на «Проворном» легче станет жить! – заговорил Чайкин.

– По какой такой причине? – скептически спросил Дунаев.

– Вельботные вчера сказывали, что ждут нового начальника эскадры. Вот он и пришел.

– Ну так что ж? Что новый, что старый, все они, братец ты мой, одного шитья.

– Новый, слышно, добер и справедливый человек.

– Все они добры, только не к нашему брату! – сказал

Дунаев, не забывший прошлого. – Положим, я рад, что так вышло: по крайней мере здесь человеком стал! – прибавил он.

– Должна вскорости перемена выйти на счет матроса от царя. Он крестьян освободил... теперь и о матросиках вспомнил.

– Какая такая перемена?

– А чтобы не драть больше людей...

– Не драть? Откуда ты это слышал, Чайкин?

– Лейтенант Погожин насчет этого обска-
зывал старшему офицеру тогда в саду... Я слы-
шал, как он говорил:

«Теперича шабаш вашему безобразию... От
царя, мол, указ скоро такой выйдет... Матросу
права будут дадены!» –

уверенно говорил Чайкин.

– Дай-то бог! Давно пора...

– Господь умудрил, и пришла пора...

Прошел час, что наши приятели дожида-
лись на пристани, а баркас с «Проворного» не
шел.

– Видно, сегодня земляков не пустят на бе-
рег! – вымолвил Дунаев.

– Подождем еще... Может, и приедут.

– А вот и концырь наш... К адмиралу едет
являться!

И Дунаев указал на высокого пожилого
господина в форме, который сажился в шлюп-
ку.

– Он русский?

– Нет, из немцев...

– И по-русски не говорит?

– Говорит. Богат, сказывают...

– А вон и гичка с адмиральского корвета

отвалила.

Видно, сам адмирал на ней...

Щегольская адмиральская гичка скоро подошла к пристани. Вслед за ней пристал и консульский вельбот.

Из гички выскочил адмирал в статском платье и за ним его флаг-офицер. К ним присоединился консул.

Он предложил адмиралу свою роскошную коляску, но адмирал отказался и вместе со своим флаг-офицером сел в извозчичью.

– С носом оставил концыря! – заметил Дунаев смеясь.

– А лицо у адмирала доброе! – промолвил Чайкин.

– Очень даже приветное! – подтвердил и Дунаев. – И

гребцам отдал приказание, когда быть за ним, по-хорошему, не то что как другие... точно облаять хочет... Диковина! Вроде как был один командир у нас, редкостный командир... Ни разу не забижал... Недаром матросы его Голубем прозывали... Однако не было ему ходу по службе... В отставку вышел.

– Мне и Кирюшкин об одном таком сказывали.

вал...

– Кирюшкин? Иваныч? Пьяница?

– Он самый.

– Так мы с ним у самого этого Голубя на шкуне одно лето служили... Он, значит, про того же самого командира и говорил... Так Кирюшкин на «Проворном»... И цел еще... А я полагал, давно ему пропасть... Шибко записывал и до последней отчаянности...

– Он и теперь шибко пьет... с отчаянности... Но только добер сердцем... Меня пожалел тогда, как меня первый раз наказывали, просил унтерцеров, чтобы полегче... Его-то я и поджидаю... Хочется повидать его да поблагодарить...

– Добро-то помнишь?

– Как его не помнить!

– А редкий человек его помнит.

– Вот и баркас идет! – объявил Чайкин.

Баркас, полный людьми, показался из-за кормы корвета и медленно и тяжело подвигался на веслах к берегу.

– Закутят сегодня земляки! – усмехнулся Дунаев. –

Давно я российских матросиков не ви-

дал! – прибавил он радостно.

Оба беглеца не спускали глаз с баркаса.

Баркас уже был недалеко.

– А вон и боцман наш! – проговорил Чайкин.

– Ишь галдят землячки... Радые, что до берега добрались!..

Действительно, с баркаса слышались шумные разговоры и веселые восклицания.

Баркас между тем пристал. Дунаев и Чайкин подошли поближе к пристани.

Молодой мичман, приехавший с матросами, выскочил из баркаса и проговорил:

– Смотрите, ребята! к восьми часам будьте на пристани!

– Будем, ваше благородие! – дружно отвечали матросы и стали выходить, весело озираясь по сторонам.

Чайкин видел, как впереди прошли боцманы, два унтер-офицера и подшкипер, как затем, разбившись по кучкам, проходили матросы, направляясь в салуны, и увидел, наконец, Кирюшкина, отставшего от других и озиравшего своими темными глазами толпу зевак, стоявшую на набережной у пристани.

– Он самый, Кирюшкин и есть! – весело проговорил

Дунаев, узнавший старого сослуживца.

– Иваныч! – окликнул старого матроса Чайкин.

Кирюшкин повернул голову и сделал несколько шагов в ту сторону, откуда раздался голос.

И хоть Чайкин и Дунаев были в нескольких шагах от него, он их не признал.

– Иваныч! – повторил Чайкин, приближаясь к Кирюшкину.

– Вась... это ты?

Суровое испитое лицо старого матроса озарилось нежной, радостной улыбкой, и он порывисто протянул свою жилистую, шершавую и просмоленную руку.

– И какой же ты, Вась, молодец стал... И щуплости в тебе меньше... Небось хорошо тебе здесь?.

– Хорошо, Иваныч...

– Лучше, братец ты мой, вашего! – промолвил Дунаев смеясь. – А меня не признал, Иваныч?

– То-то, нет...

– А Дунаева помнишь на шкуне «Дротик».
У Голубя вместе служили...

– Как не помнить! Только тебя не признал.
И ты в мериканцах?

– И я... Пять лет здесь живу...

Они все трое пошли в один из кабачков по-
дальше, где не было никого из русских матро-
сов.

– Так-то верней будет, – заметил Дунаев, –
небось не узнают, что ты с беглыми!

– А мне начхать!.. Я было за Чайкина боял-
ся, как бы его не сволокли на клипер... Буль-
дога грозилась... Но такого закон-положения
нет, чтобы можно было взять? Ведь нет, Вась?

– То-то, нет! – отвечал Чайкин.

Дунаев приказал бою подать два стаканчи-
ка рома и бутылку пива для Чайкина.

– И вовсе он без рук остался, Вась... Его с
клипера убирают... И Долговязого вон! Новый
адмирал обоих их увольтнил... Прослышал,
верно, каковы идолы! И у нас на

«Проворном» как узнали об этом, так кре-
ститься стали...

Освобонили нас от двух разбойников... Та-
ких других и не сыщешь... Теперь, бог даст,

вздохнем! А тебя, Вась, Долговязый приказал было унтерцерам силком взять... Да как капитан побывал с лепортом у адмирала, так приказ отменил... «Не трожьте, мол, его». Да они и так бы не пошли на такое дело... Никто бы не пошел, чтобы Искаротской

Иудой быть... Будь здоров, Вась! Будь здоров, Дунаев!

И с этими словами Кирюшкин опрокинул в горло стаканчик рома.

Проглотил стаканчик и Дунаев, отхлебнул пива из стакана и Чайкин.

Дунаев велел подать еще два стаканчика.

– Теперь форменная разборка над собаками пойдет! –

продолжал Кирюшкин.

– Судить будут?

– Вроде бытто суда. Потребуют у них ответа... И как дадут они на все ответ на бумаге, гайда, голубчики, в Россию... Там, мол, ждите, какая выйdet лезорюция.

– Увольнят, верно, в отставку! – заметил Дунаев.

– То-то, другого закон-положения нет.

Снова Кирюшкин выпил с Дунаевым по

стаканчику.

– Скусный здесь ром, братцы! – промолвил, вытирая усы, Кирюшкин. – Помнишь, Вась, в прошлом году вместе съезжали?

– Как не помнить... Вовек не забуду.

– Так из-за этого самого рому я все пропил...

– А ты бы полегче, Иваныч! – участливо заметил Чайкин.

– По-прежнему жалеешь?. Ах ты, божья душа! – необыкновенно нежно проговорил Кирюшкин. – Но только сегодня за меня не бойся... Явлюсь в своем виде назло

Долговязому...

Выпили Дунаев и Кирюшкин по третьему стаканчику, а после потребовали уже бутылку.

И с каждым стаканчиком Кирюшкин становился словоохотливее.

Он расспрашивал Чайкина о том, как он провел год, дивился его похождениям и радовался, что он живет хорошо.

Однако он в душе не одобрял поступка Чайкина и единственное извинение находил лишь в щуплости молодого матроса.

И когда тот окончил свой рассказ, Кирюшкин проговорил:

– Так-то оно так, Вась... Рад я, что ты живешь хорошо... и форсистым стал, вроде быт-то господина, и по-здешнему чешешь... и вольный ты человек... иди куда хочешь и работай какую работу хочешь. А все-таки отбиваться от своих не годится, братец ты мой... В какой империи родился, там и живи... худо ли, хорошо, а живи, где показано...

– Неправильно ты говоришь, Иваныч! – вступился Дунаев.

– Очень даже правильно... Положим, Чайкин был щуплый и пропал бы на флоте, и ему можно простить, что он в мериканцы пошел. Но ежели ты матрос здоровый, – ты не должен бежать от линьков в чужую сторону... Недаром говорится: «На чужбине – словно в домовине».

– Говорится и другое: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше».

– Да еще лучше ли здесь-то? Небось тоже люди живут...

– Люди, только поумнее... А что ж, по-твоему, у вас на

«Проворном» лучше? Так на нем и терпи?

– То-то, терпи... Как ни терпи, а ты все со своими российскими... Русским и останешься... А то что ты теперь? Какой нации стал человек?

– Американской! – не без гордости проговорил Дунаев.

– И ты, Вась, станешь мериканцем?

– Стану, Иваныч.

– Ну, вот видишь... мериканец! – не без презрения протянул Кирюшкин, имевший очень смутные понятия о странах, в которых бывал. – Какая такая сторона Америка?.. Какой здесь народ? Вовсе, можно сказать, оголтелый!

Всяких наций пособрались, и... здравствуйте! друг дружку не понимают... Здесь никакого порядка! Шлющий народ... – не без горячности говорил Кирюшкин, значительно возбужденный после пятого стаканчика рома.

– Здесь, может быть, больше порядка!.. – попробовал возразить Дунаев.

– По-ря-док!? Нечего сказать, порядок! – протянул

Кирюшкин. – Шляются, галдят на улице... и все неизвестно какого звания.

– Да полно вам спорить! – вступился Чайкин, видя, как горячился Кирюшкин, и хорошо понимавший, что его не разубедить.

– Мне что спорить... Я российский и российским и останусь. А тебя, Вась, мне жалко, что ты в мериканцы пошел. Не будь ты таким щуплым, я сказал бы тебе: возвращайся на «Проворный»... А тебе нельзя... И очень тебя жаль, потому... как ты жалостливый. И я за твое здоровье... выпью еще. Эй, бой черномазый! – крикнул Кирюшкин, обращаясь к негру.

– Будет, Иваныч.

– Один стаканчик, Вась... Дозволь...

– Право, не надо, Иваныч... Как бы тебя Долговязый опять не наказал, как вернешься.

– Я в своем виде. И я никого не боюсь. А я тебя очень даже люблю, матросик. Жалеешь ты старую пьяницу! А

ведь меня, братцы вы мои, не жалели! Никто не жалел

Кирюшкина. Поэтому, может, я и пьяница.

– А ты, Иваныч, брось.

– Бросить? Никак это невозможно, Вась.

– Я, Иваныч, бросил! – проговорил Дунаев. – Прежде здорово запивал, и бросил.

– Как мериканцем стал?

– Вначале и американцем пил! – засмеялся Дунаев.

– Почему же ты бросил?

– Чтобы при деле надлежаше быть.

– И я свое дело сполняю как следует. А ежели на берегу, то что мне и делать на берегу? Понял, Вась?

– Понял, Иваныч. А все-таки... уважь... не пей больше!

– Уважить?

– То-то, уважь...

– Тебя, Вась, уважу... Во как уважу... Изволь! Не буду больше, но только вы, братцы, меня караульте, пока я на ногах...

Чайкин предложил Кирюшкину погулять по городу.

– Ну его... Что там смотреть!

– В сад пойдем.

– Разве что в сад... Только пустое это дело!

Дунаев запротестовал: увидит какой-нибудь офицер, что Кирюшкин гуляет с ними,

его не похвалят.

И они все остались в кабаке.

Кирюшкин сдержал слово и больше не просил рома.

Через несколько часов он совсем отрезвел, и когда Чайкин и Дунаев, обещавшие к шести часам обедать со Старым

Биллем, поднялись, то Кирюшкин твердо держался на ногах.

– Ну, прощай, Иваныч! – дрогнувшим голосом проговорил Чайкин.

– Прощай, Вась! Дай тебе бог! – сказал Кирюшкин.

И что-то необыкновенно нежное и грустное светилось в его глазах.

– Не забывай Расеи, Вась!

– Не забуду, Иваныч...

– Может, бог даст, и вернешься потом?

– Вряд ли, Иваныч.

– А ежели манифест какой выйдет?

– Тогда приеду... Беспременно...

– То-то, приезжай.

– А ты, Иваныч, брось пить... Я любя... Выйдешь в отставку, что тогда?

– Что бог даст... Вот вернемся из дальней, –

сказывают, в бессрочный пустант.

– Куда ж ты пойдешь? В деревню?

– Отбился я, Вась, от земли, околачиваясь пятнадцать лет в матросах. Что я буду делать в деревне? В Кронштадте останусь... Прокормлюсь как-нибудь.

Прощаясь с Кирюшкиным, Дунаев полушутя сказал:

– А здесь бы ты, Иваныч, в поправку вошел... Оставайся... Я тебе место предоставлю...

– В мериканцы поступать?

– То-то, в мериканцы...

– Лучше последней собакой быть дома, чем в вашей

Америке... Оголтелая она... То ли дело Россия-матушка...

Прощайте, братцы! А я к своим пойду!

Они вышли вместе из салуна и разошлись в разные стороны.

ГЛАВА IV

1

Возвращаясь после свидания с Кирюшкиным в город, Дунаев сказал Чайкину:

– Совсем без понятиев этот Кирюшкин!
Как он насчет

Америки говорил!

– Откуда ему их взять. И напрасно ты только с ним спорил да сбивал его. Затосковал бы он здесь и вовсе пропал бы. Нешто легко от своей стороны отбиться?. Он ведь правильно говорил, что не хочет в американцы. Разве ты, Дунаев, проживши здесь пять лет, стал американцем?

Утенок между цыплятами все норовит к воде... Так и русскому человеку здесь: и сам себе господин, а душа все-таки болеть будет.

– Это, Чайкин, вначале только. И у меня болела.

– Небось и теперь когда болит... Скучаешь по России?

– Скучаю не скучаю, а не вернулся бы от хорошей жизни. Прежде и я, как Кирюшкин, этого не понимал.

– Я не про то. А душа все-таки тосковать будет. И никогда мы с тобой настоящими американцами не станем. И

мы им чужие, и они нам чужие. И не понять нам друг дружки... Они вот все больше о

том хлопочут, как бы богачами стать, у каждого одно это в уме. А насчет души и вовсе забывают и бедного человека считают вроде как бы несостоящего: пропадай, мол, пропадом... нет мне никакого дела. Совесть у них, знаешь, другая... У нас простые люди нищего пожалеют, а здесь обругают да насмеются... Разве ты этого не примечал?

– Это точно... Не любят здесь нищего человека... Говорят: «На то ты и человек, чтобы сам умел добиться своего положения, если руки есть!..» Ну и все стараются изо всех сил, чтобы быть при капитале... Рвут друг у дружки кусок...

– То-то я и говорю. И некогда им из-за этого самого вокруг себя взглянуть да подумать: правильно ли быть миллионщиком, когда другим нечего есть!

– Ну, это на всем свете так. И наши богачи не лучше.

– Положим, во всем свете по неправде живут. И наши миллионщики без всякой совести, но только здесь и простой человек хочет быть миллионщиком...

– Нашему и думать об этом нельзя. Ему

только бы прокормиться... До таких дум простому нашему человеку и не добраться...

– Верно. Но все-таки наш простой жалостливей здешних. Они продолжали дорогой беседу, в которой Чайкин старался уяснить и товарищу и себе тот идеал правды, какой как-то стихийно требовало его сердце, и, не имея никаких представлений о том, что над этой «правдой» давно задумываются и работают великие мыслители, с наивною верой строил наивные планы насчет того времени, когда все будут жить по правде и когда не будет ни очень богатых, ни очень бедных.

И ему казалось, что это так просто осуществить!

Разговаривая на такие философские темы, они ровно в шесть часов вошли в хороший ресторан, в котором был назначен общий обед, и застали там Старого Билля.

Он был сегодня почти неузнаваемым, в черном сюртуке, с белоснежными воротниками и манжетами сорочки, в блестящих ботинках, с расчесанной бородой и гладко причесанными волосами, с чисто вымытыми руками, праздничный и нарядный.

Казалось, это был совсем не тот Старый Билль, в потертой кожаной куртке, с трубкой в зубах сидевший на козлах и лаконически беседовавший с лошадьми и готовый во всякое время пустить пулю в лоб агента, – а джентльмен, видом своим похожий не то на доктора, не то на пастора.

И Чайкину вдруг показалось, что Старый Билль словно бы значительно потерял в своем новом костюме, будто он другой стал, не прежний, простой, обходительный и добрый к нему и Дунаеву Старый Билль.

– Чего вытаращили глаза, Чайк? Думали, что Старый

Билль не умеет джентльменом одеться? – смеясь, говорил

Старый Билль, крепко пожимая руку Чайкина. – Положим, я чувствую себя в этом платье, как буйвол в конюшне, но надо было приодеться: в гостях у одной леди был. Здорово, Дун! – продолжал он, протягивая руку Дунаеву. – Женитесь-таки?

– Женюсь, Билль.

– А ваши дела как, Чайк?

– Хороши, Билль. Завтра еду на ферму.

– Ну, садитесь, джентльмены, будьте моими гостями.

Аккуратны вы: ровно в шесть пришли. Я люблю аккуратных людей.

Они уселись втроем за отдельный столик. На нем стояла бутылка хереса.

Негр подошел к Биллю.

– Три обеда и потом кофе и графинчик коньяку, а вот для этого джентльмена рюмку ликера. Поняли, Сам?

– Понял, сэр.

– Так обрабатывайте ваше дело, дружище, а мы свое будем обрабатывать – есть все, что вы нам дадите. Порядились, Чайк? – обратился Билль к Чайкину.

– Нет, на месте договорюсь.

– Далеко ехать? Куда поступаете?

– Близко от Сан-Франциско.

И Чайкин назвал ферму и фамилию владелицы.

– Знаю. В двух милях от большой дороги. Чудесная ферма. И сад и лес есть. Как раз чего вы хотели, Чайк... И

будущая хозяйка ваша отличная женщина... А вы все-таки маху не давайте, Чайк... Не

продешевите.

– Я цен не знаю... Что положат. Увидят ра-
боту, тогда и цену назначат.

– Не будьте простофилей, Чайк, а то вам
назначат цену жидкую... Хорошему годовому
рабочему в этих местах цена от трехсот до че-
тырехсот долларов на всем на готовом... За-
помните это, Чайк!

– Запомню.

– Да позвольте вам налить рюмку хересу и
Дуну также... Да кушайте хорошенько! – уго-
щал Билль, весело поглядывая на Чайкина. –
А это вы хорошо делаете, что на ферму посту-
паете... Лучше, чем в городе, хотя бы и таком,
как Фриски... Я помню, как тут несколько ла-
чуг было, и давно ли... лет пятнадцать тому
назад... А теперь?

И Старый Билль не без гордости взглянул в
окно.

– Каковы янки! – хвастливо прибавил он.

– Скорый народ! – похвалил Дунаев.

– Именно скорый. Это вы верно сказали,
Дун. Наливайте себе хересу еще... Бутылка
полна. И вторая будет...

Как вам нравится рыба, Чайк?.. Здесь не то,

что в дилижансе... Не трясет, и старая ветчина не вязнет в зубах...

Так у вас верное письмо, Чайк? – заботливо спрашивал

Старый Билль, видимо принимавший горячее участие в молодом эмигранте.

– Должно быть, верное.

– От кого?

Чайк назвал фамилию адвоката.

– Ого, к какому вы козырю добрались! Первый адвокат во Фриски. Около миллиона стоит!

– То-то, за совет, сказывали, по пятидесяти долларов берет.

– С вас взял?

– С меня за что? Я к нему с письмом от Блэка пришел. А

он с других за пять минут разговора берет...

– Такая у него такса, Чайк.

– Бессовестная такса, Билль.

– Отчего бессовестная? Его дело объявить, а публике –

ходить или не ходить. Обмана нет!

Чайкин чувствовал в этих словах что-то

неправильное, но смолчал, так как доказать, что именно в этой якобы свободе предложения и спроса есть насилие над публикой и неумеренное пользование своим талантом и именем – он, разумеется, не мог бы. Однако, подумавши, заметил:

– Обмана нет, да и совести мало...

– У всякого своя совесть, – вымолвил

Билль.

– И зачем ему столько денег?

– А вы, Чайк, у него бы спросили...

– Он и говорить не дает.

И Чайкин рассказал про свой визит к адвокату.

Билль слушал и смеялся.

– За ваше здоровье, Чайк... За ваше здоровье, Дун!..

Желаю вам, Дун, чтоб и мяса много продавали и чтобы ваша жена была вам настоящей помощницей... Деньги ваши, надеюсь, при ней целей будут...

– Уж я отдал ей спрятать!

– Ловко! И без расписки?

– Какая расписка от невесты...

– И вы, Дун, я вам скажу, за пять лет не

многому научились.

– А что?

– Да то, что ваша невеста может найти и другого жениха, который захочет открыть, скажем, москательную торговлю. Очень желаю, чтобы этого не случилось, но только я никому не отдал бы без расписки деньги... Вот только, пожалуй, Чайку бы дал... Он не любит денег, особенно если их много! – смеясь говорил Старый Билль.

Дунаев испуганно и растерянно смотрел на Билля.

– Да вы, Дун, не пугайтесь заранее... Женщины трусливый народ...

– Моя невеста, Билль, честная девушка! – взволнованно проговорил Дунаев.

Но в его душу уже закралось сомнение. Он, как нарочно, вспомнил о том, как настойчиво требовала его невеста деньги и как, казалось ему теперь, была холодна вчера при прощании.

И, желая подавить эти сомнения и уверить себя и Билля, что он не попадетя впросак, он хвастливо проговорил:

– Меня женщина не обманет, Билль. Не та-

КОВСКИЙ Я!

И, словно бы в доказательство, что он не таковский, Дунаев налил себе рюмку и выпил ее залпом.

– Не хвалитесь, Дун. И бросьте об этом думать, а женитесь скорее... Я ведь так... по-стариковски болтаю... А

вы и поверили! – старался успокоить Дунаева Билль.

И действительно, добродушный и не особенно сообразительный Дунаев успокоился, однако проговорил:

– Моя невеста, Билль, не такая, чтобы прикарманить деньги... И завтра же я их от нее отберу!. Надо за лавку платить. Так и скажу...

– Ну, значит, и делу конец... Так вы завтра едете, Чайк?

– Завтра... Что здесь делать?..

– Правильно. И я терпеть не могу города. На большой дороге, на козлах я чувствую себя лучше... Ну, да и то...

города-то мне молодость-то попачкали... От этого, верно, я люблю так свой дилижанс... А то ехали бы, Чайк, послезавтра со мной... Я вас до перекрестка доведу, а там пешком пой-

дете...

– Ждут меня, Билль. Надо спешить.

– Так вы, значит, на пароходе, который в Сакраменто ходит, можете ехать.

И Билль объяснил, что ежедневно в семь часов утра и в семь часов вечера в Сакраменто ходит пароход.

После обеда сотрапезники вышли на террасу, выходящую в сад, и им подали туда кофе, коньяк и ликер для

Чайкина.

Все были в благодушном болтливом настроении хорошо пообедавших и слегка выпивших людей.

Даже Чайкин выпил две рюмки хереса и с удовольствием потягивал Кюрасао.

Они вспоминали путешествие с Биллем, и Чайкин, между прочим, спросил Билля, что он думает о недавнем убийстве среди белого дня бывшего их спутника, агента большой дороги, – кто его убил?

– По-моему, его должен был убить Дэк! – проговорил

Старый Билль и, помолчав, прибавил: – И хорошо сделал...

Не стройте кислой рожи, Чайк. Очень хорошо сделал...

Такому человеку не для чего жить. Все равно, рано или поздно, он был бы повешен. Годом раньше или позже, не все ли равно?

– Дэк ко мне заходил! – промолвил Чайкин.

– Заходил?.. Ну, так это, наверное, он прикончил бывшего товарища. Дэк – порядочный человек. Но как он узнал ваш адрес, Чайк?

– Я его встретил на улице и сообщил ему. Едва узнал его – такой фронт. И бороду сбрил! – рассказывал Дунаев.

– Ловко! Разумеется, он! – уверенно проговорил Билль.

– Зачем же он к вам заходил, Чайк?

– Я не видел его. Меня не было дома. Велел передать поклон и сказал, что будет опять.

– Ну, наверное он...

В эту самую минуту на террасу вошел Дэк. Безукоризненно одетый, с брильянтом на мизинце, элегантный и красивый, он озирали публику и, увидевши Билля и двух русских, подошел к ним.

Билль и Чайкин не узнали в этом франто-

ватом джентльмене бывшего агента.

Только Дунаев признал его и пожал ему руку.

– Не узнали, Билль и Чайк, своего спутника? – проговорил он.

– Легки на помине, Дэк! Только что о вас говорили! –

сказал Билль, оглядывая Дэка и пожимая ему руку.

– Здравствуйте, Чайк. Очень рад вас видеть... здоровыми, – подчеркнул он. – Позвольте присесть?

– Пожалуйста! – сказал Билль. – А вас и не узнать!

– Не узнать?.. Новый костюм...

– И бороды нет! – смеясь заметил Билль.

– Надоело носить бороду... Я и сбрил.

– И умно сделали, Дэк.

– Вы находите, Билль?. Без бороды я выгляжу, должно быть, моложавее? – ответил, хитро улыбаясь, Дэк.

– Именно, Дэк... Совсем юнцом из богатой семьи...

– Вроде этого я и есть... Будьте уверены, все это платье приобретено на хорошие деньги!

Спасибо Чайку!. Благодаря ему я помирился с теткой и получил от нее чек на пять тысяч. Позвольте, Чайк, выпить за ваше здоровье... И за ваше, Дун! И за ваше, Билль, хотя вы меня и хотели...

вздернуть! – последнее слово проговорил он шепотом.

– Я охотно чокнусь с вами, Дэк! – сказал Билль.

– И я!

– И я!

Оба русских ответили в один голос.

– Так, с вашего позволения, я прикажу подать бутылку шампанского. Эй, бой! Бутылку шампанского, да самого лучшего, и льду...

Чайкин глядел во все глаза на уверенные и мягкие манеры того, кто называл себя Дэком, на его лицо, необыкновенно красивое, изящное и, казалось, совершенно спокойное, и решительно гнал от себя мысль, что этот человек только что убил другого человека.

А он между тем говорил:

– А я у вас, Чайк, второй раз был и не застал дома. Мне хотелось предложить вам свои услуги относительно места и еще раз по-

благодарить... вы знаете за что...

– Благодарю вас, Дэк... У меня место есть...

– Но, во всяком случае, не забывайте, что я всегда к вашим услугам, Чайк, если только вы захотите принять их от меня.

– С удовольствием бы принял.

– Я так и думал, Чайк, и потому обрадовался, когда встретил Дуна и узнал ваш адрес. И теперь я на станции дилижансов узнал, что Билль здесь, и пришел сюда...

– И я очень рад вас видеть, Дэк...

– Называйте меня, джентльмены, моим настоящим именем: Макдональдом. Я хочу жить без псевдонимов...

Оно спокойнее.

Билль и Дунаев не обратили на это никакого внимания, как на вещь самую обыкновенную, но Чайкина это поразило.

«И капитан Блэк назывался не своим именем!» – подумал он.

В это время на террасу вошли две красиво одетые дамы с почтенным старым господином.

Макдональд встал и раскланялся с ними.

И Билль, и Дунаев, и Чайкин видели, как

любезно они его приветствовали, и слышали, как дамы и господин спрашивали:

– Давно ли вы вернулись из-за границы, мистер Макдональд?

– Сегодня утром, – отвечал молодой человек.

– Ловок Макдональд! – шепнул Билль. – Вы знаете, джентльмены, с кем он разговаривает?

– С кем? – спросил Чайкин.

– С начальником полиции во Фриско.

– Так что же?

– Смело очень...

– Почему?

– Да если убийство в Сакраменто его дело...

Но оказывается, что он был за границей! – с улыбкой прошептал

Билль. – Хорошо он прячет концы!..

Чайкин совсем ошалел.

Давно ли он видел этого самого Дэка-Макдональда связанным, мужественно ожидающим смерти, давно ли подозревал его в убийстве – и этот самый человек как ни в чем не бывало разговаривает с важными барынями и с начальником полиции.

Это казалось ему чем-то невероятным.

И, вспомнив, что он заходил к нему, чтобы сказать спасибо, вспомнив, что он предупредил Билля о заговоре и для этого гнался за дилижансом, вспомнив, как заговорила в нем совесть, когда он, Чайкин, говорил тогда на суде

Линча свою речь, он не хотел теперь и думать, что Макдональд мог убить человека.

А между тем он врет своим знакомым насчет «заграницы».

Чайкин не знал, что и думать, и мысленно решил, что

Америка диковинная страна.

Между тем Макдональд вернулся, разлил по бокалам шампанское и, вставая, произнес:

– За встречу с вами, Чайк! За таких глупых чудаков, как вы, Чайк! За такого покровителя путешественников, как вы, Старый Билль! За такого ловкого игрока, как вы, Дун!

Ваше здоровье, джентльмены! – провозгласил дрогнувшим голосом Макдональд.

– За вашу новую жизнь, Макдональд! – тихо ответил

Билль.

– Всего хорошего! – воскликнул Дунаев.

– Дай вам бог счастья, Макдональд! – горячо проговорил Чайкин.

Все чокались с ним и пожимали ему руки.

Несколько взволнован был и Макдональд, хотя и старался скрыть свое волнение под личиною спокойствия, но, помимо его воли, волнение сказывалось в румянце и в сокращении мускулов на лице.

– Да, Макдональд... и я прежде перешел через это! –

значительно проговорил Билль. – Я им рассказывал дорогой, какова была моя молодость... Может, и вы слышали, когда были Дэком?

– Слышал, Билль...

– Ну вот... А теперь я всем гляжу в глаза, Макдональд... И знаете что?.. Я выпил лишнее, и потому скажу, что я был слепой дурак, когда хотел вас вздернуть... Спасибо вот этому простофиле Чайку... Он оказался, простофиля-то, прозорливей Старого Билля... и вы, Макдональд, честно оплатили нам... как джентльмен... Не предупреди вы нас... не сидеть бы нам тут с вами... Мы видели этих мо-

лодцов в Сакраменто...

– Видели?

– Да... Только вашего товарища не вида-
ли... И уж никогда не увидим... Верно, вы,
Макдональд, читали в газетах?

– Как же, читал, Билль!

Чайкину показалось, что при этих словах
точно судорога пробежала по лицу Макдо-
нальда. Чайкин во все глаза смотрел на него,
и сердце его замирало.

– Кто бы его ни уложил, а он стоит того...

– Вы думаете, Билль?

– Думаю и не обвиню того, кто его уло-
жил...

– Очень рад это слышать, Билль... Тем бо-
лее рад, что я слышал кое-что об этом дель-
це...

– Что же вы слышали, Макдональд?

– Слышал я, – совсем понизивши голос, го-
ворил молодой человек, – что бывший мой
товарищ в гостинице подкрался ночью к од-
ному спящему джентльмену (я не стану назы-
вать его имени), которого считал виновни-
ком в том, что не удалось покушение на вас, и
выстрелил... Однако рука его, видно, дрогну-

ла... Джентльмен проснулся и увидел негодяя и на следующее утро отплатил ему выстрелом за выстрел ночью... Вот что я слышал, джентльмены... А затем позвольте проститься... Я к восьми часам зван на обед к одному банкиру...

И с этими словами Макдональд пожал всем руки.

Пожимая руку побледневшему и взволнованному

Чайку, он проговорил:

– Вы так не поступили бы, Чайк, я знаю, но Билль поступил бы так с предателем... Не правда ли, Билль?.

– Правда, Макдональд. Тот джентльмен поступил вполне правильно. Будьте счастливы!

– Так помните же, Чайк, что я всегда к вашим услугам.

Вот моя карточка.

Дэк подал Чайкину карточку, еще раз пожал ему руку и ушел.

Скоро после его ухода поднялась вся компания и вышла на улицу. Все дошли до конторы дилижансов, и Билль распрощился со своими бывшими пассажирами, напомнив им,

что через месяц он снова придет во Фриски и будет рад увидеть Чайку и Дуна.

После этого Дунаев пошел повидать свою невесту, а

Чайкин отправился домой.

2

Не прошло и часу, как в комнату ворвался Дунаев, бледный, взволнованный, с искаженным злобой лицом.

– Билль верно напрогночил: она убежала и увезла мои деньги! – крикнул он голосом, полным отчаяния.

Чайкин в первое мгновение не хотел верить.

– Не может быть! – воскликнул он.

– Убежала... Сегодня утром... Какова тварь!.. А еще вчера насчет лавки толковали... как вдвоем будем торговать... А я, дурак, верил... Все деньги отдал ей... Оставил себе только пятьдесят долларов... И как мог я думать, что невеста поступит, как последний мазурик. Женщина – и вдруг... такая бесовская...

И Дунаев пустил по адресу своей невесты

несколько чересчур энергичных проклятий, напомнивших Чайкину палубу «Проворного».

– Деньги что... Веру в человека потерять жалко! –

промолвил Чайкин.

– Как что? Пять тысяч... Кровные... Горбом заработал!.. И провела, как последнего дурака!

– А ты привержен был к ней, если жениться хотел?.

– Особой приверженности не было, а нравилась... Тоже прикинулась, что и я ей по сердцу... И этак обмануть!..

Теперь ищи ее по всей Америке... Так хотя бы и нашел...

разве она отдаст деньги?.

– Да ты, Дунаев, толком расскажи, почему ты думаешь, что она скрылась... Может, завтра она и объявится! – попробовал утешить Дунаева Чайкин, несколько удивленный, что товарищ его, по-видимому, не столько жалеет о потере невесты, сколько о потере денег, и что его как будто не особенно мучит разочарование в женщине, на которой хотел жениться.

– Как же, объявится! – злобно проговорил Дунаев, и его обыкновенно добродушное лицо дышало ненавистью. – Ты только послушай, как это она всю эту каверзу со мной произвела. Все это, оказывается, было раньше задумано...

И при мысли, что он вполне доверялся невесте, отдал ей все деньги, Дунаев, чтобы облегчить душившую его злобу, опять выругался, как настоящий фор-марсовой, словно пятилетнее пребывание в Америке не оказало никакого влияния на привычку русского матроса выражать чуть ли не все свои чувства ругательствами.

И, словно бы несколько успокоившись после фонтана брани, выпущенной им по адресу Клары, он присел на кровать и, закуривши дешевую манилку, продолжал:

– Уж и тогда, за обедом, когда Билль ругал меня, что я отдал деньги без всякой расписки, я, признаться, вошел в сумление...

– Почему?

– А потому, что, как явился я к ней, она все спрашивала, сколько у меня денег, и стала требовать, чтобы я их отдал ей спрятать:

«У меня, говорит, сохранней будут, а то вы, говорит, хвастать опять будете деньгами». Ну, я, известно, без всякой дурной мысли и отдал... А как Билль закаркал, я и припомнил, как она деньги на сохранность просила... Однако вскоре успокоился... Думаю: нельзя такой гадости сделать, ежели ты уверяешь человека в своей приверженности.

– А она уверяла?

– Еще как!.. В этом самом и была мне, дураку, крышка... Я уши и развесил... верил всему, что она мне врала...

– Как же не верить? И ты вовсе не дурак, Дунаев, что верил...

– Теперь уж шабаш... Никому не поверю... Совсем мериканцем стану!

– Это ты с сердцов зря говоришь, Дунаев. Ежели никому не верить, то жить на свете никак невозможно...

Зверь и тот доверяет...

Но Дунаев пропустил мимо ушей замечание Чайкина и продолжал:

– Как проводили мы давеча Билля, опять меня сумление взяло, и я заторопился в гостиницу, где эта самая дрянь в горничных... При-

хожу – и по черному ходу бегом наверх, в пятый этаж... Она в седьмом коридоре служила вместе с другой и жила вместе с ней в комнатке под самой крышей... Встретил я эту товарку в коридоре и спрашиваю:

«Дома мисс Клэр?» Вижу – смотрит мне в глаза и смеется.

Сердце во мне и екнуло. «Дома, говорит, нет. Она сегодня утром расчет получила и уехала...» – «Куда?» – спрашиваю и чувствую, значит, что дело неладное... В это время из номера чокнул звонок, и горничная собралась идти и сказала: «Сию минуту вернусь. Дежурство мое кончается...

Пойдемте ко мне в комнату, я все объясню, потому, говорит, что жалко мне вас, Дун».

– Пожалела! – заметил Чайкин.

– Больше из любопытства, надо полагать! Шустрая и вертлявая такая эта горничная, Дженой ее звать. Всякого тоже проведет! – озлобленно говорил Дунаев, не веривший после обмана невесты в искренность сочувствия ее товарки.

– Не все же обманные! – сказал Чайкин.

– Все одного шитья! – мрачно отрезал Ду-

наев.

– Это ты, братец, опять зря говоришь...

И Чайкин невольно вспомнил о Ревекке.

– Обобрали бы тебя на пять тысяч, небось и ты по-иному бы заговорил... Теперь шабаш... Не женюсь на мериканке никогда! – вдруг прибавил Дунаев с решительным видом добродушного человека, находящегося под впечатлением обрушившейся на него беды.

«Женится!» – почему-то подумал Чайкин, вполне уверенный, что озлобление Дунаева пройдет и что он снова станет тем простым, добрым и доверчивым человеком, каким его считал Чайкин, умевший понимать людей.

– Так что же тебе обсказала горничная? – спросил он.

– «Ваша, говорит, невеста приказала передать вам, Дун, что она раздумала выходить замуж и берет свое слово назад... Так, говорит, и велела сказать и просила вас не сердиться... Она, видите ли, боится, что вы, Дун, пьете много виски, а Клара член Общества трезвости и сама не берет ни капельки в рот вина... Но все-таки мне, – это Джен обсказывала, – очень жаль, что моя товарка водила вас

за нос... Я, говорит, так бы не поступила... Придется, говорит, вам мясную лавку открыть холостым, если только вы не найдете девушки, которая не такая обманщица, как

Клара. И я уж вам, говорит, всю правду, Дун, скажу. Она вас вовсе не любила, а только льстилась на то, что будет лавочницей... И ее, говорит, без вас навещал один приказчик из фруктового магазина и очень ей нравился... И

она говорила, что он не пьет и гораздо красивее и моложе вас... „Этот, говорит, русский совсем неотесанный, и ему за сорок лет, и нос у него красный, и глаза, говорит, телячьи“... Но я заступалась за вас, Дун. По мне, вы были бы мужем, лучше которого и не надо!» Это она, чтоб меня обнадежить, прибавила... потому видела мою расстройку.

Дунаев сердито сплюнул и продолжал:

– Как прострекотала она свое, я и спрашиваю: «А

деньги мои где? Она их оставила?» – «Какие деньги?» –

спрашивает и выпялила глаза.

– Я сказал ей насчет пяти тысяч, как это отдал ей спрятать для сохранности.

– Что же она? – нетерпеливо спросил Чайкин.

– Сперва очень бранила Клару, а потом смеялась...

– Чему?

– А моей глупости. И прямо-таки в лицо назвала меня болваном и спросила: «Так-таки все деньги и отдали?» –

«Все», – говорю. «И у вас ничего нет?» – «Ничего!» –

«Дурак вы и есть, Дун, и Клара вас ловко надула... Положим, говорит, нехорошо, а ловко!» И тут же объяснила, что

Кларка, значит, всю эту музыку задумала давно, так как еще до моего приезда предупредила хозяев, чтоб ее рассчитали, и, как я отдал ей деньги, она в ночь собралась и уехала.

– Куда ж она уехала? – спросил Чайкин.

– В Нью-Йорк. На пароходе сегодня утром... с моими денежками. Так и рассыльный, что у гостиницы стоит, мне объяснил. Он и вещи ее возил на пароход и видел, как она уехала. Ну, я из гостиницы в отчаянности побежал в участок...

– И что же?

– Как рассказал я в чем дело, – смеются как оглашенные.

– Чему?

– Да все тому же! – раздраженно крикнул Дунаев.

– А вернуть денег нельзя?

– Затем я и ходил... Но только в участке ничего не вышло. «Какие, говорят, доказательства, что вы, как настоящий джентльмен, не сделали вашей невесте свадебного подарка?» И три полицейских покатывались от смеха. «А

судом, спрашиваю, разве нельзя?» – «Если, говорит, хотите отсидеть три года в тюрьме за клевету, то, разумеется, можно!» И опять хохочут. А один спрашивает: «Вы, конечно, русский?» – «Русский!» – «Ну, так я и знал!» – говорит. «Почему? – спрашиваю: – Разве русские в чем-нибудь дурном замечены? Или вы полагаете, что я облыжно показываю?» – «Напротив, говорит, вполне верим, что не облыжно, потому что никто другой, кроме русского, не пришел бы сюда признаваться в такой глупости, какую сделали вы». И снова заливаются

ся... Оттуда я как ошпаренный прибежал сюда! – заключил свой рассказ

Дунаев.

И он неожиданно хватил себя кулаком по лбу и воскликнул:

– И поделом тебе, дураку! Тоже жениться вздумал!

Вперед наука!

– Чем же ты теперь займешься?

– Известно, чем. Опять в возчики пойду. Тут есть контора. Меня знают и опять капитаном возьмут.

– Может, тебе денег нужно, так возьми! – предложил

Чайкин.

– Не нужно мне денег... У меня есть пятьдесят долларов. Хорошо, что еще и эти не отобрала!

И с этими словами Дунаев стал раздеваться, чтобы лечь спать.

– А ты, Чайкин, когда едешь? – спросил он, уже лежа под одеялом.

– Завтра с вечерним пароходом.

– А ты хотел с утренним?

– Надо у Абрамсона побывать...

– Охота к нему ходить... Он тебя, жид, обманно хотел на судно определить, а ты с ним связываешься... Нешто хорошим он ремеслом занимается?. Сманивать матроса, давать сонную водку да вроде как продавать его на купеческие корабли.

– Он теперь не дает сонной водки.

– Все равно... низким делом занимается... Лучше не ходи... Еще как бы не усыпил тебя да не обобрал дочиста.

Чайкин, разумеется, не сказал, что дал Абрамсону на торговлю его ваксой денег и что, кроме того, дал денег на отправку Ревекки за город, и проговорил:

– Тоже, если разобрать по-настоящему, то и Абрамсона нельзя вовсе осудить...

– Это жидюгу-то?

– А разве жид не такой же человек? У бога, брат, все равны...

– Христа-то жид продал!

– Один Иуда не пример... И христиане бога продают, живя не по совести... А если Абрамсон и занимался нехорошим делом, так от нужды... Надо прокормиться с семьей...

– Ну, ты всякого разбойника готов оправ-

дать... С тобой не сговоришь... По-твоему, может оказаться, что и эта воровка Клара не виновата?

– Виновата, но только...

– Что? – нетерпеливо перебил Дунаев.

– Но только надо разобраться, по каким таким причинам она потеряла совесть... Может, и были причины, что она на обман такой пошла...

– Скверная баба – вот и причина... Попадись она мне когда-нибудь! Я ее!

– Бабу-то!

– А хоть бы и бабу! Не посмотрю, что бабу в Америке очень почитают. Оттаскаю в лучшем виде; пусть даже за это в тюрьме отсижу.

– Не оттаскаешь!

– Попадись только...

– В тебе сердце оказывает, Дунаев. Отойдет, и ты не только не оттаскаешь, а простишь эту самую Клару!

– Это за пять тысяч долларов? И чтобы прости!? Довольно даже глуп ты, Чайкин... Лучше спать, чем слушать твои несуразные слова...

И Дунаев смолк.

Скоро улегся и Чайкин, но долго не мог заснуть.

И встреча с Кирюшкиным, и приятная весть о том, что

Бульдог и Долговязый не будут больше терзать матросов, и полупризнание Макдональда-Дэка в том, что он убил бывшего своего товарища, и одобрение этого убийства

Старым Биллем, и, наконец, обман молодой девушки – все это произвело сильное впечатление на его чуткую, впечатлительную натуру; и все это невольно возбуждало работу мысли этого искателя правды.

И он с каким-то мучительным беспокойством раздумывал об этих людях, стараясь объяснить себе их поступки, и чувствовал, что и убийце Макдональду в его сердце не только нашлось оправдание, но что этот убийца возбуждает в нем симпатию.

Только Бульдогу и Долговязому он никак не мог найти оправдания, но, однако, решил, что и их когда-нибудь совесть зазрит и они поймут, как они жили нехорошо.

«Время только им не пришло! А придет!» – решил он.

ГЛАВА V

1

Дунаев проснулся не таким сердитым, каким был вчера.

Как ни тяжела была для него потеря долгим трудом нажитых денег, но недаром же он пять лет жил в Америке и знал, что и потери колоссальных состояний не обескураживают американцев и они не падают духом и начинают снова.

И Дунаев, настолько обамериканившийся, чтобы понять бесплодность сетований о том, чего уж не вернешь, и слышавший от одного возчика немца, как тот часто повторял немецкую поговорку: «Деньги потерять – ничего не потерять, а дух потерять – все потерять», – уже спокойнее взглянул своей беде в глаза.

Вдобавок и прирожденное его добродушие в значительной степени помогло ему.

И он решил вновь нажить упорным, неустанным трудом пять тысяч, а то и больше, если подвернутся хорошие дела, и от-

крыть мясную лавку.

«Руки, слава тебе господи, сильные, и здоровьем господь не обидел!» – думал Дунаев.

Он как-то особенно усердно помолился сегодня и, помывшись и одевшись, подошел к Чайкину и сказал уже повеселевшим и ласковым тоном:

– За ночь-то я отдумался, Вась.

– А что?

– Беду-то свою развел... Бог наказал, бог и наградит.

– Это правильно.

– Небось руки есть... Опять наживу денег. А на те пять тысяч наплевать. Будто их не было! Верно, что ли, Вась?

– Еще бы не верно! – обрадованно ответил Чайкин. –

Деньги – дело наживное.

– Сделаюсь опять капитаном. Платят капитанам хорошо.

– Хорошо?

– Очень даже.

– А например?

– Да за каждую проводку обоза пятьсот долларов можно получить.

– Отчего так много?

– Опасное дело... Сам видел, каково ездить по большой дороге. Всего бойся – и агентов и этих самых индейцев.

Выйдут, как они говорят, на боевую тропу, ну и береги свою голову. Вот за эту самую опаску и платят хорошо. Да ежели все благополучно доставить, то и награду дадут... И ежели ты не гулящий человек, то деньги нажить можно...

– И быть убитым можно?

– Это что и говорить...

– И человека убить легко?

– И это верно... Он в тебя палит, и ты в него. Бывал я с индейцами в перестрелке.

– Так отчего ты по какой другой части не займешься, Дунаев? – спросил Чайкин.

– Не могу.

– Отчего?

– Привык к своей должности.

– И не боишься?

– Чего?

– Что тебя укокошат.

– Боишься не боишься, а все думаешь: бог не выдаст, свинья не съест.

– Деньги соблазняют?

– То-то, деньги... Наживу их, тогда брошу
опять дело –

и сюда.

– Опять лавку?

– Опять.

В девятом часу, после легкого завтрака и кофе, Дунаев и Чайкин вышли из дома.

Очутившись на улице, они услышали тревожный звон колокола.

– Пожар! – заметил Дунаев.

Впереди и, казалось, далеко поднялось густое облако дыма, среди которого по временам вырывались огненные языки.

– Сильный пожар! Должно быть, горит внизу, на набережной или где-нибудь недалеко от пристани.

– Мне в ту сторону идти. Кстати погляжу, а то и помогу качать воду! – проговорил Чайкин.

– Не придется.

– Отчего?

– У них все паровые помпы... И пожарные у них молодцы.

Они вышли на главную улицу.

Мимо них пронеслись пожарные одной из частей города. Действительно, они глядели молодцами.

На одной из рессорных телег с пожарными инструментами, среди людей в форме и с металлическими шлемами на головах сидел господин в статском платье, в цилиндре.

– Это кто? – полюбопытствовал Чайкин.

– Должно быть, газетчик.

– Зачем?

– Чтобы описать, значит, какой пожар, сколько убытку... и завтра или сегодня в газету... публика все и узнает... Однако мне здесь надо свернуть... Так обедаем вместе?

– Вместе.

– А после обеда я тебя провожу на пароход... А скучно без тебя будет! – неожиданно прибавил Дунаев.

– И мне скучно, – свой, российский... Теперь уж мне на ферме не увидеть русского человека.

– Когда небось приедешь сюда... А здесь есть русские... Один портной тоже бежал с судна...

– Матрос?

– Нет. Крепостной был взят одним лейтенантом в плавание заместо камардина... Убежал... Хорошо теперь живет... И женился на чешке... Есть еще один русский из духовного звания... из Соловков бежал... Ужо я тебе их адреса на случай дам... Еще двое сталоверов... из-за веры своей сюда прибыли. А поляков да жидов порядочно-таки.

Только с жидами лучше не связывайся! – прибавил Дунаев.

Они разошлись. Дунаев пошел в контору наниматься в возчики, а Чайкин продолжал путь, направляясь к нижней части города, к набережной, недалеко от которой жил Абрамсон.

2

Чем ближе подходил Чайкин к месту пожара, тем больше видел людей, спешивших туда. Охваченный общим возбуждением, прибавил и он шагу.

Через полчаса Чайкин уже спускался к набережной и скоро пришел к месту пожара.

Зрелище было ужасное.

Огромный пятиэтажный дом был охвачен

дымом и пламенем, вырывавшимся из крыши, уже частью разобранной, и из окон. Раздался треск проваливающихся потолков и балок. Взрывались бочки со спиртом и вином в нижнем этаже, в котором помещался ресторан... Из-за ветра, дувшего с моря и помогавшего пожару, было почти невозможно отстоять дом. Пожарные с закопченными лицами быстро спускались с крыши по огромным приставленным лестницам. Над домом была такая масса огня, что оставаться там было невозможно.

Несколько паровых помп и ручных помп, привезенных с военных судов, стоявших на рейде, выбрасывали массу воды на горевший дом, сосредоточивая воду на более пылавших местах, но огонь не поддавался воде... На минуту пламя исчезало под густыми клубами дыма и снова вырывалось с еще большею силою.

Кучи имущества, которое успели спасти или выкинуть из окон, грудями лежали на набережной. Около пожитков стояли полуодетые жильцы и жилицы горевшего дома. Тут же были и маленькие дети.

– Хорошо, что все спаслись! – проговорил кто-то в толпе около Чайкина.

Но в эту самую минуту раздался чей-то раздирающий душу вопль. Из толпы выбежала бледная как смерть молодая женщина и, указывая на окно в верхнем этаже, крикнула:

– Моя девочка... Там моя девочка... Спасите!

Толпа замерла.

– Где ваша девочка? – спросил один из пожарных.

Молодая женщина, обезумевшая от ужаса, показывала вздрагивающей рукой на крайнее окно пятого этажа...

– Она спала... Ее забыли... Пустите меня... Я поднимусь за ней...

И она ринулась к лестнице.

Но ее удержали.

– Вы идете на верную смерть... Спасти невозможно.

Молодая женщина вскрикнула и упала без чувств.

– Девочка, верно, уж погибла! – проговорил кто-то около Чайкина.

– Огонь сейчас вырвется над этим окном...

Он рядом.

– Она жива! Она у окна! – раздался чей-то голос.

Чайкин поднял голову и увидел у окна ребенка, беспомощно простирающего руки.

Вопль ужаса вырвался у толпы.

Но никто не решался подняться по лестнице, приставленной к этому окну. Огонь, вырывавшийся из окон, и густой дым, казалось, делали невозможной всякую попытку. Смелчак, который решится полезть, или сторит, или задохнется в дыму.

И пожарные отвернулись от окна.

– Поздно! – раздался голос брандмайора.

Великая жалость охватила Чайкина при виде ребенка.

Какая-то волна прилила к его сердцу, и в то же мгновение он решил не столько умом, сколько силою чувства, спасти малютку.

И это внезапное решение словно бы окрылило его и придало ему мужества и ту веру, которые и делают людей способными на героические подвиги во имя любви к ближнему.

Словно бы какая-то посторонняя сила, которой сопротивляться было невозможно, вы-

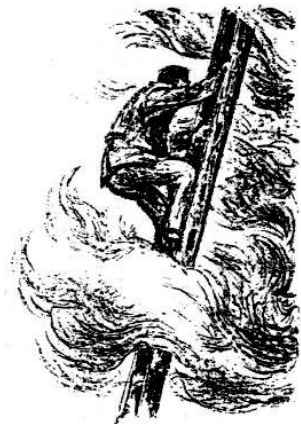
кинула Чайкина из толпы вперед.

У одной из помп он увидел два ведра с водой и какой-то инстинкт заставил его вылить их на себя. Затем он ринулся к лестнице и побежал по ней с быстротою и ловкостью хорошего марсового, одним духом взлетавшего на марс.

В первые минуты он почти не чувствовал охватившего его огня и дыма.

Толпа ахнула и замерла.

Глаза всех были устремлены на этого маленького белобрысого человека, бежавшего, казалось, на верную смерть. Многие женщины рыдали.

Но вот он у окна. Вот он схватывает ребенка...

Крик радости и одобрения, вырвавшийся из тысячи людских грудей, потрясает воздух.

Очнувшись, мать с надеждой жадно смотрит вверх: слезы мешают ей видеть, как

Чайкин прикрыл ребенка своим пиджаком и плотно прижал его к своей груди.

Но спускаться было не так легко, как подняться.

Весь обожженный, чувствуя невыносимую боль, но полный той несокрушимости духа, которая дает силы преодолевать физические страдания, он спускается вниз, крепко прижимая к груди своей ношу...

На половине дороги силы его падают... Он задыхается от дыма и чувствует, что волосы его горят... Но пожарные догадались пустить в него снизу струю воды из брандспойта, и он почувствовал облегчение и двинулся дальше...

Еще несколько ужасающих минут – и оглушительное ура раздается в воздухе. Мать схватывает ребенка и хочет благодарить спасителя, но он, весь почерневший, с обгорелыми ногами,

едва ступивши на землю, падает без чувств.

Его окружает толпа. Все хотят взглянуть на этого бесстрашного человека, так дорого заплатившегося за подвиг... Всем хочется

узнать его имя...

Но в эту минуту приносят носилки, и Чайкина бережно кладут на них и несут в госпиталь...

Целая толпа сопровождает его.

– Что, он жив? – спрашивают друг у друга.

Доктор, шедший рядом с носилками, отвечает, что жив.

– Может поправиться?

Доктор пожимает плечами.

В эту минуту к носилкам подбегает Макдональд-Дэк.

Заглянув в лицо Чайкина, он восклицает:

– Я так и думал... Это Чайк!..

– Кто он такой? – спросил у Макдональда какой-то господин.

– Русский эмигрант... матрос...

Господин поспешно стал записывать сообщенное известие в записную книжку.

– Превосходнейший человек... Золотое сердце...

– Сколько ему лет?

– Кажется, двадцать пять.

– Какой он наружности?

– Да вам зачем?

– Я репортер...

– В таком случае я вам могу о нем кое-что сообщить...

Это... это единственный в своем роде парень! – проговорил взволнованно Макдональд.

И он стал рассказывать репортеру о Чайкине.

Когда носилки вынесли на гору, к Макдональду подошел Старый Билль, шедший на пожар.

Когда Билль услышал от Макдональда о подвиге Чайкина и о том, что он, еле живой, лежит в носилках, он угрюмо проговорил:

– Вот и первые шаги его в Америке... Бедный Чайк!..

И он пошел рядом с Макдональдом и, в свою очередь, сообщил репортеру о Чайкине, о том, как он бежал в прошлом году с клипера «Проворный» из-за того, что его наказали, о том, как он спас Чезаре, и так далее.

Репортер был в восторге. У него была готова в уме превосходнейшая статейка.

Чайкин застонал.

Билль подошел к нему.

– Сейчас, Чайк, в госпиталь вас принесут! – проговорил он необыкновенно нежно.

Чайкин открыл глаза и, казалось, не узнал Старого Билля.

– А ребенок... жив? – спросил он.

– Жив... жив, Чайк.

Чайкин закрыл глаза и очнулся только тогда, когда в госпитале его раздели и, уложивши в постель, стали перевязывать страшные ожоги, покрывавшие его тело.

Во время перевязки он стонал, испытывая невыносимые страдания.

Почти весь день у госпиталя стояла толпа, желавшая иметь сведения о положении больного. То и дело к госпиталю подходили и подъезжали разные лица, преимущественно женщины, справляться жив ли Чайкин, и есть ли надежда на спасение. Приезжали губернатор, шериф...

Ответы докторов были не особенно утешительны.

В вечерних газетах появились отчеты о пожаре и о подвиге русского матроса, а в одной была напечатана целая биография Чайкина, в

которой, между прочим, описывалось, как он спас в море испанца.

На другой день в газетах сообщали об его трудном положении, об его страданиях, переносимых им с необыкновенным мужеством и терпением, удивлявшими врачей и сиделок.

Во всем Сан-Франциско только и говорили, что о

Чайкине.

Он сделался героем дня.

Билль, Дунаев и Макдональд всю ночь продежурили по очереди у постели больного, но не тревожили его разговорами.

Сиделка воспрещала разговаривать с Чайкиным. Всю ночь он стонал и часто бредил.

Старый Билль, дежуривший у Чайкина с полуночи до шести часов утра, ушел от него мрачный. В полдень он должен был уезжать из Сан-Франциско и просил Макдональда прислать ему сказать о том, что скажут врачи.

И Макдональд написал ему, что врачи не особенно надеются на спасение Чайка, и от себя прибавил, что Чайк очень слаб, но в памяти, просил кланяться Старому Биллю и зо-

вет Дуна. «Очевидно, – писал Макдональд, – бедному

Чайку хочется видеть в последние часы своей жизни соотечественника, который напоминает ему о родине, вдали от которой Чайк погибает благодаря великому своему сердцу».

Получив эту записку, Билль объявил в конторе, что ему необходимо на полчаса отлучиться, и, наняв извозчицью коляску, пошел в госпиталь.

Дунаев был уже там и, сменивши Дэка, сидел у постели

Чайкина, употребляя чрезвычайные усилия, чтобы не зареветь.

– Ну, как дела? – спросил Билль.

– Спит после перевязки.

Билль заглянул в обложенное ватой лицо Чайкина и увидал только страшно опухшие, без бровей и ресниц, закрытые глаза.

– Что говорят доктора? – спросил Билль, отходя с Дунаевым к окну.

– Резать сегодня будут ногу.

– Зачем?

– Надо, говорят, вырезать часть мяса, а то,

если гнить начнет, беда... А ему и так плохо...
Резать начнут того и гляди...

Дунаев не договорил и усиленно заморгал глазами.

– Если доктора хотят резать, значит надо резать! –

прошептал Билль. – И вы не падайте духом, Дун, а то, глядя на ваше лицо, и Чайк упадет духом... Теперь он больной! –

прибавил Билль, словно бы поясняя, почему Чайкин может упасть духом.

– Я постараюсь.

– Когда будут его резать?

– В три часа.

– Так вот что: получите три доллара и телеграфируйте мне после операции, что с Чайком, сегодня, завтра и послезавтра. – Билль объяснил, куда телеграфировать, и вслед за тем спросил: – Или вы уж уедете, Дун, с обозом?

– Я не поеду! Сегодня отказался! Буду при Чайке, пока он не умрет или не поправится.

– А деньги у вас есть, Дун? Или все до цента отдали на хранение Кларе?

– Пятьдесят долларов осталось.

– Возьмите у меня сотню.

– Не надо. Если не хватит, буду на пристани работать.

– Возьмите ради Чайка. Около него будьте... Не оставляйте его одного... Если он поправится, то не скоро...

И Билль вынул из своего кошелька пять монет и передал

Дунаеву.

– А мне пора ехать. Прощайте, Дун, кланяйтесь Чайку!

Скажите, что я заходил прощаться. И телеграфируйте через неделю – в Сакраменто, через две – на Соленое озеро, через три – в Денвер... Надеюсь, еще увидимся...

Билль подошел к постели больного.

Чайкин в эту минуту открыл глаза.

При виде Старого Билля, одетого в старую куртку, в высоких сапогах на ногах, Чайкин, словно бы очнувшись от сновидений, унесших его совсем в другой мир, вспомнил свое путешествие, и его серые, впавшие, страдальческие глаза ласково остановились на Билле.

– Спасибо, Билль... навестили. Едете сегодня?

– Еду, Чайк.

– Счастливого пути...

– До свидания, Чайк. Надеюсь, как вернусь, поправитесь.

– Как бог даст.

– В вас духу, Чайк, много... Захотите – и поправитесь.

И доктора говорят, что недельки через три прежним Чайком станете.

Билль улыбнулся и, несколько раз кивнув головой,

вышел и только на улице смахнул слезу, показавшуюся у него на глазах, и попросил извозчика ехать скорей в контору Общества дилижансов.

– Добер Билль! – промолвил Чайкин.

– Добер. Он вчера ночью около тебя сидел... И все о тебе беспокоятся, даром что чужие... Сам губернатор был... И народ стоял... и в газетах тебя пропечатали за твой подвиг... И эта самая барыня, которой девочку ты спас, была несколько раз... Только ее не допустили... И

лейтенант Погожин был... И флаг-офицер от адмирала приезжал...

Чайкин, казалось, слушал все это равнодушно и только спросил:

– А девочка жива?

– Живехонька, Вась.

– А ты, Дунаев, место нашел?..

– Нет. Через месяц выйдет! – нарочно из деликатности соврал Дунаев.

– Так ты мои деньги возьми.

– Не надо. Есть.

– И знаешь, о чем попрошу тебя, голубчик?

– О чем?

– Если бог не пошлет поправки и мне придется помирать, то добудь ты мне священника. Верно, новый капитан позволит, чтобы батюшка с «Проворного» исповедал и причастил как следует.

– С чего ты взял?.. Небось на поправку пойдешь!

– Там видно будет. А просьбу исполни.

– Исполню. Консула попрошу.

– Спасибо... А деньги, кои у меня есть, триста двадцать долларов...

– У тебя ведь пятьсот было...

– Я Абрамсону дал... Он ваксу продавать будет... ремесло свое бросит и дочь выправит...

она больна... Так деньги возьми и на часть их похорони меня, а достальные дошли матери в деревню... Адрес при деньгах... Слышишь?

– Слышу... Только ты все это напрасно, Вась!.. Одно сумление...

– Сумления нет, Дунаев... А я на всякий случай...

Вошедшая сиделка попросила Дунаева не разговаривать.

– Больному вредно! – серьезно прибавила она и, приблизившись к Чайкину, необыкновенно ловко и умело приподняла сильными руками подушку и голову Чайкина и стала его поить молоком.

Чайкин с видимым удовольствием глотал молоко.

– А на ваше имя получено много писем и телеграмм, Чайк: верно, высказывают свое сочувствие и удивление к вашему подвигу. Как поправитесь, я принесу их вам!.. –

проговорила сиделка, вполне уверенная, что сообщенное ею известие порадует и подбодрит больного.

1

В это самое утро начальник русской эскадры Тихого океана, контр-адмирал Бороздин, только что перечитал вчерашние вечерние и сегодняшние утренние газеты и грустно покачивал головой, сидя у письменного стола в своем большом и роскошном номере гостиницы, в то время как его флаг-офицер, молодой мичман, заваривал чай, привезенный с корвета адмиралом на берег вместе с самоваром.

– Читали газеты? – спросил адмирал мичмана.

– Нет еще, ваше превосходительство!

– Прочтите... Там описан подвиг нашего русского матроса Чайкина, – его здесь, конечно, в Чайка перекрестили, – бежавшего в прошлом году с «Проворного».

– Мне уж рассказывал очевидец... Удивительный подвиг, ваше превосходительство.

– Какой очевидец?

– Лейтенант Погожин. Он был с пожарной командой при тушении пожара и узнал в этом смельчаке, бросившемся спасать ребенка, Чайкина... Он рассказывал, какое изумле-

ние вызвал во всех этот маленький, тщедушный на вид матросик... Он и на «Проворном» был общий любимец, ваше превосходительство! Погожин говорил, что

Чайкин был самый тихий, скромный и усердный матрос...

Он только одного боялся...

– Чего?

– Линьков, ваше превосходительство... И когда его вместе со всеми фор-марсовыми за опоздание на три секунды перемены марсея старший офицер приказал наказать линьками, то он пришел в ужас... Погожин видел и слышал, как он шептал молитву... И он, Погожин, просил за него старшего офицера...

– И тот, конечно, отказал в ходатайстве; если всех, так всех!

– Точно так, ваше превосходительство! Чай готов...

Адмирал пересел на диван и, отхлебнув несколько глотков чая, проговорил серьезным тоном:

– Счастье ваше, Аркашин, что вы служите в такие времена, когда линьки уничтожены. – И, помолчав, прибавил: – Как напьетесь чаю,

немедленно съездите в госпиталь и узнайте, в каком положении Чайкин... И если что нужно ему... вот передайте деньги... сто долларов...

старшему врачу или кому там... И если вас допустят к нему, скажите, что русский адмирал гордится подвигом русского матроса... И я сам его навещу, когда ему будет лучше... Скажите ему, Аркашин...

– Слушаю, ваше превосходительство! Я сию минуту поеду!

– Выпейте хоть стакан чаю! – проговорил адмирал, одобрительно улыбаясь этой поспешности.

Молодой мичман торопливо выпил стакан чаю и вышел.

Через несколько минут постучали в двери.

– Войдите! – крикнул по-русски адмирал.

В комнату вошел капитан-лейтенант Изгоев, которого адмирал назначил командующим клипером «Проворный»

и который был до того старшим офицером на «Илье Муромце», – довольно симпатичный на вид молодой еще человек, лет за тридцать, в черном элегантном сюртуке.

– Что скажете, Николай Николаевич? – ласково встретил его адмирал, протягивая руку и прося садиться.

– Приехал ходатайствовать у вашего превосходительства разрешить просьбу моего матроса. Сам я не решаюсь.

– В чем дело?

– Матрос Кирюшкин, по словам офицеров, отличный марсовой и отчаянный пьяница...

– Знаю о нем, – перебил адмирал, – бывший старший офицер лично передавал мне о том, как он хотел его исправить. Так о чем просит Кирюшкин?

– Разрешения навестить беглого матроса Чайкина, который лежит в госпитале. Изволили слышать об его подвиге на вчерашнем пожаре?

– Как же. И только что послал Аркашина справиться об его положении... Разумеется, разрешите...

– Этот Кирюшкин очень привязан к Чайкину...

– И об этом слышал... Разрешите... И пусть Кирюшкин ежедневно навещает товарища... Ему тяжело болеть на чужбине... Кругом все

чужие... И если еще кто с «Проворного» захочет навестить товарища – разрешите... Бедному Чайкину, вероятно, это будет очень приятно...

– Очень, ваше превосходительство.

– Очень запугана команда «Проворного»?

– Очень, ваше превосходительство.

– Надеюсь, Николай Николаевич, что при вас и при новом старшем офицере они вздохнут и вы сделаете все возможное, чтобы они забыли о прошлом.

– Постараюсь, ваше превосходительство.

– Завтра я буду у вас... Сделаю смотр... Знаю, что найду все в образцовом виде: бывший старший офицер недаром же мучил людей, полагая, что без жестокости нельзя держать судно в должном порядке. А между тем на

«Муромце» и без линьков люди работают прекрасно... Не так ли?

– Точно так, ваше превосходительство!

– Так разрешите Кирюшкину и другим... И это делает честь Кирюшкину, что он не забыл товарища в беде...

В эту минуту вошел флаг-офицер.

– Ну что? – нетерпеливо спросил адмирал.

Флаг-офицер доложил, что его не допустили к Чайкину, чтобы не утомлять и не волновать больного разговорами.

– А есть ли надежда? Говорили вы с доктором?

– Говорил, ваше превосходительство, и сиделку о

Чайкине спрашивал. Доктор сказал, что еще надежда не потеряна, а сиделка просто в изумлении от мужества и терпения, с какими Чайкин переносит страдания... Денег, однако, не приняли, ваше превосходительство! – прибавил флаг-офицер и положил деньги на стол.

– Почему?

– Доктор заявил, что больной ни в чем не нуждается в госпитале. Когда он несколько поправится, тогда будет можно лично передать ему деньги... А как интересуются

Чайкиным американцы, ваше превосходительство! Перед госпиталем толпа, чтоб узнать об его положении. Губернатор и многие власти заезжали, чтоб оставить Чайкину карточки... Дамы привозят цветы...

– Но все-таки бедняга один... Никого при

нем нет близких...

– Он не один. К нему, по словам сиделки, допустили его друзей: одного русского и двух американцев. Они дежурят при нем.

– Сегодня вечером опять поезжайте узнать о Чайкине! –

сказал адмирал.

– Слушаю, ваше превосходительство! Если прикажете, я каждый день утром и вечером буду ездить в госпиталь.

– Отлично сделаете, Аркашин. – И, помолчав, адмирал прибавил, обращаясь к новому командиру «Проворного»: –

Я буду ходатайствовать о полном прощении Чайкина, если он вернется на клипер. Только я сомневаюсь, захочет ли он вернуться...

– Бывший старший офицер «Проворного» ему предлагал...

И командир рассказал, со слов лейтенанта Погожина, о встрече офицеров с Чайкиным в саду.

2

Прошло три недели.

Чайкин, благополучно выдержавший операцию, поправлялся. Доктора говорили, что через месяц он может выписаться из госпиталя.

В последние дни у Чайкина перебивало множество лиц.

Первыми гостями были репортеры и рисовальщики, и на другой день после их визита в газетах и иллюстрациях были помещены портреты Чайка. Множество писем и карточек с выражением радости по случаю его выздоровления лежало у него на столе у кровати вместе с букетами цветов.

И Чайкин, смущенный, пожимал руки посетителям и, казалось, не понимал, за что его так чествуют, и утомлялся этими визитами, но не отказывал, боясь обидеть людей, желавших выразить ему сочувствие.

В госпитале все относились к нему необыкновенно предупредительно, и две сиделки, по очереди дежурившие в его отдельной комнате, наперерыв старались угодить ему.

Его кормили отлично и даже роскошно. Неизвестные лица посылали ему фрукты, ви-

но, конфеты.

Одною из первых навестила Чайкина, когда ему разрешили принимать посетителей, мать спасенной им девочки вместе с этой девочкой и мужем.

Эта молодая женщина в трогательных выражениях благодарила Чайкина и, пожимая ему руку, говорила, что она его вечная и неоплатная должница.

А маленькая черноглазая девочка поцеловала Чайкина и сказала:

– Ведь вы придете к нам, когда поправитесь?

– Мистер Чайк должен знать, что он всегда желанный гость у нас в доме! – заметил молодой янки. – И мы были бы счастливы, если бы он пожил у нас...

И со свойственною американцам деловитостью прибавил:

– И так как мистер Чайк только что начинает свою карьеру в нашей стране, то, конечно, он не откажется принять от нас дружеский подарок на память о том, что он нам возвратил дочь.

С этими словами янки положил на стол

чек в двадцать пять тысяч долларов.

Чайкин вспыхнул до корней волос.

– Что вы?.. Что вы? Разве это можно? – проговорил

Чайкин.

– Отчего же нельзя? Вы сделали для меня, подвергая свою жизнь опасности, великое благодеяние. Неужели вы не позволите хоть чем-нибудь отплатить вам?

– Нет... прошу вас... возьмите назад... Я делал это не для вас... Возьмите эти деньги... Я спасал девочку не за деньги... Не обижайте меня.

Янки положил чек в бумажник и пожал плечами.

– Верьте, мистер Чайк, я не думал обидеть вас. Во всяком случае, я считаю себя вашим должником и буду счастлив, если вы примете мою дружбу! – проговорил взволнованно янки и потряс Чайкину руку.

– Но от этой памяти вы, надеюсь, не откажетесь? –

воскликнула молодая нарядная барыня.

И, снявши с своего пальца кольцо с изумрудом, пробовала надеть его на мизинец

Чайкина.

Кольцо было мало, и молодая женщина проговорила:

– Завтра я привезу его... И Нелли сама его наденет...

Чайкин сконфуженно согласился, и семья ушла, взявши слово с Чайкина, что он навещит их, когда поправится.

Но более всех посещений доставляли Чайкину удовольствие посещения Кирюшкина с «Проворного».

Он бывал у больного каждый день от пяти до семи часов вечера и занимал его рассказами о том, как после

Бульдога и Долговязого пошла совсем другая «линия».

– Новый закон-положение вышло, Вась... командир читал, – чтобы не драть, а судиться. И вовсе у нас ослабка пошла теперь... Вздохнули матросы. И капитан и старший офицер совсем не похожи на прежних. И адмирал на смотре обнадежил нас: «Теперь, говорит, братцы, линьками и розгами наказывать вас не будут... А если свиноватил кто, будут судить...» И ко мне подошел: «Ты, говорит, Ки-

рюшкин, что навестить товарища просил-ся?» – «Я, говорю, ваше превосходительство!» – «Доброе, говорит, дело навестить товарища. Навещай с богом. И я уверен, говорит, что будешь возвращаться на клипер в своем виде?..» – «Постараюсь, ваше превосходительство!» – «То-то, постарайся... Я прошу тебя об этом. Я, говорит, поручился за тебя перед командиром. Так ты оправдай, говорит, мое доверие, Кирюшкин!» И таково ласково говорит и ласково глазами смотрит. Давно уж я таких слов не слышал, Вась! И

что бы ты думал, братец ты мой? Вот я у тебя четвертый раз и возвращаюсь на «Проворный» в своем виде... Даже самому удивительно. И все ребята дивуются, что у Кирюшкина ни в одном глазе! А почему? – словно бы задавая самому себе вопрос, воскликнул матрос.

И после паузы, во время которой он усиленно теребил рукой штанину, отвечал:

– А по тому самому, что не хочу оконфузить адмирала: пусть не говорит, что Кирюшкин его осрамил. Вот, братец, какая причина! Не ручайся он за меня, – обязательно после того, как я от тебя уйду, пропустил бы

несколько стаканчиков... А вот поручился и... держусь... Прямо от тебя на шлюпку и на «Проворный».

– Умен, видно, адмирал! – промолвил Чайкин.

– А что?

– Понимает, как пронять добрым словом. И, видно, добер.

– Добер. Матросы с «Муромца» сказывали, что страсть добер... Нет, ты только рассуди, Вась, – за меня, за пропойцу, поручился... Ведь обязан я оправдать его? – снова возвратился к тому же вопросу, видимо, польщенный этим поручительством, старый матрос.

– Конечно, обязан! – ответил Чайкин.

– То-то оно и есть. И я оправдаю, поколь к тебе хожу...

– А потом? – с тревожным участием спрашивал Чайкин.

– А ежели отпустят на берег по форме всю вахту, тогда я погуляю: адмирал, значит, за меня не ручался, и я по всем правам могу выпить.

Затем Кирюшкин не без своеобразного своего остроумия давал краткие характеристики

новых капитана и старшего офицера:

– Капитан вроде бытто орел. Глаз зоркий – сквозь видит. Добер, однако с матросами горд. Душевности, значит, в нем к матросу нет... А должно полагать, по морской части капитан будет форменный, не хуже Бульдоги... Тот, надо прямо-таки сказать, по флотской части отчаянный был. Помнишь, как мы, Вась, у Надежного мыса 15 штурмовали?

– Как не помнить! помню.

– Так он небось свою отчаянность оказал. Ловко со штурмой справился!

Чайкин невольно вспомнил про «отчаянность» капитана Блэка и сказал:

– Я, Иваныч, еще более отчаянного капитана видел.

– Где?

– А на купеческом бриге, на котором год служил.

И Чайкин рассказал о том, как они на бриге уходили от попутного шторма.

– Да, дьявол был твой капитан! – похвалил Кирюшкин.

– Моли бога, что целы тогда остались...

– Небось все матросы тогда бога-то вспоми-

нали. Ну, а новый старший офицер каков? – спрашивал Чайкин, видимо с большим интересом к «новой линии» на «Проворном», благодаря которой матросы вздохнули.

– Проще капитана. Матроса до себя допускает. Когда и пошутит, когда и слово скажет... И затейно, я тебе скажу, 15 Мыс Доброй Надежды. (*Примеч. автора.*)

ругается... И не то чтобы с сердцем, а для порядка... Так затейно, братец ты мой, такие смешные словечки подбирает, что... умора!.. Ребята слушают и смеются... И шустрый такой, маленький... как волчок по клиперу носится.

Ему так и дали прозвище «Волчок». «Запылил, как порох, Волчок-то наш». А на аврале зря не суетится, нельзя сказать... Хорошо правит авралом...

– И не дерется?

– Пока еще раз только смазал по уху сигнальщика... И

то легко, ровно комар пискнул, смазал... Однако боцманам и унтерцерам строго-настрого приказал не чистить зубы и линьков чтобы духу не было...

– И не дерутся?

– То-то, дерутся. Не так, как прежде, а дерутся. С рассудком дерутся! – И, помолчав, прибавил: – И никак им нельзя не драться, если правильно рассудить!

– Будто бы и нельзя? – усомнился Чайкин.

– Да как же! Ежели теперича ты не отдал, скажем, марс-фал или вовремя не раздернул шкота, как тебя не вдарить? Не бежать же из-за всякой малости жаловаться старшему офицеру. Вдарил – и шабаш! И матросу острастка, и никакой кляузы не выйдет... Не судиться же за все.

Положим, сгрубил ты – ну, начисти зубы... отшлифуй, а не суди судом. Суд ведь засудит в карцерь, а то и в тюрьму, а то и в арестантские роты... человеку и крышка! А тут отдубасили – и вся недолга! Только надо дубасить с рассудком, вот в чем дело... И опомнясь боцман так и говорил на баке... насчет этого самого.

– Что он говорил?

– А говорил: «Так, мол, и так. Я, говорит, кляузы заводить не намерен и к старшему офицеру с лепортом изо всяких пустяков до-

ходить не желаю, а если кто свиноватит, я буду сам шлифовать... Согласны? – спрашивает. – Не станете на меня претензию оказывать?»

– Что ж матросы?

– Дали согласие, но только просили, чтобы дрался с рассудком...

– Боцман обещал?

– Обещал, что без вышиба зубов. И все унтерцеры обещали... А ежели не сдержат слова, так ведь небось и на них управу найдем.

– Жаловаться станете? – спросил Чайкин.

– Что ты, Вась! Небось кляузы и мы не заведем и жаловаться не станем, а проучим, как проучивали... Изобьем на берегу – будут помнить!

Чайкин слушал Кирюшкина и доказывал, что можно жить и без того, чтобы драться: живут же здесь люди – и никто не смеет другого ударить.

Но Кирюшкин лишь ввиду того, что Чайкин очень прост и лежит больной, не поддерживал спора и только скептически покачивал головой.

Казалось, один только он не придавал ге-

роического значения поступку Чайкина, хотя и был очень доволен, что русский матросик показал свою «отчаянность» перед американцами. Он не видел в этом поступке ничего героического, потому что знал и чувствовал, что и он поступил бы точно так, как и Чайкин, да и не раз в течение службы совершал не менее героические поступки, рискуя жизнью, когда бросался за борт, чтобы спасти упавших в море товарищей. И за это никакой награды, кроме чарки водки, не получал и, разумеется, ни на какую награду не рассчитывал.

Вот почему его дивили все эти чествования, которые устраивали американцы Чайкину, и нисколько не удивил отказ Чайкина от больших денег, предложенных ему отцом спасенной девочки. И когда об этом отказе Кирюшкин узнал от Дунаева, он только сказал Чайкину:

– Правильно ты, Вась, поступил, что побрезговал деньгами...

– А то как же?..

– Оправдал, значит, себя...

И Чайкину необыкновенно приятно было

услышать одобрение именно от Кирюшкина.

Обыкновенно за четверть часа до семи, вдоволь наговоривши Чайкину обо всем, более или менее интересном, что, по его мнению; происходило за день на клипере, Кирюшкин уходил, обещаясь завтра навестить своего любимца. И Чайкин всегда нетерпеливо ждал его прихода.

Однажды, прощаясь с Кирюшкиным, он сказал:

– Уважь, Иваныч, голубчик, принеси черного сухарика.

Давно не пробовал... Тут все белый хлеб. И хотя меня кормят до отвала и всяких пирожных дают, а по ржаному сухарику я соскучился.

Кирюшкин обещал принести и заметил:

– То-то оно и есть... И по сухарику соскучился... Так как же останешься ты в этой Америке?. Совсем пропадешь в ней...

3

Однажды утром, когда Чайкин первый раз встал с постели и необыкновенно довольный, что раны его заживают и нет уже никаких бо-

лей, сидел в кресле около стола, на котором стоял чудный букет чайных роз, присланных ему матерью спасенной девочки, и разговаривал с верным Дунаевым, неотлучно находившимся при нем, в комнату вошла сиделка и сказала Чайкину:

– Вас хочет видеть русский адмирал, начальник эскадры. Хотите его принять, Чайк?

В первую минуту Чайкин был изумлен и испуган.

«Зачем ко мне идет адмирал?» – думал Чайкин и не знал, как ему быть.

– Если вам визит этот неприятен, Чайк, то я могу сказать, что вы чувствуете себя нехорошо и не можете его принять... Вы, кажется, не расположены видеть адмирала, Чайк? – прибавила в виде вопроса сиделка.

– Нет, зачем же врать! – промолвил смущенно Чайкин.

– Так, чтоб не врать, я просто скажу, что вы не хотите его видеть, Чайк. Сказать?

– Это будет обидно для адмирала...

– А ну его... Пусть обижается! – заметил по-русски

Дунаев.

– За что зря обижать... Он, может, от доброго сердца пришел, а я скажу: «Уходи!..»

И, обратившись к сиделке, Чайкин сказал:

– Попросите адмирала...

И с этими словами он несколько испуганно оправил свой халат; смахнул со стола хлебные соринки и не без

некоторого страха прежнего матроса ждал появления адмирала, несмотря на то, что слы-

шал о нем много хорошего.

Тот же страх испытывал и Дунаев, хотя и хотел показать, что он совершенно равнодушен к приходу адмирала.

– А я пока уйду... Может, он захочет с тобой о чем-нибудь секретно говорить, Вась...

И Дунаев пошел к выходу и, встретившись около дверей с адмиралом, невольно вытянулся по-военному и провожал адмирала глазами.

– Бывший матрос? – спросил, останавливаясь,

адмирал и ласково улыбнулся.

– Точно так,

ваше превосходительство! – отвечал Дунаев по старой привычке.

– С какого судна?

– С «Люрика», ваше превосходительство.

– Давно здесь?

– Пять лет, ваше превосходительство.

– Какие занятия?

– Возчиком был, а теперь вот около Чайки-на нахожусь, ваше превосходительство!

– Слышал... хорошо, что Чайкин не один...

– К нему еще российский ходит: Кирюшкин, ваше превосходительство.

– Знаю. Тебе здесь нравится? Дунаев, кажется?

– Точно так, ваше превосходительство. Очень нравится!..

– А по какой причине ты оставил судно?

– Претензию подавал адмиралу на капитана «Люрика», ваше превосходительство.

Адмирал не сомневался, что Дунаев говорит правду: командир «Рюрика» даже и в те отдаленные времена считался жестоким командиром и был уволен от службы.

– И не скучаешь по России?

– Прежде скучал, а теперь мало скучаю, ваше превосходительство.

– Совсем американцем стал! – улыбаясь, проговорил адмирал, оглядывая с ног до головы Дунаева, и направился к креслу, где сидел похудалый, побледневший и испуганный Чайкин.

Когда адмирал подошел к Чайкину, тот стоял у кресла.

– Здравствуй, Чайкин!

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – отвечал тихим, утомленным голосом Чайкин.

От стояния на ногах он чувствовал, что у него кружится голова.

– Садись, садись скорей! Тебе нельзя стоять! – участливо проговорил адмирал, увидавший побледневшее лицо

Чайкина.

– Трудно еще, ваше превосходительство... Первый раз встал с постели.

И словно бы виновато улыбаясь, что не может стоять перед адмиралом, Чайкин опустился в кресло. Адмирал сел в другое.

– Я давно собирался навестить тебя, да боялся потревожить! – проговорил он.

– Чувствительно благодарен, ваше превосходительство.

– А я пришел к тебе, чтобы сказать, как я рад был узнать о подвиге русского матроса.

Чайкин застенчиво молчал.

– Но мне, признаюсь, очень жаль было узнать, что ты русский человек и принужден оставаться на чужбине... Я

знаю, что тебя вынудило остаться здесь...
Страх перед наказанием? Да?

– Точно так, ваше превосходительство... Я опоздал на шлюпку и боялся, что меня накажут... и остался...

– Слушай, Чайкин, что я тебе скажу. Ты, конечно, волен остаться здесь, и никто тебя не может отсюда вытребовать... Но если ты хочешь вернуться, даю тебе слово, что ты никому наказанию не подвергнешься. Я буду за тебя просить начальство. Оно уважит мою просьбу.

– Премного благодарен на добром слове, ваше превосходительство! – с чувством произнес Чайкин.

– И знай, что милостью нашего государя телесные наказания отменены... На клипере новое начальство, и того, что было прежде, не будет... Тебя сделают унтер-офицером.

Чайкин молчал.

– Так хочешь вернуться? Даю тебе слово, что тебе ничего не будет! – еще раз ласково повторил адмирал, объяснявший молчание матроса недоверием к его словам.

– Никак нет, ваше превосходительство! – тихо, но твердо ответил Чайкин.

– И ты не боишься, Чайкин, что стоскуешься на чужбине?

– И теперь иной раз тоска берет, ваше превосходительство.

– Что ж ты думаешь здесь делать? Опять матросом будешь, как был, на купеческом бригае?

– Никак нет, ваше превосходительство, – при земле буду. Как поправлюсь, поеду работником на ферму. У меня уж и место есть.

– Ну, дай бог тебе успеха, Чайкин... Будь счастлив! –

сказал адмирал, поднимаясь.

– Счастливо оставаться, ваше превосходитель-

тельство!

– Не нужно ли тебе чего?..

– Покорно благодарю. Ничего не нужно, ваше превосходительство!

– Может, деньги нужны... Ты скажи. Я ведь русский, а не американец!

– Дай вам бог за ласковое слово, ваше превосходительство, что не погнушались зайти к беглому матросу! –

взволнованно проговорил Чайкин. – Но только не извольте беспокоиться: я ни в чем не нуждаюсь, у меня и деньги есть.

– Прощай, братец... Кирюшкин тебя навещает?

– Навещает, ваше превосходительство!

Адмирал ласково кивнул головой и вышел из комнаты.

Сейчас же явился Дунаев.

– Ну, что он с тобой говорил?

– По-хорошему говорил, словно и не адмирал. Прост. И

так он ласково обошелся, что у меня и страх прошел... И я ему все обсказал без всякой опаски... С ним не страшно говорить.

– Добер. Сразу видно! – подтвердил и Дунаев.

ев.

– Кабы таких адмиралов да побольше было! – промолвил Чайкин.

– Зачем же он к тебе приходил?

– Проведать приходил... А еще звал на клипер. Обнадеживал, что ничего мне не будет. Унтерцером сулил сделать... Да я не согласился...

– А он осерчал? уговаривал?

– И не осерчал и не уговаривал. «Живи, говорит, счастливо!»

Чайкин примолк и задумался.

– Да, брат Дунаев, если бы побольше таких начальников, то и нашему брату легче было бы жить! – наконец промолвил он.

– Редки только такие. С таким легко, а как вместо его да другой поступит, других понятиев, – еще тяжелей станет жить флотскому человеку... То ли дело здесь...

– Зато здесь бедному плохо... Богачи утешают... Везде, братец ты мой, какая-нибудь неправда да живет!..

ГЛАВА VII

– О господин Чайк!.. Не подумайте обо мне дурно, господин Чайк, ежели я до сих пор не заходил к вам, не скажите: «Какая неблагодарная скотина Абрамсон!. Какая свинья Абрамсон!. » О, если б вы знали, отчего я до сих пор не приходил к вам...

И Абрамсон, в обтрепанном платье, похожем на лохмотья, ставший, казалось, совсем немощным стариком, бледный, осунувшийся, с лицом, полным скорби и отчаяния, крепко пожал своими костлявыми пальцами руку

Чайкина и, беспомощно опустившись на кресло, примолк.

Чайкин в первую минуту подумал, что Абрамсон потерпел полную неудачу со своей ваксой, и, желая подбодрить его, проговорил:

– Нечего падать духом, господин Абрамсон. Бог даст, дела поправятся... Ежели вакса не пошла...

– Какая вакса, господин Чайк?!. О, если б вакса!

– Что же такое?.

– Ривка... Я только вчера мою Ривку зако-

пал в землю...

Дитю свою единственную, Чайк!

И старик опустил голову и вытирал слезы своей грязной рукой.

– И вольный воздух не помог, – заговорил он через минуту, едва сдерживая рыдания, – и доктор не помог...

Каждый день ездил... по три доллара платил ему из тех денег, что вы дали на вакцину... лекарство прописывал, а не спас Ривку... «Ежели бы, говорит, раньше схватили... А то, говорит, у нее запущенная болезнь... повреждение легких...» Я в ноги ему кланялся, просил спасти Ривку, по пять долларов обещал давать, – он не согласился. «Я, говорит, не бог...» А она-то, дитю мое, все думала, что поправится... Меня успокаивала. «Не плачьте, говорит, папенька... Я здорова буду...» И все вас, Чайк, вспоминала...

жалела вас, что вы за свое геройство пострадали... Газеты читала, где о вас было писано... «Вот, говорит, какой он»...

И все собиралась идти к вам... Все надеялась... А сама что ни день, то худела и ровно свечка таяла... И я около нее безотлучно нахо-

дился... Баловал ее на ваши деньги... И

как она радовалась, что я больше не приводил матросов с тех пор, как вы помогли, Чайк... Как вас благодарила!

«Вот, говорит, поправлюсь, беспременно сама поблагодарю»... И все требовала газеты о вас читать... Сама уж не могла... Вовсе ослабела. И какая она умница была, если б вы знали! И какое чувствительное у нее было сердце! И

как наказал меня бог, Чайк, о, как наказал за мои грехи, за то, что я дурным гешефтом занимался... Ривочка часто плакала об этом... И тогда, когда я привел вас, Чайк, и велел приготовить вам нехороший пунш, она не согласилась, и жена не согласилась... И Ривка грозилась, что уйдет от меня, если с вами, Чайк, я нехорошо поступлю...

Чайкин сочувственно слушал горестные излияния старого еврея и жалел его и хотел как-нибудь смягчить его горе, но понимал, что это невозможно, что никакими словами не поможешь.

И, когда Абрамсон смолк и, подавленный скорбью, поник головой, Чайкин пожал его

руку.

Скоро Абрамсон поднялся с кресла и стал прощаться.

Тогда Чайкин спросил:

– Вы на старой квартире, Абрам Исакиевич?

– Пока на старой... Хочу оставить ее...

– И скоро?

– Первого числа... Найдем с женой комнату...

– Так вы, Абрам Исакиевич, дайте ваш новый адрес...

Я, как выпишусь, зайду к вам... А пока позвольте мне, как компаньону, внести еще деньги на вашу ваксу... Вот получите сто долларов...

Абрамсон энергично закивал отрицательно головой, и слезы блестели на его глазах, когда он наконец проговорил:

– Не надо... не надо. Вы и так помогли. И у меня еще осталось пятьдесят долларов. Мы, бог даст, как-нибудь проживем... Я с ларьком буду ходить... а не то газеты продавать... Спасибо вам, Чайк!

И Абрамсон, словно бы боясь соблазна в

виде банкового билета, поторопился уйти.

2

Однажды утром, за несколько дней до выписки Чайкина из госпиталя, к нему явился высокий господин пожилых лет, в каком-то необыкновенно ярком полосатом пиджаке и в таких же штанах, в цилиндре, и, пожавши

Чайкину руку, сел в кресло, заложил ногу на ногу, сплюнул на пол и спросил:

– Имею честь видеть знаменитого мистера Чайка?

– Я самый.

– Очень приятно, сэр... А я директор общедоступного театра, в котором даются ежедневно всякие представления... Доллар за вход во всякие места... Публики всегда множество.

И с этими словами директор вынул из кармана красную, необычайных размеров афишу, сунул ее в руку Чайкина и, указывая пальцем на конец афиши, сказал:

– Прочтите!

Несколько изумленный Чайкин прочел напечатанный крупнейшими буквами анонс:

«В непродолжительном времени будет поставлена пьеса: „Пожар на пристани, или Спасение ребенка“.

– Прочли? – спросил директор.

– Прочел! – отвечал Чайкин.

– И поняли, конечно, зачем я пришел к вам, мистер

Чайк?

– Нет, не понял.

Директор пристально взглянул на Чайкина своими плутоватыми глазами и проговорил:

– Я пришел предложить вам выгодное дельце...

– Какое?

– Участвовать в этой пьесе.

– То есть как это?

– А так... Когда дом будет в пламени, вы подыметесь по лестнице и снесете ребенка. Разумеется, после этого вы не попадете в госпиталь! – смеясь прибавил директор, – огонь театральный не обожжет... Вы только вымажете лицо сажей, когда будете спускаться... И по окончании спектакля получите пятьдесят долларов. Хотите на десять представлений

условие? Публика валом повалит, когда прочтет, что настоящий мистер Чайк будет спасать в общедоступном театре ребенка. Пятьдесят долларов за то только, чтобы подняться по лестнице и вымазать себе лицо сажей, – согласитесь, плата хорошая. Что вы на это скажете? Согласны, разумеется, получить пятьсот долларов в десять дней, а? – спрашивал директор, подмигивая глазом.

Чайкин в первую минуту ошалел: до того ему казалось странным и смешным это предложение – показываться перед публикой в театре и проделывать «не вправду» то, что он сделал, рискуя своею жизнью.

И, добродушно рассмеявшись, он наконец ответил:

– Не согласен.

– Понимаю. Вы полагаете, что я должен семьдесят пять долларов предложить за вечер? – спросил директор, не без уважения к сообразительности Чайкина.

– Совсем не согласен...

– Значит, сто хотите? Что ж!.. Я заплачу вам и сто... так и быть... Тысячу долларов получить приятнее... А может, и больше, если

пьеса будет иметь успех и выдержит больше десяти представлений... Вы ловкий парень, мистер Чайк.

Понимаете выгоду своего положения!

Но когда в ответ на слова директора Чайкин объяснил, что он ни за какие деньги не пойдет, как он выразился,

«срамиться» перед публикой, янки вытаращил на него глаза и, сердито сплюнув, поднялся с места и проговорил:

– У меня в театре срамиться?. Чистые денежки получать, значит – срамиться?. Отказаться от моего предложения – так это действительно значит осрамиться перед здравым смыслом! Прощайте, сэр. Очень жалею, что считал вас более сообразительным джентльменом.

И, кивнув головой, директор пошел к двери.

Однако у дверей он остановился и, повернувшись к

Чайкину, крикнул:

– Сто двадцать пять, и ни цента более!

Чайкин в ответ рассмеялся. Директор, пробормотав какое-то ругательство, скрылся за

дверями и, увидевши в коридоре сиделку, спросил ее, указывая на двери комнаты

Чайкина:

– Этот русский в своем уме?..

– Кажется.

– Сомневаюсь! – произнес директор и направился к выходу.

Когда сиделка вошла к Чайкину, он все еще улыбался, вспоминая директора и его предложение.

– Верно, веселый гость был у вас, Чайк? – спросила сиделка.

– Очень потешный... директор театра.

– Зачем же он у вас был? Что ему от вас надо?

Чайкин рассказал и объяснил, какие деньги предлагал ему директор.

– То-то он вас сумасшедшим считает! – со смехом объявила сиделка.

– За то, что я отказался?

– Разумеется. Тысячу долларов не скоро заработаешь.

– И вы считаете меня сумасшедшим? – смеясь спросил

Чайкин.

– О нет... На такую работу, какую предлагал вам директор, и я бы не пошла на вашем месте, Чайк.

– Еще бы! Вы вот тут трудитесь по-настоящему, людям на пользу... И как я поглядел, так вижу, что очень трудная ваша работа ходить за больными, особенно за тяжкими...

– Трудная, Чайк! – отвечала сиделка.

Она была не старая девушка, и лицо ее, задумчивое и кроткое, сохраняло еще остатки былой красоты.

– Теперь еще я привыкла, а прежде тяжело было смотреть на людские страдания и утешать умирающих... говорить, что они поправятся, когда знаешь, что дни их сочтены...

– Никогда не забуду, как вы за мной ходили, мисс

Джен! Вы да мисс Кэт меня и выходили!.. – с чувством проговорил Чайкин.

Мисс Джен промолвила:

– Да, вы очень были опасны, Чайк. Мы думали, что вы не выживете. И какие ужасные страдания вы перенесли и с каким терпением! Таких терпеливых мужчин, как вы, я не видела! – прибавила сиделка, взглядывая лас-

ково, точно мать на ребенка, на своего пациента.

– А я не знал, что был так опасен.

– Не знали? Особенно доктора боялись за вас после операции. Не рассчитывали, что вы ее вынесете...

Чайкин с любопытством слушал о том, как он был плох, и теперь, почти здоровый, пополневший и чувствовавший в себе прежние силы, внутренне радовался и еще более проникался благодарностью и к докторам, которые его лечили, и к сиделкам, которые первые дни не отходили от него.

Особенно привязался он за время своей болезни к мисс

Джен, которая была всегда так спокойно ласкова, так умело, ловко и в то же время без проявления хотя бы малейшего неудовольствия ходила за ним и одним своим видом как-то успокаивала больного.

– И давно вы так трудитесь, мисс Джен?

– Скоро десять лет, Чайк! – ответила девушка.

– Надо к такому делу особенную склонность иметь...

Без этого не вынести таких трудов.

– Надо немножко любить ближнего – вот и все... А я поступила сюда после того, как научилась понимать страдания ближних. Прежде я этого не понимала. Я жила очень богато, Чайк... Я тратила на свои наряды столько, что и вспомнить стыдно... И у меня был жених, миллионер...

Но, к счастью, я вовремя поняла весь ужас такой жизни, встретившись с одной несчастной семьей, и уехала от отца... Мать я давно потеряла.

– А отец ваш знает, где вы?

– Теперь знает.

– А раньше?

– Не знал. Но он обо мне получал известия.

– А жених ваш?

– Жених?! – переспросила мисс Джен, и на ее лице появилась горькая усмешка. – Он, как я узнала вскоре, назвал меня сумасшедшей и через месяц женился на другой девушке, богатой не менее, чем была я.

Чайкин слушал и проникался еще больше восторженностью к этой девушке, отказавшейся от богатства и поступившей на

трудную должность сиделки. И у него неволь-
но вырвался вопрос:

– И вы, мисс Джен, никогда не жалели о
прошлой жизни?

– Первый год жалела и хотела было вер-
нуться к отцу в

Бостон.

– И все-таки остались?

– Как видите. И уж теперь отсюда никуда
не уйду! – с веселой улыбкой произнесла мисс
Джен. – И если вы приедете в Сан-Франциско
и захотите повидать свою сиделку, то найдете
меня здесь. И я очень рада буду вас видеть,
Чайк.

– Разумеется, я к вам приду... Еще бы не
прийти... Я за вас богу молиться буду! – гово-
рил Чайкин.

– Вы, Чайк, преувеличиваете... Не будем об
этом больше говорить... Чего вы хотите на
завтрак?

– Все равно...

– А вот и Дун идет... Так вы не скажете, че-
го хотите?.

Котлету телячью хотите?

– Хочу.

– И зелени?

– Съем.

– И кусочек сладкого пирога... не правда ли? Я вам все это принесу через час и бутылку вина принесу, а пока вы поболтайте со своим приятелем... – И пожавши руку Дунаеву, сиделка ушла из комнаты.

– Ну, брат Дунаев, и сиделка! – воскликнул Чайкин.

– А что?

– Святой человек... По правде живет.

И Чайкин рассказал о том, как мисс Джен отказалась от богатой жизни, чтоб ходить за больными.

Дунаев был изумлен и не без гордости произнес:

– Вот тебе и американка!

– То-то, и я подивился.

– Ты полагал, что все американцы жадны до денег?

– Полагал, а теперь вижу, что дурак был... зря говорил.

Везде есть праведные души...

Дунаев между тем рассказал, что он нанялся капитаном и через неделю двинется в

путь. Обоз небольшой – всего тридцать фурго-
нов.

– А еще другую новость сообщу: Билль при-
ехал.

– Когда?

– Часа два тому назад. Я заходил в контору
и видел

Билля... Он обещал в четыре часа быть у
тебя... Обрадовался, что ты поправился... Все о
тебе расспрашивал.

Чайкин, в свою очередь, рассказал Дунаеву
о посещении директора театра, и оба прияте-
ля весело смеялись.

Даже Дунаев, несмотря на то, что считал
себя американцем, понял, что директор сде-
лал уж чересчур смелое предложение.

– А деньги он на тебе бы нажил, Чайкин! –
добавил, смеясь, Дунаев. – Публика пошла бы
смотреть на тебя. Ты ведь в газетах везде про-
печатан. Оказал, значит, себя русский чело-
век, настояще оказал, каков он есть! – с
неменьшею гордостью за русского прогово-
рил Дунаев.

Через полчаса явился Старый Билль.
Встреча его с

Чайкиным была сердечная.

Дунаев уже успел рассказать Биллю обо всем, что было с Чайкиным за время отсутствия Билля, и Билль не без горделивого чувства смотрел на бывшего своего пассажира и друга.

– А вы, Билль, благополучно приехали? – спрашивал

Чайкин. – На дороге спокойно?

– Не совсем, Чайк, не совсем.

– Агенты шалят?

– Агентов я не встречал по дороге, а индейцы вышли на боевую тропу и нападают на ранчи и на проезжающих...

пощады не дают, скальпируют. Помните мексиканца трактирщика?

– Помню.

– Убили его.

– И жену?

– Жену увели в плен, а из ранчи унесли всю водку. Теперь против сиуксов из фортов войска послали... Сиуксы скроются до нового случая... Ненавидят они янки.

– За что?

– За то, что янки сюда пришли и занимают

их земли, за то, что буйволы убегают дальше и индейцам труднее охотиться, за то, что янки не по-братски с ними обращаются и спаивают их, вот за что, Чайк... И, надо сказать правду, янки виноваты во многом. Можно бы с индейцами ладить.

Я жил среди них и знаю этот народ. Добром дело не кончится! – прибавил Билль.

– Что же будет?

– Отгонят индейцев с их мест подальше от дороги и в конце концов уничтожат их. Сила на стороне янки. Пришлют сюда побольше солдат – и будет новая резня... Такие резни уже прежде бывали... Я помню их.

– А вы не встречали дорогой индейцев, Билль?

– На меня не нападали, Чайк. Старого Билля индейцы знают, знают, что он не враг им, и мой дилижанс благополучно миновал опасные места. Ну да недолго уж ездить в дилижансах! – прибавил Билль.

– Отчего недолго?

– Железную дорогу будут строить. Она пройдет из

Нью-Йорка во Фриски... Тогда индейцы ис-

чезнут из тех мест, где дорога пройдет.

– И скоро построят дорогу? – любопытствовал Чайк.

– Лет через пять, я думаю.

– Что же вы тогда будете делать, Билль?

– Если к тому времени не умру, то еще будет время подумать об этом, Чайк! – отвечал, смеясь, Старый Билль. –

Куда-нибудь в сторону дилижансы все же будут ходить. А

где дилижансы, там и Билль... Еще на мой век хватит места на козлах, я полагаю.

Дунаев сообщил о внезапном отъезде Макдональда, о чем он узнал, посетив квартиру бывшего агента. Билль проговорил:

– Подозрительно что-то... Если б он уехал, то дал бы

Чайку какую-нибудь весть.

– То-то и я так полагал! – заметил Чайкин.

– Но что же могло с ним случиться? – спросил Дунаев.

– Мало ли что случается! – значительно вымолвил

Билль. – Агенты и здесь иногда пошаливают. А Макдональд для них лакомый кусок...

– Почему?

– А потому, что у него богатые родные и прошлое у него не из чистых; знали его за Дэка, а он оказался Макдональдом. Если сообщить родным о Дэке, то им не особенно будет приятно, а если взять с Макдональда выкуп, то

Дэка знать не будут... Понимаете, Дун?

– Так вы думаете, Билль, что с Макдональдом случилось что-нибудь неладное?

– Ничего я не думаю. Я только нахожу странным, что

Макдональд не дает о себе знать. Мне будет очень жаль, если с молодым человеком, которому мы все трое обязаны, что-нибудь случилось неладное. И я наведу справки! –

прибавил Билль с спокойною решительностью человека, у которого слово не расходится с делом.

– Вот так отлично сделаете, Билль! – обрадованно сказал Чайкин.

– Постараюсь, Чайк.

И с этими словами Билль кивнул головой и ушел, обещая скоро вернуться и поболтать с Чайкиным.

3

Из госпиталя Билль отправился в контору:
«Джон

Макдональд и К°» и попросил свидания с
распорядителем фирмы.

Когда Билля позвали в кабинет, он увидал
перед собой старого, сурового и холодного с
виду джентльмена в безукоризненном чер-
ном сюртуке и в белом галстуке.

При появлении Билля старый джентльмен
поднял глаза с письма, которое писал, и, огля-
дев Билля с головы до ног, спросил:

– Что вам нужно и кто вы такой?

– Я – Старый Билль, кучер в Обществе ди-
лижансов.

Может быть, слышали?

– Слышал! – коротко отрезал предстиви-
тель фирмы

«Джон Макдональд и К°» и вслед за тем
протянул руку

Биллю.

– Какое же у вас дело ко мне, Старый
Билль?

– Насчет вашего племянника, Вилли Мак-

дональда! –

ответил Билль и уселся в кресло напротив старика, не дожидаясь его приглашения.

При этом имени старик нахмурился.

– Мне нет ни малейшего дела до Вилли Макдональда. И

если вы принесли его долговое обязательство, то напрасно потратили время: я за него ни цента не дам.

– А я бы дал доллар за доллар за Вилли. Он малый хороший, Джон Макдональд и К°! Но обязательства его у меня нет никакого, а у него есть мое... и я хотел бы уплатить по этому обязательству вашему племяннику...

– Гмм... Очень странно... И велико оно?..

– Очень велико, – настолько, насколько может быть велико обязательство человека, которому оказали большую услугу.

– Это Вилли оказал услугу... И большую? – недоверчиво процедил старик.

– Немалую, если считать, что спасти человека от неприятности быть убитым или, по меньшей мере, раненным, рискуя при этом собственной шкурой, есть услуга...

– Что же вам угодно от меня в таком слу-

чае?

– Узнать, где Вилли Макдональд. Не имеете ли вы о нем известий?

– Никаких. Знаю, что его здесь нет.

– И никто не может дать мне сведений?

– Сходите к его матери, мистрис Макдональд... У нее вы, может быть, что-нибудь узнаете!

И с этими словами представитель фирмы кивнул головой, давая понять, что разговор окончен.

Старый Билль разыскал мать Макдональда и нашел ее обезумевшей от горя. Она ничего не знала о сыне с тех пор, как он внезапно куда-то уехал.

– Он говорил, что собирается уехать?

– В том-то и дело, что нет. В тот же день он обедал у меня и ничего не говорил об отъезде.

– Делаете вы розыски?

– Я обращалась к шерифу, напечатала объявление в газетах...

– Говорили ли вы об этом с своим братом, главой фирмы «Макдональд и К°»?

– Говорила...

– И что же?..

– Брат ничего не знает...

«Или знает, но не хочет сказать», – подумал Старый

Билль.

– Но по крайней мере он подал вам какой-нибудь совет?

– спросил он.

– Никакого... Он не любит Вилли.

– За что?

– За беспутную жизнь. Три года он пропадал в городах

Запада... вел себя недостойно джентльмена... был в дурном обществе... играл в карты... Но ведь он молод... Ведь вы знаете, Билль, – он мне рассказывал про вас и про

Чайка!. Вы знаете, что он ничего слишком дурного не сделал! – говорила мать, защищая сына.

– Уверен! – храбро солгал Билль, чтобы оставить старуху в прежнем неведении относительно очень некрасивых дел ее сына.

– А Джон Макдональд и К° скуп... Он все боится, что

Вилли заставит его платить свои долги, и не хочет о нем разговаривать.

– Вы говорите, скуп?

– Очень, Билль.

– И если бы вашему сыну, положим, очень нужны были деньги...

– Вилли не обратился бы к нему! – торопливо сказала мать.

– Да и Джон Макдональд и К° не дал бы их?

– Наверное, не дал бы...

Собравши эти сведения, Старый Билль успокоил, насколько умел, старуху, выразив надежду, что Вилли, вероятно, скоро вернется из путешествия и расскажет о своих приключениях, и ушел, втайне очень встревоженный, на квартиру, в которой жил до своего отъезда Макдональд.

Горничная, лицо которой очень не понравилось Биллю, объявила, как и Дунаеву, словно затверженный хорошо урок, что мистера Макдональда дома нет.

– Уехал куда-то! – прибавил она.

– Не знаете куда, милая барышня? – приветливо спросил Билль, не сомневаясь в том, что горничная кое-что знает.

– Не говорил.

– В котором часу он уехал?

– Не помню.

– Прямо на железную дорогу?

– Нет, кажется.

– Он взял с собой чемодан?

– Нет, не брал.

– Почему же вы знаете, что Макдональд уехал? – допрашивал Билль с искусством опытного следователя.

Горничная сперва заплакала, а потом стала браниться, что ее, честную девушку, и вдруг словно в чем-то подозревают.

Однако когда Билль сказал, что если она категорически не ответит на его вопрос, то он обратится к шерифу, –

горничная объявила, что мистер Макдональд не взял чемодана и не собирался, по видимому, уезжать, когда три недели тому назад вышел из дому и не возвратился. Сообщил же ей об отъезде мистера Макдональда какой-то джентльмен, приходивший на другой день, причем прибавил, что Макдональд через несколько дней вернется. А

он между тем не возвратился.

– Вот все, что я знаю по этому делу! – заключила свое объяснение горничная.

– Не припомните наружности этого джентльмена?

– Не старый...

– Лет сорока или больше?

– Вроде этого.

– Брюнет или блондин?

– Кажется, брюнет.

– Борода и усы были?

– Были...

– Длинная борода?

– Не припомню.

– Одет как был, не припомните?

– Вполне прилично.

– В цилиндре?

– Да.

– Благодарю вас.

– А вы почему так интересуетесь господином Макдональдом? – спросила, в свою очередь, горничная. – Вы, верно, сыщик?

– Сыщик! – ответил Билль.

– Они уже были раньше и расспрашивали... Но, видно, не разыскали мистера Макдональда. Он, верно, улизнул в Европу.

– Почему вы думаете, что ему нужно было

улизнуть?

– Так... Иначе куда же он девался?

Билль не нашел нужным более допрашивать молодую девушку и, далеко не успокоенный полученными сведениями, решил добыть более точные.

ГЛАВА VIII

1

Билль отправился в одну из больших улиц и, войдя в подъезд небольшого дома, позвонил у дверей, на которых было написано: «Смит и К°, комиссионеры».

Двери отворил гигантского вида негр, подозрительно оглядевший Билля.

– Вам кого угодно? – спросил он, заслонивши своей внушительной фигурой двери.

– Смит дома?

– Нет мистера Смита.

– Скоро будет?

– Не знаю. Он уехал из Фриски.

– Куда?

– Спросите у него сами. Мне он не говорил.

– Кабы он с вами очень серьезно не погово-

рил за то, что вы дурак и не пускаете его приятеля. Мне нужно видеть

Смита по делу, которое очень интересует Смита и К°.

Поняли?

– Понял, но только Смит и К° уехали...

– Идите и скажите, что Старый Билль желает видеть

Смита и К°! – громко крикнул Старый Билль.

Вслед за тем чей-то резкий голос крикнул из комнат.

– Сам! Идиот! Когда вы научитесь разбирать посетителей? Впустите джентльмена!

Негр тотчас же отскочил от дверей и испуганно проговорил, пробуя в то же время улыбнуться, оскалив свои блестящие белые зубы:

– Извините, сэръ, я ошибся, Смит и К° дома. Пожалуйста, сэръ! И когда Билль вошел в темноватую прихожую, негр тотчас же захлопнул двери и задернул цепь.

Билль вошел в комнату налево, в контору Смита и К°.

Это была небольшая, почти пустая комната, разделенная пополам барьером, за кото-

рым были две конторки и шкаф.

За одной из них сидел какой-то чахлый молодой человек.

Несколько стульев стояли у стены по эту сторону барьера и, очевидно, предназначались для посетителей. Но ни души не было, и молодой человек не без удивления взглянул на Старого Билля, которому понадобились услуги конторы Смита и К°.

– Мистер Смит просит вас в кабинет! – проговорил он усталым, больным голосом.

И с этими словами молодой человек сполз со своего высокого конторского табурета и, отворив дверцы барьера, постучал в двери соседней комнаты.

– Войдите! – раздался тот же резкий голос, который только что выругал негра.

Билль очутился в большом, хорошо убранном кабинете, где за письменным столом, стоявшим посреди комнаты и заваленным газетами, сидел худощавый высокий красивый старик, с вьющимися седыми волосами и длинной седой бородой.

Он производил впечатление вполне приличного джентльмена, не без щеголеватости

одетый в черную пару, в белом галстуке и с безукоризненно чистыми воротничком и манжетами.

– Здорово, старина! – ласково приветствовал старик

Билля, протягивая ему руку и зорко вглядываясь в него своими пронзительными и острыми, как у хищной птицы глазами, словно бы несколько удивляясь его приходу. –

Садитесь, Билль, вот сюда, в кресло. Давненько мы с вами не встречались.

– Давно, Смит. После того случая...

– А вы, Билль, все еще его помните?.

– Помню, Смит...

– Чего хотите: пуншу или бренди?

– Спасибо, ничего...

Оба не без любопытства оглядывали друг друга, встретившись после долгих-долгих лет, когда были приятелями и вместе были в шайке, как «агенты большой дороги».

После «того случая», как Билль нечаянным выстрелом убил девочку, он проклял и бросил свое ремесло, а Смит продолжал его и, счастливо избавившись от виселицы, переехал во Фриски и открыл контору «Смит и

К°, комиссионеры». Но комиссионерство это было только для вида. В действительности же Смит и К° (хотя никакой компании и не было) занимался укрывательством, покупкой краденых и награбленных вещей и состоял в непосредственных сношениях с агентами большой дороги, причем вел это дело так ловко и с такою таинственностью, что до сих пор не попадался, и полиция не догадывалась, что находившиеся в подвальном помещении, под конторой

Смита и К°, большие бочки с фруктами, принятые будто бы на комиссию, были наложены ими только сверху, а под ними были всевозможные предметы, но только не фрукты.

Билль, знавший всю подноготную комиссионерской конторы Смита и К°, знал также, что Смит через подставных лиц является посредником между агентами и публикой в тех редких случаях, когда агенты задерживают состоятельных лиц, требуя выкупа, или в других более частых случаях шантажа и вымогательства.

Поэтому-то он и пришел к Смицу, надеясь

от него получить верные сведения о Макдональде.

– А я к вам, Смит, по маленькому дельцу! – проговорил

Билль, закуривая свою короткую трубочку.

– Знаю, что по дельцу. Так-то вы не зашли бы, Билль.

Не правда ли?

– Не зашел бы, Смит. Врать не стану.

– Каждый по-своему живет.

– По-своему, Смит.

– И зарабатывает по-своему.

– Правильно.

– Так какое же у вас, Билль, дельце? Чем может служить вам Смит и К°? Верьте, что по старому знакомству моя контора исполнит всякую вашу комиссию и сделает двадцать процентов скидки. Вам, быть может, кучер требуется для Общества дилижансов? Могу отличного человека рекомендовать!. Или вам нужно сделать объявление в газетах об отходе дилижансов?

– Полно, Смит, зубы заговаривать. Я ведь не «грин»! –

проговорил, смеясь, Билль.

– Привычка, Билль. В старые годы не легко отстать от привычек! – отвечал Смит и тоже рассмеялся. – Так если вам, старина, не нужно ни кучера, ни прачки, ни respectable невесты с приданым, ни капитала на верное дело, ни компаньона для золотых приисков, – продолжал, понижая голос, мистер Смит, – то говорите потише, зачем пришли... А то эта дохлая каналья, которой нечего делать там (мистер Смит кивнул головой по направлению к дверям), от скуки может подслушивать, а вы помните, Билль, я никогда не имел привычки вести деловые разговоры иначе, как с глаза на глаз и без посредников...

– Такой же осторожный и предусмотрительный, как и прежде были, Смит!

– Без осторожности живут только святые или очень богатые люди, Билль, а я ни свят, ни богат! – усмехнулся

Смит.

И с этими словами он встал с кресла, подошел к двери, открыл ее, что-то проговорил своему клерку, затем запер двери на ключ и, приблизившись к Биллю, проговорил:

– Пойдемте сядем вон в тот уголок, Билль.

Я его называю уголком дружеских бесед... Там мы поговорим по-приятельски.

И он направился в дальний угол комнаты, где стояли рядом два кресла.

Идя вслед за ним, Билль заметил, что Смит и К° нащупал что-то рукой в кармане, и не усомнился, конечно, что это «что-то» был револьвер, причем невольно вспомнил ходившие среди «молодцов Запада» слухи о том, что

Смит иногда вместо комиссионера исполняет роль «агента» и притом довольно решительно. По крайней мере в числе многих доблестных подвигов Смита, о которых однажды рассказывали подвыпившие рыцари большой дороги в гостинице Денвера, не стеснясь присутствием

Билля, значился особенно блестящий, возбуждавший общее сочувствие подвиг Смита, состоявший в том, что переодетый сыщик, явившийся к нему и отрекомендовавшийся оптовым торговцем фруктами, уже более из конторы Смита и К° не вышел, а через неделю его труп был выброшен морем на берег, в двух милях от Фриски.

И Билль, в свою очередь, машинально опустил руку в карман штанов, чтобы удостовериться, что и его револьвер на месте.

– Теперь мы совсем одни в кабинете, Билль! – произнес, опускаясь в кресло, Смит, указывая на другое своей рукой,

на мизинце которой сверкал брильянт. – Мы заперты, и никто нас не услышит. Я послал свою дохлую каналью выпить кружку пива и пить ее не менее получаса, а идиот

Сам, – все негры ведь Самы, хоть он и говорит, что его зовут Томасом, – сидит в прихожей у дверей и никого не впустит, если бы и зашел какой-нибудь дурак с улицы искать через мою контору пропавшую собаку. – И, рассмеявшись своим словам, Смит прибавил: – Так говорите о своем деле, Билль, и имейте в виду, что виски и бренди за нами, вот здесь в шкапе, сделанном в стене. Хотите?

– Нет, Смит, не хочу. А дело мое: справка о Дэке-Макдональде. Не можете ли вы сообщить мне о нем чего-нибудь?

– Могу. Но прежде позвольте спросить: вы от себя наводите справки?

– От себя.

– Слово Билля?

– Честное слово.

– Но какое вам дело до Дэка?

– Он оказал мне услугу после того, как я хотел его вздернуть на виселицу.

– Слышал, слышал. Я тоже обо всем осведомлен, хоть и не езжу, как вы, по большой дороге, а сижу в своей берлоге; и что Дэк уколошил своего приятеля, знаю. Мое дело такое, что я все должен знать, обо всем догадываться и... и молчать. Но вам по старинной дружбе, Билль, могу сообщить, что Дэк-Макдональд жив и здоров и находится в надежных руках. В очень надежных! – значительно прибавил Смит.

– Охотно верю... Особенно если он в ваших, Смит! –

сказал в виде комплимента Старый Билль.

И от его зоркого взгляда не укрылось, что при этих случайно сказанных им словах по лицу Смита мгновенно пробежала словно бы судорога, искривив его губы и вздернув щеку.

Но через мгновение оно было по-прежнему добродушно и спокойно, и голос Смита не обличал ни малейшего волнения, когда он

сказал:

– Я этим не занимаюсь, Билль. Я иногда принимаю на хранение вещи, но не людей.

– Я в этом и не сомневаюсь, Смит! – поспешил согласиться Билль, чтоб усыпить подозрения старого осторожного и опасного мошенника. – Я хотел только сказать вам комплимент.

– Благодарю. Так повторяю вам, что Макдональд в хороших руках и в укромном месте, в некотором расстоянии от Фриски. Его хорошо кормят, хорошо поят, записывая, разумеется, все это в счет, и только не выпускают из его временного помещения. А если бы он не был так упрям, то давно мог бы разгуливать по Монгомерри-стрит от четырех до шести дня.

– В чем же его упрямство, Смит?

– Он решительно отказывается написать своему богачу дяде Макдональд и К° и своей почтенной матушке, миссис

Макдональд, чтобы ему прислали десять тысяч долларов за выкуп... Кажется, с него не запросили... Как вы полагаете, Билль, а? – деловым тоном спросил Смит и К°. – Они было хотели запросить двадцать тысяч, но я отсо-

ветовал. Надо дела вести по чести. Это мое правило! Дэк больше десяти тысяч не стоит.

– Положим. Но он и в эту сумму не согласен себя оценить. Отказывается, как видите, писать родным... Поймите, Смит, что ему это затруднительно.

– Вполне понимаю, Билль, вполне понимаю, что для молодца, решившего переменить образ жизни и вместо

Дэка называться снова Макдональдом, это вопрос деликатный... И они... вы понимаете, кого я подразумеваю, Билль?

– Вполне, Смит. Продолжайте.

– Так они, говорю, хотели облегчить молодому человеку выход из неприятного положения – непосредственно обращаться к дяде, с которым он не в особенных ладах, и в особенности к матери, которая и так ухлопала значительную часть состояния на уплату долгов сына... Они написали три самых убедительных письма в «собственные руки» Макдональда и К°...

Билль вспомнил, как дядя отозвался полным неведением о племяннике, и проговорил:

– И получили, разумеется, отказ!

– Хуже. Ни на одно из писем не получено ответа.

Большой мерзавец, по правде сказать, этот Макдональд и

К°. Племянник случайно попался в беду, а дядя и ухом не ведет. Я замечая, Билль, что ныне родственные чувства становятся слабей, чем были в наше время... Прежде, помните ли, если захватишь молодчика, у которого есть папа или мама или даже дядя или тетя со средствами, то дельце по первому же извещению кончалось, – деньги уплачивались, и все три стороны были довольны... А нынче, когда находятся молодчики, которые входят в стачку с агентами, чтоб выудить денег у родителей под видом выкупа, – куда труднее получать заработанные деньги.

– Дэк знает, что дяде его писали?

– Разумеется. Они даже показывали ему письма, прежде чем их отсылать, и вообще ведут себя вполне корректно относительно пленника.

– И что ж он?

– Обрадовался, что дядя отказал.

– А они?

– Они поставили на вид Дэку, что долго ждать не намерены, и объявили, что Дэк по сущей справедливости должен сам написать дяде и матери...

– Он отказался, конечно?

– Отказался... Тогда они предложили ему еще двухнедельный срок для обдумывания своего положения. И если к четвергу, – сегодня у нас вторник, Билль, – Дэк не одумается и не напишет дяде и матери, то они вынуждены будут сами написать, как это ни прискорбно, и дяде и матери письма, в которых расскажут кое-какие не особенно приятные для молодого человека сведения о его прежней жизни: о том, как он был агентом, как убил товарища, –

одним словом, легонькую биографию... Положим, это крайняя мера, но ведь надо же сломать упорство молодого человека... И наконец надо же получить и им за стол и квартиру! – прибавил Смит.

– Но послушайте, Смит, ведь такое письмо может убить мать! – воскликнул Билль, употребляя усилия, чтобы скрыть свое негодова-

ние.

– Так кто же мешает ему написать в таком случае письма? А между тем он до сих пор и не думает писать. И в ответ на ультиматум объявил знаете ли что?

– Что?

– Что если осмелятся написать его матери, то он разmozжит себе голову.

– Он сдержит слово! – угрюмо проговорил Билль.

– Тем хуже для него! – промолвил Смит.

– Но если я попрошу за него вас, Смит... Если я, положим, внесу три тысячи долларов, – это все мои сбережения, Смит, – вы в свою очередь попросите их, чтобы

Дэка выпустили?

– Я, Билль, охотно бы согласился, но они едва ли... Они рассчитывают, что Дэк в последнюю минуту сдастся и напишет письма... Вдобавок они и очень злы на него.

– За то, что он помешал напасть на моих пассажиров?

– Да, Билль. Ему не следовало бы впутываться в это дело, как бывшему агенту. Не следовало! – повторил Смит.

– И при этом не следовало иметь дядю банкира?

– Пожалуй, Билль. Это был приятный сюрприз даже и для меня. И я не знал, что этот Дэк – наследник скаредного банкира и называется Макдональдом. Он был очень скрытен, Билль.

– Так, значит, Смит, вы ничего не можете сделать?

– К сожалению, не могу даже и для вас, Билль. Они не согласятся... Все, что по старой дружбе я сделаю для вас, Билль, это то, что я откажусь от своего комиссионного процента по этому делу. Сходите к банкиру или к мистрис

Макдональд, если найдете это более удобным, и попросите их послать по адресу, который я вам сообщу, десять тысяч, и дело будет в шляпе. Завтра же Макдональд явится благодарить и вас и этого олуха русского... Чайка, который своими проповедями совсем сбил с толку Дэка...

– Спасибо, Смит, за сбавку. Я последую вашему совету!

– мрачно проговорил Билль.

– Вот и видно умного человека, Билль.

– Я пойду к мистрис Макдональд и посоветую ей обратиться к брату, но прежде...

И Старый Билль был уже на ногах и держал в руке револьвер, направленный на Смита.

– Не шелохнитесь, Смит, если не хотите быть убитым...

Вы знаете, я слово держу...

Смит смертельно побледнел. Лицо его искажилось бешенством.

– Ловко поддели, Билль... Сознаюсь, ловко! – проговорил он сдавленным голосом.

Билль тем временем вытащил левой рукой из кармана

Смита револьвер и опустил его в карман своих штанов.

– А пока, Смит, покажите мне, куда вы прятали Дэка.

Ведите в ваши подвалы, где хранятся бочки с фруктами...

Нет ли там хорошего помещения и для Дэка... И слушайте, Смит, что я вам скажу...

– Говорите: я поневоле должен вас слушать, так как не могу разmozжить вам голо-

ву...

– Даю вам честное слово, что ни я, ни Дэк ни одной душе не скажем о том, что произошло, и не дадим знать полиции о том, какие у вас фрукты... Вы и без меня рано или поздно попадете на виселицу, и это не мое дело, Смит.

Но знайте, что, если агенты или вы еще раз тронете Дэка, то ваши фрукты будут накрыты и сами вы будете на виселице скорее, чем ожидаете... А теперь показывайте дорогу в ваши склады и не забывайте, что я пускаю пули без промаха... Дэк у вас... Я знаю! Ведите к нему, Смит... и не шумите, чтобы не возбудить подозрения вашего Сама.

– Козыри ваши. Я принимаю условия... Вы одурачили меня, Билль. На кой только дьявол вы предлагали три тысячи?

– И дал бы их!

– Тогда вы бы были дурак, давши их, если могли выкупить Дэка даром. Идите за мной! Да не спустите нечаянно курка, Билль. А то вам придется вспоминать убийство старика к убийству ребенка... А это поведет к бессоннице такого защитника обиженных, каким вы

стали...

– Будьте спокойны, Смит. Я осторожен не менее вас, когда надо.

– А я оказался неосторожным, принявши вас. Сам был догадливей меня.

Смит между тем открыл едва заметные двери и прошел в следующую небольшую комнату, которая была спальней.

Из спальни он вышел в коридор и по крутой лестнице спустился в полутемный подвал, заставленный бочками.

За бочками он остановился и отпер двери небольшой, но довольно светлой комнаты, с одним окном, заделанным крепкой решеткой и выходящим в сад.

– Вот ваш Дэк! – проговорил он, входя в комнату.

При виде Билля Макдональд замер от удивления.

– Идем отсюда. Смит был так добр, что выпускает вас без всякого вознаграждения, требуемого агентами. Он даже ничего не хочет брать за стол и квартиру! – проговорил

Билль, не спуская глаз со Смита. – Поздороваемся на улице, Макдональд, а теперь выхо-

дите скорей! Смит будет так любезен, что покажет нам дорогу. Не правда ли, Смит?

– Теперь все будет правдой, какую бы глупость вы ни сказали, Билль... А вы вот Дэку повторите при мне то, что обещали и за себя и за него.

Билль повторил. Макдональд дал слово молчать.

– А хорошо ли я кормил, пусть подтвердит Дэк! – сказал

Смит.

– Отлично.

– И хорошее ли я давал вино вам, Дэк?

– Недурное.

– И были ли у вас всегда сигары по десяти центов штука?

– Были.

– Имейте это в виду, Билль!

– Имею, Смит, и приношу вам чувствительную благодарность.

Через пять минут Смит привел Билля и Макдональда в свой кабинет и провел их до дверей.

Негр пришел в изумление, когда увидел, что вместо одного посетителя из конторы

Смита и К° вышло двое.

– Прощайте, джентльмены!

– Прощайте, Смит.

– Всего вам хорошего!

– И вам так же! – отвечал, улыбаясь, Макдональд.

– Не забудьте условия, Билль, и моего револьвера!

– Не забудьте и вы, Смит. А револьвер я вам пришлю сегодня же.

Оба гостя вышли за двери.

Между тем негр, широко раскрывши свои большие черные глаза, испуганно проговорил, обращаясь к Смит:

– Другой, масса. Откуда он пришел?

– Дурак! ты сам его впустил.

– Я впустил молодого? Когда это могло быть?

– Перед тем, что впустил старого.

– Клянусь богом, я не впускал молодого! – горячо воскликнул негр.

– Не клянись. Ты впустил. Слышишь? – прикрикнул

Смит.

– Слышу.

– Так впустил?

– Не...

– Что?..

– Впустил, впустил, масса! – испуганно пролепетал негр.

Не менее был изумлен и чахлый молодой человек, когда у подъезда столкнулся с двумя джентльменами, выходящими из конторы. Он отлично знал, что если хозяин отправлял его пить пиво, то до его возвращения никакой другой посетитель не пускался в контору.

Он, однако, старался скрыть свое изумление и почтительно раскланялся с клиентами Смита и К°. Войдя в контору, он был еще более озадачен при виде патрона: до того было искажено его лицо злобой и так блестели глаза, глядевшие в окно, мимо которого проходили в эту минуту только что вышедшие посетители.

«Верно, дельце не выгорело!» – подумал чахлый молодой человек, влезая на свой высокий табурет.

– Дильк! – обратился к нему хозяин.

– Что, сэр?

– Можете сейчас же уходить и не являться

неделю в контору.

– Слушаю, сэр.

– Я уезжаю на неделю из Фриски. Вывесите на дверях аншлаг, что контора на неделю будет заперта.

– Вывешу, сэр.

– И сами уезжайте из Фриски на неделю.

– Куда, сэр?

– Куда хотите. Но чтоб вас в городе не было. Понимаете, Дильк?

– Понимаю, сэр.

– И вот вам на путешествие деньги...

Смит отсчитал двадцать пять долларов и положил на конторку Дилька.

– Благодарю вас, сэр.

Через четверть часа молодой человек ушел.

Тогда Смит позвал негра и объявил ему, чтобы он никого не пускал в контору.

– Ни души, понимаете?

– Понимаю, сэр!

В ту же ночь подвал Смита и К° был очищен, и бочки с фруктами куда-то увезены.

А утром рано Смит рассчитал негра и, когда тот ушел, запер контору на ключ и отпра-

вился объявить хозяину дома, что по случаю отъезда он закрывает контору.

– Куда едете, мистер Смит? – любопытствовал хозяин.

– На Восток! – неопределенно отвечал Смит.

И, кивнув хозяину головой, вышел на улицу и направился к пристани. Там он сел на пароход, отправляющийся в Гонолулу, на Сандвичевы острова, и записался в книгу пассажиров под именем Джорджа Брухлина.

Багаж его был доставлен на пароход еще накануне.

2

– Что все это значит, Билль? Объясните: я ничего не понимаю! – обрадованно спрашивал Макдональд Билля, когда они очутились на улице.

Билль вкратце рассказал, как он от Чайка и Дуна узнал об его исчезновении и решил идти к этому Смиту.

– Ну, и я перехитрил его, как видите, Макдональд...

получил вас без всякого выкупа! – прибавил Старый Билль улыбаясь.

– Благодарю вас, Билль! – горячо проговорил Макдональд.

– Не благодарите. Мы только расквитались! – остановил молодого человека Билль.

– А я уж решил было размозжить себе об стену голову, Билль, послезавтра.

– Знаю. Смит говорил, но сам он не верил этому: думал, что вы под его подлой угрозой написать вашей матушке о вашем прошлом напишете ей просьбу о деньгах. Но я, Макдональд, верил, что вы не напишете и размозжите себе голову...

– Спасибо, что поверили, Билль.

– И это старый мерзавец делал вам такие предложения?

– Он. И раз я ему плюнул в лицо.

– И он обтерся?

– Сказал только, что прибавит пятьсот долларов к сумме выкупа.

– Скотина! – энергично промолвил Билль. – Но раз дано слово – надо держать. О вашем заточении у Смита ни слова, Макдональд. Сочините какое-нибудь путешествие...

Мать ваша поверит... Она всему поверит, увидавши вас...

А как она тревожилась...

– Почему вы знаете?

– Я был у нее и старался успокоить. Она сделала все возможное, чтоб отыскать вас: делала объявления, обращалась к сыскной полиции.

– О Билль! чем отблагодарю я вас?

– Вы уже отблагодарили тем, что стали другим человеком. Чайк был прав, когда так горячо защищал вас.

– А он что, поправился, этот славный Чайк?

– Я сегодня был у него. На днях выходит из госпиталя.

Очень он беспокоился, когда узнал, что вас нет в городе.

«Дал бы о себе знать», – говорил он, уверенный, что вы его не бросили бы больного.

– Еще бы!.. Я сейчас отправлюсь к матушке, успокою ее, а от нее – к Чайку.

– Придем к нему вместе.

– Отлично. Я в девять часов буду у него.

– И я к этому часу приду.

– До свидания, Билль!

– До свидания, Макдональд... Еще слово:
дядя ваш

Макдональд и К° жестокий человек... Я у него был.

– И у него были?

– Да. Думал, что он даст о вас сведения.

– И что же он?

– Сказал, что ничего не знает, а между тем...

– Смит ему писал три письма, и никакого ответа... Я

знаю дядю...

– И лучше не надейтесь на него, Макдональд, а на одного себя. Не правда ли?

Молодой человек крепко пожал руку Биллю, как бы выражая этим свое согласие с его словами, и, кивнув головой, веселый и радостный, впрыгнул в проходившую мимо конку.

А Старый Билль с утра, в поисках за Макдональдом, ничего не евший, чувствовал страшный голод и вошел в первый попавшийся ресторан пообедать. На радостях, что выручил из беды человека, он даже позволил себе ма-

ленькую роскошь – спросил к обеду бутылку вина и после обеда пил кофе с коньяком, покуривая свою коротенькую трубочку и глядя в открытое окно на ярко освещенную улицу того самого Фриски, на месте которого всего пятнадцать лет тому назад он видел пустынные красноватые бугры, над которыми вздымались пики сиерр.

И Билль не без горделивого чувства старого калифорнийца посматривал на высокие пятиэтажные дома с блестящими магазинами в нижних этажах, вспоминая, что этот богатый и блестящий Фриски, жемчужина Тихого океана, создан в каких-нибудь двенадцать лет.

ГЛАВА IX

1

Чайкин только что навсегда простился с Кирюшкиным.

Прощание было без слез, без тех чувствительных слов, которыми обыкновенно при разлуке обмениваются люди, и, глядя со стороны, можно было бы подумать, что Кирюш-

кин и Чайкин прощаются до завтра.

Но, стыдливо боящиеся обнаруживать свои чувства, по обыкновению большей части простолюдинов, они тем не менее оба сильно чувствовали горечь разлуки, хотя в это последнее свидание и говорили о самых обыденных, простых вещах.

Кирюшкин как-то особенно долго рассказывал о том, как чуть было не лопнули тали, когда утром на клипер поднимали здорового черного быка, и как за это старший офицер разнес боцмана («Однако не вдарил ни разу, хотя, по всей справедливости, и следовало бы, – потому его дело было осмотреть раньше тали!» – вставил Кирюшкин), рассказывал, что на клипер было принято пять быков для команды и десять свиней, четыре барана и много всякой домашней птицы для капитана и офицеров и что ходить за всей животиной назначены матросы Баскин и Музыкантов.

Словно бы для того, чтоб избежать тяжелого разговора, Кирюшкин, почти не умолкая, говорил о том, что с тех пор, как убрали прежнего «левизора», пища куда «скусней» и что сегодня старший офицер очень «засуетим-

шись» был по случаю отхода.

– Однако и идти пора! – неожиданно вдруг оборвал свою болтовню Кирюшкин и, поднявшись с кресла, прибавил чуть-чуть дрогнувшим голосом: – Так прощай, Вась... Напиши, ежели когда в Кронштадт...

– Прощай, Иваныч. Кланяйся всем ребятам...

– Ладно.

– И Расее-матушке поклонись, Иваныч!

Кирюшкин, уже бывший в коридоре и в сопровождении

Чайкина направлявшийся быстрыми шагами к выходу, остановился при этих словах и, глядя на своего любимца, строго проговорил:

– А ты, Вась, смотри, в мериканцы не переходи. Свою веру держи!

– Не сумлевайся, Иваныч. Прощай.

– Прощай, Вась!

И Кирюшкин кинулся к дверям и скрылся за ними.

Почти бегом дошел он до пристани. Там стоял катер с

«Проворного».

– Скоро, братцы, отваливаете? – спросил он у двух матросов, сидевших в шлюпке.

– Должно, через полчаса.

– Кого дожидаете?

– Лейтенанта Погожина и механика. Сказывали, в десять будут.

– А где остальные гребцы?

– В салуне напротив...

– И я туда пойду...

– Ой, не ходи лучше, Кирюшкин! – заметил белобрысый немолодой матрос. – Дождидайся лучше на катере! –

прибавил он.

Казалось, Кирюшкин хотел последовать доброму совету. Но колебания его были недолги.

– Я только стаканчик! – проговорил он и пошел в салун.

Там он выпил сперва один стаканчик, потом другой, третий, четвертый, и через полчаса гребцы привели его на шлюпку совсем пьяного.

Мрачный сидел он под банками и пьяным голосом повторял:

– Прощай, Вась... Прощай, добрая твоя ду-

ша!

– У Чайкина был, ваше благородие... Жалее-ет его! –

доложил унтер-офицер, сидевший на руле, лейтенанту

Погожину.

Лейтенант Погожин, казалось, догадался, почему Кирюшкин, возвращавшийся всегда от Чайкина, к общему изумлению, трезвым, сегодня напился.

2

Грустный ходил и Чайкин взад и вперед по своей маленькой комнатке после ухода Кирюшкина. В лице его он словно бы терял связь с родиной и со всем тем, чем он жил раньше и что было ему так дорого, – он это снова почувствовал в последнее время частого общения с Кирюшкиным. И в то же время ему казалось, что возврат к прежнему теперь уж для него невозможен.

И Чайкин думал: «Везде хорошие люди есть, и здесь легче жить по-своему – никто не запретит тебе этого. Он, разумеется, не делается американцем и не переменит своей веры.

Он будет стараться жить по правде, по той правде, которую он чувствовал всем своим сердцем и пытался понять умом, нередко думая о той несправедливости, которая царит на свете в разных видах и делает людей без вины виноватыми и несчастными.

И словно бы в доказательство, что везде есть добрые люди, размышления Чайкина были прерваны появлением мисс Джен.

– Вот вам, Чайк, моя фотография, которую вы хотели иметь! – проговорила она, передавая Чайкину свою карточку.

Чайкин поблагодарил, посмотрел на карточку и, тронутый надписью на ней, еще раз выразил свою благодарность.

И при виде этой самоотверженной девушки, живущей по тому идеалу правды, который носил он в своем сердце, и у Чайкина на душе просветлело и тоскливое настроение прошло.

– А вот, Чайк, примите от меня на память маленький подарок! – И с этими словами мисс Джен вручила небольшую книгу в переплете. – Это евангелие! Вы читали его?

– Нет, мисс Джен.

– Так почитайте, и я уверена, что вы так полюбите эту божественную книгу, что будете часто прибегать к ней за утешением в ваших горестях и сомнениях. Нет лучше этой книги на свете! – восторженно прибавила сиделка.

Чайкин бережно спрятал в ящик своего столика книгу и фотографию и сказал, что непременно прочтет евангелие.

Мисс Джен заметила, что Чайкин невесел, и, присаживаясь в кресло, сказала:

– Я у вас посижу пять минут, Чайк.

– Пожалуйста, мисс Джен.

– Вы как будто расстроены. Что с вами? – участливо спросила она.

– Сейчас с товарищем навсегда простился, мисс Джен!

Жалко его. И вообще своих жалко. Завтра уходят русские корабли. Когда еще доведется повидаться со своими?.. А

Кирюшкин каждый день навещал...

– И, кажется, был самый любимый ваш гость, Чайк?

– Да, мисс Джен. Два года вместе плавали... Он даром что из себя глядит будто страшный,

а он вовсе не страшный. Он очень добрый, мисс Джен, и жалел меня...

И Чайкин рассказал сиделке, как его однажды пожалел

Кирюшкин, благодаря чему его наказали не так жестоко, как наказывали обыкновенно.

Мисс Джен в качестве американки не верила своим ушам, слушая рассказ Чайкина о том, как наказывали матросов на «Проворном».

– А теперь вот дождались того, что и вовсе жестокости не будет... Царь приказал, чтобы больше не бить матросов.

Лицо американки просветлело.

– Какой же человечный ваш император Александр

Второй! – восторженно воскликнула мисс Джен. – Он и рабов освободил, он и суд дал новый, он и выказал свое сочувствие нам в нашей борьбе с южанами... О, я люблю вашего царя... Но все-таки, извините, Чайк, я не хотела бы быть русской! – прибавила мисс Джен...

– Не понравилось бы в России жить?

– Да, Чайк!

– Везде, мисс Джен, много дурного... на всем свете...

– Но у нас в Америке все-таки лучше, чем где бы то ни было! – с гордостью произнесла она уверенным и даже вызывающим тоном.

И, странное дело, этот вызывающий тон задел вдруг за живое Чайкина и приподнял его патриотические чувства. И

ему хотелось показать американке, что и на ее родине, как и везде, люди тоже живут не по совести.

– Разве вы видали, Чайк, страну лучше нашей? Разве вы видали страну, в которой бы человеку жилось свободней, чем у нас? Разве вы не чувствуете себя здесь более счастливым уже потому, что никто не вправе, да и не подумает посягнуть на вашу свободу? Думайте как хотите, говорите что хотите, делайте что угодно, – если только вы не причиняете вреда другим, никто вам не мешает... Никто не смеет нарушить вашу неприкосновенность, хотя бы вы говорили против самого президента. Понимаете вы это, Чайк?

– Понимаю... Слова нет, здесь вольно жить, а все-таки как посмотришь, так и здесь душа

болит за людей... Неправильно люди в Америке живут, мисс Джен! – проговорил Чайкин в ответ на горячую речь мисс Джен.

Американка удивленно взглянула на Чайкина.

Этот русский матрос, которого наказывали, который дома должен был чувствовать себя приниженным и безгласным, и вдруг говорит, что в такой свободной стране, как Америка, люди неправильно живут.

– Чем же неправильно, по вашему мнению, Чайк? –

спросила наконец мисс Джен.

– Многим...

– Например?

– А хоть бы подумать, как здесь обращаются с неграми, мисс Джен...

– Но за них и война была. Им дали все права свободных граждан, Чайк!

– Права хоть и дали, а все-таки с ними не по-людски обращаются, будто негр и не такой человек. С ними и не разговаривают по-настоящему, их и в конки не пускают...

одно слово, пренебрегают... А разве это настоящие права у человека, которым прене-

брегают, мисс Джен? И чем он виноват, что родился черный! А я так полагаю, что у господа бога все равны, что белый, что черный, и пренебрегать им только за то, что он черный, прямо-таки грешно. А им пренебрегают вовсе и на него смотрят так, как добрый человек и на собаку не посмотрит... И что еще очень мне здесь не понравилось, мисс Джен, так это то, что здесь очень жадны к деньгам... Таких вот, как вы, что бросили богатую жизнь, чтобы призвать больных, должно полагать мало. А все больше для денег стараются и вовсе забыли бога... И бедными так пренебрегают, вроде как неграми, и смеются над ними, и не жалеют их. А почему это у одних миллионы, а у рабочего народа ничего? И разве можно по совести нажить эти миллионы? Непременно под этими миллионами людские слезы. А этих слез здесь будто и не замечают... Друг дружку валят и теснят, – только бы самому было лучше... Так разве и здесь правильно живут?..

Вольно-то вольно, но только неправильно! – заключил

Чайкин.

Мисс Джен внимательно слушала Чайкина и, когда он кончил, крепко пожала ему руку и взволнованно проговорила:

– А ведь вы правы, Чайк. Мы живем, как вы говорите, неправильно, и мало кто думает, что можно иначе жить.

– То-то, мало. Если бы думали, то, верно, иначе жили бы.

– Но как вы пришли к таким взглядам, Чайк? – спросила мисс Джен.

– Тоже иной раз думаешь: к чему живешь, как надо жить...

– И прежде думали, когда матросом были?

– Думал и прежде... И очень бывало тоскливо.

– Отчего?

– От самых этих дум. И жалко людей было... и самому хотелось так жить, чтобы никого не обидеть. Трудно это только, сдается мне. И не увидишь, как кого-нибудь притеснишь или обидишь!

– Вам надо проповедником быть, Чайк! Вас многие слушали бы! – неожиданно проговорила мисс Джен, с необыкновенным уважением глядя на этого молодого белобрысого че-

ловека с короткими и вдумчивыми глазами.

– Что вы, мисс Джен! куда мне? – застенчиво, весь вспыхивая, проговорил Чайкин. – Мне самому надо у людей учиться, а не то что других учить.

Но американка, казалось, была другого мнения, и в ее воображении, вероятно, уже представлялся этот скромный

Чайк, говорящий с «платформы» громадной толпе свои речи, полные любви и прощения.

– Подумайте об этом, Чайк, подумайте! – серьезно продолжала мисс Джен. – А за средствами дело не станет. Я

напишу отцу, и он, конечно, не откажет дать денег, чтобы вы не думали о завтрашнем дне. И вы, Чайк, могли бы переезжать из города в город и призывать людей к лучшей жизни. Нашелся бы верный друг, который сопровождал бы вас, извещал в газетах о ваших проповедях, печатал бы рекламы – словом, помогал бы вам, Чайк... И вы свершили бы богоугодное дело... Однако уже более пяти минут прошло! – спохватилась сиделка.

И с этими словами она поднялась с кресла

и ушла, пожелав еще раз Чайкину серьезно подумать об этом и обещая написать ему более подробно на ферму.

Чайкин невольно улыбнулся, припомнив, сколько предложений было ему сделано в последнее время и каких только разнообразных: начиная с предложения выступить в театре и кончая предложением быть проповедником.

Мог ли он думать о чем-либо подобном год тому назад, когда опоздал на шлюпку и, встреченный Абрамсоном, остался в Сан-Франциско, чтобы больше уже не вернуться на «Проворный»!

И он вспомнил весь этот год, полный такого серьезного значения для него не столько в смысле перемены его положения, сколько в умственном пробуждении и, так сказать, в душевной свободе, и ему казалось, что с ним случилось что-то такое, что случается только в сказках.

И он мысленно благодарил бога за то, что он не покинул его, и просил и впредь не оставить, не давши гордыне закрасться в его сердце.

Он хотел было сейчас же приняться за чтение подаренного ему мисс Джен евангелия, как в комнату постучались, и после его разрешительного «come in»¹⁶ к нему вошли Старый Билль и Макдональд.

– Вот и разыскал беглеца. Только что вернулся во

Фриски! – весело проговорил Билль.

Увидавши Макдональда, Чайкин обрадовался. Не менее обрадован был и Макдональд. Крепко пожимая руку Чайкина, он сказал:

– Верьте, Чайк, что я не забывал вас все это время. Я

внезапно должен был уехать в Ванкувер, думал вернуться через неделю и только сегодня вернулся...

– А я было думал, что с вами что-нибудь случилось неладное, Макдональд, и, признаться, тревожился...

– Чайк за всех тревожится! – вставил Билль.

Скоро явился и Дунаев, и все трое просидели до тех пор, пока не пришла мисс Джен и объявила: 16 «Войдите» (англ.).

– Одиннадцать часов, джентльмены. Пора

уходить!

Уходя, гости обещали завтра прийти за Чайкиным.

Макдональд звал его остановиться у себя, но Чайкин решил переночевать у Дунаева и на следующее утро уехать из

Сан-Франциско, побывав в течение дня у Абрамсона и сделав обещанный визит родителям спасенного им ребенка.

3

– Ну, Чайк, теперь вы совсем здоровы и, надеюсь, больше не попадете к нам в таком ужасном виде, в каком были месяц тому назад! – проговорил старший врач больницы, входя в комнату Чайкина с двумя сиделками, и, пожимая ему руку, прибавил: – Я рад, что мы выходили такого пациента, как вы, Чайк. Вы были очень плохи.

Прощайте... От души желаю вам успеха в жизни, – сердечно прибавил доктор.

– Благодарю вас, доктор, за все... И вас, мисс Джен и мисс Кэт! – взволнованно проговорил Чайкин, благодарно взглядывая на

всех этих людей, которые во все время пребывания его в больнице относились к нему с трогательной заботливостью и добротой.

Доктор и сиделки еще крепче пожали руку бывшего своего пациента, а мисс Джен обещала тотчас после обхода больных принести белье Чайкина и новую пару платья и новые сапоги, на днях принесенные из магазина. Так как все, бывшее на Чайкине во время пожара, оказалось ни к чему не годным, то Чайкин должен был озаботиться о своей экипировке.

Явился Дунаев с небольшим сундуком, в который

Чайкин уложил несколько книг и огромную пачку писем и телеграмм, полученных им из Сан-Франциско и из разных мест Америки в первые две недели его болезни. Не забыл он уложить и пачку газет и иллюстраций, в которых описывался его подвиг и были помещены его портреты. Жалко было Чайкину оставить эти печатные напоминания об этом факте, едва не стоившем ему жизни.

Скоро мисс Джен принесла белье, новый костюм, галстук и шляпу, и через четверть ча-

са Чайкин, одетый с иголки в скромную темную пиджачную пару, выходил в сопровождении Дунаева, Билля и Макдональда из комнаты, в которой он пережил немало и тяжелых и счастливых минут.

Мисс Джен ожидала Чайкина в коридоре, чтобы еще раз пожать ему руку и сказать несколько сердечных слов.

– Подумайте, о чем я вам говорила, Чайк! И напишите мне! – снова повторила она.

И когда Чайкин, взволнованный и тронутый этим отношением к нему пожилой девушки, обещал ей написать и снова сказал, что не забудет ее доброты, в глазах ее блеснули слезы.

– Да благословит вас бог, Чайк! – сказала она.

– Будьте счастливы, мисс Джен! – отвечал Чайкин.

– Фотографию свою пришлите!

– Пришлю, когда снимусь. Прощайте.

Октябрьское утро стояло погожее и теплое. Солнце весело сверкало в голубом небе, заливая ярким светом улицу. И Чайкин, выйдя из больницы, жадно вдыхал этот воздух полную

грудью и, охваченный жаждою и радостью жизни, воскликнул по-русски:

– Господи! как хорошо!

И все люди казались ему необыкновенно хорошими.

Прятели разошлись, обещая встретиться вечером в ресторане, куда пригласил всех Макдональд по случаю благополучного возвращения из путешествия, как, смеясь, выразился он.

Дунаев сообщил Чайкину адрес своей квартиры и понес туда сундук. Билль с Макдональдом пошли по каким-то делам, а Чайкин отправился с визитами и сделать кое-какие покупки.

Он застал бедного Абрамсона больным, в маленькой полутемной комнате, нанимаемой им у торговца старым платьем; в комнате только и было мебели, что кровать, стол да два колченогих стула.

В помещении Абрамсона было грязно, сыро и холодно.

Сам он, бледный и осунувшийся, лежал на кровати и тихо стонал. Он не слышал, как Чайкин постучал в двери и, не дождавшись

ответа, вошел в комнату. После яркого света на улице он сразу не различал предметов в полумраке маленькой каморки и, только окликнув Абрамсона и получив ответ, добрался до его кровати.

– Что с вами, Абрам Исакиевич?

– Ой, нехорошо мне, Василий Егорович! – отвечал

Абрамсон жалобным голосом. – И спасибо, что зашли проведать.

– Заболели, видно...

– Заболел... Мокрота душит. Верно, простудился, ветром прохватило – третьего дня я у Ривки на могилке был...

верно, там и продуло.

– И болит что?

– Грудь ломит, Василий Егорович, а прочее все ничего себе, но только грудь очень быстро ломит и дышать не дает,

– просто беда! Видно, Ривка к себе зовет! – испуганным шепотом прибавил он.

Мнительный и трусливый, он как-то беспомощно ухватился за руку Чайкина и глядел на него своими темными глазами, казавшимися в полутьме какими-то большими и

страшными.

– А вы не бойтесь, Абрам Исакиевич. Не бойтесь! Чего бояться? Бог даст, скоро поправитесь! – говорил ласково

Чайкин и тихо погладил своей рукой костлявую холодную руку Абрамсона.

И эти ободряющие слова и эта ласка значительно подняли дух Абрамсона.

– Сна нет... главная беда, что сна нет... – говорил старик, чувствовавший глубокую благодарность к Чайкину за то, что тот его пожалел, как именно ему и хотелось, чтоб его пожалели. – Сна нет... – продолжал он, довольный, что есть кому пожаловаться и в ком вызвать участие. – Ночь как эта придет, длинная ночь, и я не могу заснуть. Жена успокаивает: «Спи, спи, говорит, Абрам, и ничего не пужайся!» – и сама заснет; известно, за день устанет, треплясь по рынкам да по черным лестницам, – а мне еще больше страшно. И не приведи бог, как страшно...

– Чего же вам страшно?

– Мыслей своих страшно, Василий Егорович.

– Каких мыслей?

– А насчет того, что загубил я Ривку, бедную, и насчет всей прошлой моей жизни... И очень нехорошая была эта жизнь... Ай-ай-ай, какая нехорошая, Василий Егорович...

И вот и понял-то я, какая она нехорошая, только тогда, когда уже поздно... А в темноте будто Ривка стоит и машет к себе рукой. И в ушах будто ее голос раздается: «Иди, говорит, папенька, ко мне. В могиле, говорит, не страшно... Только холодно, ужасно, говорит, холодно и по душе скучно». И сама плачет... И мне делается ай как страшно...

И кажется, будто от моих нехороших дел и Ривкина душа не находит себе места и тоскует... и сама она приходит ко мне плакать... И я сам плачу по ночам. А жена сквозь сон опять говорит: «Спи, спи, Абрам. Не пужайся!» – и опять заснет. А как тут не пужаться!. И страшно, и грудь давит...

И кажется, будто смерть стоит, высокая такая, вроде шкелета... Я видел шкелет... у одного доктора здесь стоит в окне вместо вывески, что он доктор... И мне очень не хочется умирать, хоть и жить-то вроде как нищим тоже не большой процент... А все-таки хочется по-

жить... Думаешь еще, бог даст, выйдет счастье, я наживу маленький капитал...

Он все еще думал о маленьком капитале, этот больной, несчастный старик, и в голове его по ночам рядом со страшными покаянными мыслями бродили мысли и о ваксе, и о большой торговле фруктами, и мало ли каких планов о добыче маленького и потом большого капитала.

Чайкин слушал эти жалобы и спросил:

– А доктор был у вас, Абрам Исакиевич?

– Пхе! – воскликнул старик, делая презрительную гримасу. – Много ли доктора понимают? Сколько я им заплатил за Ривку, а разве они оставили мне мое дитю? А

как я их просил, чтобы вылечили... Как просил!.. Нет, я не желаю доктора. Пусть я помру без доктора, если бог пошлет смерть. А только вы не уходите, Василий Егорович!

Не уходите, господин Чайкин! Посидите немножко! –

умоляющим голосом попросил Абрамсон. – Потолкуем...

– Я посижу, Абрам Исакиевич...

ГЛАВА X

1

Обрадованный, что нашел терпеливого слушателя в лице Чайкина, Абрамсон подробно рассказал ему о своей жизни в Америке, о том, как на первых же порах он потерял, войдя в компанию с одним русским евреем, весь свой капиталец – около двухсот долларов, – нажитый им на торговле, как они бедовали в Нью-Йорке, как потом поправились, занимаясь мелочной торговлей, и как уехали в

Калифорнию, когда прослышали, что там найдено золото.

– Вы золото искали, Абрам Исакиевич?

– Нет... Это трудная работа – копать золото. Я лучше гешефт сделал... Я привез на прииски разного мелкого товара и нажил хорошие деньги... Опять выписал, и в один год нажил двадцать тысяч. Кажется, хорошие деньги двадцать тысяч, господин Чайкин?

– Хорошие...

– И можно было бы завести какое-нибудь дело в городе без риска потерять деньги... Но я подумал: ежели ты в год нажил двадцать

тысяч, то в два года наживешь сорок... И

выписал на все двадцать тысяч еще товара, и остался я без товара и без денег.

– Как так?

– Индейцы напали на караван, в котором было три моих фургона; и мы с Сарой остались только с нашими кустюмами да со сто долларами... Приходилось начинать сначала... А кредита у меня не было... и компаньонов не находилось... И приехали мы во Фриски... И с тех пор вот бьемся здесь...

Подробности о последнем периоде жизни Абрамсон обошел. Он ограничился только общим замечанием, что пришлось всего испытать и заниматься всякими делами, и прибавил:

– Ну да вы знаете, Василий Егорович, какими я делами занимался, и поняли, как я потерял совесть... У каждого своя судьба! – мрачно повторил он и опустился на кровать, видимо утомленный долгим своим рассказом.

Чайкин просидел еще несколько времени и сказал:

– Надо еще в одно место зайти, Абрам Исакиевич, а завтра я уезжаю на ферму. Поправ-

ляйтесь скорей, Абрам

Исакиевич, и начинайте дело... и насчет ваксы... А я хочу еще сто долларов вам дать. Ведь я ваш компаньон...

И с этими словами Чайкин полез за пазуху и достал деньги...

Абрамсон не мог выговорить слова. Слезы текли из его глаз.

– Пишите тогда, Абрам Исакиевич...

Абрамсон молчал.

Наконец он приподнялся с постели и зашептал что-то по-еврейски, должно быть молитву, и затем прерывающимся от волнения голосом сказал:

– Бог оплатит вам за все, Василий Егорович. И за

Ривку, и за меня, и за Сару...

Чайкин пожал сухую горячую руку Абрамсона и тихо вышел за двери.

В дверях он столкнулся с Сарой. Та обрадовалась, увидав Чайкина, и объяснила, что возвращается с работы раньше, чтобы побыть около мужа. Он что-то плох последнее время.

– Как вы его нашли?

– Надо бы доктора.

– Доктора? А на что позовешь доктора, Василий Егорович? После смерти Ривочки наши дела совсем плохи...

Если бы тогда не вы, то и Ривочке нельзя было бы хоть последние ее дни прожить хорошо. Благослови вас бог...

Прощайте, Василий Егорович.

И с этими словами Сара вошла в двери.

Но не прошло и двух минут, как она снова выскочила из дверей и пустилась бегом спускаться с лестницы. Внизу она нагнала Чайкина, быстро схватила его руку, поцеловала ее и побежала назад.

Чайкину было невыносимо грустно, когда он вышел на улицу и направился не туда, куда собирался, а в госпиталь, чтобы сказать мисс Джен о больном еврее и попросить ее что-нибудь сделать для него.

После того как мисс Джен обещала приехать к Абрамсону доктора и навестить его сама, Чайкин пошел к

Джаксонам сделать им прощальный визит и увидеть спасенную им девочку, из-за которой он чуть было не погиб и которая от этого была еще ближе его сердцу.

И какая она была ласковая, эта маленькая черноглазая

Нелли, когда приходила раз в неделю вместе с мистрис

Джаксон навещать его. И с какою заботливою нежностью расспрашивала она о здоровье «милого Чайка», передавая ему разные лакомства, купленные, как говорила она не без некоторой гордости, на ее «собственные деньги». «Я получаю от папы один доллар в неделю», – прибавляла она, словно бы желая объяснить, откуда у нее собственные деньги.

2

Был пятый час одного из тех мягких и теплых осенних дней, какие часто бывают в благодатной Калифорнии, и

Чайкин думал сперва пешком пройти от госпиталя до улицы, в которой жили Джаксоны.

Но когда Чайкин узнал от полисмена, к которому обратился с просьбой указать дорогу, что улица, которую он искал, находится в другом конце города и что идти туда не менее получаса, он, уже почувствовав усталость от долгой ходьбы после целого месяца вынуж-

денного сиденья, сел в конку, по бокам которой крупными буквами было написано на большом планките название улиц, по которым должен проходить трамвай, как называют конку американцы.

Места внутри вагонов не было, и Чайкин остался на площадке, на которой толпилось несколько человек, не обращая друг на друга ни малейшего внимания и не извиняясь, когда приходилось протискиваться и бесцеремонно наступать на чужие ноги.

И какой-то толстяк, выходявший из трамвая, так наступил на ногу Чайкина, что тот поморщился от боли.

– Надо было убирать ноги и не зевать! – с добродушным смехом проговорил вместо извинения янки.

И, спрыгивая на ходу, он потерял равновесие и упал навзничь.

– Не надо скакать, если не умеете! – сердито проворчал кондуктор.

– А вам какое дело? – огрызнулся толстяк, стараясь подняться.

– Если расшибли голову, я остановлю трамвай! –

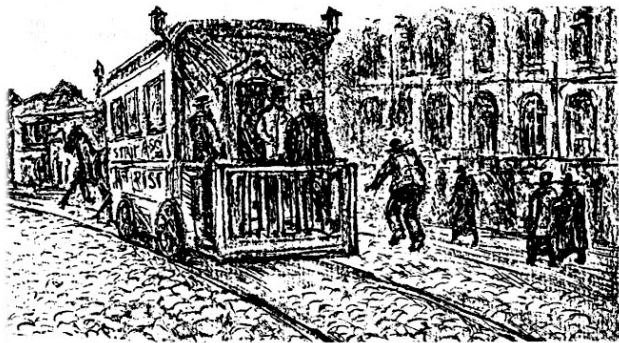
крикнул кондуктор.

– Убирайтесь к черту! – крикнул вдогонку толстяк, поднявшись на ноги.

Чайкин невольно улыбнулся этому обмену любезностей и заметил, что ни один из стоявших на площадке пассажиров не обратил ни малейшего внимания на падение толстяка, точно на мостовую шлепнулся не человек, а мешок с овсом; никто не повел бровью, не проронил слова. И

ни один из проходивших через улицу не

подошел к нему, чтобы помочь подняться. Справляйся, мол, как знаешь сам!

Но зато его удивило необыкновенно почитательно-любезное отношение к дамам, которому он был свидетелем, когда после остановки трамвая у перекрестка занял освободившееся место внутри трамвая.

Через несколько времени после этого на площадку вспрыгнули две молодые барышни, и те же пассажиры площадки, которые столь бесцеремонно наступали на ноги мужчинам, немедленно расступились, толкая

друг друга, чтобы дать проход барышням. И, несмотря на то, что вагон был полон, они вошли и, озирая мужчин, подошли к двум более молодым мужчинам, видимо щадя стариков, и стали против них.

И немедленно эти два господина уступили барышням свои места и пошли на площадку. Затем вошла какая-то бедно одетая старушка. Чайкин про себя подумал, что ей никто не уступит места и что ей придется стоять, и хотел было подняться, чтобы предложить ей свое место, но в эту минуту уже поднялся какой-то щегольски одетый молодой господин, против которого остановилась старушка, и ушел на площадку.

«Почитают здесь женский пол!» – подумал Чайкин и продолжал свои наблюдения над пассажирами.

– Извините... скоро Гольм-стрит? – обратился Чайкин к соседу.

– Проехали! – хладнокровно ответил сосед.

Чайкин бросился опрометью из вагона и, не стесняясь, пробивал себе дорогу локтями, чтобы соскочить с трамвая.

– Гольм-стрит! – обратился он к кондукто-

ру.

Кондуктор кивнул головой назад и потом влево.

– Не бросайтесь как полоумный! – прибавил он, заметивши испуганно-растерянный вид Чайкина и сразу признавши в нем иностранца.

И пока Чайкин протискивался к выходу, он услышал, как двое янки держали на него пари:

– Доллар, что шлепнется!

– Доллар, что не шлепнется!

– Прибавлю два доллара, что шлепнется! – крикнул какой-то новый голос.

– Держу! – ответил кто-то.

Державшие пари смотрели, как соскочит Чайкин.

Трамвай был на полном ходу.

Он соскочил, на мгновение качнулся, но, сохранив равновесие, остался на ногах и, добродушно улыбаясь, глядел вслед убежавшему трамваю.

До его ушей долетели одобрителные крики державших за то, что он не шлепнется.

«Экий чудной народ!» – проговорил вслух

Чайкин,

направляясь, по мимическому указанию кондуктора, назад, и затем, повернув в первую улицу налево, убедился из надписи на углу, что он находится действительно на Гольм-стрит.

Пройдя несколько шагов, он увидел номер дома, который был ему нужен, и вошел в подъезд.

Там он нашел таблицу, в которой были означены фамилии жильцов и номера квартир, и благодаря этому, не спрашивая никого, легко нашел двери Джаксонов и позвонил. Через минуту-другую отворились двери, и перед

Чайкиным показалась веселая, необыкновенно симпатичная физиономия негра, во фраке и в белом галстуке.

– Джаксон дома?

– Если вы спрашиваете мистера Джаксона, то его нет дома. Он на заводе.

– А мистрис Джаксон?

– Она дома. Но примет ли вас – не знаю. Давайте вашу карточку, я покажу ей.

– У меня нет карточки.

– Как нет? – воскликнул в изумлении молодой негр. – У

всякого джентльмена есть визитные карточки...

– А у меня нет! – проговорил, улыбаясь, Чайкин. – А вы без карточки доложите мистрис Джаксон, что Чайк пришел проститься.

– Чайк!? Вы – мистер Чайк, тот самый, который спас мисс Нелли? – воскликнул радостно негр и с восторженным изумлением глядел на Чайкина, словно бы не веря своим глазам, что перед ним стоит тот самый «герой», совсем непохожие портреты которого были в иллюстрациях.

– О мистер Чайк... Вы можете идти без всякой карточки...

Не угодно ли?.. Вас все здесь благословляют... Но только какой же вы, мистер Чайк, маленький и худенький... А я думал, что вы большой... большой... высокий...

И, взвизгивая от удовольствия, молодой негр потянул

Чайкина за рукав в прихожую и оттуда в гостиную.

– Садитесь, мистер Чайк... на диван. Вам

будет удобно на диване... А то в качалку... А я сейчас обрадую мистрис и мисс...

И негр в несколько прыжков исчез из гостиной...

«Экая ласковая негра», – подумал Чайкин.

Через минуту вышла мистрис Джаксон, а из-за юбки ее выскочила Нелли и бросилась целовать Чайкина.

– Наконец-то Чайк к нам пришел, мама! – радостно восклицала Нелли. – Джим! Вы знаете, что это Чайк! –

обратилась она к негру.

– Знаю... я докладывал... Я не узнал мистера Чайка по портретам! – отвечал весело негр.

– Позовите, Джим, и Мосси... Пусть и она увидит

Чайка... Это моя няня, Чайк... Хотите видеть мою няню, Чайк?.

– Очень буду рад... Здравствуйте, мистрис Джаксон...

– Как я рада вас видеть, мистер Чайк! – говорила хозяйка, крепко пожимая руку Чайкина. – Надеюсь, совсем поправились?

– Совсем. Завтра уезжаю на ферму.

– Завтра? – воскликнула Нелли. – Совсем

из Фриски?

– Совсем.

– Нет, вы не должны уезжать, Чайк! Мама! попроси, чтобы Чайк остался. Пусть он у нас живет!

– Я просила мистера Чайка, и папа просил. Мы были бы счастливы, если б мистер Чайк погостил у нас... К его услугам была бы комната...

– Вы останетесь жить у нас, Чайк... ведь останетесь, не правда ли?.. Вы не захотите огорчить меня? – спрашивала девочка, глядя маленькой ручкой по щеке Чайкина.

– Не могу, мисс Нелли...

– Это отчего?.

– Надо ехать и приниматься за работу.

– Потом приметесь за работу, а пока поживите у нас...

И не уезжайте из Фриски, Чайк. Папа вам даст место... Я

его попрошу...

В эту минуту в гостиную вошла опрятно одетая, в белоснежном переднике и в таком же чепце на голове, толстая пожилая негритянка с необыкновенно добродушным круг-

лым лицом.

При виде Чайкина губы ее как-то задрожали, точно она собиралась заплакать, но удерживалась, и лицо ее приняло умиленное выражение. Она на мгновение остановилась и проникновенно и благодарно глядела своими блестящими черными глазами на Чайкина и вдруг быстро подбежала к нему, схватила его руку, поцеловала ее и взволнованно, со слезами в голосе и в глазах проговорила:

– Да благословит вас бог, что спасли мою девочку!

Прослезился и не перестававший весело улыбаться

Джим. Он и смеялся и плакал в одно и то же время.

А Чайкин, совсем смущенный этим неожиданным проявлением благодарности пожилой негритянки, густо покраснел и не знал, куда ему деваться от стыда.

И, опустив с колен девочку, он быстро поднялся и поцеловал три раза негритянку.

– Видите, Чайк, какая у меня славная Мосси! И она вас любит и каждый вечер вместе со мною молится за вас... И

она хочет, чтобы вы остались у нас... Ведь хотите, Мосси?

– Мосси очень хочет... Но, верно, мистеру Чайку нельзя, если он не может исполнить просьбу Нелли...

– Он может, но не хочет. Он не любит Нелли... А если не любит, так зачем же он меня спасал!? – проговорила девочка дрогнувшим голосом и вытянула свои розовые пышные губки, готовая заплакать.

– Нехорошо, Нелли. Что о тебе подумает мистер Чайк! –

остановила ее мать ласковым серьезным тоном.

И девочка тотчас же проглотила слезы и серьезно спросила Чайкина:

– А вы обо мне что думаете, Чайк?

– Думаю, что вы хорошая и добрая девочка, Нелли.

– О мистер Чайк, вы не ошиблись. Она добрая! – проговорила Мосси, с нежностью взглядывая на девочку. – А

затем прощайте, мистер Чайк... Я счастлива, что вас видела!

И она крепко пожала руку Чайкина и

ушла из гостиной.

Вслед за ней удалился и Джим.

Мистрис Джаксон с необыкновенною сердечностью расспрашивала Чайкина о его прошлой жизни, о его планах на будущее и сама рассказывала о том, как она счастлива благодаря ему... вспоминала подробности пожара, – как она думала, что муж взял девочку, а муж думал, что она...

– И если бы вы знали, какой ужас охватил тогда меня, мистер Чайк.

– Я видел, мистрис Джаксон... Мне не забыть вашего лица тогда...

Они разговаривали и не замечали, как бежит время.

В седьмом часу пришел Джаксон... Он тоже обрадовался Чайкину и, крепко пожимая ему руку, спросил:

– Ведь вы с нами обедаете, конечно, Чайк?

– Не могу. Обещал обедать с приятелями.

И Чайкин пояснил, с кем.

– И обедать у нас не хотите, Чайк? Ну уж это вовсе нехорошо! – сказала Нелли и, обращаясь к отцу, проговорила: – Чайк и жить у нас не хочет... И остаться во Фриски не хочет,

хоть я и говорила, что попрошу тебя, чтобы ты ему дал работу.

– Я с удовольствием вам дам работу у себя на заводе, Чайк...

– Благодарю вас.

– Хотите?

– Нет.

– Могу узнать, почему?. Впрочем, прежде я вам скажу, какую бы работу я вам дал: я посадил бы вас в контору и посмотрел бы, на что вы годитесь, и если бы – в чем я не сомневаюсь – вы оказались пригодны, я дал бы вам на первое время сто долларов в месяц, а затем через год прибавил бы вам до ста пятидесяти... Почему вы не хотите?

Чайкин объяснил, что он, как бывший крестьянин, любит землю и любит ходить за ней.

– Я отказался от места лоцмана из-за того, чтобы работать где-нибудь на ферме! – прибавил он.

– Но эта работа не даст вам много, Чайк.

– Я знаю.

– И все-таки идете на нее?

– Иду.

– Ну, значит, с вами нечего толковать.

Чайк... Вы упрямы! – засмеялся мистер Джек-сон, дружески похлопывая

Чайкина по плечу. – Не смею просить вас и погостить у нас.

Чайкин благодарил, но объяснил, что он соскучился без работы. Вот уже два месяца, что он ничего не делает –

месяц в дороге, а другой пролежал в госпитале... И ему хочется поскорей за работу.

– Понимаю вас, Чайк! – одобрительно проговорил янки.

Пора было Чайкину уходить.

Нелли взяла с него слово написать ей письмо с фермы и горячо просила его непременно приехать к ней на рождество. У нее будет елка, и на елке будет Чайку игрушка.

– И вы, добрый Чайк, не забудьте Нелли... Приезжайте на елку!

Чайкин поцеловал девочку и сказал:

– Если можно будет приехать в Фриски, приеду, милая девочка.

Джаксоны сердечно простились со спасителем Нелли, и

Джаксон, крепко пожимая ему руку, проговорил:

– Не забудьте, Чайк, что я ваш неоплатный должник.

Захотите иметь свою ферму, захотите завести какое-нибудь дело или просто захотите иметь деньги, – я в вашем распоряжении.

Чайкин благодарил и простился.

Обед с приятелями прошел весело. Вспомнили путешествие и приключения и просидели вместе долго. Чайкин не забыл попросить Макдональда позаботиться об Абрамсоне. Его печальную историю Чайкин рассказал, деликатно умолчав, как он собирался его усыпить, чтобы отвести на купеческий корабль.

На следующее утро Дунаев провожал Чайкина на пароход.

Мистер Дун был молчалив и грустен. Тяжело ему было расставаться, да еще на чужбине, с таким земляком, как

Чайкин, к которому Дунаев успел привязаться. И на пароходе Дунаев сказал:

– Если на ферме тебе не приглянется, поступай в возчики. Будешь капитаном. Вместе будем ездить. Напиши мне, и я встречу тебя, Чайкин...

– Ладно, Дунаев. А не приглянется тебе в

возчиках, приезжай ко мне. Вместе будем работать около земли.

Хорошо, братец ты мой...

– Не тянет к этому делу... В возчиках способней, и привык...

– А меня не тянет к твоему, Дунаев!

Пробил второй звонок...

– Прощай, Чайкин, не забывай...

– Прощай, Дунаев... Не забуду твоей заботы обо мне в госпитале... Добер ты и прост, даром что стал вроде американца.

– Я добер? Какой я против тебя добер? Небось обозначил ты себя, какой ты есть человек, Вась!.. И хошь башковит, до всего можешь дойти рассудком, а сердцем прост, так, братец ты мой, прост, что бери с тебя хоть рубаху – отдашь... Совесть-то у тебя вовсе как у младенца...

То-то, и заскучишь без тебя, Чайкин!. – взволнованно проговорил Дунаев.

– И без тебя скучно будет, Дунаев. Небось свой...

– То-то, свой... А ты не очень-то детей оставайся в

Америке. Живо обрабатывают... Тоже здоро-

вы объегорить американцы.

– Всякие люди есть... А я много добра от них видел...

Небось, Дунаев, ежели и объегорит кто... не пропаду... И

ты не пропал, что тебя невеста всего капитала решила... Не деньги обидны... Обидно, что человек веру в него обескуражил... А главное – не пей ты, Дунаев, и в карты не дуйся... Я ведь любя тебя говорю...

Они троекратно поцеловались, и Дунаев сошел на пристань.

Раздался третий свисток и пароход отошел.

Он быстро удалялся, и Чайкина уже нельзя было разглядеть, и Дунаев тихо направился в город. Грустный, он чувствовал, что потерял близкого и любимого человека.

Испытывал тоску одиночества и Чайкин.

Среди многочисленной публики калифорнийцев на пароходе он чувствовал себя чужим. Оживленные разговоры, веселый смех, яркое солнце, ласково греющее с голубого неба, притихший океан, слегка покачивающий на умиравшей воде пароход... все это

словно бы еще больнее напоминало, что он один и что впереди его ждет одиночество.

– За золотом? – резко спросил его какой-то пассажир, костюм которого говорил, что к Чайкину обратился один из рудокопов.

– Нет! – ответил Чайкин.

– Могу дать пай в своем прииске. Хотите?

– Не хочу.

– Напрасно. Выгодное дело, иностранец!

Можете разбогатеть...

– Благодарю. Вы лучше сами богатеете.

Калифорниец засмеялся.

– Вы, зелененький, пожалуй, правы! – ответил он и предложил сыграть партию.

– Вовсе не играю.

– И не играете? Чем же вы занимаетесь?

Спекулируете свободными фондами? – иронически спросил молодой калифорниец, добродушно смеясь и оглядывая фигуру

Чайкина и его дорожный костюм.

Чайкин ответил, что был матросом, а теперь едет работником на ферму.

И янки отошел от Чайкина.

Часу в пятом дня Чайкин вышел из дилижанса и пошел на ферму госпожи Браун. Дорога туда шла лесом, и Чайкин с удовольствием вдыхал смолистый аромат высоких сосен.

Часа через два, когда уж смеркалось, Чайкин увидел ранчу, за нею тянулись расчищенные от леса поля.

«Хорошо!» – подумал Чайкин. Он поправил на спине мешок со своими пожитками и прибавил шаг.

Войдя в ограду, Чайкин прошел небольшим благоухающим садом, обошел веранду небольшого дома и постучался в двери на другой стороне. Вблизи от дома стояли хозяйственные постройки и небольшой флигель.

– Войдите! – раздался женский голос.

Чайкин вошел в прихожую и увидел молодую, щеголевато одетую девушку.

– Я рабочим сюда! – начал Чайкин, кланяясь девушке.

– Мистер Чайк?

– Я самый!

Девушка протянула руку и сказала:

– Пойдемте к маме. Сложите здесь мешок.

Чайкин прошел в отлично убранную, ярко

освещенную гостиную и увидел хозяйку – миссис Браун, пожилую, в черном платье женщину с большими ласковыми глазами, напомнившую своим еще красивым лицом капитана Блэка.

– Очень рада вас видеть, Чайк!.. Я слышала о вас и читала про вас в газетах! – проговорила миссис Браун своим грудным, мягким голосом, протягивая красивую белую руку с двумя обручальными кольцами на безымянном пальце. – Идите во флигель, посмотрите комнату, Чайк...

Вас проведет Нора... И сейчас приходите сюда. Вам приготовят поесть...

Мисс Браун повела Чайкина к флигелю через двор.

На веранде внизу сидели трое рабочих с трубками в зубах.

Нора представила «нового товарища Чайка» трем рабочим. Все пожали ему руку своими здоровыми рабочими руками.

– Проведите, Фрейлих, нового рабочего в его комнату!

– обратилась Нора к молодому бородатому блондину с голубыми глазами и ушла в дом.

Блондин повел Чайкина во второй этаж. По сторонам коридора расположены были комнаты для рабочих фермы.

В конце коридора Фрейлих остановился и, указывая на дверь, сказал:

– Вот ваша комната, Чайк. Столовая внизу. В шесть часов утра кофе и ветчина, в полдень ленч и в семь обед...

Уже пообедали, но что-нибудь найдется...

– Хозяйка велела сейчас прийти.

– Не велела, а просила, Чайк. Помойтесь и идите.

– Можно так?..

– А то как же?.. Или у вас фрак есть? – засмеялся блондин.

– Пиджачная пара есть...

– Так завтра наденьте. По воскресеньям мы обедаем там! – проговорил Фрейлих, указав рукой по направлению к дому, и прибавил: – Здесь хорошо жить, Чайк. И книги дают. Вы русский?

– Да...

Чайкин удивился и обрадовался, когда он зажег простенькую лампу, висевшую над небольшим сосновым столом, и яркий огонь

осветил уютную маленькую комнату, чистую и светлую. Железная кровать с подушкой и тюфяком, бельем и одеялом, маленькая этажерка, в стене шкаф для платья и белья, два стула и раковина, занавески над окном – таково было убранство комнаты для рабочего.

«Так ли живут у нас в деревне!» – невольно подумал

Чайкин, оглядывая свое помещение и любясь им.

Он посмотрел в окно. Выходила луна, и лес впереди и верхушки сьерры казались волшебными в серебристом свете.

И Чайкин, восхищенный, не отрывал глаз.

Первые впечатления радовали Чайкина. Все здесь казалось прекрасным: и сосновый лес вокруг, поднимающийся к сьеррам, и поля, и эта комната, и ласковая встреча хозяек, и скромные, серьезные лица трех рабочих, которых он видел.

«Только оправдай себя и старайся!» – подумал Чайкин и снова повторил:

– Хорошо!

Он помылся, причесался и пошел в ранчу.

Миссис

Браун пригласила Чайкина в столовую. На столе было несколько холодных блюд и горячий картофель.

– Кушайте, Чайк... А вина нет... И не подаю... Вы пьете водку и вино?

– Нет.

– И хорошо делаете, Чайк... Кушайте... А потом вместе будем пить чай.

С этими словами миссис вышла в гостиную, оставив

Чайкина одного. Это была нелишняя деликатность миссис

Браун, чтобы не стеснять Чайкина.

Этот скромный и застенчивый русский, о житейской философии которого и необыкновенном равнодушии к деньгам миссис Браун слышала от адвоката, понравился ей, и она не нашла Чайкина простофилей, как назвал его адвокат за то, что он так решительно отказался от серьезных денег, которые предлагали ему богатые Джаксоны за спасение единственного своего ребенка.

Женщина восхищалась самоотверженным поступком

Чайкина и понимала, почему он отказался от денег.

Чайкин между тем закусывал с удовольствием проголодавшегося человека, и, когда миссис Браун вошла в столовую, он уже насытился и поблагодарил хозяйку.

Пришла негритянка, убрала со стола и подала чайники для чая. Явилась и Нора.

Когда Чайкин напился чая, миссис Браун сказала:

– Теперь о деле, Чайк... Завтра воскресенье и работы не будет. А с понедельника примитесь за работу... Брат мой вернется завтра и скажет, что надо делать... Вы что умеете, Чайк?

– Всякую работу, миссис. До поступления на службу я был мужиком.

– И отлично! Мой брат посмотрит, как вы работаете, и предложит вам жалованье. Надеюсь, мы сойдемся. На первое время у нас платят двадцать пять долларов. Работа обязательна с шести часов утра и до шести вечера с отдыхом для завтрака и обеда... В экстренных случаях придется беспокоить вас и после шести... На работе на ферме нельзя все преду-

смотреть... Вы, Чайк, понимаете?

– Еще бы. Это не на фабрике... Когда нужно, придется и ночью встать. Дело не ждет... Особенно летом.

– Теперь рубка леса, колка дров и прессовка сена...

Придется, быть может, вам и за лошадьми смотреть...

– Что нужно, то и буду делать, миссис Браун.

– Завтракать и обедать будете во флигеле...

И миссис Браун точно объяснила, что именно дают рабочим, и прибавила:

– А по воскресеньям мы обедаем все вместе... Конечно, кто не пожелает, может обедать у себя... Книги в нашей библиотеке к вашим услугам, Чайк... Почта приходит два раза в неделю... Нечего и говорить, что игроков и пьяниц мы не держим.

С этими словами миссис Браун встала. Догадался и

Чайкин встать.

– Отдохните хорошо, Чайк, и завтра обедать к нам...

Хотелось бы, чтобы вы не тосковали, Чайк,

на чужой стороне... Или уже привыкли к Америке?

– По временам тоскую, миссис. Надеюсь, работа разгонит...

Чайкин пожал руки хозяев и, вернувшись в свою комнату, посмотрел на лес, залитый лунным светом. Скоро он лег спать и заснул как убитый.

ГЛАВА XI

1

После знатной высыпки на новоселье Чайкин встал в седьмом часу погожего солнечного утра. Его маленькая комнатка казалась прелестной: так она была светла и радостна.

Наш «американец» сперва было испугался, что в первый же день опоздал на работу. Но, вспомнив, что сегодня воскресенье и работы нет, он неторопливо вымылся, оделся в свою новую пиджачную пару и, раскрыв настежь окно, жадно вдыхал свежий и бодрящий, полный остроты воздух калифорнийской мягкой зимы, напоминавшей ласковый осенний день на севере.

Чайкин чувствовал себя бодрым и довольным. Сознание, что теперь он при месте и будет заниматься работой, которая ему по душе, успокаивало его.

Жизнерадостный, здоровый и голодный, вошел он в небольшую, очень скромную столовую для рабочих фермы. Никого еще в ней не было.

Но на большом столе, накрытом опрятной клеенкой, уже стояло пять приборов и около них пять больших чашек для кофе. На чистых салфетках у приборов были различные кольца; только на одной не было. Чайкин догадался, что последний, поближе к краю стола, прибор поставлен для него, и сел за стол.

Несколько минут просидел он, не зная, у кого спросить кофе.

Наконец из соседней кухни вошла старая негритянка в ярком пестром платье и с бусами на шее и сказала:

– Здравствуйте, Чайк. Хорошо ли спали? Отчего не спрашиваете завтрака? Я тут рядом на кухне... Хотите завтракать, конечно?

– Пожалуйста! – отвечал Чайкин, здороваясь с негритянкой.

Негритянка ушла и вернулась с блюдом горячей ветчины, миской с картофелем и поджаренным хлебом. Затем принесла кофе и горячее молоко, налила в большую чашку и, присаживаясь на стул, торопливо заговорила.

– А товарищи еще спят. Сегодня воскресенье, и хочется подольше поспать. Не правда ли, Чайк? Вы только рано встали. А завтра еще раньше встанете... Завтрак готов у меня с пяти часов утра... Кушайте на здоровье, Чайк...

Кушайте!. Хозяйка любит, чтобы рабочие джентльмены ели больше! – весело и добродушно трещала, видимо, болтливая и экспансивная негритянка.

Чайкин ответил, что он с удовольствием завтракает.

– И слава богу, Чайк... И, верно, будете много есть.

Здесь воздух здоровый, Чайк... И вас давно ждали сюда...

Адвокат из Фриски писал нашей миссис. Кухарка из ранчи говорила. А я здесь кухарка... Меня зовут Сузанной, если вам нужно знать, как меня зовут... Я давно у миссис Бра-

ун живу и давно свободная негритянка. Миссис Браун и купила меня в Нью-Орлеане, чтобы дать мне свободу... О, какая добрая миссис... Я нянькой у мисс Норы была, когда она была вот такой маленькой! – прибавила Сузанна, показывая своей пухлой рукой на несколько футов от пола, чтобы показать, какая маленькая была Нора. – Добрые они обе... Спаси их господь!. А вы, Чайк, что же ветчины не едите? Или не нравится вам?

– Напротив, очень. Но я сыт...

Сузанна унесла блюдо и, вернувшись, предложила

Чайкину выпить еще чашечку.

Чайкин отказался. Он вполне доволен. Больше не хочет.

– Так, с вашего позволения, я поставлю кофе и молоко на плиту. Скоро и наши придут завтракать... Вы подождите, Чайк... Познакомьтесь...

Через минуту Сузанна уже снова затараторила: сперва вкратце изложила свою автобиографию, всплакнула о сынке Томи, умершем от горла, рассказала, что муж где-то пропадает по свету, но, верно, в конце концов

вернется к своей старухе Сузанне, и затем стала расспрашивать, откуда Чайк и давно ли в Америке.

Чайкин удовлетворил жадное любопытство негритянки, и, вероятно, его откровенность была одной из причин расположения Сузанны к новенькому на ферме.

Сузанна в виде особенной любезности сказала:

– Я вам дам новое кольцо на салфетку, Чайк... Вы не брезгаете поболтать с Сузанной?. А другие не очень-то любят меня слушать... Особенно старый Вильк... Он хороший человек, но больше молчит... все молчит... А зачем человеку молчать? Язык на то и дан человеку, чтобы он говорил... Не правда ли, Чайк?

Чайкин деликатно согласился. Однако все-таки прибавил, что очень много говорить не всякие умеют.

– То-то и я говорю, что не умеют. И это нехорошо, Чайк.

Чайкин промолчал.

– Кто не умеет много говорить, значит тот много думает...

– Так разве это дурно?

– А кто много думает, тот и на дурное додумается!. Я

заметила... Мой бывший хозяин, плантатор, все молчал...

Зато и как жесток был с неграми, если бы вы знали, Чайк!..

В эту минуту вошел молодой Фрейлих, приодетый по-праздничному. Он пожал руку Чайкину, любезно кивнул головой негритянке и проговорил с веселым смехом:

– Уж Сузанна, верно, заговорила вас, Чайк... Сузанна милая особа, но такой болтушки, как она, я еще не видал...

Вы не сердитесь, Сузанна, и дайте мне позавтракать. А

Чайкин в другой раз будет вас слушать.

– Он любезный молодой человек... Он умеет выслушать старую женщину... Не то, как многие другие... Сейчас подаю вам... Сейчас, мистер Фрейлих!

Вслед за Фрейлихом вошли трое рабочих фермы.

С двумя из них Чайкина познакомила мисс Нора еще вчера. Они крепко пожали руку сво-

его нового товарища и сказали ему несколько приветливых слов.

Третий был высокий и крепкий старик, с красивыми чертами сурового лица, изрытого морщинами, с длинной бородой и большими темными глазами под клочковатыми седыми бровями. Взгляд умных и серьезных глаз был задумчив и грустен.

– Вильк! – произнес он сдержанным, словно бы сердитым тоном, протягивая Чайкину свою большую мускулистую руку.

– Чайк! – ответил русский матрос.

Вильк затем не произнес ни одного слова. Он молча завтракал, по-видимому не обращая ни малейшего внимания на разговоры и смех других сотрапезников.

Фрейлих болтал с Чайкиным.

Он рассказал, что приехал из Пруссии. Он был дома рабочим на угольных шахтах. Было тяжело, и он еле-еле кормился. По счастью, тетка оставила ему наследство в тысячу марок, и он решил искать счастья в Америке.

Прогорел на золотых приисках и нашел место на ферме.

– Скоплю денег и уеду во Фриски... пробо-

вать счастья... Надо разбогатеть. Иначе зачем же ехать в Америку?.. И вы, верно, хотите разбогатеть?. На этой работе не разбогатеете, Чайк!.. – прибавил Фрейлих.

– Я не хочу разбогатеть!

Фрейлих рассмеялся, словно бы Чайкин хотел подшутить над ним.

И двое рабочих взглянули на Чайкина и тоже улыбнулись.

– Ловко же вы врете, Чайк! – добродушно заметил один из них.

– Да я не вру! – простодушно ответил Чайкин.

– Если не врете – это ваше дело, – то вы, должно быть, большой, скажем, чудак.

– И думаете долго оставаться на ферме? – недоверчиво спросил Фрейлих.

– Долго, если будут держать.

– Значит, Вильк найдет постоянного товарища... Он здесь уже пятый год...

Вильк молчал. Он только пристально взглянул на

Чайкина и отвел глаза.

Скоро старик позавтракал и вышел.

– Вильк не разговорчивый. Отличный че-

ловек, но из него ничего не вытянете, Чайк! – промолвил Фрейлих.

– Он янки? – спросил Чайкин.

– Едва ли... Вот эти двое янки не признают Вилька за янки. Но никто не знает, откуда Вильк и кто он такой.

Два рабочие, которых Фрейлих назвал янки, оба люди лет за тридцать, усмехнулись, и один из них сказал:

– Вильк, должно быть, был прежде богатым... Будь он янки, не оставался бы здесь... Положим, здесь хорошо, но на время.

– И вы здесь на время? – спросил Чайкин.

– А вы думали, так и останемся, как Вильк?.. Мы не такие чудачки, как вы, Чайк, если не врите... Мы хотим, как и Фрейлих, разбогатеть.

2

Все пришли обедать в ранчу, одетые в лучшие свои городские платья. Один Вильк пришел в своей рабочей кожаной куртке, но рубашка на нем была безукоризненно белая, и грубые руки отличались белизной.

Возвратился из Фриски мистер Джемсон,

брат миссис

Браун, типичный красивый смуглый янки, и за обедом рассказывал политические новости, обращаясь чаще, чем к другим, к Вильку.

Вильк слушал внимательно, но говорил мало. Зато оба янки высказывали свои взгляды о политических делах не стесняясь и говорили громко. Немец конфузился. Стеснялся несколько и Чайкин. Он сидел около мисс Норы, и она старалась его занимать.

После обеда миссис Браун пригласила гостей просидеть вечер. Мисс Нора обещала, по просьбе двух рабочих янки, что-нибудь спеть.

А Джемсон увел Чайкина в кабинет и в несколько слов покончил с ним дело, объяснив, какие будут его обязанности.

– Если, Чайк, будете полезны, жалованье прибавится; если через месяц я увижу, что не годитесь, дам расчет, и вы уходите. Согласны?

– Вполне.

– Сестра о вас говорила... И адвокат, у которого вы были, писал о вас... Мне нет дела до ваших мнений... Извините, я считаю их нелепыми... Сестра их не считает такими... Но это не мешает мне уважать вас, Чайк... Помните,

не проговоритесь перед сестрой и племянницей, что знаете, кто капитан Блэк. Прошу вас, Чайк... Блэк о вас справлялся... Он очень вас любит...

– Я много ему обязан, мистер Джемсон.

– Он вам больше, Чайк... Ну, дело покончено. Пойдемте слушать Нору, Чайк.

Чайкин был удивлен, когда увидел за фортепиано старого Вилька, аккомпанирующего мисс Норе.

Чайкин опустился в кресло и слушал.

Голос молодой девушки был прелестный... Она пела просто, задушевно, и Чайкин заслушался... Звуки неслись чистые и красивые, и Чайкину вспомнилось детство, когда он слушал пение барышни-помещицы и приходил в восторг.

Мисс Нора окончила какую-то мажорную арию и затем начала какую-то грустную мелодию романса.

Чайкина охватило невыразимо грустное настроение...

Он слушал, и в мечтах и грезах он был не здесь, в этой гостиной в Калифорнии... он был в России, где люди так понятны ему... И ему

было так жаль Кирюшкина... И сам он здесь чувствовал себя таким чужим, таким одиноким.

Ему казалось, что все это какая-то волшебная сказка, и его судьба такая же диковинная.

Он во многом другой, что был на корвете... Он чувствовал счастье независимости и воли... И в то же время как мила была ему далекая Россия!

Мисс Нора замолкла. А Чайкин все еще сидел, притихший и точно зачарованный.

Гости хвалили мисс Нору, а Чайкин, казалось, не находил слов, и слезы стояли в его глазах.

Наступило молчание.

Миссис Браун заметила настроение Чайкина и шепнула дочери:

– Как любит музыку этот русский и как загрустил!

– Считает себя одиноким! – ответила мисс Нора.

Старый Вильк взглянул на новичка. И в его обыкновенно суровом взгляде мелькнуло ласковое выражение.

По-видимому, Чайкин начинал нравиться

этому молчаливому старому рабочему, который так хорошо аккомпанировал певице своими грубыми руками.

А Джемсон бросил из своей качалки:

– Ну что, Чайк? Понравилось, как ловко поет Нора?

Этот громкий веселый голос янки словно бы пробудил

Чайкина от грез.

– О, как хорошо! – восторженно и порывисто произнес он.

И застенчиво покраснел, стараясь скрыть свое волнение, и не догадался поблагодарить мисс Нору.

Молодая девушка и без благодарности видела, какое сильное впечатление произвело ее пение на Чайкина, и это восторженное восклицание, казалось, ей было приятнее громких похвал и аплодисментов.

В гостиной пробило девять, и гости поднялись, чтоб уходить, пожавши руки хозяев.

Протягивая руку Чайкину, миссис Браун необыкновенно просто и душевно проговорила:

– А знаете, что я пожелаю вам, Чайк?

– Что, миссис Браун?

– Хорошенько заснуть – ведь вставать рано – и не очень скучать на ферме.

– Постараюсь, миссис Браун!

– Работа прогонит всякую скуку! – весело смеясь, воскликнул Джемсон. – Завтра Чайк пойдет на рубку... Пусть покажет себя на работе!

– Только не наваливайтесь на работу, Чайк! – сказала миссис Браун.

– Можно надорваться! – прибавила мисс Нора.

– Чайк и сам понимает!. А место рубки вам покажет

Вильк... Покажете, Вильк? – обратился к нему хозяин.

– Покажу! – ответил Вильк.

Все ушли в свой флигель.

Вильк и трое рабочих остались на веранде – выкурить перед сном по трубке, а Чайкин пожелал всем спокойной ночи.

– Были матросом и не курите? – спросил один из янки рабочих.

Его звали Дильком.

– Не курю.

– И не думаете по праздникам ездить в Сакраменто?

– Зачем?..

– Попробовать тамошний грог.

– Не пью.

– Не пьете?.. И разбогатеть не хотите?. Простофиля же вы, Чайк... Я не видал таких простофиль... Вы, Найд, видели? – обратился Дильк к товарищу.

– Не видал... Прозакладывать готов пару долларов, что не видал.

– Так отчего вы, Чайк, живете на свете, если не пьете, не курите?.. Или в карты дуетесь?

– И в карты не дююсь.

– Ай да Чайк! – иронически произнес Дильк.

– Ура Чайку! – насмешливо крикнул Найд.

– Оставьте вы в покое Чайка! Какое вам дело? – строго сказал Вильк. – Идите лучше спать, Чайк! – обратился к нему Вильк.

Чайкин добродушно усмехнулся и ушел в свою комнату.

– Вильк прав, братцы.

– А что? Почему? – спросил Фрейлих.

– Да потому, что Чайка не стоит даже и по-
травить слегка: феноменально прост.

– Я это заметил, – промолвил молодой
немец.

– Вы, Фрейлих, ведь все замечаете? – на-
смешливо спросил Дильк.

– То-то, замечаю.

– А заметили, что Чайк добрая душа?

– Еще бы!

– И что хоть мозги у него в порядке, а все-
таки будто тронутый, и на спине у него долж-
на быть большая родинка? Фрейлих, наконец,
догадался, что янки смеялись над его прозор-
ливостью, и обидчиво проговорил:

– Этого я не заметил.

– Удивительно! – протянул Дильк. – Не
правда ли, Найд?

– Феноменально!. – протянул Найд.

– Немцы, что ли, недогадливы? – вызываю-
ще воскликнул Фрейлих.

– То-то я и говорю, Фрейлих!

– То-то и я говорю, Фрейлих!

В это время Чайкин раздевался и, вспоми-
ная впечатления дня на новом месте, прого-
ворил вслух:

– И поет же хозяйкина дочь!

3

В пять часов утра Чайкин уже оделся в свой рабочий костюм и пошел пить кофе и завтракать.

– Уж и поднялись, Чайк?.. И у меня все готово, – говорила Сузанна.

Вскоре пришел и Вильк.

– Здравствуйте, Чайк!

– Здравствуйте, Вильк!

– Аккуратно встаете, Чайк! – промолвил без обычной суровости Вильк.

– Привык... Матросом был.

Вильк не спеша ел ветчину с хлебом, запивая горячим кофе, и после долгой паузы спросил:

– Деревья умеете рубить, Чайк?

– Доводилось! – скромно ответил Чайкин.

Ему очень хотелось узнать, кто такой этот старик, умеющий играть на фортепиано, и зачем он служит на ферме, но не решался спросить. Он уже знал, что в Америке, при всей бесцеремонности обращения, не обнаруживают особенного любопытства и не допрашивают

ют о прошлом, особенно на Западе, где часто бывают люди, имеющие основание скрывать свое прошлое, быть может скверное.

И Чайкину почему-то казалось, что у старика было в прошлом что-то тяжелое; оттого он всегда молчалив и мрачен, как говорили про него товарищи.

– Ведь вы русский, Чайк? – снова спросил старик.

– Русский, Вильк.

– Вот не ожидал!

– Почему, позвольте спросить? – задетый за живое, спросил Чайкин и весь вспыхнул.

– Читал про русских, да и встречал русских... Да вы не сердитесь, Чайк... Я не хотел вас обидеть... Я, верно, встречал не таких, как вы... И наконец нельзя судить о всей нации по нескольким лицам...

– То-то, нельзя, я думаю.

– А вам все нации нравятся, Чайк?

– Все, Вильк.

– Но одни больше, другие – меньше?

– Разницы не замечал, Вильк, пока. Во всяком народе есть хорошие люди... добрые люди... У крещеных, так и у некрещеных... Толь-

ко правды еще нет... Оттого и обижают друг друга... Выходит так, что у одного много всего, а у бедных – ничего...

– Это, по-вашему, нехорошо? – спросил старик и с видимым любопытством смотрел на Чайкина.

– А разве хорошо, Вильк?

– Откуда у вас такие мысли, Чайк?

– Так иной раз думаешь обо всем, и приходят мысли: отчего люди не по правде живут...

– Так вы хорошо сделали, Чайк, что сюда приехали...

Все лучше подальше от городов... Я видел много столиц, Чайк, и знаю их.

Вильк смолк. В столовую пришли товарищи.

– Идем, Чайк... Пора... Я выбрал для вас топор...

Возьмите на веранде...

– Ленч и отдых в час, Чайк... Приходите! – ласково проговорила Сузанна.

– До свидания, Сузанна.

– А часы у вас есть? – осведомился Вильк.

– Есть, Вильк.

Они вышли за ограду и направились к ле-

су.

Горизонт на востоке пылал. Из-за багрянца величаво выплывало солнце. Утро стояло прелестное. Воздух был холодный. Но на ходьбе не было холодно.

Чайкин с восторгом глядел на сиерры, и на лес, и на далекую долину по бокам извивавшейся, словно голубая лента, узкой речки.

– Хорошо, Вильк! – вымолвил Чайкин.

– Хорошо, Чайк.

– А все-таки...

– На родине лучше, Чайк? Не правда ли?

И Чайкину показалось, что в голосе старика звучала необыкновенно грустная нота.

– Еще бы!

– То-то и есть... Трудно привыкнуть к другой стране, как бы она ни была красива, а своя, хоть и не такая...

Вильк замолк. Не говорил и Чайкин.

Теперь Чайкин понимал, что Вильк к Америке не привык и что угрюм и мрачен он оттого, что тоскует по своей стороне...

«И отчего Вильк не может вернуться?» – мысленно говорил Чайкин, полный сочувствия к этому одинокому старику на чужой

стороне.

Скоро они вошли в большой сосновый лес.

Там было еще свежее и темно в густоте леса. Царила мертвая тишина. Только изредка раздавались какие-то постукивания: то дятлы долбили.

– Вот и ваш участок, Чайк! – проговорил Вильк, указывая на помеченные деревья. – Рубите их... Да будьте осторожны! – прибавил Вильк. – Иногда и медведи встречаются... Так вы забирайтесь на дерево! Хорошей работы, Чайк!

– А вы уходите?

– На другую работу... К часу приходите на ленч.

С этими словами Вильк закурил трубку и ушел неспешными ровными шагами. Еще минута, и он скрылся между деревьями.

Чайкин торопился и радостно волновался.

И он глядел на ближайшее высокое прямое дерево с кудрявой, словно развесистой кроной, густой листвой на верхушке. Он смотрел на него, любуясь им, и вдруг ему стало невыносимо жалко лишить жизни эту красавицу сосну.

Но он сбросил кожаную куртку, поплевал на ладонь и решительно взмахнул топором. Топор взвизгнул и вонзился в толстый комель. Из надруба засочились клейкие смолистые капли, точно слезы.

Вблизи шарахнулась какая-то птица и тяжело взлетела, шумя крыльями. Где-то раздался треск сучьев. Казалось, в отдалении что-то свистнуло.

И снова мертвая тишина.

Чайкин с усилием вытащил топор и с нервным возбуждением все чаще и чаще наносил удары, чтобы скорей повалить упрямую и крепкую сосну, словно бы он жалел ее и торопился избавить ее от предсмертных страданий.

И чем чаще наносил Чайкин удары и быстрее летели щепки, тем менее испытывал он жалости, и его все более и более охватывало какое-то ожесточение работы.

Еще удар, и Чайкин отскочил.

Сосна мгновение зашаталась и, словно подкошенная, упала.

Чайкин принялся за другую.

Теперь уж он не думал, что сосны плачут.

Возбужденный, полный горделивым чувством удовлетворенности от умелости и быстроты и от процесса работы, дающей исход физической силе, Чайкин весь жил работой. И чем больше повалит он сосен, тем он будет счастливее. Никакие сомнения, никакие тоскливые мысли не приходили ему в голову. Только сосны, одни сосны захватили все существо Чайкина, и он валил их, не чувствуя, казалось, усталости.

В первом часу Чайкин наконец бросил рубку. Спина ныла, болела правая рука. Ломило всего. Весь мокрый от пота, все еще возбужденный, он не чувствовал страшного утомления после такого напряжения всех сил. И только когда присел на одной из срубленных им сосен, он почувствовал, что устал, и испытывал необъяснимое наслаждение отдыха.

Он не двигался с широкого комля, прерывисто дыша и наслаждаясь чудным воздухом, полным смолистым запахом, и удовлетворенно, покойно смотрел на поверженные сосны. Смотрел и думал, что «оправдал себя» и по совести может отдохнуть и затем идти на ферму к ленчу.

Но есть ему не хотелось, и не хотелось куда-нибудь двинуться. Здесь, в лесу, так хорошо и так приятно усталому телу.

В эту минуту в лесу раздались шаги.

Чайкин даже не повернул головы и увидел Джемсона, только когда он подошел к нему.

Чайкин хотел было встать перед хозяином, но янки энергичным жестом остановил его и, изумленными глазами взглядывая на усталого Чайкина и на количество срубленных деревьев, воскликнул:

– Да вы с ума, что ли, сошли, Чайк?

– А что? Разве вы думаете, что мало вырублено? Я

старался, мистер Джемсон... Я только что сел отдохнуть! –

словно бы оправдываясь, промолвил Чайкин.

– Мало?.. Ребенок вы разве, Чайк?.. Вы нарубили слишком много... Вы работали так, что я изумился... Вы надрывались, Чайк... Так и надорваться нетрудно... Не думайте повторять такого опыта... Слышите?..

– Слушаю, мистер Джемсон... Но я не очень устал.

– Почувствуете вечером. Я сам рубил деревья и знаю,

какая это работа! И кто вас просил удивлять нас, Чайк? Или вы думали, что я требую от рабочих каторжной работы...

Янки этого не требует... Самолюбивы вы, Чайк... Незаменимый вы работник... Выдержали экзамен отлично. И

сию же минуту я прибавляю вам жалованья... Но сегодня больше не рубите... И, чтоб не смели так работать, я вам назначу урок... Очень рад, Чайк, что вас рекомендовали сюда... Очень рад! – весело прибавил Джемсон и снова пожал руку Чайкина.

Чайкин был очень доволен, что «оправдал себя», и сказал:

– Я так и думал, что здешние хозяева не утесняют людей и что работать здесь приятно.

– Ладно. А теперь идем в ранчу, Чайк! Пора.

Действительно, донесся слабый звук колокола.

Чайкин поднялся и пошел с Джемсоном. Дорогой

Джемсон, между прочим, говорил:

– После ленча растянитесь на койку и отдышайте...

Небось хочется, Чайк?

– Хочется.

– И знайте, что вас поднимут на смех.

– За что?

– За то, что вы столько вырубали... Янки не простофили, как вы, Чайк. Он понимает, что рабочий не должен работать сверх сил и ради хозяина строить дурака, которого легко эксплуатировать... Вы, Чайк, помните, что живете в свободной Америке... Негры – и те больше не рабы.

Действительно, в столовой подняли Чайкина на смех, когда он признался, сколько вырубил сосен.

Особенно смеялся Дильк над «сосновым джентльменом»: он только портит репутацию товарищей. Они не думают из-за хозяев нажать черт знает какую болезнь и подохнуть в больнице.

Даже Вильк проворчал:

– Полегче работайте, Чайк.

Когда Чайкин сообщил, что хозяин велел

после ленча не идти на работу, все одобрили приказание Джемсона и все предлагали разные средства от усталости.

Но Чайкин нашел, что лучше всего растянуться на койке, что и сделал после ленча.

Дамы в ранче узнали про усердие молодого русского.

Миссис Браун послала узнать, как он себя чувствует. Сузанна доложила, что ласковый Чайк очень благодарен и просил сказать, что он здоров.

– Удивительно: такой худенький и такой маленький и такой сильный рабочий! – говорила Сузанна и начала выхвалять этого ласкового и тихого Чайка. Она не позабыла сказать, что он охотно с нею болтал... Сузанна забыла прибавить, что болтала она одна, заглянув на одну минутку в комнату Чайкина.

ГЛАВА XII

1

Прошло три года.

Чайкин по-прежнему оставался на ранче и по-прежнему был лучшим и усердным рабо-

чим, пользовавшимся уважением хозяев и товарищей-рабочих, перебивавших за это время. Одни приходили, оставались обыкновенно не особенно долго и, скопив несколько денег, уходили, чтоб найти что-нибудь лучшее, всего чаще – на прииски, которые манили всех возможностью разбогатеть.

Только Вильк и Чайкин не уходили и, казалось, были довольны своим положением. Работа около земли нравилась им, и их не манили ни городская жизнь, ни более легкие занятия.

По крайней мере Чайкин категорически отказался, когда Джемсон и миссис Браун через год предлагали ему быть их помощником: вести книги, заведовать отправкой прессованного сена и фруктов и ездить по делам в Сан-Франциско.

Не тянуло его к этому делу. Ни лучшее жалованье, ни предложение быть пайщиком в деле не соблазнили Чайкина, несмотря на убеждения миссис Браун и Джемсона, что Чайк по своим способностям мог бы занять более лучшее положение, не простого рабочего.

Чайкин отвечал, что он вполне доволен своим положением.

И хозяева его только удивлялись и не вполне понимали, как человек отказывается от возможности устроить лучшую, по их мнению, жизнь, то есть быть более богатым.

Только старый Вильк, казалось, понимал Чайкина, старавшегося осуществить на деле свою внутреннюю потребность – жить по правде и не быть в разладе со своею совестью.

И Вильк однажды рассказал свою историю. Он был богат прежде и прожил молодость блестяще и праздно. На своей родине, в Венгрии, он мог занять видное положение, и родные думали, что Вильк сделает карьеру, но вместо этого он должен был бежать в Америку.

– Я не стану вам рассказывать, – продолжал Вильк, –

подробностей моей отвратительной жизни... Не стану рассказывать, как отшатнулись от меня и отец и брат, как перестали узнавать меня прежние друзья, когда я из блестящего молодого человека, богатого и расточительного, в одно утро стал нищим и с неоплатны-

ми долгами... Никто не поддержал тогда меня, ни одна душа... Понимаете ли вы, Чайк?. Но я не упал духом... Я поступил на службу и стал работать... Я был не один, я был женат... Но жена, благодаря которой я разорился, эта самая женщина, которая говорила, что я лучший ее друг, бросила меня и объявила, что женой нищего быть не хочет, и требовала развода, чтоб выйти за богатого человека, который ей нравился... Вильк примолк.

Видимо взволнованный, он словно переживал давно прошедшее время. Лицо его было сурово и мрачно.

И голос старика вздрагивал, когда он продолжал:

– А я любил эту женщину... Я верил ей... Я думал, что есть на свете один человек, который не оставит меня, и вдруг... такая подлость!. И какая она красавица была, Чайк!. И как была лжива!.. И я...

Вильк снова остановился. Казалось, то, что предстояло ему сказать, было самое тяжелое и ужасное.

Чайкин словно бы понял это, сам побледнел и с замиранием сердца ждал конца, и в ту

же минуту ему хотелось, чтобы Вильк не договаривал.

– Раз начал, надо кончать! – сурово сказал Вильк. И он отвел глаза и, понижая голос до шепота, проговорил:

– И я... я убил эту женщину, Чайк!

Несколько времени прошло в молчании.

Вильк сидел, опустив голову. Чайкин не укорял в сердце убийцу. Он только глубоко сожалел его и понял, почему он так мрачен и молчалив.

Вильк встал и, уходя, сказал:

– Я двадцать лет в Америке, Чайк, двадцать лет... И

теперь стараюсь искупить прошлое... А как мне хочется на родину... О, если бы вы знали, как хочется! – прибавил тоскливо Вильк.

– По временам и мне тоскуется по своей стороне, Вильк! – ответил Чайкин.

2

И, случалось, Чайкин очень тосковал, когда не захватывала его работа. Она только и отвлекала его от тоски.

Несмотря на отличные отношения и с хозяевами, и с

Вильком, и с товарищами, несмотря на переписку со старыми американскими друзьями, несмотря на то, что Чайкин чувствовал себя независимым и благодаря книгам и наблюдениям понял многое, чего прежде не понимал, и уже привык к новой жизни и дорожил многим, что дала ему жизнь в Америке, – Чайкин все-таки чувствовал себя одиноким и не мог сделаться американцем, как Дунаев, недавно сообщавший ему, что дела его идут отлично: он бросает ремесло возчика и открывает лавку в Денвере.

«И женился, Чайкин, на „правильной“ американке.

Жена не такая, как прежняя невеста, стибрившая деньги. Да и деньги у меня лежат!» – прибавлял Дунаев в письме по-английски и снова звал Чайкина к себе компаньоном.

Чайкину очень хотелось бы повидать Дунаева, который так сердечно ухаживал за ним во время болезни, и отвести с ним душу по-русски, но ехать к нему нельзя было, а поступать компаньоном в лавку, разумеется, он

не хотел.

Как ни нравилась Чайкину Америка, где человек мог жить как ему хочется, если только не нарушает закона, но общий склад американцев ему не нравился. Каждый, казалось ему, только и думал об одном – о наживе – и ради этого только и употреблял необыкновенные усилия и выказывал необыкновенную энергию. И, кроме того. Чайкин заметил, что, несмотря на то, что все в Америке равны, богачи все-таки гнушаются бедняками и вообще людьми, не умеющими пробиться.

Особенно поражали и возмущали Чайкина те миллионеры-американцы, о баснословной роскоши которых он читал и слышал и которые, думалось Чайкину, совсем забыли о совести и живут не по правде, наживая несметные богатства далеко не чисто. И Чайкин не раз спрашивал себя:

«Отчего это на свете так неправильно устроено? И разве нельзя жить иначе?»

Нечего и говорить, что ответа на запросы его души не было... Жизнь отвечала совсем не так, как хотелось бы нашему бывшему матросу.

И даже такие добрые люди, как миссис Браун и мисс

Нора, удивлялись, что можно думать о таких несбыточных мечтах.

Одна только Джен, сиделка в госпитале, понимала и была, по мнению Чайкина, действительно праведной душой.

Но много ли таких?

Чайкина не забывали сан-францисские друзья...

Нелли время от времени писала своему спасителю и звала во Фриски. Отец ее два раза просил не забывать, что готов к его услугам. Мать Нелли писала, что никогда не забудет Чайкина.

Макдональд писал, что уезжает в Нью-Йорк, а перед отъездом приезжал на день поглядеть Чайкина и сообщил, что старый Билль по-прежнему ездит с дилижансом и кланяется Чайку.

Изредка писал Чайкину и старик Билль и, между прочим, известил, что Абрамсон умер.

Но русских за эти три года Чайкин так и не видал. А

между тем он слышал, что на приисках

есть русские.

Один рабочий на ферме, копавший прежде золото, однажды сообщил, что видел компанию русских. У них был участок около того участка, на котором прогорел американец... Но, кажется, они ушли с участка.

И Чайкину так хотелось увидеть земляков.

«Хоть бы повидать... Хоть бы по-русски поговорить!»

– думал Чайкин.

Однажды летом, в воскресенье, рано утром он пошел к тому месту, где останавливается дилижанс из Сакраменто, в надежде встретить русских, и по дороге увидал одного усталого и плохо одетого пешехода.

Он взглянул на его широкое лицо, обрамленное русой бородой, и сердце Чайкина екнуло.

По обличию ему показалось, что это русский, и Чайкин окликнул по-русски:

– Не земляк ли?

– Русский и есть... С приисков иду... А вы откуда?

Чайкин с восторгом слушал русскую речь и крепко пожимал руку путника.

– И как я рад земляку... Как рад! Вы куда направляетесь, земляк?

– На дилижанс... в Сакраменто... Оттуда в Сан-Франциско.

– Вам спешно?

– Человеку без места всегда спешно!.. – проговорил, улыбаясь, молодой человек. – Еду ис-

кать работы... Авось найду.

– Как не найти, земляк! Здесь всегда найдешь работу.

– Это верно... Но только не такому, как я, удержаться на работе. Посмотрите на мои руки! – Молодой человек не без иронической улыбки показал свои тонкие длинные руки и прибавил: – Хороши?

– А вы не зайдете ли ко мне? Тут близко... Потолкуем насчет работы... Может, и придумаем. А сперва позавтракаем вместе... Отдохнете...

– С большим удовольствием... Очень даже не прочь позавтракать! – весело отвечал русский, которому так обрадовался Чайкин. –

Но прежде позвольте познакомиться: бывший студент Неустроев... А вы что здесь делаете? Как видно, вам недурно живется! – прибавил Неустроев, оглядывая прилично одетого Чайкина.

– Я рабочий на ферме... Чайкин.

– И давно?

– Три года.

– А вы сюда как попали, Чайкин?

– Я был матросом на военном судне.

– И бежали, конечно?.

– Бежал.

– И каким же вы стали американцем, Чайкин... Как зовут по имени и отчеству?. Привык, знаете, по-русски звать.

– Василий Егорович.

– А я Николай Николаевич...

Они пошли к ранче, и Неустроев торопился рассказать свою одиссею.

– А мне, Василий Егорович, не приходилось бежать...

Просто взял паспорт и приехал.

– Зачем? – как-то невольно сорвался вопрос.

– То-то и есть, что дома некоторые, а здесь все спрашивали: «Зачем?» Могу только сказать, – не для того бросил академию, чтобы сделаться богатым американцем.

Разбогатеть при ловкости можно и дома. Как вы думаете, Василий Егорович?

– Везде можно. Только забудь совесть.

– И какой же вы понятливый, Василий Егорович...

Именно, только забудь совесть! Ну, а я еще совести не желаю забывать... И как же я рад, что встретил такого земляка! – радостно и задушевно воскликнул студент. – Вы вот матросом были, а теперь американец, рабочий.

– Да я не американец... Я вполне русский остался...

Только прозвали меня Чайком, – все и зовут Чайком, а я

Василий Чайкин.

– И отлично, что не американец... Я и говорю, что самый ученый американец не хочет понять того, что вы понимаете насчет совести и миллионов... Так я не за миллионами

приехал, а для того, чтобы попробовать новой жизни и выучиться зарабатывать своим горбом, как вы...

Достал двести рублей – и сюда... Как видите, не очень-то за год выучился. Не особенно принимали на черную работу...

Уж как ни старался, не выгорало, и меня выгоняли... Теперь у одних русских на прииске работал... думал, на отъезд домой наработаю... А наши русские вовсе прогорели, и вот я весь тут... Котомка с бельем и десять долларов в кармане... Доберусь до Сан-Франциско и напишу матери, чтобы выслала двести рублей, а до того продержусь... Какую-нибудь бумажную работу достану... Какой я, к черту, рабочий!. И что мне делать в Америке?. Только и думал здесь, как бы не пропасть... Одни газеты только и читал и ни одной книжки... Какая книжка, когда к вечеру только и рад, что в постель?.. Вот, Василий Егорович, в чем дело... А скоро ваша ферма?..

– Устали, Николай Николаич? Минут через пять будем.

– Немножко устал... Не привык... И в Америке дурак дураком... ну ее к черту! Вернусь в

Россию, окончу курс и буду земским врачом... Буду по крайней мере мужиков лечить... Помогу им, сколько можно... Все-таки буду знать, для чего я живу на свете... И со своими!..

– И какой же вы милый барин! – радостно промолвил

Чайкин.

– То-то и вы говорите: «барин»... Барин и есть... И что поделаешь?.

Скоро земляки пришли в ранчу. Чайкин увел студента в свою комнату. Там Чайкин помог «барину» помыться и вынул из котомки чистую рубашку.

А Неустроев в это время весело болтал и восхищался комнатой.

– Небось таких хозяев и в Америке мало! – говорил он.

Чайкин сбегал в ранчу и попросил миссис Браун пригласить на ленч соотечественника и позволить оставить его в комнате на неделю.

Нечего и говорить, что миссис Браун охотно согласилась, просила привести русского обедать в ранчу и сказала, что на время пре-

бывания гостя Чайка в его распоряжении будет комната:

– Ведь пустых во флигеле много.

Чайкин благодарил и, вернувшись, похвастался перед студентом своей хозяйкой.

Прозвонил колокол, и земляки пошли в столовую.

Чайкин познакомил студента со всеми товарищами, и затем

Неустроев отдал честь обильному ленчу, пошутил с Сузанной и после завтрака неустанно рассказывал Чайкину о

России.

Он говорил и об освобождении крестьян, и о земстве, о новом суде, о мировых судьях... И речи студента шестидесятых годов звучали восторженностью.

А Чайкин жадно слушал, и ему еще сильнее захотелось в Россию.

На другой же день Джемсон, по рекомендации Чайкина, пригласил студента вести бухгалтерские книги.

Неустроев был в восторге и решил не писать домой о высылке денег.

– И без того дома не густо! – говорил он

Чайкину. – А в полгода я наработаю на проезд.

От денег, предложенных Чайкиным, молодой человек категорически отказался.

Чайкин ожил. Неустроев рассказывал Чайкину о многом, что сам знал, и они сблизились. И тем скорее хотелось

Чайкину ехать в Россию.

Очень хотел ехать и Неустроев, но раньше полгода выехать ему было нельзя. Тогда Чайкин начал просить

Неустроева ехать вместе как можно скорей и взять у него на дорогу денег.

Через месяц Неустроев согласился, и Чайкин, простившись с хозяевами и товарищами, уехал в

Сан-Франциско.

Там он побывал у консула, чтобы получить какой-нибудь вид, и от консула узнал, что по манифесту он прощен и что адмирал, узнавший во время пребывания эскадры в Сан-Франциско и о причинах бегства матроса, и о подвиге его на пожаре, сообщил консулу, чтобы он разыскал Чайкина и чтобы сказал ему, что он может вернуться в Россию, что его по

болезни немедленно уволят от службы.

– Адмирал лично доложил о вас, Чайкин, морскому министру и просил, чтобы вы явились к адмиралу по приезду... Можете ехать без всякого опасения.

– Что бы там ни было, я все-таки уехал бы! – отвечал

Чайкин.

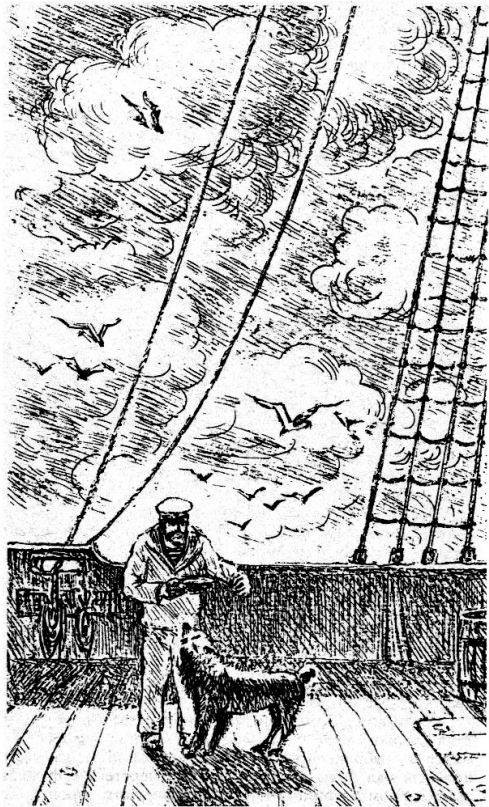
Через три дня он, радостный, возвращался с Неустроевым в Россию.

РАССКАЗЫ

КУЦЫЙ

I

В роскошное, раннее тропическое утро на Сингапурском рейде, где собралась русская эскадра Тихого океана, плававшая в 60-х годах, новый старший офицер, барон фон дер Беринг, худощавый, долговязый и необыкновенно серьезный блондин лет тридцати пяти, в первый раз обходил, в сопровождении стар-

шего боцмана Гордеева, корвет «Могучий», заглядывая во все, самые сокровенные, его закоулки. Барон только вчера вечером перебрался на

«Могучий», переведенный с клипера «Голубь» по распоряжению адмирала, и теперь знакомился с судном.

Несмотря на желание педантичного барона в качестве «новой метлы» к чему-нибудь да придраться, это оказалось решительно невозможным. «Могучий», находившийся в кругосветном плавании уже два года, содержался в образцовом порядке и сиял сверху донизу умопомрачающей чистотой. Недаром же прежний старший офицер, милейший Степан Степанович, назначенный командиром одного из клиперов, – любимый и офицерами и матросами, – клал всю свою добрую, бесхитростную душу на то, чтобы

«Могучий» был, как выражался Степан Степанович, «игрушкой», которой мог бы любоваться всякий понимающий дело моряк.

И действительно, «Могучим» любовались во всех портах, которые он посещал.

Обходя медлительной, несколько развали-

стой походкой нижнюю жилую палубу, барон Беринг вдруг остановился на кубрике и вытянул свой длинный белый указательный палец, на котором блестел перстень с фамильным гербом старинного рода курляндских баронов Беринг. Палец этот указывал на лохматого крупного рыжего пса, сладко дремавшего, вытянув свою неказистую, далеко не породистую морду, в укромном и прохладном уголке матросского помещения.

– Это что такое? – внушительно и строго спросил барон после секунды-другой торжественного молчания.

– Собака, ваше благородие! – поспешил ответить боцман, подумавший, что старший офицер не разглядел в полутемноте кубрика собаки и принял ее за что-нибудь другое.

– Ду-рак! – спокойно, не повышая голоса, отчеканил барон. – Я сам вижу, что это собака, а не швабра. Я спрашиваю: почему собака здесь? Разве можно на военном судне держать собак! Чья это собака?

– Конвертская, ваше благородие!

– Боцман... Как твоя фамилия?

– Гордеев, ваше благородие!

– Боцман Гордеев! Выражайся яснее; я тебя не понимаю. Что значит: корветская собака? – продолжал барон все тем же медленным, тихим и нудящим голосом, произнося слова с тою отчетливостью, с какою говорят русские немцы, и останавливая на лице боцмана свои большие, светлые и холодные голубые глаза.

Пожилой боцман, которого до сих пор все, кажется, отлично понимали, за исключением разве тех случаев, когда он, случалось, возвращался с берега пьяный вдрызг, недоумевая смотрел в бесстрастное, белое, отливавшее румянцем, безусое, продолговатое лицо, опущенное рыжеватыми бакенбардами в виде котлет, и, видимо, удрученный этим назойливым допросом, вместо ответа, ожесточенно заморгал своими маленькими серыми глазами.

– Так какая же это корветская собака?

– Матросская, значит, обчая, ваше благородие! – объяснил с угрюмым видом боцман и в то же время сердито подумал: «Не понимаешь, что ли, долговязый!»

Но «долговязый», казалось, не понимал и сказал:

– Что ты мне вздор рассказываешь!. У каждой собаки должен быть хозяин.

– То-то у ей нет, ваше благородие. Она при- блудная.

– Какая? – переспросил барон, видимо не зная значения этого слова.

– Приблудная, ваше благородие. В Кронштадте увязалась за одним нашим матросиком и явилась на конверт, когда он вооружался в гавани. С той поры Куцый и ходит с нами. Так его назвали по причине хвоста, ваше благородие!

– прибавил в виде пояснения боцман.

– Собаки на военном судне – беспорядок. Они только гадят палубу.

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, что Куцый собака понятливая и ведет себя, как следовало. За ей насчет этого ничего дурного не замечено! – вступился боцман за

Куцего. – Прежний старший офицер Степан Степанович позволяли ее держать, потому как Куцый, можно сказать, исправная собака, и команда ее любит.

– Слишком много вам позволяли прежде, как посмотрю, и распустили. Я вас всех подтя-

ну, слышишь? – строго заметил барон, которому объяснения боцмана показались несколько фамильярными. И сам он, казалось, не особенно трепетал перед старшим офицером.

– Слушаю, ваше благородие.

Барон на секунду задумался и наморщил лоб, решая в своем уме участь Куцего. И боцман, весьма благоволивший к Куцему, со страхом ждал этого решения.

Наконец старший офицер проговорил:

– Если я когда-нибудь замечу, что эта собака изгадит мне палубу, я прикажу ее выкинуть за борт. Понял?

– Понял, ваше благородие!

– И помни, что я два раза не повторяю своих приказаний, – внушительно прибавил барон, по-прежнему не возвышая своего скрипучего однотонного голоса.

Боцман Гордеев, старый служака, выдавший на своем веку немало разного начальства и умевший понимать людей, и без этого предупреждения уже сообразил, что этот «долговязый», даром, что говорит тихо, без пыла, а такая «чума», с которой всем служить

будет очень нудно, не то что со Степаном Степанычем.

Услышав несколько раз свою кличку, Куцый потянулся, открывая глаза, лениво поднялся, сделал несколько шагов, выходя из темного угла поближе к свету, и, как смышленный, понимающий дисциплину, пес, при виде незнакомого человека в офицерской форме почтительно вильнул несколько раз своим обрубком.

– Фу, какая отвратительная собака! – брезгливо процедил барон, кидая взгляд, полный презрения, на невзрачную и неуклюжую большую дворнягу, с жесткой,

всклокоченной рыжей шерстью, обгрызенными, стоящими торчком, ушами и широкой мордой, местами покрытой плешинами, словно изъеденной молью.

Только необыкновенно умные и добрые глаза Куцего, пристально оглядывавшие барона, несколько скрашивали его уродливую наружность. Но этих глаз барон, верно, не заметил.

– Чтоб я не встречал никакой этой мерзкой собаки! –

проговорил барон.

И с этими словами он повернулся и поднялся вверх, сопровождаемый удрученным и нахмурившимся боцманом. Поджав свой обрубок – следы злой шутки одного кронштадского повара, Куцый побрел, прихрамывая на одну давно сломанную переднюю лапу, в свой темный уголок, чуя, надо думать, что не имел счастья понравиться этому долговязому человеку с рыжими баками и со злым взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

Один матрос, слышавший слова старшего офицера, ласково потрепал общего корветского любимца, который в ответ благодарно вылизывал шершавую матросскую руку.

II

Испытывая чувство тоскливого угнетения, обычное в простом русском человеке, которого донимают нотациями и жалкими словами, боцман еще целую четверть часа, если не более, выслушивал, стоя навтыяжку в каюте барона и теребя в нетерпении фуражку, его длинные, обстоятельные и монотонные на-

ставления о том, какие отныне будут порядки на корвете, чего он будет требовать от боцманов и унтер-офицеров, как должны вести себя матросы, что такое, по понятиям барона, настоящая дисциплина и как он будет беспощадно взыскивать за пьянство на берегу.

Отпущенный наконец из каюты с напутствием «хорошо запомнить все, что сказано, и передать кому следует», боцман радостно вздохнул и, весь красный, словно после бани, выскочил наверх и пошел на бак выкурить поскорей трубочку махорки.

Там его тотчас же обступили почти все представители баковой аристократии: фельдшер, баталер, подшкипер, машинист, два писаря и несколько унтер-офицеров.

– Ну что, Аким Захарыч, каков старший офицер? Как он вам показался? – спрашивали боцмана со всех сторон.

Боцман в ответ только безнадежно махнул своей волосатой, красной и жилистой рукой и сердито плюнул в кадку.

И этот жест, и энергичный плевок, и раздраженное выражение загорелого, красно-бурого лица боцмана, опущенного черными, с

проседью, бакенбардами, с красным, похожим на картофелину, носом и с нахмуренными бровями, словом, все, казалось, говорило: «Дескать, лучше и не спрашивайте!»

– Сердитый? – спросил кто-то.

Но боцман не тотчас ответил. Он сделал сперва две-три отчаянные затяжки, сплюнул опять и, значительно оглядев всех слушателей, жаждавших услышать оценку такого умного и авторитетного человека, наконец выпалил, несколько понижая, однако, свой зычный голос, стяжавший горлу боцмана репутацию «медной глотки»:

– Прямо сказать: чума турецкая!

Столь убежденная и решительная оценка произвела на присутствующих весьма сильное впечатление. Еще бы!

После двухлетнего плавания со старшим офицером, который, по выражению матросов, был «добер» и «жалел»

людей, не обременяя их непосильными работами и учениями, дрался редко – и то с пыла, а не от жестокости – и снисходительно относился к матросской слабости – «нахлестаться» на берегу, – иметь дело с «чумой» показа-

лось очень непривлекательным. Немудрено, что все лица внезапно сделались серьезными и задумчивыми.

С минуту длилось сосредоточенное и напряженное молчание.

– В каких, однако, смыслах он чума, Аким Захарович? –

заговорил молодой, курчавый фельдшер, которому, по его должности, предстояло менее других опасности иметь столкновения со старшим офицером. Знай себе доктора да лазарет, и шабаш!

– Во всяких смыслах, братец ты мой, чума! То есть вовсе нудный человек. Зудит, как пила, и никакой не дает тебе передышки, немчура долговязая! Сейчас вот в каюте донимал. Глядит это на меня рыбьим глазом, а сам: зу-зу-зу, зу-зу-зу, – передразнил барона боцман. – Я, говорит, вас всех подтяну. У меня, говорит, новые порядки станут. Я, говорит, за береговое пьянство буду взыскивать во всей строгости... одно слово, зудил без конца... Совсем в тоску привел.

– Унтерцер, что вчерась на катере с «Голубя» привез нового старшего офицера, тоже его

не хвалил. Сказывал, что карактерный и упрямый и всех на клипере разговором нудил, – вставил один из унтер-офицеров. – На «Голубе»

все рады, что он ушел, потому приставал, ровно смола... А

драться, сказывали, не дерется и не порет, но только наказывает по-своему: на ванты боковыми ногами ставит, на ноки на высидку посылает. Сказывал – очень придиричив и много о себе полагает этот самый... как его по фамилии?.

– Берников, что ли, – ответил боцман, переделывая немецкую фамилию на русский лад. – Из немецких баронов. А о себе он напрасно полагает, потому полагать-то ему нечего! – авторитетно прибавил боцман.

– А что?

– А то, что в ем большого рассудка незаметно. Это по всем его словам оказывает. И на понятие туг. Давеча, я вам скажу, не мог взять вдомек, что Куцый конвертская собака... Какая, говорит, конвертская? Непременно ему хозяина подавай...

– Из-за чего у вас о собаке-то разговор вы-

шел? –

спросил кто-то.

– А вот поди ж ты! Не понравился ему наш Куцый, и шабаш! Нельзя, говорит, на судне держать собаку. И грозился, что прикажет выкинуть Куцего за борт, если он нагадит на палубе... И чтобы я, говорит, его не встречал!

– И что ему Куцый? Мешает, что ли?

– То-то все ему мешает, анафеме. И животную бессловесную, и тую притеснил... Да, братцы, послал нам господь цацу, нечего сказать. Другое житье пойдет. Не раз вспомним Степана Степаныча, дай бог ему, голубчику, здоровья!

– промолвил боцман и, выбив трубочку, опустил ее в карман своих штанов.

– Капитан-то наш ему большого хода не даст, я так полагаю, – заметил молодой фельдшер. – Не допустит очень-то безобразничать. Шалишь, брат! Не те нонче права... Вот теперь мужикам волю дают, и всем права будут, чтобы по закону...

– Не досмотреть-то всего капитану. Главная причина, что старший офицер ближе всего до нас касается! – возразил боцман.

– Можно и до капитана дойти в случае чего. Так, мол, и так! – хорохорился фельдшер.

– Прыток больно! А ты рассуди, что и капитану, стало быть, быдто зазорно против своего же брата идти и срамить его, скажем, из-за какого-нибудь унтерцера. В этом самая загвоздка и есть! Нет, братец ты мой, по одиночке жаловаться не порядок, только здря начальство расстроишь, а толку не будет – тебе же попадет! В старину бывала другая правила! – прибавил боцман, строго охранявший прежние традиции, так сказать, обычного матросского права.

– Какая, Аким Захарыч?

– А такая, что ежели, примерно, безо всякого, можно сказать, рассудка изматывали нашего брата, матроса, и вовсе уже не ставало терпения, значит, от тиранства, тогда команда шла на отчаянность: выстроится, как следует, во фронт и через боцманов объявит командиру претензию.

– И что ж, выходил толк?

– Глядя по человеку. Иной вместо разборки велит перепороть половину команды, ну а другой выслушает и рассудит по совести.

Помню, раз, на смотре – я еще тогда первый год служил, – объявили мы адмиралу Чаплыгину претензию на командира Занозова – форменный зверь был!

– так, вместо разборки дела, у нас на корабле, братец ты мой, целый день порка была... Так стон и стоял, и мне сто линьков всыпали – вот тебе и вся претензия! Опять же в другой раз тоже объявили мы претензию капитану Чулкову

– теперь он в адмиралы вышел – на старшего офицера. Так совсем другой оборот. Выслушал это Чулков, насупимшись, грозный такой, однако обещал по форме рассудить...

– Ну, и что же? Рассудил?

– Рассудил. Через неделю старший офицер списался с фрегата, будто по болезни, и мы вздохнули... И ничего нам не было... Вот, братец ты мой, какие дела бывали...

– Ну, наш командир, небось, не даст команды в обиду!

– На капитана одна надежда, а все-таки не доглядеть ему за всем. Зазудит нас долговязая немца!

Еще несколько времени продолжались

толки о новом старшем офицере. Все решили пока что ждать поступков.

Может, он и испугается капитана и не станет менять порядков, заведенных Степан Степанычем. Эти соображения несколько успокоили собравшихся. И тогда молодой писарек из кантонистов, отчаянный франт, с аметистовым перстеньком на мизинце, спросил:

– А как же теперь насчет берега будет, Аким Захарыч?

Отпустит он нас на Сингапур посмотреть?

– Об этом разговору не было.

– Так вы доложили бы старшему офицеру, Аким Захарыч.

– Ужо доложу.

– Всякому лестно, я думаю, погулять на берегу. Здесь, говорят, в Сингапуре очень даже любопытно... И насчет красы природы и насчет ресторантов... И лавки, говорят, хорошие... Уж вы доложите, Аким Захарыч, а то неизвестно еще, сколько простоим, того и гляди без удовольствия останемся.

В эту минуту на бак со всех ног прибежал молодой вестовой Ошурков и сказал боцману:

– Аким Захарыч! Вас старший офицер тре-

бует.

– Что ему еще?

– Не могу знать. У себя в каюте сидит и какие-то бумаги перебирает...

– Опять зудить начнет! Эка...

И, выпустив звучную ругань, боцман побежал к старшему офицеру.

– А ты у нового старшего офицера остаешься, Вань, вестовым? – спрашивали на баке у Ошуркова.

– То-то остаюсь. Ничего не поделаешь... Придется с им терпеть... По всему видно, что занозу мне бог послал заместо Степан Степаныча. Ужо он мне зудил насчет евойных, значит, порядков... Чтобы, говорит, как машина, все сполнял!

III

Ненависть нового старшего офицера к Куцему и его угроза выбросить матросскую собаку за борт были встречены общим глухим ропотом команды. Все, казалось, удивлялись этой бессмысленной жестокости – лишить матросов их любимца, который в течение двух лет плавания доставлял им столько раз-

влечений среди однообразия и скуки судовой жизни и был таким добрым, ласковым и благодарным псом, платившим искренней привязанностью за доброе к нему отношение людей, которое он, наконец,

нашел после нескольких лет бродяжнической и полной невзгод жизни на улицах Кронштадта.

Смышленный и переимчивый, быстро усваивавший разные предметы матросского преподавания, каких только штук ни проделывал этот смешной и некрасивый Куцый, вызывая общий смех матросов и удивляя их своей действительно необыкновенной понятливостью! И сколько удовольствия и утехи доставлял он нетребовательным морякам, заставляя хоть на время забывать и тяжелую морскую жизнь на длинных океанских переходах и долгую разлуку с родиной! Он ходил на задних лапах с самым серьезным выражением на своей умной морде, носил поноску, лазил на ванты и стоял там, пока ему не кричали: «С

марсов долой», сердито скалил зубы и ворчал, если его спрашивали: «Куцый, хочешь,

брат, линьков?» и, напротив, строил радостную гримасу, виляя весело своим обрубком, когда ему говорили: «Хочешь на берег?» Когда раздавался свисток и вслед затем окрик боцмана: «Пошел все наверх», Куцый вместе с подвахтенными летел стремглав наверх, какая бы ни была погода, и дожидался на баке, пока не свистали: «Подвахтенных вниз!» А во время шторма он почти всегда бывал наверху и развлекал вахтенных во время их тяжелых вахт. Когда свистали к водке, Куцый вместе с матросами присутствовал при раздаче и затем во время обеда обходил на задних лапах сидящих по артелям матросов, отовсюду получая щедрые подачки, и весело брехал в знак благодарности.

После обеда, когда подвахтенные отдыхали, Куцый неизменно ложился у ног Кочнева, пожилого и угрюмого бакового матроса, горького пьяницы, к которому питал необыкновенно нежные чувства и выказывал трогательную преданность. Он глядел матросу, что называется, в глаза и всегда почти вертелся около него, видимо, несказанно довольный, когда Кочнев погладит его. Во время ночных

вахт

Куцый обязательно бывал при Кочневe и, когда тот сидел на носу, на часах, обязанный смотреть вперед, Куцый нередко исполнял вместо своего приятеля обязанности часового. Он добросовестно мок под дождем, продуваемый насквозь свежим ветром и, насторожив изгрызенные уши, зорко всматривался вперед, в темноту ночи, предоставляя матросу, закутанному в дождевик и согретому шерстью собаки, слегка вздремнуть, поклевывая носом. Завидев огонь встречного судна или внезапно выросший силуэт «купца», неносящего по беспечности огней, Куцый громко лаял и будил задремавшего часового. На берег Куцый всегда съезжал с Кочневым, шел с ним до ближайшего кабака и, отлучившись на часок, чтобы взглянуть на береговых собак, возвращался, иногда изгрызенный, к своему другу и уже не выпускал его из глаз. Он внимательно и с видимым сочувствием слушал пьяные монологи матроса, подавал реплики виляньем обрубка или ласковым визгом, если пьяный Кочнев вел с ним беседу на какие-нибудь, должно быть, невеселые темы, и сторо-

жил матроса, когда тот валялся на улице в бесчувственном состоянии, пока не подошли товарищи и не подбирали его. Одним словом, Куцый выказывал истинно собачью привязанность к тому человеку, который доставил ему, гонимому бродяге, каждое утро рисковавшему попасть на аркан фурманщика, спокойный приют на корвете и сытую, приятную жизнь среди добрых людей, выразивших бродяге с первого же дня его появления на корвете самое милое и любезное внимание, которого он уже давно не видал.

В свою очередь, и угрюмый, малообщительный матрос был сильно привязан к своему найденышу, показавшему такие блистательные способности, не говоря уже о прекрасных нравственных качествах, и, кажется, только с ним одним и вел под пьяную руку длинные интимные беседы.

Он рассказывал Куцему о том, как он неправильно, из-за одного «подлого человека», был сдан в матросы, и о своей жене, которая живет вроде быдто «форменной барыни», и о дочери, которая знать его не хочет... И Куцый, казалось, понимал, что этот угрюмый

матрос, пивший джин стаканчик за стаканчиком в каком-нибудь иностранном кабаке, рассказывает невеселые вещи.

Знакомство с Куцым произошло совершенно случайно.

Это было в Кронштадте в один ненастный и холодный воскресный день, после обеда, дня за три до отхода «Могучего» в кругосветное плавание. Порядочно «треснувши»

и выписывая ногами самые затейливые вензеля, Кочнев возвращался из кабака на корвет, стоявший в военной гавани, как где-то в переулке заметил собаку, угрюмо прижавшуюся к водосточной трубе и вздрагивающую от холода. Жалкий вид этой намокшей, с выдающимися ребрами, видимо, бесприютной собаки и притом самой неказистой наружности, обличавшей бродягу, тронул пьяньенького матроса.

– Ты, брат, чей будешь?. Видно, бездомный пес, а? –

проговорил он заплетающимся языком, останавливаясь около собаки.

Собака подозрительно взглянула своими умными глазами на матроса, точно сообра-

жая: дать ли ей немедленно тягу или выждать, не уйдет ли этот человек. Но несколько дальнейших слов, произнесенных ласковым тоном, видимо, успокоили ее насчет его недобрых намерений, и она жалобно завывала. Матрос подошел еще ближе и погладил ее; она лизнула ему руку, видимо, тронутая лаской, и завывала еще сильнее.

Тогда Кочнев стал шарить у себя в карманах. Этот жест возбудил в собаке жадное внимание.

– Голоден, небось, бедный! – говорил матрос. – А ты потерпи... Вот и нашел, на твое счастье! – прибавил он, вынимая наконец из штанов медную монетку.

Он зашел в мелочную лавочку и через минуту бросил собаке куски черного хлеба и обрезки рубцов, купленных им на свои непропитые еще две копейки.

Собака с алчностью бросилась на пищу, и в несколько секунд сожрала все, и снова вопросительно смотрела на

матроса.

– Ну, валим на конверт... Там тебя накормят до отвалу, коли ты такой голодный... Мат-

росы – добрые ребята... Не бойся! И переночуешь на конверте, а то что за радость мокнуть на дожде... Идем, собака!

Он ласково свистнул. Собака двинулась за ним, и не без некоторого смущения вошла по сходням на корвет, и вслед за матросом очутилась на баке среди толпы людей, испуганная и будто сконфуженная своим непривлекательным видом.

– Бродягу, братцы, нашел! – проговорил Кочнев, указывая на собаку.

Несчастный ее вид возбудил жалость в матросах. Ее стали гладить и повели вниз кормить. Скоро она, наевшись досыта, заснула недалеко от камбуза (кухни) и, не веря своему счастью, часто тревожно просыпалась во сне.

Наутро, разбуженная чисткой верхней палубы, собака испуганно озиралась, но Кочнев значительно успокоил ее, поставив перед ней чашку с жидкой кашицей, которой завтракали матросы.

Спустя несколько времени, когда палуба была вымыта, Кочнев вывел ее наверх на бак и предложил матросам оставить ее на корве-

те.

– Пущай плавает с нами.

Предложение было принято с полным сочувствием.

Обратились к боцману с просьбой испросить разрешение старшего офицера, и, когда разрешение было получено, на баке поднялся вопрос, какую дать этому псу кличку.

Все посматривали на весьма неказистую собаку, которая, в ответ на ласковые взгляды, повиливая обрубком хвоста и благодарно лизала руки матросов, которые гладили ее.

– Окромья как Куцым никак его не называть! – предложил кто-то.

Кличка понравилась. И с той же минуты Куцый был принят в число экипажа «Могучего».

Первоначальным воспитанием его занялся Кочнев и выказал блестящие педагогические способности. Через неделю уже Куцый понял неприкосновенность сверкавшей белизной палубы и строгость моряков относительно чистоты и сделался исправной собакой. В первую же трепку в

Балтийском море он обнаружил и свои

морские качества.

Его нисколько не укачивало, он ел с таким же аппетитом,

как и в тихую погоду, и не выказывал ни малейшего малодушия при виде громадных волн, разбивающихся о бока корвета. Вскоре смысленный и ласковый Куцый сделался общим любимцем и забавлял матросов своими штуками.

И такого-то славного пса грозили выкинуть за борт!

Весть об этом взволновала едва ли не более всех Кочнева, и он решил принять все меры, чтобы этот «долговязый дьявол» не встречал Куцего. И в тот же день, когда

Куцый с веселым беззаботным видом выскочил наверх, как только что просвистали к водке, Кочнев отвел его вниз и, указав место в самом темном уголке кубрика, проговорил:

– Сиди, Куцый, здесь смирно, а то беда! Ужо я принесу тебе пообедать!

IV

Прошел месяц.

За это время матросы достаточно присмотр-

релись к новому старшему офицеру и невзлюбили его. Он, правда, до сих пор никого не наказал линьками, никого не ударил и вообще не обнаруживал жестокости, и тем не менее барона ненавидели за его придирчивость, мелочность, за то, что он приставал, «как смола», «зудил» провинившегося в чем-нибудь матроса без конца и затем наказывал самым чувствительным образом: оставлял виноватого без берега, лишая таким образом матроса единственного удовольствия дальних плаваний. А то ставил на ванты или посылал на «высидку» на нок и – что казалось матросам еще обиднее –

оставлял без чарки водки, столь любимой моряками.

Барона ненавидели и боялись и за эти наказания, и за его бессердечный педантизм, не оставлявший без внимания ни малейшего отступления от расписания судовой жизни.

Все чувствовали над собой гнет какой-то бездушной, упрямой машины и, главное, понимали, что в душе барон презирает матроса и смотрит на него исключительно как на рабочую силу. Никогда ни доброго слова, ни

шутки! Всегда один и тот же ровный и спокойный скрипучий голос, в котором чуткое ухо слышало высокомерно-презрительную нотку. Всегда этот жесткий взгляд голубых бесстрастных глаз!

Не пользовался он и уважением как моряк. На баке, этом матросском клубе, где даются меткие оценки офицерам, находили, что он далеко не орел, каким был Степан

Степаныч, а мокрая курица, выказавшая трусость во время шторма, прихватившего корвет по выходе из Сингапура. И

дело он, по мнению старых матросов, понимал не до тонкости, хотя и всюду совал свой нос. И «башковатости» в нем было немного, а только одно упрямство. Одним словом, барона терпеть не могли и иначе не звали, как «Чертовой Зудой». Всякий опасался его наставлений, словно чумы.

Вначале барон вздумал было изменить порядки на корвете и вместо прежних недолгих ежедневных учений стал «закатывать» учения часа по три подряд, утомляя матросов и без того утомленных шестичасовыми вахтами на ходу. Но, спасибо капитану, он скоро

умерил усердие старшего офицера.

И об этом юркий капитанский вестовой Егорка рассказывал на баке так:

– Призвал он этто, братцы, Чертову Зуду к себе и говорит: «Вы, говорит, Карла Фернандыч, напрасно новые порядки заводите и людей зря мучаете учениями. Пусть, говорит, по-старому остается».

– Что ж на это Зуда?

– Покраснел весь, словно рак вареный, Зуда проклятая, и в ответ: «Слушаю-с, говорит, но только я полагал, что как для пользы службы...» – «Извините, господин барон, – это ему капитан в перебой, – я, говорит, и без вас понимаю, какая, говорит, польза службы есть... И польза, говорит, службы требует, чтобы матросов зря не нудили. Ему, говорит, матросу, и без ученьев есть дела много, вахту справлять, и у нас, говорит, матросы лихо работают, и молодцы, говорит... Так уж вы о пользе службы не извольте очинно беспокоиться... а затем, говорит, я больше ничего не желаю вам сказать...» Так, черт долговязый, и ушел ошпаренный! – заключил Егорка к общему удовольствию собравшихся матросов.

Вообще барон фон дер Беринг пришелся как-то не ко двору со своими новыми порядками и взглядами на дисциплину. В кают-компании нового старшего офицера тоже невзлюбили, особенно молодежь, вся пропитанная новыми веяниями шестидесятих годов и жаждавшая приложить их к делу гуманном обращением с матросами. Чем-то старым, архаическим веяло от взглядов барона, завязанного крепостника и консерватора. Безусловно честный и убежденный, не скрывавший своих, как он говорил, священных принципов, всегда несколько напыщенный и самолюбивый, прилизанный и до тошноты аккуратный, барон возбуждал неприязнь в веселых молодых офицерах, которые считали его ограниченным, тупым педантом и сухим человеком,

мнившим себя непогрешимым и глядевшим на всех с высоты своего курляндского баронства. Не нравился он и париям флотской службы: штурману, артиллеристу и механику. И без того обидчивые и мнительные, они отлично чувствовали в его изысканно-вежливом обращении снисходительное презрение

завзятого барона, сознающего свое превосходство.

Не пришелся по вкусу новый старший офицер и капитану. Он не очень-то был благодарен адмиралу, наградившему его такой «немецкой колбасой», и не догадывался, конечно, что хитрый адмирал нарочно назначил барона старшим офицером именно к нему, на «Могучий», уверенный, что командир «Могучего» скоро «сплавит» барона, и адмирал таким образом «умоет руки» и отошлет его с эскадры в Россию.

В кают-компании почти никто не разговаривал с бароном, исключая служебных дел, и он был каким-то чужим в дружной семье офицеров «Могучего». Только мичмана подчас не отказывали себе в удовольствии поддразнить барона, громя крепостников и консерваторов, не понимающих значения великих реформ, и расхваливая в присутствии барона Степана Степановича. «Вот-то приятно было с ним служить! Вот-то был знающий и дельный старший офицер и добрый товарищ! И как его любили матросы, и как он сам понимал матроса и любил его! И как они для него

старались».

– Его даже и Куцый любил! – восклицал курчавый белокурый мичман Кошутич, особенно любивший травить эту «немецкую аристократическую дубину». – А Куцего что-то не видать нынче наверху, господа... Прячется,

бедная собака. Что бы это значило, а? – прибавлял нарочно мичман, знавший об угрозе старшего офицера.

Барон только надувался, словно индюк, не обращая, по-видимому, никакого внимания на все эти шпильки, и с тупым упрямством ограниченного человека не изменял своего поведения и как будто игнорировал общую к себе нелюбовь.

В течение этого месяца Куцый действительно не показывался на глаза старшего офицера, хоть сам и увидел его еще раз издали, причем Кочнев, указавший на барона, проговорил: «Берегись его, Куцый!» и проговорил таким страшным голосом, что Куцый присел на задние лапы.

Прежняя привольная жизнь Куцего изменилась. По утрам, во время обычных обходов старшего офицера, Куцый скрывался где-ни-

будь в уголке трюма или кочегарной, указанном ему Кочневым, который немало употреблял усилий, чтоб приучить собаку сидеть, не шелохнувшись, в темном уголке. И во время авралов уж Куцый не выбегал наверх. Благодаря урокам своего наставника, довольно было проговорить: «Зуда идет», чтобы Куцый, поджав свой обрубок, стремительно улепетывал вниз и забивался куда-нибудь в самое сокровенное местечко, откуда выходил только тогда, когда раздавался в люк успокоительный свист какого-нибудь матроса. На верхнюю палубу Куцего выводили матросы в то время, когда барон обедал или спал, и в эти часы забавлялись по-прежнему забавными штуками умной собаки. «Не бойся, Куцый, – успокаивали его матросы, – Зуды нет». И матросы, оберегая своего любимца, ставили часовых, когда Куцый, бывало, давал свои представления на баке. Только по ночам, особенно по темным,

безлунным тропическим ночам, выспавшийся за день Куцый свободно разгуливал по баку и дружелюбно вертелся около матросов, но уже не дежурил с Кочневым на часах, не

смотрел вперед и не лаял, как прежде, при виде огонька.

Кочнев его не брал с собою, оберегая своего фаворита от гнева Чертовой Зуды, которого угрюмый матрос ненавидел, казалось, больше, чем другие.

Но, несмотря на все эти предосторожности, над бедным

Куцым в скором времени разразилась гроза.

V

Был знойный палящий день в Китайском море. На голубом небе – ни облачка, и на море стоял мертвый штиль.

Еще с рассвета наступило безветрие, паруса лениво повисли, и капитан приказал развести пары. Скоро загудели пары, и «Могучий», убрав паруса, пошел полным ходом, взявши курс на Нагасаки.

Старший офицер, особенно заботившийся о том, чтобы

«Могучий» пришел в Нагасаки, где адмирал назначил рандеву, в щегольском виде, уже в третий раз обходил сегодня корвет,

придираясь ко всем и донимая всех своими нотациями. Он, видимо, был не в духе, хотя все было, в идеальном порядке, все наверху горело и сияло под блестящими лучами ослепительного, жгучего солнца, повисшего, словно раскаленный шар, над заштилевшим морем.

Барон только что имел снова не особенно приятное объяснение с капитаном и считал себя несколько обиженным.

В самом деле, все его предположения, направления, как он был уверен, к пользе службы, систематически отвергались этим «бесхарактерным человеком», как презрительно называл барон капитана, и отношения их с каждым днем все делались суше и суше. Вдобавок и эти мичмана то и дело подпускали ему всякие шпильки, но так, что не было никакой возможности сделать им замечание. И барон, озлобленный и надутый, высокомерно думал о том, как трудно служить порядочному человеку с этими глупыми русскими демократами, не понимающими настоящей дисциплины и готовыми подрывать престиж власти.

Спустившись в жилую палубу и занятый

своими размышлениями, он без обычного внимания заглядывал во все уголки, приближаясь к кубрику, как вдруг мимо его ног стремглав пронесся Куцый и выбежал наверх.

– Мерзкая собака! – проговорил барон, несколько испуганный неожиданным появлением Куцего, и, остановившись, невольно взглянул на место, по которому тот пробежал.

И в то же мгновение взгляд барона впился в одну точку палубы, как раз под люком трапа, ведущего на бак, и на лице его появилась брезгливая гримаса.

– Боцмана послать! – крикнул барон.

Через несколько секунд явился боцман Гордеев.

– Что это такое? – медленно процедил барон, указывая пальцем на палубу.

Боцман взглянул по направлению длинного белого пальца с перстнем и смутился.

– Что это такое, спрашиваю я тебя, Гордеев?

– Сами извольте видеть, ваше благородие...

И боцман угрюмо назвал, что это такое.

Барон выдержал паузу и сказал:

– Ты помнишь, что я тебе говорил?

– Помню, ваше благородие! – еще угрюмой отвечал боцман.

– Так чтобы через пять минут эта паршивая собака была за бортом!

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, – заговорил боцман самым почтительным тоном, полным мольбы, – что собака нездорова... И фершал ее осматривал, говорит: брюхом больна, но только скоро на поправку пойдет... В

здоровом, значит, виде Куцый никогда бы не осмелился, ваше благородие!. Простите, ваше благородие, Куцего! –

промолвил боцман дрогнувшим голосом.

– Гордеев! Я не имею привычки повторять приказаний... Мало ли какого вы мне наврете вздора... Через пять минут явись ко мне и доложи, что приказание мое исполнено... Да выскоблить здесь палубу! – прибавил барон.

С этими словами он повернулся и ушел.

– У, идол! – злобно прошептал вслед барону боцман. Он поднялся наверх и взволнованно проговорил, подходя к

Кочневу, который поджидал Куцего, чтоб увести его вниз.

– Ну, брат, беда... Сейчас Чертова Зуда увидал внизу, что Куцый нагадил, и...

Боцман не окончил и только угрюмо качнул головой.

Кочнев понял, в чем дело, и внезапно изменился в лице.

Мышцы на нем дрогнули. Несколько секунд он стоял в каком-то суровом, безмолвном отчаянии.

– Ничего не поделаешь с этим подлецом! А уж как жалко собаки! – прибавил боцман.

– Захарыч!. Захарыч!. – заговорил наконец матрос умоляющим, прерывающимся голосом. – Да ведь Куцый больной... Рази можно с больной собаки требовать? Уж, значит, вовсе брюхо прихватило, ежели он решился на это... Он умный... Понимает... Никогда с им этого не было... И то сколько раз выбегал сегодня наверх... Захарыч, будь отец родной!. Доложи ты этому дьяволу!

– Нешто я ему не докладывал? Уж как просил за Куцего. Никакого внимания. Чтобы, говорит, через пять минут Куцый был за бортом!

– Захарыч!. Сходи еще... попроси... Собака,

мол, больна...

– Что ж, я пойду... Только вряд ли... Зверь!.. – промолвил боцман и пошел к старшему офицеру.

В это время Куцый, невеселый по случаю болезни, осунувшийся, с мутными глазами, со сконфуженным видом, словно чувствуя свою виновность, подошел к Кочневу и лизнул ему руку. Тот с какою-то порывистою ласковостью гладил собаку, и угрюмое его лицо светилося необыкновенною нежностью.

Через минуту боцман вернулся. Мрачный его вид ясно говорил, что попытка его не увенчалась успехом.

– Разжаловать грозил!.. – промолвил сердито боцман.

– Братцы!.. – воскликнул тогда Кочнев, обращаясь к собравшимся на баке матросам. – Слышали, что злодей выдумал? Какие его такие права, чтобы топить конвертскую собаку? Где такое положение?

Лицо угрюмого матроса было возбуждено. Глаза его сверкали.

Среди матросов поднялся ропот. Послышались голоса:

– Это он над нами куражится, Зуда проклятая!

– Не смеет, чума турецкая!

– За что топить животную!

– Так вызволим, братцы, Куцего! Дойдем до капитана!

Он добер, он рассудит! Он не дозволит! – взволнованно и страстно говорил угрюмый матрос, не отпуская от себя

Куцего, словно бы боясь с ним разлучиться.

– Дойдем! – раздались одобрительные голоса.

– Аким Захарыч! Станови нас во фронт, всю команду.

Дело начало принимать серьезный оборот. Аким Захарыч озабоченно почесал затылок.

В эту минуту на баке показался молодой мичман Кошутич, любимец матросов. При появлении офицера матросы затихли. Боцман обрадовался.

– Вот, ваше благородие, – обратился он к мичману: –

старший офицер приказал кинуть Куцего за борт, а команда этим очень обижается. За

что безвинно губить собаку? Пес он, как вам известно, справный, два года ходил с нами... И

вся его вина, ваше благородие, что он брюхом заболел...

Боцман объяснил, из-за чего вышла вся эта дрязга, и прибавил:

– Уж вы не откажите, ваше благородие, заступитесь за

Куцего... Попросите, чтоб нам его оставили...

И Куцый, точно понимая, что речь о нем, ласково смотрел на мичмана и тихо помахивал своим обрубком.

– Вон, ваше благородие, и Куцый вас просит.

Возмущенный до глубины души, мичман обещал заступиться за Куцего. На баке волнение улеглось. В лице

Кочнева светилась надежда.

VI

– Барон, – взволнованно проговорил мичман, влетая в кают-компанию, – вся команда

просит вас отменить приказание насчет Куцего и позволить ему жить на свете... За что же, барон, лишать матросов собаки!. Да и какое она совершила преступление, барон?..

– Это не ваше дело, мичман Кошутич, – ответил барон.

– И я прошу вас не забываться и мнений своих мне не выражать. Собака будет за бортом!

– Вы думаете?

– Прошу вас замолчать! – проговорил барон и побледнел.

– Так вы хотите взбунтовать команду, что ли, своей жестокостью?! – воскликнул мичман, полный негодования.

– Ну, это вам не удастся. Я иду сейчас к капитану.

И Кошутич бросился в капитанскую каюту.

Все, бывшие в кают-компании, взглянули на старшего офицера с видимой неприязненностью. Барон, бледный, с улыбкой на губах, нервно теребил одну бакенбарду.

Минуты через две капитанский вестовой доложил барону, что его просит к себе капитан.

– Что там за история с собакой, барон? – спросил капитан и как-то кисло поморщился.

– Никакой истории нет. Я приказал ее выкинуть за борт,

– холодно ответил барон.

– За что же?

– Я предупреждал, что если увижу, что она гадит, я прикажу ее выкинуть за борт. Я увидел, что она нагадила, и приказал ее выкинуть за борт. Смею полагать, что приказание старшего офицера должно быть исполнено, если только дисциплина во флоте действительно существует!

«О, немецкая дубина!» – подумал капитан, и лицо его еще более сморщилось.

– А я попрошу вас, барон, немедленно отменить ваше распоряжение и впредь оставить собаку в покое. Она на корвете с моего разрешения... Мне жаль, что приходится вам отменять свое же приказание, но нельзя же отдавать подобные приказания и без всякого повода раздражать людей.

– В таком случае, господин капитан, я имею честь просить вас отменить самому мое приказание, а я считаю это для себя невоз-

возможным. И кроме того...

– Что еще? – сухо спросил капитан.

– Я болен и исполнять обязанностей старшего офицера не могу.

– Так подайте рапорт... И, быть может, вам береговой климат будет полезнее.

Барон поклонился и вышел.

На другой же день, после прихода в Нагасаки, барон фон дер Беринг, к общему удовольствию, списался с корвета, и на «Могучий» был назначен другой старший офицер. Матросы вздохнули.

С отъездом барона Куцый снова зажил свободной жизнью и стал пользоваться еще большим расположением матросов, так как благодаря ему корвет избавился от Чертовой Зуды.

По-прежнему Куцый съезжал на берег вместе со своим другом Кочневым и сторожил его; по-прежнему смотрел вперед и забавлял матросов разными штуками, причем при окрике «Зуда идет!» стремительно улепетывал вниз, но тотчас же возвращался, понимая, что врага его уже нет.

ПОБЕГ

I

Солнце быстро поднималось в бирюзовую высь безоблачного неба, обещая жаркий день.

Оно заливало ярким блеском и эти зеркальные, совсем заштилевшие, приглубые севавтопольские бухты, далеко врезавшиеся в берега, и стоявшие на рейде многочисленные военные корабли, фрегаты, бриги, шхуны и тендера прежнего Черноморского флота, и красавец Севастополь, поднимавшийся над морем в виде амфитеатра и сверкавший своими фортами, церквами, домами и домиками слободок среди зеленых куп садов, бульваров и окрестных хуторов.

Был шестой час на исходе прелестного августовского утра.

На кораблях давно уже кипела работа.

К подъему флагов, то есть к восьми часам, все суда приводили в тот обычный щегольской вид умопомрачающей чистоты и безукоризненного порядка, каким вообще отлича-

лись суда Черноморского флота.

С раннего утра тысячи матросских рук терли, мыли, скоблили, оттирали или, по выражению матросов, наводили чистоту на палубы, на пушки, на медь – словом, на все, что было на палубах и под ними, – до самого трюма.

Давно работали в доках, адмиралтействе, и разных портовых мастерских, расположенных на берегу. Среди грохота молотков и лязга пил порою раздавалась дружная

«Дубинушка», при которой русские люди как-то скорее поднимают тяжести и ворочают громадные бревна.

Опустели и мрачные блокшивы, стоявшие на мертвых якорях и, словно прокаженные, вдали от других судов, в самой глубине корабельной бухты.

Это – плавучие «мертвые дома».

Подневольные жильцы их, арестанты военно-арестантских рот, с четырех часов уже разведены по разным работам.

В толстых холщовых рубахах и таких же штанах, в уродливых серых шапках на бритых головах, они прошли, звякая кандалами,

несколькими партиями, в сопровождении конвойных солдат, по пустым еще улицам и возвратятся домой только вечером, когда наступит прохлада и весь город высыплет на бульвары и Графскую пристань.

И тогда во мраке чудной южной ночи эти блокшивы замигают огоньками фонарей, и среди тишины бухты раздадутся протяжные оклики часовых, каждые пять минут один за другим выкрикивающих: «Слушай!»

Проснулись и слободки, окаймлявшие город, с их маленькими, белыми, похожими на мазанки, домами, населенными преимущественно семьями отставных и служащих матросов, артиллерийских солдат, казенных мастеровых и вообще бедным, рабочим людом.

Рынок – этот клуб большинства населения, расположенный у артиллерийской бухты, – давно кишел народом.

Шумные и оживленные кучки толкались между ларьками, среди мясных, телячьих и бараньих туш, кур, уток и разной дичи, среди массы зелени и разнообразных овощей юга, гор арбузов и пахучих дынь и множества фруктов, привезенных из ближних садов.

Торговали, кричали и сердились. Тут же делились последними новостями и сбывали поношенное платье и старую обувь.

У самого берега бухты стояли рыбацьи суда соседнего городка Балаклавы со свежеею рыбой. Какой только не было! И камбала, и скумбрия, и жирная кефаль, и бычки, и маленькая золотистая султанка, которую лакомят за самую вкусную рыбу Черного моря. Только что наловленные устрицы лежали в корзинах и предлагались поварам и кухаркам.

Тут же, рядом с рыбным рынком, в прозрачной, словно хрусталь, воде заливчика бухты, отливавшей изумрудом, купалась толпа мальчишек. С веселым смехом бросались они в воду, плескались, обдавали одного брызгами, плавали и ныряли, словно утки, соревнуясь в своем искусстве друг перед другом и перед глазающей публикой.

Над рынком, залитым блеском веселого южного солнца, стоял непрерывный говор толпы. Речь изобиловала неправильностями языка южных городов и звучала мягким тоном малороссийского акцента. Среди этой ре-

чи порой выделялось торопливое, громкое и в то же время вкрадчивое сюсюканье продавцов рыбы и устриц, халвы и рахат-лукума – этих увлекающихся балаклавских греков, с их смуглыми, мясистыми лицами, горбатыми носами, черными с поволокой глазами, напоминающими крупные маслины, и с быстрыми жестами оголенных мускулистых рук цвета темной бронзы. Слышались и гортанные звуки татар, сидевших на корточках у корзин с грушами, виноградом и яблоками, с выражением горделивого бесстрастия на своих красивых лицах с классическими чертами, напоминающими о чистой арийской крови их предков – генуэзцев и греков, когда-то живших в Крыму. Порой разносились, покрывая говор толпы, отчаянные клятвы «дам рынка» – бойких, задорных торговок-матросок – и их энергичная брань, приправленная самыми великорусскими импровизациями, которым мог бы позавидовать любой боцман, и вызывавшими громкий и сочувственный смех рыночной публики.

Все здесь жило полной жизнью большого и оживленного морского города.

Никто, разумеется, в этой шумной толпе и не предвидел, что скоро Севастополь будет в развалинах, и что эти прелестные и оживленные бухты опустеют, и на поверхности рейда, где стоит теперь Черноморский флот, будут торчать, словно кресты над могилами, верхушки мачт потопленных кораблей.

II

В начале восьмого часа этого веселого, светлого утра, в детской большого казенного дома командира порта и севастопольского военного губернатора худенький мальчик, лет восьми или десяти, с необыкновенно подвижным лицом и бойкими карими глазами, торопливо оканчивал свой туалет при помощи старой няни Агафьи.

– Да ну же, скорей, няня! Ты всегда копаешься! – нетерпеливо и властно говорил мальчик в то время, как низенькая и коренастая Агафья расчесывала, не спеша, его кудрявые, непокорные густые каштановые волосы.

– Ишь ведь, попрыгун!. Ни минуты не стоит смирно.

Всегда торопится точно на пожар, – ворча-

да няня, любовно посматривая в то же время на своего любимца. – Да не вертись же, говорят. Так тебя и не причесать. Будешь нечесанный, как уличный мальчишка.

Но мальчик, видимо, не особенно тронутый такими замечаниями и испытывающий неодолимую тоску от долгого чесания, когда солнце так весело играет в комнате и в растворенное окно врывается струя свежего воздуха вместе с ароматом цветов сада, уже выдернул не вполне причесанную кудрявую голову из рук няни и, улыбающийся, жизнерадостный и веселый, стал быстро надевать курточку.

– Дай хоть пригладить вихры, Васенька.

– И так хорошо, няня.

– Нечего сказать: хорошо!. Адмиральский сын, и торчат вихры. Небось, папенька заметит – не похвалит.

Вася уже не слышал последних слов няни Агафьи, которую любил и не ставил ни в грош, зная, что она вполне в его руках и исполнит все его прихоти. Он выскочил из детской, на ходу застегивая курточку, и, пробежав анфиладу комнат, остановился у запер-

тых дверей кабинета.

Веселое лицо мальчика тотчас же приняло тревожное выражение. Он несколько секунд простоял у дверей, не решаясь войти, и в голове его пробежала обычная мысль о том, что ходить каждое утро к отцу для того, чтобы пожелать ему доброго утра, – весьма неприятная обязанность, без которой можно бы и обойтись.

«А все-таки нужно», – мысленно проговорил он и, тихо приотворив двери, вошел.

В большом кабинете у письменного стола сидел, опустив глаза на бумаги, худощавый, высокий старик в летнем халате, с гладко выбритыми морщинистыми щеками, отливавшими здоровым румянцем, причесанный по старинному, с высоким коком темных, чуть-чуть седеющих волос, который возвышался посредине головы вроде петушиного гребня. Короткие подстриженные седые усы торчали щетинкой.

Эти колючие «тараканьи» усы всегда особенно пугали мальчика, наводя на него трепет, когда они нервно и быстро двигались, обнаруживая вместе с подергиванием плеч и

движением скул дурное расположение духа сурового и непреклонного адмирала, которого решительно все в доме, начиная с адмиральши, боялись как огня.

– Доброго утра, папенька! – тихо, совсем тихо проговорил дрогнувшим от волнения голосом Вася, приблизившись к письменному столу и не спуская с отца замирающего, словно бы очарованного взгляда, полного того выражения, какое бывает в глазах у маленькой птички, увидавшей перед собой ястреба.

Слышал ли отец приветствие сына и нарочно, как это случалось не раз, не обращал на него ни малейшего внимания, заставляя мальчика недвижно стоять у стола бесконечную минуту-другую, или, занятый бумагами, действительно не замечал Васи, – трудно было решить, но он не поворачивал головы.

Так прошло несколько долгих секунд.

А в раскрытые окна кабинета, полного прохлады, глядели густые акации и тенистые раскидистые орешники, не пропускавшие лучей солнца, с крупными грецкими орехами в зеленой скорлупе, и невольно напоминали Васе о том, что там, в верхнем саду, вдали от

дома, его ждут многие удовольствия, радости и приятные встречи, о которых никто из домашних и не догадывался.

А усы отца стояли неподвижно, и скулы морщинистых щек не двигались.

И мальчик, ощутив прилив мужества, решился снова проговорить, несколько повышая свой мягкий высокий тенорок:

– Доброго утра, папенька!

Быстрым, энергичным движением адмирал вскинул голову и остановил серьезный, сосредоточенный и, казалось, недовольный взгляд на своем младшем сыне.

И что-то мягкое и даже нежное на мгновение смягчило эти суровые черты и засветилось в этих маленьких серых глазах, властных и острых, сохранивших, несмотря на то, что адмиралу было шестьдесят лет, живость, энергию и блеск молодости.

– Здравствуй! – отрывисто и резко проговорил адмирал.

И, против обыкновения, вместо того, чтобы кивнуть головой, давая этим знать, что мальчик может уйти, он сегодня потрепал своей костлявой рукой по заалевшей щеке

сына и продолжал тем же резким повелительным тоном:

– Здоров, конечно? Скоро в Одессу... учиться. Первого сентября поедешь на пароходе. Ну, ступай!

Вася не заставил себя ждать.

Он быстро исчез из кабинета и облегченно и радостно вздохнул, точно освободившись от какой-то тяжести, когда очутился в диванной, рядом с спальней матери, которая, как и сестры, еще спала.

Наскоро выпив стакан молока, приготовленный няней

Агафьей, он сунул в карман незаметно от няньки несколько кусков сахара и бросился в сад.

Миновав цветники, оранжереи и теплицы нижнего сада, он торопливо перепрыгивал ступеньки небольших лестниц, отделявших террасу от огромного сада, длинные аллеи которого окаймлялись густыми шпалерами винограда, а на грядках, расположенных по самой середине террас и обложенных красиво дерном, росли правильными рядами всевозможные фруктовые деревья, полные крупных

пушистых персиков, сочных груш, больших желтых и зеленых слив, янтарных ранетов, миндаля, грецких орехов и белой и красной шелковицы.

Этот громадный, возвышавшийся террасами сад, выходивший на три улицы и обнесенный вокруг каменной стеной, с его роскошными цветниками у дома, с оранжереями, теплицами, с его беседками, обвитыми пахучими цветами, и большим деревянным бельведером, откуда открывался чудный вид на Севастополь и его окрестности и откуда год спустя Вася в подзорную трубу смотрел, как двигались французские войска длинной синеющей лентой через Инкерманскую долину, направляясь к южной стороне города, – этот сад содержался в образцовом порядке и сиял чистотой, пленяя глаза, главным образом, благодаря работе арестантов.

Партия их, человек в двенадцать – пятнадцать, ранним утром, как только солнце поднималось над городом, входила в большую калитку верхнего сада с задней улицы и работала в нем часов до трех или до четырех, пока двое конвойных солдатиков дремали, опер-

шись на ружья, у калитки или где-нибудь в саду.

Арестанты, приходившие ежедневно, кроме праздников, на работу в сад командира порта, обыкновенно были одни и те же. Они таскали откуда-то ушаты с водой, поливали цветники и гряды, пололи траву, подстригали деревья, мели дорожки, посыпали аллеи свежим гравием и потом утрамбовывали их, — одним словом, делали все, что приказывал главный садовник, вольнонаемный немец, аккуратный Карл Карлович.

Работа была не из тяжелых, и арестанты, по-видимому, были довольны, что им приходилось заниматься садом, и старались изо всех сил.

Вот к этим людям, отбывающим суровое наказание за свои вины, и торопился Вася.

III

Несмотря на суровое приказание матери и сестер не только не разговаривать с этими отверженными людьми, но даже и не подходить к ним близко, мальчик весело взбегал с террасы на террасу и окидывал зорким взгля-

дом длинные аллеи, предвкушая удовольствие поболтать с арестантами и попользоваться частью их завтрака – хорошим куском красного сочного арбуза, заедая его, как арестанты, ломтем черного хлеба, круто посыпанного солью.

И тем и другим они радушно делились с барчуком, наперебой угощая его.

Он находил этот завтрак самым лучшим на свете – куда вкуснее всяких изысканных блюд, подаваемых у них за обедом, – а в компании этих бритых людей, позвякивающих кандалами, чувствовал себя несравненно приятнее, веселее и свободнее, чем дома, особенно во время обедов, когда все домашние сидели молчаливые и подавленные, а он сам насильно глотал ложки противного супа, чтобы не навлечь гнева почти всегда сурового отца, и с нетерпением ждал конца обеда безмолвный, не смея шевельнуться.

Познакомился он и сошелся с арестантами только нынешним летом, благодаря тому, что бегал в сад один и что вообще за ним не было никакого надзора. До этого времени он их очень боялся и, забегая в верхний сад, чтобы

полакомиться фруктами, старался прошмыгнуть мимо них в почтительном отдалении и обязательно бегом. Тогда он считал всех этих людей в серых шапках, роющих в саду землю или развозящих в тачках песок, способными на всякие злодеяния, готовыми даже, как уверяла его еще давно няня Агафья, когда он капризничал, унести мальчика и потом его зажарить и съесть, хотя бы он был и адмиральский сын. Эти слова няни в свое время произвели глубокое впечатление на Васю, несмотря на то, что другие лица, как, например, мать, сестры и братья, не заходили в своих обвинениях так далеко. По крайней мере, он ни от кого не слышал подтверждения Агафьиных слов. Но во всяком случае отзывы, которые иногда, как бы мимоходом, бросались при мальчишке об арестантах, не оставляли ни малейшего сомнения в том, что эти люди совмещают в себе столько пороков, что и не сосчитать, и если бы их выпустить на волю, то они дали бы себя знать! Недаром же им бреют головы и держат в кандалах.

Так однажды говорил старичок генерал, приехавший с визитом к матери Васи, возму-

ценный по поводу какой-то жалобы, поданной арестантами на то, что их плохо кормят и не дают всего, что им по закону полагается. Этот старичок, прикосновенный, кажется, к делу о растрате арестантских сумм, понимает, и не думал, что в скором времени, когда Севастополь будет в опасности перед неприятелем, всех этих арестантов выпустят на волю и снимут с них кандалы, они сделаются такими же доблестными защитниками осажденного города, как и остальные.

Все эти рассказы еще сильнее подстрекали любопытство мальчика, и, несмотря на страх, внушаемый ему этими ужасными людьми, он, однако, иногда решался наблюдать их, но, разумеется, на таком расстоянии, чтобы, в случае какой-либо опасности, дать немедленно тягу.

Их разговоры самого мирного характера, долетавшие до ушей Васи, добродушное мурлыканье какой-нибудь песенки во время работы и, наконец, многие другие наблюдения совсем не соответствовали тому представлению об арестантах, которое имел мальчик с чужих слов, и несколько поколебали его веру

в справедливость показаний няни Агафьи.

Особенно поразили его два факта.

Однажды весной он увидел, как один из арестантов, пожилой, высокий брюнет с сердитым взглядом больших глубоко сидящих глаз, с нависшими черными всклокоченными бровями, которого Вася считал самым страшным и боялся более других, заметив выпавшего из гнезда крошечного воробышка, тотчас же подошел к нему, взял его и, бережно зажав в руке, полез на дерево и положил на место,

к радости беспокойно вертевшейся около и тревожно чирикавшей воробьихи. И когда он слез с дерева и принялся снова рассыпать из тачки на аллею песок, лицо его, к удивлению Васи, светилось лаской и добротой.

В другой раз арестанты нашли в саду заброшенного щенка – маленького, облезлого, худого, и отнесли к нему с большой внимательностью и даже нежностью. Вася видел, как они совали ему в рот разжеванный мякиш черного хлеба, как положили его в укромный уголок, заботливо прикрыв его какой-то тряпкой, и слышал, как они решили

взять его с собой, и это решение, видимо, обрадовало всех.

– А то пропадет! – заметил тот же страшный арестант с нависшими бровями. – А я, братцы, за ним ходить буду, заместо, значит, няньки! – прибавил он с веселым смехом.

По соображениям Васи, эти факты во всяком случае свидетельствовали, что и этим страшным людям не чужды проявления добрых чувств.

Для разрешения своих сомнений Вася вскоре обратился к старому денщику-матросу Кириле, бывшему у них в доме одним из лакеев, с вопросом: правда ли, что арестанты уносят мальчиков и потом едят их?

Вместо ответа Кирила, человек вообще солидный, серьезный и даже несколько мрачный, так громко рассмеялся, открывая свой большой рот, что Вася даже несколько сконфузился, сообразив, что попал впросак, предложивши, видимо, нелепый вопрос.

– Кто это вам сказал, барчук? – спросил наконец Кирила со смехом.

– Няня.

– Набрехала она вам, Василий Лександрыч,

вроде хавроньи, а вы взяли да и поверили! Слыханное ли это дело, чтобы, с позволения сказать, ели человеков? Во всем крещеном свете нет такого положения, хоть кого вгодно спросите. Есть, правда, один такой остров, далеко отсюда, за окиянами, где вовсе дикие люди живут, похожие на обезьянов, так те взаправду жрут, черти, человечье мясо.

Мне один матрос сказывал, что ходил на дальнюю и везде побывал. Жрут, говорит, и крысу, и всякую насекомую, и змею, и человека, ежели чужой к ним попадет. Но, кроме этого самого острова, нигде этим не занимаются, чтобы мальчиков есть. А русский человек и подавно на это не согласится. Это вас нянька нарочно пужала. Известно –

баба! Не понимает, дурья башка, что брешет дитю! – пренебрежительным тоном прибавил Кирила.

– Да я и не поверил няне. Я сам знаю, что людей не едят!

– оправдывался задетый за живое самолюбивый мальчик. –

Я так только спросил. И я знаю, что арстанты вовсе не страшные! – прибавил Вася

не вполне, однако, уверенным тоном, втайне желая получить на этот счет разъяснения такого знающего человека, каким он считал Кирилу.

– С чего им быть страшными? Такие же люди, как и все мы. Только незадачливые, значит, несчастные люди – вот и все.

– А за что же они, Кирила, попали в арестанты?

– А за разные дела, барчук. Они ведь все из солдат да из матросов... Долго ли до греха при строгой-то службе? Кой и за настоящие, прямо сказать, нехорошие вины... На грабеж пустился или в воровстве попался... Ну, и избывает свой грех... А кой из-за своего непокорного карахтера.

– Как так? – спросил Вася, не понимая Кирилу.

– А так. Не стерпел, значит, утеснения, взбунтовался духом от боя да порки – ну и сдерзничал начальству на службе, вот и арестантская куртка! А то и за пьянство попасть можно, всяко бывает! Ты и не ждешь, а вдруг очутишься в арестантских ротах.

– За что же?

– А за то, ежели, примерно, нравный человек да напорется на какого-нибудь зверя-командира, который порет безо всякого рассудка и за всякий, можно сказать, пустяк...

Терпит-терпит человек, да наконец и не вытерпит, да от обиды в сердцах и нагрубит... Небось, расправа коротка...

Проведут скрозь строй... вынесут замертво и потом в арестанты... И вы, барчук, не верьте, что про них нянька брешет... И бояться их нечего, пренебрегать ими не годится... Их жалеть надо, вот что я вам скажу, барчук.

После таких разъяснений, вполне, казалось, подтверждавших и собственные наблюдения Васи, он значительно меньше стал бояться арестантов, рисковал подходить к ним поближе и вглядывался в эти самые обыкновенные, по большей части добродушные лица, не имеющие в себе ничего злодейского. И они разговаривали, шутили и смеялись точно так, как и другие люди, а ели, – казалось

Васе, – необыкновенно аппетитно и вкусно.

И однажды, когда Вася жадно глядел, как они утром уписывали, запивая водой, ломти

черного хлеба, посыпанные солью, – один из арестантов с таким радушием предложил барчуку попробовать «арестантского хлебца», что Вася не отказался и с большим удовольствием съел два ломтя и пробыл в их обществе. И все смотрели на него так доброжелательно, так ласково, все так добродушно говорили с ним, что Вася очень жалел, когда шаш кончился и арестанты разошлись по работам, приветливо кивая головами своему гостю.

С тех пор между адмиральским сыном и арестантами завязалось прочное знакомство, о котором Вася, разумеется, благоразумно умалчивал, зная, что дома его за это не похвалят. И чем ближе он узнавал их, тем более и более убеждался, что и няня, и мать, и сестры, и старичок генерал решительно заблуждаются, считая их ужасными людьми.

Напротив, по мнению Васи, они были славные и добрые, и он только удивлялся, за что таких людей, которые так усердно работали, так хорошо к нему относились, баловали его самодельными игрушками и так гостеприимно угощали его, за что в самом деле им обри-

ли головы и на ноги надели кандалы, лишив бедных возможности бегать, как бегают он.

Вася со всеми своими новыми знакомыми был в хороших отношениях, но более всего подружился с одним молодым, белокурым, небольшого роста, стройным арестантом, с голубыми ласковыми глазами. Он не знал, за что попал этот человек в арестанты, и не интересовался знать, решив почему-то, что, верно, не за важную вину.

Он чувствовал какую-то особенную привязанность к этому арестанту с задумчивым грустным взглядом и за то, что тот рассказывал отличные сказки, и за то, что он был часто грустен, и за его мягкий ласковый голос, и за его необыкновенно добрую и приятную улыбку, – короче, решительно за все.

Звали его Максимом. Арестанты называли его еще «соловьем», за то, что часто во время работы он пел песни и пел их замечательно хорошо.

Когда мальчик, бывало, слушал его пение, полное беспредельной тоски, невольное чувство бесконечной жалости к этому певцу в кандалах охватывало его маленькое сердце, и

к горлу подступали слезы.

И нередко, нервно потрясенный, он убегал.

IV

Вася попал в сад как раз вовремя.

Арестанты только что зашабашили на полчаса и, расположившись, кто кучками, кто в одиночку, в конце одной из аллей под тенью стены, завтракали казенным черным хлебом и купленными на свои копейки арбузами.

Вася подбежал к ним и, веселый, зарумянившийся, полный радости жизни, весело кивал головой в ответ на общие приветствия с добрым утром. С разных сторон раздавались голоса:

– Каково почивали, барчук?

– Нянька не пужала вас?

– Не угодно ли кавуна, барчук?

– У меня добрый кавун!

– Барчук с Максимкой будет завтракать.

Максимка нарочно большой кавун на рынке взял.

– А где же Максим? – спрашивал Вася, ища глазами своего приятеля.

– А вон он, от людей под виноградник за-

бился... Идите к нему, барчук, да прикажите ему не скучить... А то он опять вовсе заскучил...

– Отчего?

– А спросите его... Видно, не привык еще к нашему арестантскому положению... тоскует, что птица в неволе.

– А вчерась дома еще от унтерцера попало! – вставил чернявый пожилой арестант с нависшими включенными бровями, придававшими его рябоватому лицу несколько свирепый вид.

– За что попало? – поинтересовался Вася.

– А ежели по совести сказать, то вовсе здря... Не заметил Максимка унтерцера и не осторонился, а этот дьявол его в зубы... да раз, да другой... Это хучь кому, а обидно, как вы полагаете, барчук? Еще если бы за дело, а то здря! –

объяснил пожилой арестант главную причину обиды.

Вася, и по собственному опыту своей недолгой еще жизни знавший, как обидно, когда, бывало, и его наказывали дома не всегда справедливо, а так, в минуты вспышки

гнева отца или дурного расположения матери, поспешил согласиться, что это очень обидно и что унтер-офицер, побивший Максима, действительно дьявол, которому он охотно бы «начистил морду».

Вызвав последними словами, заимствованными им из арестантского жаргона, одобрительный смех и замечание, что «барчук рассудил правильно», Вася поспешил к своему приятелю Максиму.

– Здравствуй, Максим! – проговорил он, когда залез под виноградник и увидел молодого арестанта, около которого лежали только что нарезанные куски арбуза, и несколько ломтей черного хлеба.

– Доброго утра, паныч! – ответил Максим своим мягким голосом с сильным малороссийским акцентом. – Каково почивали? Попробуйте, какой кавунок добрый...

Кушайте на здоровье!.. – прибавил он, подавая Васе кусок арбуза и ломоть хлеба и ласково улыбаясь при этом своими большими грустными глазами. – Я вас дожидался...

– Спасибо, Максим... Я присяду около тебя... Можно?

– Отчего не можно? Садитесь, паныч...
Здесь хорошо.

Вася присел и, вынув из кармана несколько кусков сахара и щепотку чая, завернутого в бумажку, подал их арестанту и проговорил:

– Вот возьми... Чаю выпьешь...

– Спасибо, паныч... Добренький вы... Только как бы вам не досталось, что вы сахар да чай из дома уносите.

– Не бойся, Максим, не достанется. И никто не узнает...

у нас все спят. Только папенька встал и сидит в кабинете.

Да у нас чаю и сахару много! – торопливо объяснял Вася, желая успокоить Максима, и с видимым наслаждением принялся уплетать сочный арбуз, заедая его черным хлебом и не обращая большого внимания на то, что сок заливал его курточку.

Сунув чай и сахар в карман штанов, Максим тоже принялся завтракать.

– Еще, паныч! – проговорил он, заметив, что Вася уже съел один кусок.

– А тебе мало останется? – заметил мальчик, видимо, колебавшийся между желанием

съесть еще кусок и не обидеть арестанта.

– Хватит... Да мне что-то и есть не хочется.

– Ну, так я еще съем кусочек.

Скоро арбуз и хлеб были покончены, и тогда Вася спросил:

– А ты что такой невеселый, Максим?

– Веселья немного, паныч, в арестантах.

– В кандалах больно?

– В неволе погано, паныч... И на службе было тошно, а в арестантах еще тошнее.

– Ты был солдатом или матросом?

– Матросом, паныч, в сорок втором экипаже служил...

Может, слышали про капитана первого ранга Богатова...

Он у нас был командиром корабля «Тартарархов».

– Я его знаю... Он у нас бывает... Такой толстый, с большим пузом...

– Так из-за этого самого человека я и в арестанты попал.

Нехай ему на том свете попомнится за то, что он меня несчастным сделал.

– Что ж ты, нагрубил ему?

– То-то... нагрубил... Я, паныч, был матрос

тихий, смирный, а он довел меня до затмения... Так сек, что и не дай боже!

– За что же?

– А за все. И винно и безвинно... За флотскую часть.

Два раза в гошпитале из-за его лежал... Ну, душа и не стерпела... Назвал его злодеем... Злодей и есть... И засудили меня, паныч. Гоняли сквозь строй, а потом в арестанты... Уж лучше было бы потерпеть... Может, от этого человека избавился и к другому бы попал – не такому злодею. По крайности в матросах все-таки на воле жил... А

тут, сами знаете, паныч, какая есть арестантская доля...

хоть пропадай с тоски... И всякий может тобой помыкать... Известно – арестант, – прибавил с грустной усмешкой Максим.

Вася, слушавший Максима с глубоким участием, после нескольких секунд раздумья, проговорил с самым решительным видом:

– Так отчего ты, Максим, не убежишь, если тебе так нехорошо?

Радостный огонек блеснул в глазах арестанта при этих словах, и он ответил:

– А вы как думаете?. Давно убеги бы, коли бы можно было, паныч... Пошел бы до своей стороны.

– А где твоя сторона?

– В Каменец-Подольской губернии... Может, слышали

– город Проскуров... Так от него верстов десять наша деревня. Поглядел бы на мать да на батьку и пошел бы за австрийскую границу шукать доли! – продолжал Максим взволнованным шепотом, весь оживившийся и словно бы невольно высказывая свою давно лелеянную заветную мечту о побеге. – Только вы смотрите, паныч, никому не сказывайте насчет того, что я вам говорю, а то меня до смерти засекут! – прибавил Максим и словно бы испугался, что поверил свою тайну барчуку. Долго ли ему разболтать?

Вася торжественно перекрестился и со слезами на глазах объявил, что ни одна душа не узнает о том, что говорил

Максим. Он может быть спокоен, что за него Максима не высекут. Хоть он и маленький, а держать слово умеет.

И когда Максим, по-видимому, успокоил-

ся этим уверением, Вася, и сам внезапно увлеченный мыслью о побеге

Максима за австрийскую границу, о которой, впрочем, имел очень смутное понятие, продолжал таинственно, серьезным тоном заговорщика:

– Ты говоришь, что нельзя убежать, а я думаю, что очень даже легко.

– А как же, паныч? – с ласковою улыбкой спросил

Максим.

– А ты разбей здесь у нас в саду кандалы... Я тебе молоток принесу, а потом перелезь через стену да и беги за австрийскую границу.

Максим печально усмехнулся.

– В арестантской-то одеже? Да меня зараз поймают.

– А ты ночью.

– Ночью с блокшивы не убежь... Мы за железными запорами, да и часовые пристрелят...

Возбужденное лицо Васи омрачилось... И он печально произнес:

– Значит, так и нельзя убежать?

Арестант не отвечал и как-то напряженно

молчал. Казалось, будто какая-то мысль озарила его, и его худое бледное лицо вдруг стало необыкновенно возбужденным, а глаза загорелись огоньком. Он как-то пытливо и тревожно глядел на мальчика, точно хотел проникнуть в его душу, точно хотел что-то сказать и не решался.

– Что ж ты молчишь, Максим? Или боишься, что я тебя выдам? – обиженно промолвил Вася.

– Нет, паныч... Вы не обидите арестанта... В вас душа добрая! – сказал уверенно и серьезно Максим и, словно решившись на что-то очень для него важное, прибавил почти шепотом: – А насчет того, чтобы убежать, так оно можно, только не так, как вы говорите, паныч.

– А как?

– Коли б, примерно, достать платье.

– Какое?

– Женское, скажем, такое, как ваша нянька носит.

– Женское? – повторил мальчик.

– Да, и, примерно, платок бабий на голову... Тогда можно бы убежать!

Вася на секунду задумался и вслед за тем решительно проговорил:

– Я тебе принесу нянино платье и платок.

– Вы принесете... паныч?

От волнения он не мог продолжать и, вдруг схватив руку Васи, прижал ее к губам и покрыл поцелуями.

В ответ Вася крепко поцеловал арестанта.

– Как же вы это сделаете?. А как поймают...

– Не бойся, Максим... Никто не поймает... Я ловко это сделаю, когда все будут спать. Только куда его положить?

– А сюда... под виноградник. Да накройте его листом, чтобы не видно было.

– А то не прикрыть ли землей? Как ты думаешь, Максим? – с серьезным, деловым видом спрашивал Вася.

– Нет, что уж вам трудиться, паныч; довольно и листом.

Сюда никто и не заглянет.

– Ну, ладно. А я завтра рано-рано утром все сюда принесу. А то еще лучше ночью... Я не побоюсь ночью в сад идти. Чего бояться?

– Благослови вас боже, милый паныч. Я буду век за вас молиться.

– Эй! На работу! – донесся издали голос конвойного.

– Я еще к тебе прибегу, Максим. Мы ведь больше не увидимся. Завтра тебя не будет! – с грустью в голосе произнес Вася.

С этими словами он пошел в дом.

V

Целый день Вася находился в возбужденном состоянии, озабоченный предстоящим предприятием. Увлеченный этими мыслями, он даже ни разу не подумал о том, что грозит ему, если отец как-нибудь узнает об его поступке.

План похищения нянина платья и молотка, который он вчера видел в комнате, поглотил его всего, и он уже сделал днем рекогносцировку в нянину комнату и увидел, где лежит молоток, и наметил платье, висевшее на гвозде. День этот тянулся для него невыносимо долго. Он то и дело выбегал в сад, озабоченно ходил по аллеям и часто подбегал к Максиму, когда видел его одного. Подбегал и перекидывался таинственными словами.

– Прощай, голубчик Максим... Может быть,

завтра уж ты будешь далеко! – проговорил он со слезами на глазах перед тем, как арестанты собирались уходить из сада.

– Прощайте, паныч! – шепнул арестант, взглядывая на мальчика взглядом, полным неопикуемой благодарности.

Арестанты выстроились и ушли, позвякивая кандалами.

Вася долго еще провожал их глазами.

По счастью, никто из домашних не обратил внимания на взволнованный вид мальчика. Правда, за обедом отец два раза бросил на него взгляд, от которого Вася замер от страха. Ему показалось, что отец прочел в душе его намерения и вот сейчас крикнет ему: «Я все знаю, негодный мальчишка!»

Но вместо этого отец только спросил:

– Отчего не ешь?

– Я ем, папенька.

– Мало. Надо есть за обедом! – крикнул он.

И Вася, не чувствовавший ни малейшего аппетита, усердно набивал себе рот, втайне обрадованный, что отец ни о чем не догадывается.

К вечеру молоток уже лежал под кроватью

Васи. Пошел он в этот день спать ранее обыкновенного, хотя за чайным столом и сидели гости и рассказывали интересные вещи.

Когда он подошел к матери, она взглянула на него и озабоченно спросила, ощупывая его голову:

– Ты, кажется, болен, Вася?. У тебя все лицо горит.

– Я здоров, мама... Устал, верно.

Он поцеловал ее нежную белую руку, простился с сестрами и гостями и, довольный, что отца не было дома и что не нужно было с ним прощаться, побежал в детскую.

– Няня, спать! – крикнул он.

– Что сегодня рано? Или набегался?

– Набегался... устал, няня! – говорил он, стараясь не глядеть ей в глаза и чувствуя некоторое угрызение совести перед человеком, которого собирался ограбить.

Няня раздела его и предложила ему рассказать сказку, но он отказался. Ему спать хочется. Он сейчас заснет.

– Ну, так спи, родной!

Она поцеловала Васю, перекрестила его и хотела было уходить, как Вася вдруг прогово-

рил:

– А знаешь, няня, после моих именин я подарю тебе новое платье.

– Спасибо, голубчик. Что это тебе взбрело на ум, к чему мне платье... У меня и так много платьев.

– А сколько?

– Да шесть будет, кроме двух шерстяных.

– А! – удовлетворенно произнес мальчик и прибавил: –

Так я тебе, няня, что-нибудь другое подарю... После именин у меня будет много денег...

– Ишь ты, добрый мой... Спасибо на посыле... Ну, спи, спи. И я пойду спать.

Через несколько времени Вася услышал из соседней комнаты храп няни Агафьи.

Нервы его были слишком натянуты, и он не засыпал, решивши не спать до того времени, пока не заснут все в доме и он сможет безопасно пробраться в сад через диванную, тихонько отворив двери в сад, которые обыкновенно запирались на ключ. Мать не услышит, а спальня отца в другом конце дома. Наконец можно выпрыгнуть и из окна – не высоко.

До него доносились звуки корабельных колоколов, каждые полчаса отбивавших склянки. Он слышал монотонное и протяжное «слушай!» перекрикивающихся в отдалении часовых и думал упорно и настойчиво о том, что он не должен заснуть и не заснет, – думал, как он отворит окно, прислушается, все ли тихо, и как пройдет к няне на цыпочках за платьем, думал о Максиме, как он завтра обрадуется и удерет на австрийскую границу. И ему там будет хорошо, и его никто не поймает. И никто не узнает, что это он, Вася, помог ему убежать. И ему приятно было сознавать, что он будет его спасителем. Эти мысли, бродившие в его возбужденной голове, сменились другими. И

он убежит за австрийскую границу, если в пансионе, в

Одессе, куда его отвезут в сентябре, будет нехорошо и его будут сечь. Дома сечет отец – он смеет, а другие не смеют!

Непременно удерет, разыщет Максима и поселится вместе с ним. Эта мысль казалась ему соблазнительной, но еще соблазнительнее была другая, внезапно пришедшая, – как

он уже большим и генералом, после долгого отсутствия, вдруг подъедет на белом красивом коне к дому и как все удивятся, что он генерал. И отец не высечет его – он уж большой, – а будет изумлен, что он такой молодой и уже генерал. А мать, и сестры, и братья – все будут удивлены и все будут поздравлять его. И он расскажет, почему он бежал и как отличился на войне.

«Хо-ро-шо!» – подумал он, потягиваясь и не сознавая ясно, бредит ли он наяву или засыпает.

– Нельзя спать! – прошептал он и тотчас же заснул.

Что-то точно толкнуло его в бок, он проснулся и быстро присел на постели, испуганный, что проспал и обманул

Максима, и первое мгновение не мог сообразить, сколько теперь времени. Он протер глаза и озирался вокруг. Сквозь белую штору пробивался слабый свет. Слава богу! Еще, кажется, не поздно.

Он вскочил с постели, отдернул штору и взглянул в окно. Только что рассветало, и в саду стоял еще полумрак.

– Пора!

Едва ступая босыми ножонками, пробрался он в комнату няни, взял оттуда платье и платок, лежавший около ее постели, и вернулся к себе. Через несколько секунд он уж был одет, все похищенное свернуто в два полотенца.

Надо было решить вопрос: как пробраться в сад – через окно или идти через комнаты? Тихонько растворив окно, он заглянул вниз и отвернулся: слишком высоко! Тогда он снял с себя башмаки и в одних чулках вышел за двери.

Сердце его сильно билось, когда он, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому шороху, пробирался по коридору, мимо комнат сестер, и наконец вошел в диванную.

Вот и дверь... Осторожно повернул он ключ... раз, два...

раздался шум... Он на минуту замер в страхе и со всех ног пустился в сад, перепрыгивая ступеньки лестниц. Вот и вторая терраска сверху... Стремглав добежав до конца аллеи, он положил платье в указанное место, набросал на него кучу виноградных листьев и побе-

жал домой.

Когда он благополучно вернулся и лег в постель, его трясло точно в лихорадке. Он был бесконечно счастлив и в то же время страшно трусил, что вдруг все откроется и отец прикажет его самого отдать в арестанты.

VI

Проснулся он на другой день поздно. Няня стояла перед ним. Он вспомнил все, что было ночью, и поглядел на нее.

Ничего. Она, по обыкновению, ласковая и добрая, – видно, ни о чем не догадывается. На голове ее другой платок.

– Ишь, соня... Заспался сегодня... Вставай, уже девятый час...

Вася быстро поднялся, оделся и позволил сегодня няньке расчесать основательно свои кудри.

– А не видал ты где-нибудь, Васенька, моего платка с головы? Искала, искала – нигде не могла найти, точно сквозь землю провалился! – озабоченно проговорила она, обыскивая Васину кровать.

– Нет, няня, не видал.

– Чудное дело! – прошептала старуха.

– Да ты, няня, не тревожься. Я тебе новый платок куплю.

– Не в том дело... Не жаль платка, да куда он девался?

И когда Вася был готов, няня сказала:

– А папенька сердитый сегодня.

– Отчего?

– У нас, Васенька, беда случилась.

– Беда? Какая беда, няня?

– Один арестант из сада убежал утром.

У Васи радостно забилося сердце. Однако он постарался скрыть свое волнение и с напускным равнодушием спросил:

– Убежал? Как же он убежал?

– То-то и диво. Только что хватились... Платье свое арестантское оставил и убежал... Все дивуются, – откуда он достал платье... Не голый же ушел... Теперь идет переборка. Всех допрашивает конвойный офицер... И папеньке доложили... Прогневался... Вдруг из губернаторского сада арестант убежал!

Ни жив ни мертв явился Вася в кабинет отца. Действительно, адмирал был не в духе, и в ответ на обычное «здравствуйте, папенька» –

только кивнул головой. С облегченным сердцем ушел Вася, убедившись, что отец ничего не знает, и вскоре услышал крики отца, который распекал явившегося к нему с рапортом полицмейстера.

Вася целый день провел в тревоге, ожидая, что вот-вот его позовут на допрос к отцу.

Но никто его не звал. За обедом отец даже был в духе и соблаговолил сказать адмиральше, высокой, полной, пожилой женщине, сохранившей еще следы былой красоты:

– А ты слышала, что сегодня случилось? Каналья арестант убежал из нашего сада.

– Как же это он мог?

– Арестанты показывают, что у него с собою узелок был, когда их вели с блокшива... Верно, там платье и было... Он переоделся и убежал... Комендант совсем распустил их... Уж я ему говорил... И конвойные плохо смотрят... Ну, да недолго побегает... Сегодня или завтра, верно, поймают... Как проведут сквозь строй, не захочет бегать!

У Васи екнуло сердце. Неужели поймают?

Однако, когда через несколько дней мать спросила отца, поймали ли арестанта, тот

сердито отвечал:

– Нет... Словно в воду канул, мерзавец! И никак не могли узнать, откуда он достал платье!

Когда через неделю Вася уже совсем успокоился и вышел утром в сад, пожилой арестант с включенными черными бровями, срезавший гнилые сучья с дерева, таинственно поманил мальчика к себе и, когда тот подошел к нему, осторожно, чтобы никто не видел, сунул ему в руки маленький резной крестик и проговорил:

– Максимка приказал вам передать, барчук.

И, ласково глядя на Васю, прибавил необыкновенно нежным голосом:

– Пошли вам бог всего хорошего, добрый барчук!

МАКСИМКА

Посвящается Тусику

I

Только что пробил колокол. Было шесть

часов прелестного тропического утра на Атлантическом океане.

По бирюзовому небосклону, бесконечно высокому и прозрачно-нежному, местами подернутому, словно белоснежным кружевом, маленькими перистыми облачками, быстро поднимается золотистый шар солнца, жгучий и ослепительный, заливая радостным блеском водяную холмистую поверхность океана. Голубые рамки далекого горизонта ограничивают его беспредельную даль.

Как-то торжественно безмолвно кругом.

Только могучие светло-синие волны, сверкая на солнце своими серебристыми вершушками и нагоняя одна другую, плавно переливаются с тем ласковым, почти нежным ропотом, который точно нашептывает, что в этих широтах, под тропиками, вековечный старик океан всегда находится в добром расположении духа.

Бережно, словно заботливый нежный пестун, несет он на своей исполинской груди плывущие корабли, не угрожая морякам бурями и ураганами.

Пусто вокруг!

Не видно сегодня ни одного белеющего паруса, не видно ни одного дымка на горизонте. Большая океанская дорога широка.

Изредка блеснет на солнце серебристою чешуйкой летучая рыбка, покажет черную спину играющий кит и шумно выпустит фонтан воды, высоко прореет в воздухе темный фрегат или белоснежный альбатрос, пронесется над водой маленькая серая петрель, направляясь к далеким берегам Африки или Америки, и снова пусто. Снова рокочущий океан, солнце да небо, светлые, ласковые, нежные. Слегка покачиваясь на океанской зыби, русский военный паровой клипер «Забияка» быстро идет к югу, удаляясь все дальше и дальше от севера, мрачного, угрюмого и все-таки близкого и дорогого севера.

Небольшой, весь черный, стройный и красивый со своими тремя чуть-чуть подавшимися назад высокими мачтами, сверху донизу покрытый парусами, «Забияка» с попутным и ровным, вечно дующим в одном и том же направлении северо-восточным пассатом бежит себе миль по семи – восьми в час, слегка накренившись своим подветренным бор-

том. Легко и грациозно поднимается «Забияка»

с волны на волну, с тихим шумом рассекает их своим острым водорезом, вокруг которого пенится вода и рассыпается алмазной пылью. Волны ласково лижут бока клипера. За кормой стелется широкая серебристая лента.

На палубе и внизу идет обычная утренняя чистка и уборка клипера – подготовка к подъему флага, то есть к восьми часам утра, когда на военном судне начинается день.

Рассыпавшись по палубе в своих белых рабочих рубашках с широкими откидными синими воротами, открывающими жилистые загорелые шеи, матросы, босые, с засученными до колен штанами, моют, скребут и чистят палубу, борты, пушки и медь – словом, убирают «Забияку» с тою щепетильною внимательностью, какою отличаются моряки при уборке своего судна, где всюду, от верхушек мачт до трюма, должна быть умопомрачающая чистота и где все, доступное кирпичу, суконке и белилам, должно блестеть и сверкать.

Матросы усердно работали и весело посмеивались, когда горластый боцман Матвейч,

старый служака с типичным боцманским лицом старого времени, красным и от загара и от береговых кутежей, с выкаченными серыми глазами, «чумея», как говорили матросы, во время «убирки» выпаливал какую-нибудь уж очень затейливую ругательную импровизацию, поражающую даже привычное ухо русского матроса. Делал Матвеич это не столько для поощрения, сколько, как он выражался, «для порядка».

Никто за это не сердился на Матвеича. Все знают, что

Матвеич добрый и справедливый человек, кляуз не заводит и не злоупотребляет своим положением. Все давно привыкли к тому, что он не мог произнести трех слов без ругани, и порой восхищаются его бесконечными вариациями.

В этом отношении он был виртуоз.

Время от времени матросы бегали на бак, к кадке с водой и к ящику, где тлел фитиль, чтобы наскоро выкурить трубочку острой махорки и перекинуться словом. Затем снова принимались чистить и оттирать медь, наводить глянец на пушки и мыть борты, и осо-

бенно старательно, когда приближалась высокая худоцавая фигура старшего офицера, с раннего утра носившегося по всему клиперу, заглядывая то туда, то сюда.

Вахтенный офицер, молодой блондин, стоявший вахту с четырех до восьми часов, уже давно разогнал дрему первого получаса вахты. Весь в белом, с расстегнутою ночной сорочкой, он ходит взад и вперед по мостику, вдыхая полной грудью свежий воздух утра, еще не накаленный жгучим солнцем. Нежный ветер приятно ласкает затылок молодого лейтенанта, когда он останавливается, чтобы взглянуть на компас – по румбу ли правят рулевые, или на паруса – хорошо ли они стоят, или на горизонт – нет ли где шквалистого облачка.

Но все хорошо, и лейтенанту почти нечего делать на вахте в благодатных тропиках.

И он снова ходит взад и вперед и слишком рано мечтает о том времени, когда вахта кончится и он выпьет стакан-другой чаю со свежими горячими булками, которые так мастерски печет офицерский кок, если только водку, которую он требует для поднятия те-

ста, не волеет в себя.

II

Вдруг по палубе пронесся неестественно громкий и тревожный окрик часового, который, сидя на носу судна, смотрел вперед:

– Человек в море!

Матросы кинули мгновенно работы, и, удивленные и взволнованные, бросились на бак, и устремили глаза на океан.

– Где он, где? – спрашивали со всех сторон часового, молодого белобрысого матроса, лицо которого вдруг побелело как полотно.

– Вон, – указывал дрогнувшей рукой матрос. – Теперь скрылся. А сейчас видел, братцы... На мачте держался...

привязан, что ли, – возбужденно говорил матрос, напрасно стараясь отыскать глазами человека, которого только что видел.

Вахтенный лейтенант вздрогнул от окрика часового и впился глазами в бинокль, наводя его в пространство перед клипером.

Сигнальщик смотрел туда же в подозрную трубу.

– Видишь? – спросил молодой лейтенант.

– Вижу, ваше благородие... Левее извольте

ВЗЯТЬ...

Но в это мгновение и офицер увидел среди волн обломок мачты и на ней человеческую фигуру.

И взвизгивающим, дрожащим голосом, торопливым и нервным, он крикнул во всю силу своих здоровых легких:

– Свистать всех наверх! Грот и фок на гитовы! Баркас к спуску!

И, обратившись к сигнальщику, возбужденно прибавил:

– Не теряй из глаз человека!

– Пошел все наверх! – рявкнул сипловатым баском боцман после свистка в дудку.

Словно бешеные, матросы бросились к своим местам.

Капитан и старший офицер уже вбегали на мостик.

Полусонные, заспанные офицеры, надевая на ходу кители, поднимались по трапу на палубу.

Старший офицер принял команду, как всегда бывает при аврале, и, как только раздались его громкие, отрывистые командные слова, матросы стали исполнять их с ка-

кою-то лихорадочною порывистостью. Все в их руках точно горело. Каждый словно бы понимал, как дорога каждая секунда.

Не прошло и семи минут, как почти все паруса, за исключением двух-трех, были убраны, «Забияка» лежал в дрейфе, недвижно покачиваясь среди океана, и баркас с шестнадцатью гребцами и офицером у руля спущен был на воду.

– С богом! – крикнул с мостика капитан на отваливший от борта баркас.

Гребцы навалились изо всех сил, торопясь спасти человека.

Но в эти семь минут, пока остановился клипер, он успел пройти больше мили, и обломка мачты с человеком не видно было в бинокль.

По компасу заметили все-таки направление, в котором находилась мачта, и по этому направлению выгребал баркас, удаляясь от клипера.

Глаза всех моряков «Забияки» провожали баркас. Какою ничтожною скорлупою казался он, то показываясь на гребнях больших океанских волн, то скрываясь за ними.

Скоро он казался маленькой черной точкой.

III

На палубе царила тишина.

Только порой матросы, теснившиеся на юте и на шканцах, менялись между собой отрывистыми замечаниями, произносимыми вполголоса:

– Должно, какой-нибудь матросик с потопшего корабля.

– Потонуть кораблю здесь трудно. Разве во все плохое судно.

– Нет, видно, столкнулся с каким другим ночью...

– А то и сгорел.

– И всего-то один человек остался, братцы!

– Может, другие на шлюпках спасаются, а этого забыли...

– Живой ли он?

– Вода теплая. Может, и живой.

– И как это, братцы, акул-рыба его не съела. Здесь этих самых акулов страсть!

– Дда, милые! Опаская эта флотская служба. Ах, какая опаская! – произнес, подавляя

вздых, совсем молодой чернявый матросик с серьгой, первогодок, прямо от сохи попавший в кругосветное плавание.

И с омраченным грустью лицом он снял шапку и медленно перекрестился, точно безмолвно моля бога, чтобы он сохранил его от ужасной смерти где-нибудь в океане.

Прошло три четверти часа общего томительного ожидания.

Наконец сигнальщик, не отрывавший глаза от подозрительной трубы, весело крикнул:

– Баркас пошел назад!

Когда он стал приближаться, старший офицер спросил сигнальщика:

– Есть на нем спасенный?

– Не видать, ваше благородие! – уже не так весело отвечал сигнальщик.

– Видно, не нашли! – проговорил старший офицер, подходя к капитану.

Командир «Забияки», низенький, коренастый и крепкий брюнет пожилых лет, заросший сильно волосами, покрывавшими мясистые щеки и подбородок густою черною заседевшею щетиной, с небольшими круглыми, как у ястреба, глазами, острыми и зоркими, –

недовольно вздернул плечом и, видимо сдерживая раздражение, проговорил:

– Не думаю-с. На баркасе исправный офицер и не вернулся бы так скоро, если б не нашел человека-с.

– Но его не видно на баркасе.

– Быть может, внизу лежит, потому и не видно-с... А

впрочем-с, скоро узнаем...

И капитан заходил по мостику, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на приближавшийся баркас. Наконец он взглянул в бинокль и хоть не видел спасенного, но по спокойно-веселому лицу офицера, сидевшего на руле, решил, что спасенный на баркасе. И на сердитом лице капитана засветилась улыбка.

Еще несколько минут, и баркас подошел к борту и вместе с людьми был поднят на клипер.

Вслед за офицером из баркаса стали выходить гребцы,

красные, вспотевшие, с трудом переводившие дыхание от усталости. Поддерживаемый одним из гребцов, на палубу вышел и спасенный – маленький негр, лет десяти – одина-

дцати, весь мокрый, в рваной рубашке, прикрывавшей небольшую часть его худого, истощенного, черного, отливавшего гляncем тела.

Он едва стоял на ногах и вздрагивал всем телом, глядя ввалившимися большими глазами с какою-то безумною радостью и в то же время недоумением, словно не веря своему спасению.

– Совсем полумертвого с мачты сняли; едва привели в чувство бедного мальчишку, – докладывал капитану офицер, ходивший на баркасе.

– Скорее его в лазарет! – приказал капитан.

Мальчика тотчас же отнесли в лазарет, вытерли насухо, уложили в койку, покрыли одеялами, и доктор начал его отхаживать, вливая в рот ему по несколько капель коньяку.

Он жадно глотал влагу и умоляюще глядел на доктора, показывая на рот.

А наверху ставили паруса, и минут через пять «Забияка» снова шел прежним курсом, и матросы снова принялись за прерванные работы.

– Арапчонка спасли! – раздавались со всех

сторон веселые матросские голоса.

– И какой же он щуплый, братцы!

Некоторые бегали в лазарет узнавать, что с арапчонком.

– Доктор отхаживает. Небось, выходит!

Через час марсовой Коршунов принес известие, что арапчонок спит крепким сном, после того как доктор дал ему несколько ложек горячего супа...

– Нарочно для арапчонка, братцы, кок суп варил; вовсе, значит, пустой, безо всего, – так, отвар быдто, – с оживлением продолжал Коршунов, довольный и тем, что ему, известному вралю, верят в данную минуту, и тем, что он на этот раз не врет, и тем, что его слушают.

И, словно бы желая воспользоваться таким исключительным для него положением, он торопливо продолжает:

– Фершал, братцы, сказывал, что этот самый арапчонок по-своему что-то лопотал, когда его кормили, просил, значит: «Дайте больше, мол, этого самого супу»... И хотел даже вырвать у доктора чашку... Однако не допустили: значит, брат, сразу нельзя... Помрет, мол.

– Что ж арапчонок?

– Ничего, покорился...

В эту минуту к кадке с водой подошел капитанский вестовой Сойкин и закурил остаток капитанской сигары.

Тотчас же общее внимание было обращено на вестового, и кто-то спросил:

– А не слышно, Сойкин, куда денут потом арапчонка?

Рыжеволосый, веснушчатый, франтоватый, в собственной тонкой матросской рубаше и в парусинных башмаках, Сойкин не без достоинства пыхнул дымком сигары и авторитетным тоном человека, имеющего кое-какие сведения, проговорил:

– Куда деть? Оставят на Надежном мысу, когда, значит, придем туда.

«Надежным мысом» он называл мыс Доброй Надежды.

И, помолчав, не без пренебрежения прибавил:

– Да и что с им делать, с черномазой нехристью? Вовсе даже дикие люди.

– Дикие не дикие, а всё божья тварь... Пожалеть надо! –

промолвил старый плотник Захарыч.

Слова Захарыча, видимо, вызвали общее сочувствие среди кучки курильщиков.

– А как же арапчонок оттель к своему месту вернется?

Тоже и у его, поди, отец с матерью есть! – заметил кто-то.

– На Надежном мысу всяких арапов много. Небось, дознаются, откуда он, – ответил Сойкин и, докурив окурочок, вышел из круга.

– Тоже вестовщина. Полагает о себе! – сердито пустил ему вслед старый плотник.

IV

На другой день мальчик-негр хотя и был очень слаб, но настолько оправился после нервного потрясения, что доктор, добродушный пожилой толстяк, радостно улыбаясь своею широкою улыбкою, потрепал ласково мальчика по щеке и дал ему целую чашку бульону, наблюдая, с какой жадностью глотал он жидкость и как потом благодарно взглянул своими большими черными выпуклыми глазами, зрачки которых блестели среди белков.

После этого доктор захотел узнать, как мальчик очутился в океане и сколько времени он голодал, но разговор с пациентом оказался решительно невозможным, несмотря даже на выразительные пантомимы доктора. Хотя маленький негр, по-видимому, был сильнее доктора в английском языке, но так же, как и почтенный доктор, безбожно коверкал несколько десятков английских слов, которые были в его распоряжении.

Они друг друга не понимали.

Тогда доктор послал фельдшера за юным мичманом, которого все в кают-компании звали Петенькой.

– Вы, Петенька, отлично говорите по-английски, поговорите-ка с ним, а у меня что-то не выходит! – смеясь проговорил доктор. – Да скажите ему, что дня через три я его выпущу из лазарета! – прибавил доктор.

Юный мичман, присев около койки, начал свой допрос, стараясь говорить короткие фразы тихо и отдельно, и маленький негр, видимо, понимал, если не все, о чем спрашивал мичман, то во всяком случае кое-что, и спешил отвечать рядом слов, не заботясь об их

связи, но зато подкрепляя их выразительными пантомимами.

После довольно продолжительного и трудного разговора с мальчиком-негром мичман рассказал в кают-компании более или менее верную в общих чертах историю мальчика, основанную на его ответах и мимических движениях.

Мальчик был на американском бриге «Бетси» и принадлежал капитану («большому мерзавцу», – вставил мичман), которому чистил платье, сапоги и подавал кофе с коньяком или коньяк с кофе. Капитан звал слугу своего «боем»¹⁷, и мальчик уверен, что это его имя. Отца и матери он не знает. Капитан год тому назад купил маленького негра в Мозамбике и каждый день бил его. Бриг шел из

Сенегала в Рио с грузом негров. Две ночи тому назад бриг сильно стукнуло другое судно (эту часть рассказа мичман

¹⁷ Boy – по-английски – мальчик; кроме того, «бой» – общепринятое в английских колониях наименование вообще слуг.

основал на том, что маленький негр

несколько раз проговорил: «кра, кра, кра» и затем слабо стукнул своим кулачком по стенке лазаретной каютки), и бриг пошел ко дну...

Мальчик очутился в воде, привязался к обломку мачты и провел на ней почти двое суток...

Но несравненно красноречивее всяких слов, если бы такие и мог сказать мальчик о своей ужасной жизни, говорило и его удивление, что с ним ласково обращаются, и забитый его вид, и эти благодарные его взгляды загнанной собачонки, которыми он смотрел на доктора, фельдшера и на мичмана, и – главное – его покрытая рубцами, блестящая черная худая спина с выдающимися ребрами.

Рассказ мичмана и показания доктора произвели сильное впечатление в кают-компании. Кто-то сказал, что необходимо поручить этого бедняжку покровительству русского консула в Каптоуне и сделать в пользу негра сбор в кают-компании.

Пожалуй, еще большее впечатление произвела история маленького негра на матросов, когда в тот же день, под вечер, молодой вестовой мичмана, Артемий Мухин – или, как

все его звали, Артюшка, – передавал на баке рассказ мичмана, причем не отказал себе в некотором злорадном удовольствии украсить рассказ некоторыми прибавлениями, свидетельствующими о том, какой был дьявол этот американец капитан.

– Каждый день, братцы, он мучил арапчонка. Чуть что, сейчас в зубы: раз, другой, третий, да в кровь, а затем снимет с крючка плетку, – а плетка, братцы, отчаянная, из самой толстой ремешки, – и давай лупцевать арапчонка! –

говорил Артюшка, вдохновляясь собственной фантазией,

вызванной желанием представить жизнь арапчонка в самом ужасном виде. – Не разбирая, анафема, что перед им безответный мальчонка, хоть и негра... У бедняги и посейчас вся спина исполосована... Доктор сказывал: страсть поглядеть! – добавил впечатлительный и увлекавшийся

Артюшка.

Но матросы, сами бывшие крепостные и знавшие по собственному опыту, как еще в недавнее время «полосовали» им спины, и

без Артюшкиных прикрас жалели арапчонка и посылали по адресу американского капитана самые недобрые пожелания, если только этого дьявола уже не сожрали акулы.

– Небось, у нас уж объявили волю хрестьянам, а у этих мериканцев, значит, крепостные есть? – спросил какой-то пожилой матрос.

– То-то, есть!

– Чудно что-то... Вольный народ, а поди ж ты! – протянул пожилой матрос.

– У их арапы быдто вроде крепостных! – объяснял

Артюшка, слыхавший кое-что об этом в кают-компании. –

Из-за этого самого у их промеж себя и война идет. Одни мериканцы, значит, хотят, чтобы все арапы, что живут у их, были вольные, а другие на это никак не согласны – это те, которые имеют крепостных арапов, – ну и жарят друг дружку, страсть!. Только господа сказывали, что которые мериканцы за арапов стоят, те одолеют! Начисто разделают помещиков мериканских! – не без удовольствия прибавил

Артюшка.

– Не бойсь, господь им поможет... И арапу на воле жить хочется... И птица клетки не любит, а человек и подавно! –

вставил плотник Захарыч.

Чернявый молодой матросик-первогодок, тот самый, который находил, что флотская служба очень «опаская», с напряженным вниманием слушал разговор и, наконец, спросил:

– Теперь, значит, Артюшка, этот самый арапчонок вольный будет?

– А ты думал как? Известно, вольный! – решительно проговорил Артюшка, хотя в душе и не вполне был уверен в свободе арапчонка, не имея решительно никаких понятий об американских законах насчет прав собственности.

Но его собственные соображения решительно говорили за свободу мальчика. «Черта-хозяина» нет, к рыбам в гости пошел, так какой тут разговор!

И он прибавил:

– Теперь арапчонку только новый пачпорт выправить на Надежном мысу. Получи пачпорт, и айда на все четыре стороны.

Эта комбинация с паспортом окончательно рассеяла его сомнения.

– То-то и есть! – радостно воскликнул чернявый матросик-первогодок.

И на его добродушном румянном лице с добрыми, как у щенка, глазами засветилась тихая светлая улыбка, выдававшая радость за маленького несчастного негра.

Короткие сумерки быстро сменились чудною, ласковою тропическою ночью. Небо зажглось мириадами звезд, ярко мигающих с бархатной выси. Океан потемнел вдали, сияя фосфорическим блеском у бортов клипера и за кормою.

Скоро просвистали на молитву, и затем подвахтенные, взявши койки, улеглись спать на палубе.

А вахтенные матросы коротали вахту, приулившись у снастей, и лясничали вполголоса. В эту ночь во многих кучках говорили об арапчонке.

V

Через два дня доктор, по обыкновению, пришел в лазарет в семь часов утра и, обследовав

довав своего единственного пациента, нашел, что он поправился, может встать, выйти наверх и есть матросскую пищу. Объявил он об этом маленькому негру больше знаками, которые были на этот раз быстро поняты поправившимся и повеселевшим мальчиком, казалось, уже забывшим недавнюю близость смерти.

Он быстро вскочил с койки, обнаруживая намерение идти наверх погреться на солнышке, в длинной матросской рубахе, которая сидела на нем в виде длинного мешка, но веселый смех доктора и хихиканье фельдшера при виде черненького человечка в таком костюме несколько смутили негра, и он стоял среди каюты, не зная, что ему предпринять, и не вполне понимая, к чему доктор дергает его рубаху, продолжая смеяться.

Тогда негр быстро ее снял и хотел было юркнуть в двери нагишом, но фельдшер удержал его за руку, а доктор, не переставая смеяться, повторял:

– No, no, no...

И вслед за тем знаками приказал негру надеть свою рубашку-мешок.

– Во что бы одеть его, Филиппов? – озабоченно спрашивал доктор щеголеватого курчавого фельдшера, человека лет тридцати. – Об этом-то мы с тобой, братец, и не подумали...

– Точно так, вашескобродие, об этом мечтания не было.

А ежели теперь обрезать ему, значит, рубашку примерно до колен, вашескобродие, да, с позволения сказать, перехватить талию ремнем, то будет даже довольно обоюдно, вашескобродие, – заключил фельдшер, имевший несчастную страсть употреблять некстати слова, когда он хотел выразиться покудрявее, или, как матросы говорили, позанозистее.

– То есть как «обоюдно»? – улыбнулся доктор.

– Да так-с... обоюдно... Кажется, всем известно, что обозначает «обоюдно», вашескобродие! – обиженно проговорил фельдшер. – Удобно и хорошо, значит.

– Едва ли это будет «обоюдно», как ты говоришь. Один смех будет, вот что, братец. А впрочем, надо же как-нибудь одеть мальчика, пока не попрошу у капитана разрешения сшить мальчику платье по мерке.

– Очень даже возможно хороший костюм сшить... На клипере есть матросы по портной части. Сошьют.

– Так устраивай свой обоюдный костюм.

Но в эту минуту в двери лазаретной каюты раздался осторожный, почтительный стук.

– Кто там? Входи! – крикнул доктор.

В дверях показалось сперва красноватое, несколько припухлое, неказистое лицо, обрамленное русыми баками, с подозрительно-го цвета носом и воспаленными живыми и добрыми глазами, а вслед за тем и вся небольшая, сухощавая, довольно ладная и крепкая фигура фор-марсового

Ивана Лучкина.

Это был пожилой матрос, лет сорока, прослуживший во флоте пятнадцать лет и бывший на клипере одним из лучших матросов и отчаянных пьяниц, когда попадал на берег. Случалось, он на берегу пропивал все свое платье и являлся на клипер в одном белье, ожидая на следующее утро наказания с самым, казалось, беззаботным видом.

– Это я, вашескобродие, – проговорил Лучкин сиповатым голосом, переступая больши-

ми ступнями босых жилистых ног и теребя засмоленной шершавой рукой обтянутую штанину.

В другой руке у него был узелок.

Он глядел на доктора с тем застенчиво-виноватым выражением и в лице и в глазах, которое часто бывает у пьяниц и вообще у людей, знающих за собой порочные слабости.

– Что тебе, Лучкин?. Заболел, что ли?

– Никак нет, вашескобродие, – я вот платье арапчонку принес... Думаю: голый, так сшил и мерку еще раньше снял. Дозвольте отдать, вашескобродие.

– Отдавай, братец... Очень рад, – говорил доктор, несколько изумленный. – Мы вот думали, во что бы одеть мальчика, а ты раньше нас подумал о нем...

– Способное время было, вашескобродие, – как бы извинялся Лучкин.

И с этими словами он вынул из ситцевого платка маленькую матросскую рубаху и такие же штаны, сшитые из холста, встряхнул их и, подавая ошалевшему мальчику, весело и уже совсем не виноватым тоном, каким говорил с доктором, сказал, ласково глядя на

негра:

– Получай, Максимка! Одежа самая, братец ты мой, вери гут. Одевай да носи на здоровье, а я посмотрю, как сидит... Вали, Максимка!

– Отчего ты его Максимкой зовешь? – рассмеялся доктор.

– А как же, вашескобродие? Максимка и есть, потому как его в день святого угодника Максима спасли, он и выходит Максимка... Опять же имени у арапчонка нет, надо же его как-нибудь звать.

Радости мальчика не было пределов, когда он облачился в новую чистую пару. Видимо, такого платья он никогда не носил.

Лучкин осмотрел свое изделие со всех сторон, обдергал и пригладил рубаху и нашел, что платье во всем аккурате.

– Ну, теперь валим наверх, Максимка... Погрейся на солнышке! Дозвольте, вашескобродие.

Доктор, сияя добродушной улыбкой, кивнул головой, и матрос, взяв за руку негра, повел его на бак и, показывая матросам, проговорил:

– Вот он и Максимка! Не бойсь, теперь за-

будет идола-американца, знает, что российские матросы его не забидят. И он любовно трепал мальчика по плечу и, показывая на его курчавую голову, сказал:

– Ужо, брат, и шапку справим... И башмачки будут, дай срок!

Мальчик ничего не понимал, но чувствовал по всем этим загорелым лицам матросов, по их улыбкам, полным участия, что его не обидят.

И он весело скалил свои ослепительно белые зубы, нежась под горячими лучами родного ему южного солнца.

С этого дня все стали его звать Максимкой.

VI

Представив матросам на баке маленького, одетого по-матросски негра, Иван Лучкин тотчас же объявил, что будет «доглядывать» за Максимкой и что берет его под свое особое покровительство, считая, что это право принадлежит исключительно ему уж в силу того, что он «обрядил мальчонка» и дал ему, как он выразился, «форменное прозвище».

О том, что этот заморенный, худой малень-

кий негр, испытавший на заре своей жизни столько горя у капитана-американца, возбуждал необыкновенную жалость в сердце одинокого как перст матроса, жизнь которого, особенно прежде, тоже была не из сладких, и вызвал желание сделать для него возможно приятными дни пребывания на клипере, – о том Лучкин не проронил ни слова. По обыкновению русских простых людей, он стыдился перед другими обнаруживать свои чувства и, вероятно, поэтому объяснил матросам желание «доглядывать» за Максимкой исключительно тем, что «арапчонок занятный, вроде облизьяны, братцы». Однако на всякий случай довольно решительно заявил, бросая внушительный взгляд на матроса

Петрова, известного задиру, любившего обижать безответных и робких первогодков матросов, – что если найдется такой, «прямо сказать, подлец», который завидит сироту, то будет иметь дело с ним, с Иваном Лучкиным.

– Не бойсь, искровяню морду в самом лучшем виде! –

прибавил он, словно бы в пояснение того, что значит иметь с ним дело. – Забижать ди-

тё – самый большой грех... Какое ни на есть оно: крещеное или арапское, а все дитё... И ты его не забидь! – заключил Лучкин.

Все матросы охотно признали заявленные Лучкиным права на Максимку, хотя многие скептически отнеслись к рачительному исполнению принятой им добровольно на себя хлопотливой обязанности.

Где, мол, такому «отчаянному матросне» и забулдыге-пьянице возиться с арапчонком?

И кто-то из старых матросов не без насмешки спросил:

– Так ты, Лучкин, значит, вроде быдто няньки будешь у Максимки?

– То-то, за няньку! – отвечал с добродушным смехом

Лучкин, не обращая внимания на иронические усмешки и улыбки. – Нешто я в няньки не гожусь, братцы? Не к барчуку ведь!.. То же и этого черномазого надо обрядить...

другую смену одежды сшить, да башмаки, да шапку справить... Дохтур исхлопочет, чтобы, значит, товар казенный выдали... Пущай Максимка добром вспомнит российских мат-

росиков, как оставят его беспризорного на Надежном мысу. По крайности, не голый будет ходить.

– Да как же ты, Лучкин, будешь лопотать с эским самым арапчонком? Ни ты его, ни он тебя!..

– Не бойсь, договоримся! Еще как будем-то говорить! –

с какою-то непостижимой уверенностью произнес Лучкин.

– Он даром что арапского звания, а понятливый... я его, братцы, скоро по-нашему выучу... Он поймет...

И Лучкин ласково взглянул на маленького негра, который, притулившись к борту, любопытно озирался вокруг.

И негр, перехватив этот полный любви и ласки взгляд матроса, тоже в ответ улыбался, оскаливая зубы, широкой благодарной улыбкой, понимая без слов, что этот матрос друг ему.

Когда в половине двенадцатого часа были окончены все утренние работы, и вслед за тем вынесли на палубу ендову с водкой, и оба боцмана и восемь унтер-офицеров, ставши в

кружок, засвистали призыв к водке, который матросы не без остроумия называют «соловьиным пением», – Лучкин, радостно улыбаясь, показал мальчику на свой рот, проговорив: «Сиди тут, Максимка!», и побежал на шканцы, оставив негра в некотором недоумении.

Недоумение его, впрочем, скоро разрешилось.

Острый запах водки, распространившийся по всей палубе, и удовлетворенно-серьезные лица матросов, которые, возвращаясь со шканцев, утирали усы своими засмоленными шершавыми руками, напомнили маленькому негру о том, что и на «Бетси» раз в неделю матросам давали по стакану рома, и о том, что капитан пил его ежедневно и, как казалось мальчику, больше, чем бы следовало.

Лучкин, уже вернувшийся к Максимке и после большой чарки водки бывший в благодушном настроении, весело трепанул мальчика по спине и, видимо, желая поделиться с ним приятными впечатлениями, проговорил:

– Бон водка! Вери гут шнапс, Максимка, я тебе скажу.

Максимка сочувственно кивнул головой и промолвил:

– Вери гут!

Это быстрое понимание привело Лучкина в восхищение, и он воскликнул:

– Ай да молодца, Максимка! Все понимаешь... А теперь валим, мальчонка, обедать... Небось, есть хочешь?

И матрос довольно наглядно задвигал скулами, открывая рот.

И это понять было нетрудно, особенно когда мальчик увидел, как снизу один за другим выходили матросы-артельщики, имея в руках изрядные деревянные баки

(мисы) со щами, от которых шел вкусный пар, приятно щекотавший обоняние.

И маленький негр довольно красноречиво замахал головой, и глаза его блеснули радостью.

– Ишь ведь, все понимает? Башковатый! – промолвил

Лучкин, начинавший уже несколько страстно относиться и к арапчонку и к своему умению разговаривать с ним понятно, и, взяв Максимку за руку, повел его.

На палубе, прикрытой брезентами, уже расселись, поджав ноги, матросы небольшими артелями, человек по двенадцати, вокруг дымящихся баков со щами из кислой капусты, запасенной еще из Кронштадта, и молча и истово, как вообще едят простолюдины, хлебали варево, заедая его размоченными сухарями.

Осторожно ступая между обедающими, Лучкин подошел с Максимкой к своей артели, расположившейся между грот- и фок-мачтами, и проговорил, обращаясь к матросам, еще не начинавшим, в ожидании Лучкина, обедать:

– А что, братцы, примете в артель Максимку?

– Чего спрашиваешь зря? Садись с арапчонком! – проговорил старый плотник Захарыч.

– Может, другие которые... Сказывай, ребята! – снова спросил Лучкин.

Все в один голос отвечали, что пусть арапчонок будет в их артели, и потеснились, чтобы дать им обоим место.

И со всех сторон раздались шутливые голо-

са:

– Не бойсь, не объест твой Максимка!

– И всю солонину не съест!

– Ему и ложка припасена, твоему арапчонку.

– Да я, братцы, по той причине, что он негра... некрещенный, значит, – промолвил Лучкин, присевши к баку и усадивши около себя Максимку. – Но только я полагаю, что у бога все равны... Всем хлебушка есть хочется...

– А то как же? Господь на земле всех терпит... Не бойсь, не разбирает. Это вот разве который дурак, как вестовщина Сойкин, млет безо всякого рассудка об нехристях! – снова промолвил Захарыч.

Все, видимо, разделяли мнение Захарыча. Недаром же русские матросы с замечательной терпимостью относятся к людям всех рас и с исповеданий, с какими приходится им встречаться.

Артель отнеслась к Максимке с полным радушием.

Один дал ему деревянную ложку, другой придвинул размоченный сухарь, и все гляде-

ли ласково на затихшего мальчика, видимо, не привыкшего к особенному вниманию со стороны людей белой кожи, и словно бы приглашали его этими взглядами не робеть.

– Однако и начинать пора, а то щи застынут! – заметил

Захарыч.

Все перекрестились и начали хлебать щи.

– Ты что же не ешь, Максимка, а? Ешь, глупый! Шти, братец, скусные. Гут щи! – говорил Лучкин, показывая на ложку.

Но маленький негр, которого на бриге никогда не допускали есть вместе с белыми и который питался объедками один, где-нибудь в темном уголке, робел, хотя и жадными глазами посматривал на щи, глотая слюну.

– Эка пужливый какой! Видно, застращал арапчонка этот самый дьявол-мериканец? – промолвил Захарыч, сидевший рядом с Максимкой.

И с этими словами старый плотник погладил курчавую голову Максимки и поднес к его рту свою ложку...

После этого Максимка перестал бояться и через несколько минут уже усердно уписывал

вал и щи, и накрошенную потом солонину, и пшенную кашу с маслом.

А Лучкин то и дело его похваливал и повторял:

– Вот это бон, Максимка. Вери гут, братец ты мой.

Кушай себе на здоровье!

VII

По всему клиперу раздается храп отдыхающих после обеда матросов. Только отделение вахтенных не спит, да кто-нибудь из хозяйственных матросов, воспользовавшись временем, тачает себе сапоги, шьет рубаху или чинит какую-нибудь принадлежность своего костюма.

А «Забияка» идет да идет себе с благодатным пассатом, и вахтенным решительно нечего делать, пока не набежит грозное облачко и не заставит моряков на время убрать все паруса, чтобы встретить тропический шквал с проливным дождем готовыми, то есть с оголенными мачтами, предоставляя его ярости меньшую площадь сопротивления. Но горизонт чист. Ни с одной стороны не видно

этого маленького серенького пятнышка, которое, быстро вырастая, несется громадной тучей, застилающей горизонт и солнце. Страшный порыв валит судно набок, страшный ливень стучит по палубе, промачивает до костей, и шквал так же быстро проносится далее, как и появляется. Он нашумел, облил дождем и исчез.

И снова ослепительное солнце, лучи которого быстро сушат и палубу, и снасти, и паруса, и матросские рубахи, и снова безоблачное голубое небо и ласковый океан, по которому бежит, снова одевшись всеми парусами, судно, подгоняемое ровным пассатом.

Благодать кругом и теперь... Тишина и на клипере.

Команда отдыхает, и в это время нельзя без особой крайности беспокоить матросов, — такой давно установившийся обычай на судах.

Притулившись в тени у фок-мачты, не спит сегодня и

Лучкин, к удивлению вахтенных, знавших, что Лучкин здоров спать.

Мурлыкая себе под нос песенку, слов кото-

рой не разобрать, Лучкин кроил из куска парусины башмаки и по временам взглядывал на растянувшегося около него, сладко спавшего Максимку и на его ноги, чернеющие из-за белых штанин, словно бы соображая, правильна ли мерка, которую он снял с этих ног тотчас же после обеда.

По-видимому, наблюдения вполне успокаивают матроса, и он продолжает работу, не обращая больше внимания на маленькие черные ноги.

Что-то радостное и теплое охватывает душу этого бесшабашного пропойцы при мысли о том, что он сделает «на первый сорт» башмаки этому бедному, беспризорному мальчишке и справит ему все, что надо. Вслед за тем невольно проносится вся его матросская жизнь, воспоминание о которой представляет довольно однообразную картину бесшабашного пьянства и порок за пропитые казенные вещи.

И Лучкин не без основательности заключает, что не будь он отчаянным марсовым, бесстрашие которого приводило в восторг всех капитанов и старших офицеров, с кото-

рыми он служил, то давно бы ему быть в арестантских ротах.

– За службу жалели! – проговорил он вслух и почему-то вздохнул и прибавил: – То-то она и загвоздка!

К какому именно обстоятельству относилась эта «загвоздка»: к тому ли, что он отчаянно пьянствовал при съездах на берег и дальше ближайшего кабака ни в одном городе (кроме Кронштадта) не бывал, или к тому, что он был лихой марсовой и потому только не попробовал арестантских рот, – решить было трудно. Но несомненным было одно: вопрос о какой-то «загвоздке» в его жизни, заставил Лучкина на несколько минут прервать мурлыканье, задуматься и в конце концов проговорить вслух:

– И хуфайку бы нужно Максимке... А то какой же человек без хуфайки?

В продолжение часа, полагавшегося на послеобеденный отдых команды, Лучкин успел скроить передки и приготовить подошвы для башмаков Максимки. Подошвы были новые, из казенного товара, приобретенные еще утром в долг у одного хозяйственного матро-

са, имевшего собственные сапоги, причем для верности, по предложению самого Лучкина, знавшего, как трудно у него держатся деньги, в особенности на твердой земле, уплату долга должен был произвести боцман, удержав деньги из жалованья.

Когда раздался боцманский свисток и вслед за тем команда горластого боцмана Василия Егоровича, или Егорыча, как звали его матросы, Лучкин стал будить сладко спавшего Максимку. Он хоть и пассажир, а все же должен был, по мнению Лучкина, жить по-матросски, как следует по расписанию, во избежание каких-либо неприятностей, главным образом, со стороны Егорыча. Егорыч хотя и был, по убеждению Лучкина, добер и дрался не зря, а с «большим рассудком», а все-таки под сердитую руку мог съездить по уху и арапчонка за «непорядок». Так уж лучше и арапчонка к порядку приучать.

– Вставай, Максимка! – говорил ласковым тоном матрос, потряхивая за плечо негра.

Тот потянулся, открыл глаза и поглядел вокруг. Увидав, что все матросы встают и Лучкин собирает свою работу, Максимка тороп-

ливо вскочил на ноги и, как покорная собачонка, смотрел в глаза Лучкина.

– Да ты не бойся, Максимка... Ишь, глупый... всего боится! А это, братец, тебе будут башмаки...

Хотя негр решительно не понимал, что говорил ему

Лучкин, то показывая на его ноги, то на куски скроенной парусины, тем не менее улыбался во весь свой широкий рот, чувствуя, вероятно, что ему говорят что-нибудь хорошее. Доверчиво и послушно пошел он за поманившим его Лучкиным на кубрик и там любопытно смотрел, как матрос уложил в парусиновый чемоданчик, наполненный белым и платьем, свою работу, и снова ничего не понимал, и только опять благодарно улыбался, когда Лучкин снял свою шапку и, показывая пальцем то на нее, то на голову маленького негра, тщетно старался объяснить и словами и знаками, что и у Максимки будет такая же шапка с белым чехлом и лентой.

Но зато негр чувствовал всем своим маленьким сердцем расположение этих белых людей, говоривших совсем не на том языке,

на котором говорили белые люди на «Бетси», и особенно доброту этого матроса с красным носом, напоминавшим ему стручковый перец, и с волосами, похожими цветом на паклю, который подарил ему такое чудное платье, так хорошо угостил его вкусными яствами и так ласково смотрит на него, как никто не глядел на него во всю жизнь, кроме пары чьих-то больших черных навывкате глаз на женском чернокожем лице.

Эти глаза, добрые и нежные, жили в его памяти как далекое, смутное воспоминание, нераздельное с представлением шалашей, крытых бананами, и высоких пальм.

Были ли это грезы или впечатления детства – он, конечно, не мог бы объяснить; но эти глаза, случалось, жалели его во сне. И теперь он увидел и наяву добрые, ласковые глаза.

Да и вообще эти дни пребывания на клипсере казались ему теми хорошими грезами, которые являлись только во сне, – до того они не похожи были на недавние, полные страданий и постоянного страха.

Когда Лучкин, бросив объяснения насчет

шапки, достал из чемоданчика кусок сахара и дал его Максимке, мальчик был окончательно подавлен. Он схватил мозолистую, шершавую руку матроса и стал ее робко и нежно гладить, заглядывая в лицо Лучкина с трогательным выражением благодарности забитого существа, согретого лаской. Эта благодарность светилась и в глазах и в лице... Она слышалась и в дрогнувших гортанных звуках нескольких слов, порывисто и горячо произнесенных мальчиком на своем родном языке перед тем, как он засунул сахар в рот.

– Ишь ведь, ласковый! Видно, не знал доброго слова, горемычный! – промолвил матрос с величайшей нежностью, которую только мог выразить его сиповатый голос, и потрепал Максимку по щеке. – Ешь сахар-то. Скусный! –

прибавил он.

И здесь, в этом темном уголке кубрика, после обмена признаний, закрепились, так сказать, взаимная дружба матроса с маленьким негром. Оба, казалось, были вполне довольны друг другом.

– Беспременно надо выучить тебя, Максим-

ка, по-нашему, а то и не разобрать, что ты лопочешь, черномазый! Однако валим наверх! Сейчас антиллеринское ученье. Поглядишь!

Они вышли наверх. Скоро барабанщик пробил артиллерийскую тревогу, и Максими́ка, прислонившись к мачте, чтоб не быть сбитым с ног, сперва испугался при виде бегущих стремглав к орудиям матросов, но потом скоро успокоился и восхищенными глазами смотрел, как матросы откатывали большие орудия, как быстро совали в них банники и, снова выдвигая орудия за борт, недвижно замирали около них. Мальчик ждал, что будут стрелять, и недоумевал, в кого это хотят стрелять, так как на горизонте не было ни одного судна. А он уже был знаком с выстрелами и даже видел, как близко шлепнулась какая-то штука за кормою «Бетси», когда она, пустившись по ветру, удирала во все лопатки от какого-то трехмачтового судна, которое гналось за шкуной, наполненной грузом негров.

Мальчик видел испуганные лица у всех на «Бетси» и слышал, как ругался капитан, пока трехмачтовое судно не стало значительно отставать. Он не знал, конечно, что это был

один из военных английских крейсеров, назначенный для ловли негропромышленников, и тоже радовался, что шкуна убежала, и таким образом его мучитель-капитан не был пойман и не вздернут на нока-рее за позорную торговлю людьми.

Но выстрелов не было, и Максимка так их и не дождался. Зато с восхищением слушал барабанную дробь и не спускал глаз с Лучкина, который стоял у бакового орудия комендором и часто нагибался, чтобы прицеливаться.

Зрелище ученья очень понравилось Максимке, но не менее понравился ему и чай, которым после ученья угостил его Лучкин. Сперва Максимка только диву давался, глядя, как все матросы дуют горячую воду из кружек, закусывая сахаром и обливаясь потом. Но когда Лучкин дал и ему кружку и сахару, Максимка вошел во вкус и выпил две кружки.

Что же касается первого урока русского языка, начатого

Лучкиным в тот же день, перед вечером, когда начала спадать жара и когда, по словам матроса, было «легче войти в понятие», то на-

чало его – признаться – не предвещало особенных успехов и вызывало немало-таки насмешек среди матросов при виде тщетных усилий Лучкина объяснить ученику, что его зовут Максимкой, а что учителя зовут Лучкиным.

Однако Лучкин хоть и не был никогда педагогом, тем не менее обнаружил такое терпение, такую выдержку и мягкость в стремлении во что бы то ни стало заложить, так сказать, первое основание обучения, – каковым он считал знание имени, – что им могли бы позавидовать патентованные педагоги, которым, вдобавок, едва ли приходилось преодолевать трудности, представившиеся матросу.

Придумывая более или менее остроумные способы для достижения заданной себе цели, Лучкин тотчас же приводил их и в исполнение.

Он тыкал в грудь маленького негра и говорил: «Максимка», затем показывал на себя и говорил: «Лучкин».

Проделав это несколько раз и не достигнув удовлетворительного результата, Лучкин отходил на несколько шагов и вскрикивал:

«Максимка!» Мальчик скалил зубы, но не усваивал и этого метода. Тогда Лучкин придумал новую комбинацию. Он попросил одного матросика крикнуть:

«Максимка!» – и когда матрос крикнул, Лучкин не без некоторого довольства человека, уверенного в успехе, указал пальцем на Максимку и даже для убедительности осторожно затем встряхнул его за шиворот. Увы! Максимка весело смеялся, но, очевидно, понял встряхивание за приглашение потанцевать, потому что тотчас же вскочил на ноги и стал отплясывать, к общему удовольствию собравшейся кучки матросов и самого Лучкина.

Когда танец был окончен, маленький негр отлично понял, что пляской его остались довольны, потому что многие матросы трепали его и по плечу, и по спине, и по голове и говорили, весело смеясь:

– Гут, Максимка! Молодца, Максимка!

Трудно сказать, насколько бы увенчались успехом дальнейшие попытки Лучкина познакомить Максимку с его именем – попытки, к которым Лучкин хотел было вновь приступить, но появление на баке мичмана, гово-

рящего по-английски, значительно упростило дело. Он объяснил мальчику, что он не «бой», а Максимка, и кстати сказал, что Максимкиного друга зовут Лучкин.

– Теперь, брат, он знает, как ты его прозвал! – проговорил, обращаясь к Лучкину, мичман.

– Премного благодарен, ваше благородие! – отвечал обрадованный Лучкин и прибавил: – А то я, ваше благородие, долго бился... Мальчонка башковатый, а никак не мог взять в толк, как его зовут.

– Теперь знает... Ну-ка, спроси.

– Максимка!

Маленький негр указал на себя.

– Вот так ловко, ваше благородие... Лучкин! – снова обратился матрос к мальчику.

Мальчик указал пальцем на матроса.

И оба они весело смеялись. Смеялись и матросы и замечали:

– Арапчонок в науку входит...

Дальнейший урок пошел как по маслу.

Лучкин указывал на разные предметы и называл их, причем, при малейшей возможности исковеркать слово, коверкал его, гово-

ря вместо рубаха – «рубах», вместо мачта – «мачт», уверенный, что при таком изменении слов они более похожи на иностранные и легче могут быть усвоены

Максимкой.

Когда просвистали ужинать, Максимка уже мог повторять за Лучкиным несколько русских слов.

– Ай да Лучкин! Живо обучил арапчонка. Того и гляди, до Надежного мыса понимать станет по-нашему! – говорили матросы.

– Еще как поймет-то! До Надежного ходу никак не меньше двадцати ден... А Максимка понятливый!

При слове «Максимка» мальчик взглянул на Лучкина.

– Ишь, твердо знает свою кличку!. Садись, братец, ужинать будем!

Когда после молитвы раздали койки, Лучкин уложил

Максимку около себя на палубе. Максимка, счастливый и благодарный, приятно потягивался на матросском тюфячке, с подушкой под головой и под одеялом, – все это Лучкин исхлопотал у подшкипера, отпустившего

арапчонку койку со всеми принадлежностями.

– Спи, спи, Максимка! Завтра рано вставать!

Но Максимка и без того уже засыпал, проговорив довольно недурно для первого урока: «Максимка» и «Лючки», как переделал он фамилию своего пестуна.

Матрос перекрестил маленького негра и скоро уже храпел во всю ивановскую.

С полуночи он стал на вахту и вместе с фор-марсовым

Леонтьевым полез на фор-марс.

Там они присели, осмотрев предварительно, все ли в порядке, и стали «лясничать», чтобы не одолевала дрема.

Говорили о Кронштадте, вспоминали командиров... и смолкли.

Вдруг Лучкин спросил:

– И никогда, ты, Леонтьев, этой самой водкой не занимался?

Трезвый, степенный и исправный Леонтьев, уважавший

Лучкина как знающего фор-марсового, работавшего на ноке, и несколько презиравший

В то же время его за пьянство, – категорически ответил:

– Ни в жисть!

– Вовсе, значит, не касался?

– Разве когда стаканчик в праздник.

– То-то ты и чарки своей не пьешь, а деньги за чарки забираешь?

– Деньги-то, братец, нужнее... Вернемся в Россию, ежели выйдет отставка, при деньгах ты всегда обернешься...

– Это что и говорить...

– Да ты к чему это, Лучкин, насчет водки?..

– А к тому, что ты, Леонтьев, задачливый матрос...

Лучкин помолчал и затем опять спросил:

– Сказывают: заговорить можно от пьянства?

– Заговаривают люди, это верно... На «Копчике» одного матроса заговорил унтерцер... Слово такое знал... И у нас есть такой человек...

– Кто?

– А плотник Захарыч... Только он в секрете держит. Не всякого уважит. А ты нешто хочешь бросить пьянство, Лучкин? – насмешли-

во промолвил Леонтьев.

– Бросить не бросить, а чтобы, значит, без пропую вещей...

– Попробуй пить с рассудком...

– Пробовал. Ничего не выходит, братец ты мой. Как дорвусь до винища – и пропал. Такая моя линия!

– Рассудку в тебе нет настоящего, а не линия, – внушительно заметил Леонтьев. – Каждый человек должен себя понимать... А ты все-таки поговори с Захарычем.

Может, и не откажет... Только вряд ли тебя заговорит! –

прибавил насмешливо Леонтьев.

– То-то и я так полагаю! Не заговорит! – вымолвил

Лучкин и сам почему-то усмехнулся, точно довольный, что его не заговорить.

VIII

Прошло три недели, и хотя «Забияка» был недалеко от

Каптоуна, но попасть в него не мог. Свежий противный ветер, дувший, как говорят моряки, прямо «в лоб» и по временам дошедший до степени шторма, не позволял кли-

перу приблизиться к берегу; при этом ветер и волнение были так сильны, что нечего было и думать пробовать идти под парами. Даром потратили бы уголь.

И в ожидании перемены погоды «Забияка» с зарифленными марселями держался недалеко от берегов, стремительно покачиваясь на океане.

Так прошло дней шесть-семь.

Наконец ветер стих. На «Забияке» развели пары, и скоро, попыхивая дымком из своей белой трубы, клипер направился к Каптоуну.

Нечего и говорить, как рады были этому моряки.

Но был один человек на клипере, который не только не радовался, а, напротив, по мере приближения «Забияки» к порту, становился задумчивее и угрюмее.

Это был Лучкин, ожидавший разлуки с Максимкой.

За этот месяц, в который Лучкин, против ожидания матросов, не переставал пестовать Максимку, он привязался к Максимке, да и маленький негр в свою очередь привязался к матросу. Они отлично понимали друг друга,

так как и Лучкин проявил блистательные педагогические способности, и Максимка обнаружил достаточную понятливость и мог объясняться кое-как по-русски. Чем более они узнавали один другого, тем более дружили.

Уж у

Максимки были две смены платья, башмаки, шапка и матросский нож на ремешке. Он оказался смышленным и веселым мальчиком и давно уже сделался фаворитом всей команды. Даже и боцман Егорыч, вообще не терпевший никаких пассажиров на судне, как людей, ничего не делающих, относился весьма милостиво к Максимке, так как

Максимка всегда во время работ тянул вместе с другими снасти и вообще старался чем-нибудь да помочь другим и, так сказать, не даром есть матросский паек. И по вантам взбегал, как обезьяна, и во время шторма не обнаруживал ни малейшей трусости, – одним словом, был во всех статьях «морской мальчонка».

Необыкновенно добродушный и ласковый, он нередко забавлял матросов своими танцами на баке и родными песнями, которые рас-

певал звонким голосом. Все его за это баловали, а мичманский вестовой Артюшка нередко нашивал ему остатки пирожного с кают-компанейского стола. Нечего и прибавлять, что Максимка был предан Лучкину, как собачонка, всегда был при нем и, что называется, смотрел ему в глаза. И на марс к нему лазил, когда Лучкин бывал там во время вахты, и на носу с ним сидел на часах, и усердно старался выговаривать русские слова...

Уже обрывистые берега были хорошо видны... «Забияка» шел полным ходом. К обеду должны были стать на якорь в Каптоуне.

Невеселый был Лучкин в это славное солнечное утро и с каким-то особенным ожесточением чистил пушку. Около него стоял Максимка и тоже подсоблял ему.

– Скоро прощай, брат Максимка! – заговорил, наконец, Лучкин.

– Зачем прощай! – удивился Максимка.

– Оставят тебя на Надежном мысу... Куда тебя девать?

Мальчик, не думавший о своей будущей судьбе и не совсем понимавший, что ему говорит Лучкин, тем не менее догадался по

угрюмому выражению лица матроса, что сообщение его не из радостных, и подвижное лицо его, быстро отражавшее впечатления, внезапно омрачилось, и он сказал:

– Мой не понимай Лючика.

– Айда, брат, с клипера... На берегу оставят... Я уйду дальше, а Максимка здесь.

И Лучкин пантомимами старался пояснить, в чем дело.

По-видимому, маленький негр понял. Он ухватился за руку Лучкина и молящим голоском проговорил:

– Мой нет берег... Мой здесь Максимка, Лючика, Лючика, Максимка. Мой люсска матлос... Да, да, да...

И тогда внезапная мысль озарила матроса. И он спросил:

– Хочешь, Максимка, русска матрос?

– Да, да, – повторял Максимка и изо всех сил кивал головой.

– То-то бы отлично! И как это мне раньше невдомек...

Надо поговорить с ребятами и просить Егорыча... Он доложит старшему офицеру...

Через несколько минут Лучкин на баке го-

ворил собравшимся матросам:

– Братцы! Максимка желает остаться с нами. Будем просить, чтобы дозволили ему остаться... Пусть плавает на

«Забияке»! Как вы об этом полагаете, братцы?

Все матросы выразили живейшее одобрение этому предложению.

Вслед за тем Лучкин пошел к боцману, и просил его доложить о просьбе команды старшему офицеру, и прибавил:

– Уж ты, Егорыч, уважь, не откажи... И попроси старшего офицера... Максимка сам, мол, желает... А то куда же бросить бесприютного сироту на Надежном мысу. И вовсе он пропасть там может, Егорыч... Жаль мальчонку... Хороший он ведь, исправный мальчонка.

– Что ж, я доложу... Максимка мальчишка аккуратный.

Только как капитан... Согласится ли арапского звания негру оставить на российском корабле... Как бы не было в этом загвоздки...

– Никакой не будет загвоздки, Егорыч. Мы Максимку из арапского звания выведем.

– Как так?

– Окрестим в русскую веру, Егорыч, и будет он, значит, русского звания арап.

Эта мысль понравилась Егорычу, и он обещал немедленно доложить старшему офицеру.

Старший офицер выслушал доклад боцмана и заметил:

– Это, видно, Лучкин хлопочет.

– Вся команда тоже просит за арапчонка, ваше благородие... А то куда его бросить? Жалеют... А он бы у нас заместо юнги был, ваше благородие! Арапчонок исправный, осмелюсь доложить. И ежели его окрестить, вовсе душу, значит, можно спасти...

Старший офицер обещал доложить капитану.

К подъему флага вышел наверх капитан. Когда старший офицер передал ему просьбу команды, капитан сперва было отвечал отказом. Но, вспомнив, вероятно, своих детей, тотчас же переменял решение и сказал:

– Что ж, пусть останется. Сделаем его юнгой... А вернется в Кронштадт с нами... что-нибудь для него сделаем... В самом деле, за что его бросать, тем более что он сам этого не

хочет!.. Да пусть Лучкин останется при нем дядькой... Пьяница отчаянный этот Лучкин, а подите... эта привязанность к мальчику... Мне доктор говорил, как он одел негра.

Когда на баке было получено разрешение оставить

Максимку, все матросы чрезвычайно обрадовались. Но больше всех, конечно, радовались Лучкин и Максимка.

В час дня клипер бросил якорь на Каптоунском рейде, и на другой день первая вахта была отпущена на берег. Собрался ехать и Лучкин с Максимкой.

– А ты смотри, Лучкин, не пропей Максимки-то! –

смеясь, заметил Егорыч.

Это замечание, видимо, очень кольнуло Лучкина, и он ответил:

– Может, из-за Максимки я и вовсе тверезый вернусь!

Хотя Лучкин и вернулся с берега мертвецки пьяным, но, к общему удивлению, в полном одеянии. Как потом оказалось, случилось это благодаря Максимке, так как он, заметив, что его друг чересчур пьет, немедленно побе-

жал в соседний кабак за русскими матросами, и они унесли

Лучкина на пристань и положили в шлюпку, где около него безотлучно находился Максимка.

Лучкин едва вязал языком и все повторял:

– Где Максимка? Подайте мне Максимку... Я его, братцы, не пропил, Максимку... Он мне первый друг... Где

Максимка?

И когда Максимка подошел к Лучкину, тот тотчас же успокоился и скоро заснул.

Через неделю «Забияка» ушел с мыса Доброй Надежды, и вскоре после выхода Максимка был не без торжественности окрещен и вторично назван Максимкой. Фамилию ему дали по имени клипера – Забиякин.

Через три года Максимка вернулся на «Забияке» в

Кронштадт четырнадцатилетним подростком, умевшим отлично читать и писать по-русски благодаря мичману

Петеньке, который занимался с ним.

Капитан позаботился о нем и определил его в школу фельдшерских учеников, а вы-

шедший в отставку Лучкин остался в Кронштадте, чтобы быть около своего любимца, которому он отдал всю привязанность своего сердца и ради которого уже теперь не пропивал вещей, а пил «с рассудком».

ДВА МОРЯКА

Посвящается А. Н. Альмедингену

I

Отставной вице-адмирал Максим Иванович Волынцев только что поднялся с жестковатого дивана, проспавши свой положенный час после обеда.

Откашлявшись, Максим Иванович снял халат, бережно повесил его в шкаф и облекся в старенький, но опрятный сюртук с адмиральскими поперечными, как у отставных, погонами, прошелся щеткой по седой, коротко стриженной голове, расчесал белую пушистую бороду и усы, закурил толстую папиросу и присел в плетеное кресло у письменного небольшого стола.

Не спеша вынул он из футляра очки и взял со стола аккуратно сложенную газету.

Несмотря на потертую обивку старомодной мебели и старенькие вещи, бывшие в кабинете, все в этой небольшой комнате имело необыкновенно опрятный и даже приветливый вид, сияя тою умопомрачающею чистотой, какая только бывает на военных кораблях.

Пол сверкал, точно зеркало. Дверные ручки, оконные задвижки и медные кнопки гвоздиков, на которых висели, занимая сплошь всю стену, фотографии в черных простых рамках, — блестели под лучами редкого петербургского солнца, светившего в течение целого августовского дня.

Занавески на окнах были ослепительной белизны: фикусы, аралии и пальмочки вымыты и выхолены одним словом, решительно все в комнате свидетельствовало о привычке хозяина к порядку и щепетильной чистоте, и все, казалось, дышало приветливостью.

Даже хорошенькая «Верушка», как звал Максим Иванович маленькую канарейку, и та, заливавшаяся во все горло, казалась

необыкновенно чистенькой и веселой, а клетка, которую адмирал собственноручно чистил два раза в день, просторная, белая клетка, усыпанная песком, содержалась в безукоризненном порядке.

Кабинет напоминал каюту, и в нем даже пахло немного кораблем от острого смолистого запаха мата, лежавшего вместо коврика под ногами адмирала.

И сам он своим внешним видом производил впечатление той же опрятности и приветливости, которыми отличались кабинет и вся скромная его обстановка.

Это был небольшого роста, сутуловатый и сухощавый старик лет шестидесяти, крепкий и бодрый на вид. Вся его небольшая фигура с первого же раза внушала к себе невольную симпатию. И в выражении его старого, морщинистого лица, отливавшего здоровым румянцем, и особенно в выражении небольших, еще живых и острых темных глаз было что-то необыкновенно хорошее: доброе и ласковое и в то же время застенчивое, говорящее о душевной чистоте и о честно прожитой жизни.

И действительно, вся его жизнь была лям-

кой добросовестного морского служаки, который даже и в прежние суровые времена отличался добротой и был любим матросами за то, что обращался с ними по-человечески. Честный до щепетильности, он никогда не пользовался казенной копеечкой, никогда не подлаживался к начальству, не знал протекции и, считаясь одним из лучших моряков, много плавал, но особенной карьеры не сделал. Напротив, испортил ее своею независимостью, принужденный выйти в отставку уже контр-адмиралом вследствие того, что не поладил с высшим морским начальством. Он, конечно, ничего не имел и скромно жил с семьей на скромную пенсию.

Максим Иванович принялся за газетный фельетон, чтение которого он всегда откладывал до вечера. Утром адмирал прочитывал все остальные отделы и читал их сплошь, от первой строки до последней, начиная с передовой статьи.

Это был один из тех редких читателей, которые не пропускают ни одного известия и не просто читают, а, так сказать, священнодействуют.

Максим Иванович привык к своей газете, но не верил ей безусловно и частенько-таки не соглашался с ее мнениями.

Прочитывая иногда в передовой статье о том, что «Россия не допустит» того-то и того-то, и, вникая в смысл вымышленных quasi18-патриотических фраз, полных бесшабашного шовинизма, старый адмирал, пробывший всю осаду Севастополя на одном из бастионов и получивший за храбрость еще в лейтенантском чине Георгиевский крест, белевший в петлице его сюртука, неодобрительно покачивал головой и, случалось, говорил вслух:

– Тоже пишет! Молода, во Саксонии не была! Послать бы тебя, стрекулиста, самого на войну!

Но особенно старика возмущало, когда газета, не жалея красок, восхваляла какого-нибудь вновь назначенного сановника.

И тогда его обыкновенно добродушное лицо выражало нескрываемое презрение, и он приговаривал, обращаясь, по-видимому, к автору хвалебной статейки:

– И кто тебя, льстеца, за язык дергает? Ра-

ненько, брат, хвалишь.. Нехорошо!.

Зато, если Максиму Ивановичу статейка нравилась и он находил мысли ее «правильными и благородными», он с увлечением прочитывал вслух особенно понравившиеся ему выражения и восклицал:

– Ай да молодчага! Ловко!.. Так и надо писать, коли бог тебе талант дал!

И, случалось, писал в редакцию газеты письмо, в котором выражал благодарность неизвестному автору статьи за доставленное им удовольствие.

18 Мнимых (лат.). - Прим. ред.

За завтраком Максим Иванович обыкновенно передавал в более или менее коротких извлечениях все интересное, прочитанное в газете, своей жене и дочери.

И хотя и жена и дочь сами уже прочли после адмирала газету, но обе они, обожавшие старика, внимательно слушали, пока он не спохватывался и не говорил со своею добродушною улыбкой:

– Да вы уж читали..

– Ничего, ничего, рассказывай. .

Но Максим Иванович не продолжал, а переходил к обсуждению прочитанного и нередко критиковал газету.

Сегодня адмиралу, по-видимому, не понравился фельетон. Во время чтения он дергал плечами и наконец проговорил:

– Тоже фанаберия. . Скажи пожалуйста! А у самого-то на грош амуниции!

В эту минуту в кабинет вошла легкой, слегка плывущей походкой, с подносом в руках, дочь адмирала Наташа, или, как звал ее отец, Нита, высокая и худощавая, стройная и грациозная в своих движениях блондинка, лет двадцати пяти, с большими ясными серыми глазами. В ее лице, светившемся умом и тою одухотворенною красотою, какую можно встретить лишь у избранных натур, было то же выражение душевной чистоты и мягкости, что и у отца, но лицом она совсем на него не походила. Одета она была очень скромно, но с тем изяществом, которое свидетельствовало о вкусе не одной только портнихи. На ней была шерстяная черная юбка, открывавшая маленькие ноги, и светло-серый лиф с высоким воротником, закрывавшим шею. И

все это на ней сидело так ловко и так шло к ее свежему лицу молочной белизны с нежным румянцем. Ни серег в ее маленьких ушах, ни колец на ее красивых, тонких руках с длинными породистыми пальцами не было. Только маленькая брошка с тремя брильянтиками – подарок отца –

блестела у шеи.

– Ты кого это, папа? – спросила она, улыбаясь, когда поставила на стол стакан чая и блюдечко с вареньем.

– Да этого «Виго»... Не люблю я его... Ломается. . Читала сегодняшней фельетон?

– Читала, папа.

– И тебе не нравится?

– Не нравится.

– У нас с тобой одинаковые вкусы, Ниточка! – проговорил отец и взглянул на дочь взглядом, полным любви и обожания.

Вместо ответа Нита поцеловала старика.

– Славная ты моя! – промолвил умиленно старик. –

Скоро вот и другой наш славный вернется, – оживленно прибавил Максим Иванович.

– А когда?

– Дня через три, я думаю, они придут в Кронштадт, если ничто их не задержит. В море ведь нельзя, Ниточка, точно рассчитывать. Верно, Сережа протелеграфирует о выходе из Копенгагена, а из Кронштадта мне дадут знать телеграммой, как только «Витязь» покажется у Толбухина маяка. Уж я просил об этом. . Мы все и поедем встречать

Сережу. . Ведь я голубчика шесть лет не видал! – прибавил

Максим Иванович.

Действительно, отец в последний раз видел сына перед выпуском его из корпуса, семнадцатилетним юношей, и,

назначенный начальником эскадры Тихого океана, уехал на три года, а когда вернулся в Россию, не застал сына. Тот ушел в дальнейшее плавание.

Старик помолчал и прибавил:

– Надеюсь, Сережа бравый морской офицер и не забыл советов отца, как надо служить. Он ведь славный мальчик всегда был, только Морской корпус его несколько портил.

Нынче там больше на манеры обращают внимание... Это тщеславие.. Эта дружба с бо-

гатенькими князьками..

Помнишь, как мы ссорились с ним из-за этого?. Но да тогда он был юнцом, и все это, конечно, прошло с годами. .

Он ведь умный и честный мальчик! – горячо прибавил старик.

– Еще бы! – так же горячо воскликнула Нита и, словно бы чем-то обеспокоенная, порывисто прибавила: – Но только знаешь ли что, папа?

– Что, Нита?

– Сережа иногда напускает на себя больше фатовства, а он не такой. И ты не обращай на это внимания, если тебе покажется в нем что-нибудь такое. . наносное. .

Она старалась заранее приготовить отца к тому, что он увидит. Письма, которые она изредка получала от брата, не нравились ей; в них чувствовалось что-то такое, что глубоко огорчало ее и, конечно, огорчит старика. Да и раньше жизнь брата в отсутствие отца не отвечала ее вкусам, а –

главное – его взгляды, его убеждения казались ей такими несимпатичными. И Нита, любившая своего единственного брата до

безумия, не раз горячо с ним спорила, стараясь переубедить его.

И теперь, при мысли о скорой встрече брата с этим честным, безупречным отцом, предчувствие чего-то тяжелого невольно закрадывалось в ее сердце. О, как ей хотелось, чтобы предчувствие это оказалось ложным и чтобы

Сережа не был таким практическим человеком, каким выставлял себя в письмах.

– Ну, конечно, наносное. . Нынче это в моде. И моряки щеголяют тем, чего мы в молодые годы стыдились. . Такой уж дух нынче во флоте, к сожалению. . Идеал гроша царит... Какое-то торгашество. . Да, Ниточка, моряки теперь не те, что были прежде! Прежде мы не думали поражать франтовством да по модным ресторанам шататься. . Прежде мы были хоть и замухрышками, но зато, знаешь ли, на сделки разные с совестью не пускались, по передним у начальства не торчали, к тетенькам за протекцией не ездили, а тянули себе лямку по совести. . А теперь. . Ну, да что говорить... Я уверен только, что наш Сережа – сын своего отца и никогда не заставит его краснеть за себя. . Не так ли, моя голубушка?. Ты

ведь у меня славная девочка и умница!

Нита поспешила согласиться с отцом, но, когда пришла в свою маленькую светлую комнатку, мысли о Сереже заставили ее снова задуматься. И ей было почему-то бесконечно жаль отца.

II

– Анна Васильевна! Нита! Готовы ли вы? Через четверть часа пора ехать, чтоб успеть на пароход! – говорил, стуча в начале девятого часа утра поочередно в двери комнат жены и дочери, веселый и радостный старик, бодрый и свежий, приодевшийся в новый сюртук и надевший на шею большой крест Владимира второй степени, спрятавшийся под густою бородой адмирала.

Он то и дело посматривал на свои старинные золотые часы и, никогда не опаздывавший в своей жизни, за пять минут до отъезда снова стучался в комнаты своих.

Дамы были готовы; два извозчика уже стояли у подъезда, и вся семья за десять минут до девяти часов была на кронштадтском па-

роходе.

Утро стояло хорошее, солнечное и теплое, и Волынцевы сидели на палубе, радостно взволнованные в ожидании свидания с Сережей.

Наконец и Кронштадт.

Волынцевы с пристани отправились в Купеческую гавань, и там адмирал нанял ялик до Малого рейда.

– А не страшно на ялике, Максим Иванович? – спрашивала адмиральша, женщина лет пятидесяти, высокая и статная, сохранившая еще в своем лице остатки былой красоты, боязливо поглядывая на маленький ялик.

– Не извольте беспокоиться, барыня. И в погоду ездим, а не то что в тишь, как теперь! – проговорил старик яличник.

– Садись, садись, Анна Васильевна, не бойся! – успокаивал адмирал. – Ты привыкла все на катерах ездить, да на больших, ну а теперь мы в отставке, катеров нам не полагается! – шутливо прибавил адмирал.

– Сережа мог бы прислать за нами катер! – заметила адмиральша, усевшись при помощи мужа в ялик.

– Почем он знает, что мы с первым паролком едем к нему. Он, быть может, и не ждет нас. . Эка погода-то славная!. Хорошо сегодня на море! – воскликнул адмирал, вдыхая полной грудью свежий морской воздух.

Действительно, было хорошо. Стоял мертвый штиль, и море расстилалось зеленоватой гладью. С безоблачного неба весело глядело солнце.

Вдали, на большом рейде¹⁹, виднелось несколько броненосцев²⁰, грозных, но неуклюжих, а поближе, на среднем рейде, стоял крейсер «Витязь», весь черный и красивый со своими высокими тремя мачтами, паутиной снастей и с двумя белыми дымовыми трубами.

Ялик ходко шел, приближаясь к «Витязю».

Адмирал так и впился в него своими зоркими глазами лихого моряка, гордившегося, бывало, образцовым порядком и щегольским видом судов, которыми он командовал в течение своей службы, и тою любовью, какую питали к нему матросы и офицеры. Он любил и эту службу, полную борьбы и опасностей, любил и эти дальние плаванья на океанском

просторе, любил и матросов, этих славных, добрых тружеников моря, готовых из кожи лезть, если только с ними обращаются по-человечески и признают в них людей, а не одну только рабочую силу. И

Максим Иванович пожалел, что он в отставке и уже не в той родной среде, с которой так сжился. Но не он виноват, что его удалили из флота. . Он слишком ценит чувство человеческого достоинства, чтобы оставаться во флоте ценою подлаживания к высшему начальству.

По-видимому, Максим Иванович остался доволен

19 Рейд – место недалеко от входа в гавань, удобное для стоянки кораблей.

20 Броненосец – военный корабль, защищенный броней и вооруженный дальнобойными орудиями.

внешним видом «Витязя». Рангоут 21 выправлен безукоризненно, реи²² тоже. Посадка судна превосходная.

– Славное суденышко, молодцом глядит! – нежно, почти любовно, произнес старый мо-

ряк. – Полюбуйся-ка, Нита.

– Уж я и то люблюсь, папочка!

– Я рад, что Сережа сделал кругосветное плавание не на броненосце, а на крейсере. По крайней мере, знает, как ходят под парусами, а то теперь молодые офицеры совсем не знают парусов. . Все только под парами гуляют!

Чем ближе подходил ялик к крейсеру, тем нетерпеливее становились пассажиры ялика.

Еще несколько минут, и ялик пристал к парадному трапу «Витязя». Загребные матросы в синих рубахах с откидными воротниками, открывавшими загорелые шеи, стояли по бокам трапа, отдавая честь отставному адмиралу.

Молодой вахтенный мичман встретил прибывших у входа на палубу.

– Я хотел бы видеть лейтенанта. .

Но старик не закончил.

Лейтенант, которого он так страстно хотел видеть, уже целовал руки и лицо матери, а Анна Васильевна, вся всхлипывая, осыпала поцелуями коротко стриженную белокурую голову и молодое красивое лицо, которое в первое мгновение показалось Максиму Ива-

новичу незнакомым, чужим, – до того оно возмужало и мало напоминало то нежное, безбородое лицо юнца, какое помнил отец.

21 Рангоут – общее название всех деревянных приспособлений (реи, мачты и др.) для крепления парусов и подъема тяжестей на корабле.

22 Рея – горизонтальный брус на мачте, служащий для привязывания парусов.

Еще минута, и Сережа, осторожно освободившись из объятий матери, целовался с отцом и потом с сестрой. . У

всех на глазах сверкали слезы. .

Всем хотелось говорить, и все говорили не то, что хотелось.

– Здесь у нас еще идет чистка, папа. Пойдем лучше в каюту! – проговорил наконец Сережа низким приятным баритоном, бросая быстрый взгляд на костюм Ниты и отводя глаза с довольным выражением.

– Веди куда хочешь, Сережа! – взволнованно отвечал отец.

– Вот наш капитан, папа. . Позволь тебе его представить.

И, не дожидаясь согласия отца, он подвел капитана, пожилого приземистого брюнета, заросшего волосами, и представил его отцу, матери и сестре.

После нескольких минут разговора, в котором капитан очень хвалил молодого лейтенанта, все спустились в кают-компанию. Офицеры, сидевшие там, встали и поклонились. Сережа опять представил своим двух молодых офицеров, в том числе одного с княжеской фамилией.

– Познакомь уж со всеми, Сережа! – проговорил тихо адмирал, заметивши, что сын хотел вести его в каюту.

Все были представлены, и после того Сережа ввел своих в просторную, светлую, щегольски убранную каюту.

– А ведь я тебя, Сережа, не узнал в первую минуту.. Так ты изменился. . возмужал с тех пор, как мы не видались.

Ну-ка, дай я на тебя погляжу.

И с этими словами старик крепко сжал в своей худой, костлявой, но сильной руке мягкую, пухлую холеную руку сына и глядел на него долгим любовным, полным бесконечной

нежности взглядом.

– Экой ты молодец какой! – наконец проговорил он, отводя глаза, и стал разглядывать Сережину каюту.

Высокий, хорошо сложенный, свежий и румяный, с тонкими чертами красивого и умного, слегка загоревшего лица, опущенного светло-русой бородкой, подстриженной помодному, а la Henri IV, молодой человек, недавно только что произведенный в лейтенанты, действительно глядел молодцом и притом имел тот несколько самоуверенный, хлыщеватый и в то же время солидный вид, каким в последнее время стали, по примеру серьезных молодых франтов из светского общества, щеголять и многие моряки молодого поколения, совсем не похожие на прежний средний тип моряка, отличавшийся отсутствием всякого хлыщества, скромностью и даже застенчивостью в обществе и некоторою, словно бы умышленною небрежностью костюма. Дескать, моряку стыдно заниматься такими глупостями, как франтовство!

Молодой Волынцев, напротив, был франтоват до мелочей и, видимо, тщательно зани-

мался и своей особой, и своим туалетом.

Щегольской сюртук, сшитый не совсем по форме –

длиннее, чем следовало, – сидел на нем как облитой.

Стоячие воротники, с загнутыми впереди кончиками, сияли ослепительной белизной, а креповый черный галстук, завязанный от руки морским узлом, был безукоризнен. На ногах были модные остроносые ботинки без каблуков. От бороды и усов, чуть-чуть закрученных кверху, шел тонкий аромат духов. На мизинце одной из рук была красивая бирюза, и золотой браслет – *porte bonheur*²³ – виднелся из-под рукава сорочки.

Сережа походил на сестру, но выражение его лица и карих глаз было совсем не то, что у отца и сестры. И в лице и в глазах Сережи было что-то самоуверенное, жестковатое и холодное. Чувствовалось, что, несмотря на молодость, это человек с характером.

Обрадованный свиданием, Максим Иванович в первые минуты не заметил ни изысканного франтовства, ни самоуверенного, полного апломба, вида Сережи и, оглядев каюту,

промолвил:

– Однако и ящичков тут у тебя. Много же ты навез вещей, Сережа.

– Тут еще не все, папа.. Еще в ахтерлюке есть.

– Куда столько?.

– И для вас, и для себя. .

– Но ведь это денег стоит, и больших.. Или ты, голубчик, себе во всем отказывал, чтобы навезти столько?.

Сережа чуть-чуть покраснел и торопливо проговорил:

– На все хватало, папа.. А для тебя, Нита, есть и крепоны китайские для нарядных платьев, и веера, и бразильские мушки для серег, и хорошие изумруды для браслета. . Хочешь посмотреть?

– Не надо, потом, потом. . Нам хочется на тебя поглядеть, Сережа. Спасибо тебе, но только зачем мне. Я ведь не выезжаю.

– Она у нас домоседка, Ниточка! – вставил отец. – Все больше за книжками сидит.

23 Браслет без застежки (*франц.*). – Прим. ред.

– Напрасно. Ты стала такая хорошенькая, что могла бы выезжать и сделать хорошую партию! – смеясь, проговорил

Сереза.

Нита вспыхнула. Этот тон не нравился ей. Поморщился и адмирал.

– Ну, ну, не сердись, Нита... Хочешь быть монашкой и ученой – твоя княжья воля.

И он обнял сестру.

Анна Васильевна не сводила глаз с Сереза – такой он казался ей красивый и элегантный. Она рассказывала о родных, о знакомых, смеясь говорила, что многие барышни ждут его не дождутся. Сереза весело улыбался и покручивал свои выхоленные усы.

А Максим Иванович слушал, приглядывался и только теперь заметил, какой Сереза франт, и его, старика, особенно неприятно поразил этот браслет на руке сына.

«Точно женщина – браслет носит!» – подумал он. Однако ничего не сказал.

Нита как-то испуганно переводила глаза с отца на брата.

– Ну, а ты, папа, как поживаешь? – спрашивал Сереза.

– Отлично поживаю, как видишь... Ты ведь знаешь, почему я вышел в отставку? – неожиданно спросил старик.

– Знаю, ты писал. .

– Но ты тогда ничего мне не ответил...

– Что ж было писать? – уклончиво проговорил Сережа.

– Как что? Я ждал, что ты одобришь мое решение.

– Извини, папа, но я очень сожалел, что ты оставил службу.. Ведь флот нуждается в хороших адмиралах. .

– Ну, положим, нуждается. .

Нита затаила дыхание. Она знала, что брат не одобрял решения отца и в письме к ней называл выход его в отставку «мальчишеством», тогда как она гордилась поступком отца.

– А если нуждается, – продолжал слегка докторальным тоном молодой человек, – то логичнее было бы, мне кажется, не оставлять флота... Извини, папа. . Но я высказываю свое мнение, раз ты меня спрашиваешь. .

– Конечно, спрашиваю. . И нечего тут извиняться. . Так ты считаешь, что мне следовало

ехать к начальству и просить извинения за то, что я был прав? – спрашивал

Максим Иванович, взглядывая на сына и вдруг чувствуя себя словно бы в положении подсудимого.

Вместе с тем старик почувствовал, что сын давно уже произнес свой приговор. Он это видел в снисходительном взгляде Сережи. Он это слышал в тоне его голоса. И

прежний юнец Сережа словно бы пропал. Перед ним был основательный, не по летам практический молодой человек, который мог бы поучить его, старика, как надо вести себя.

– Сережа вовсе этого не думает, папочка! Не правда ли, Сережа? – вступилась Нита, как бы давая понять брату, что следует ему отвечать.

Сережа не соблаговолил ответить сестре и проговорил, обращаясь к отцу:

– Мне кажется, можно было бы устроить дело и без извинений, если они так были тебе неприятны, что ты из-за них бросил службу, которую любишь... В таких случаях всегда есть посредники, которые улаживают недоразумения. . Но ты, папа, погорячился. . Ты дей-

ствовал под влиянием чувства, конечно, благородного, но из-за этого флот лишился превосходного адмирала! – прибавил Сережа.

Старик попробовал было улыбнуться, но улыбка вышла какая-то кислая. Однако он промолвил:

– Ты, может быть, и прав, мой милый... Даже наверное прав... Мы, старики, слишком впечатлительны и часто забываем правила житейской мудрости. . Но с темпераментом ничего не поделаешь, Сережа. . Я вот и вышел в отставку, и флот лишился, как ты говоришь, хорошего адмирала.

– Ты не сердись, папа, что я позволил себе откровенно высказать свое мнение. .

– Что ты, Сережа! За что же сердиться? Ты просто благоразумнее меня, вот и все... Ну, рассказывай, голубчик, доволен ли ты службой?.. Полюбил ли море?..

Сережа признался, что моря особенно он не любит, но что служит добросовестно и на хорошем счету у капитана.

Два года как он ревизором²⁴, после того, как прежний ревизор заболел и уехал в Россию.

– Хлопотливая эта обязанность. . Напрасно ты согласился принять ее.

– Да, работы много, но раз капитан просил, я не счел возможным отказаться.

Сережа между тем взглянул на часы и подавил пуговку электрического звонка.

У порога каюты вытянулся молодой вестовой. По напряженной его физиономии и несколько испуганному

24 Ревизор – офицер, заведующий хозяйственной частью. - *Прим. автора.*

взгляду сразу можно было догадаться, что этот белобрысый матросик с голубыми, слегка выкаченными глазами побаивается молодого лейтенанта.

– Узнай, скоро ли завтракать? – сухим и повелительным тоном произнес Сережа.

– Есть, ваше благородие!

Вестовой хотел было уйти.

– Постой! – резко остановил его Сережа.

Вестовой замер на месте и, не моргая, глядел на лейтенанта.

– Скажи буфетчику, чтобы накрыл три лишних прибора... Понял?

– Понял, ваше благородие!

– Ступай!

И этот резкий повелительный тон Сережи резанул ухо отца. Вспомнил он свое отношение к вестовым, вспомнил, какие преданные, славные были у него вестовые, как они бывали коротки с ним и нисколько его не боялись, и спросил сына:

– Давно он у тебя, Сережа?

– С самого начала плавания... А что?

– Нет, я так. . Славное у этого матроса лицо... Доволен ты им?

– Ничего.. Бестолков только очень! – небрежно кинул

Сережа.

– Он из какой губернии?

– А не знаю... Не интересовался, папа. . Я, признаться, с матросами не фамильярничаю. . А то того и гляди забудутся...

– В наше время они не забывались! – про-
ронил адмирал и замолк.

Через несколько минут вестовой, уже в нитяных перчатках, доложил, что завтрак готов.

– Папа, мама, пойдёмте. . Нита!..

Все они пошли в кают-компанию, где в

ожидании гостей никто не сел. Адмиральшу и адмирала посадили на почетные места; около них сели капитан, приглашенный на завтрак в кают-компании, и старший офицер. Сережа сел рядом с сестрой, посадив около нее молодого лейтенанта с княжеским титулом.

Завтрак прошел оживленно. Пили шампанское за благополучное возвращение на родину. Чокались друг с другом, говорили спичи.

От Максима Ивановича, долго на своем веку плававшего и сразу умевшего уловить настроение кают-компании, не укрылось, что в кают-компании на «Витязе» не было той товарищеской связи, которая соединяла бы всех. Он заметил, что штурманские офицеры, доктор и несколько молодых моряков как бы составляют одну партию и не особенно расположены к другим офицерам, в числе которых был и Сережа. Чувствовалось, что отношение к нему далеко не дружеское, не сердечное.

Вскоре после завтрака Волынцевы уехали с крейсера.

Им дали, конечно, катер.

Сережа не мог ехать с ними – обязанности ревизора мешали ему, – но он обещал приехать на другой день.

Прощаясь с сестрой, Сережа шепнул ей:

– Понравился тебе, Нита, князь Усольцев? Обрати на него внимание. . Он славный мальчик, и у него двадцать тысяч годового дохода. . Я привезу его к вам.

Нита вспыхнула и шепнула:

– Пожалуйста, не привози.

Старый адмирал вернулся в Петербург как будто не особенно веселый.

За обедом он был задумчив и рассеян – не такого Сережу надеялся он встретить!

Зато Анна Васильевна была в восторге и находила, что он совершенство.

– Не правда ли, какой славный Сережа? Как ты его нашел, Максим Иванович? Ты как будто не особенно доволен им? – спрашивала Анна Васильевна, несколько удивленная и огорченная недостаточным, по ее мнению, восхищением отца сыном.

– Что ты, что ты, Анна Васильевна! Конечно, Сережа славный, честный мальчик! – горячо промолвил старик, скрывая от жены и

дочери то тяжелое впечатление, которое произвел на него сын при первой встрече и которое мучило теперь старика.

Его любовь к Сереже боролась с этим первым впечатлением. Он хотел во что бы то ни стало обвинить себя в излишней поспешности суждения о сыне. Как отец, он, быть может, слишком требователен, и в глазах его мелкие недостатки приняли большие размеры и многое показалось не в том свете. В самом деле, и эта резкость с вестовым, и это франтовство сына не такие уж преступления, а его практичность и солидность доказывают только, что Сережа, несмотря на молодость, живет не одним сердцем. . Во всяком случае, он честный и хороший молодой человек! Он придет, раскроет свою душу, и тогда отец убедится, что первое впечатление было ложно.

И старик, словно бы утешая себя, продолжал:

– И знаешь ли, Анна Васильевна, мне даже нравится в нем эта уверенность в себе, серьезность и практичность. .

– Сережа напускает больше на себя. . Вовсе

он не такой практичный, папа! – вступилась Нита.

Адмирал взглянул на дочь ласковым, благодарным взглядом за это противоречие, которое так хотелось ему слышать.

III

Со времени возвращения Сережи прошел месяц, но

Сережа не торопился раскрывать своей души перед отцом и вообще избегал высказываться, хотя при случае и не скрывал, что смотрит на многое совсем не так, как отец и

Нита. Он, видимо, несколько снисходительно относился к их взглядам, но споров избегал, несмотря на то, что старик как будто нарочно старался заводить их. Да и дома Сережа оставался недолго во время приездов своих в Петербург.

Пообедает или заглянет на час, да и уедет то по делам, то к знакомым, то в театр. И останавливался он не у своих, –

хотя для него и приготовлена была прежняя маленькая его комната, – а у своего друга, князя Усольцева, которого

Сережа, несмотря на протест сестры, все-таки привез к своим.

Масса подарков Сережи украшала теперь скромную квартиру Волынцевых. Чудные японские вазы, столики, разные китайские вещи из черепахи и слоновой кости стояли в гостиной и в комнате Анны Васильевны. У адмирала в кабинете красовались великолепные китайские шахматы с громадными фигурами, а у Ниты в комодке были китайские и японские материи, веера, страусовые перья и много разных ценных безделок. Такими же роскошными вещами Сережа одарил некоторых знакомых, и, кроме того, кронштадтская его квартира была полна привезенными вещами.

Отец только удивлялся. Он знал, что все эти предметы роскоши стоили больших денег; нельзя было навезти их столько на жалованье. Кроме того, Максима Ивановича поражала и жизнь сына в Петербурге: эти лихачи, эта дружба с князем Усольцевым, завтраки и обеды в ресторанах, театры. .

Откуда у него на это деньги?

И аккуратный старик, никогда в жизни не

имевший долгов, с ужасом подумал, что сын запутался в долгах.

Не решаясь из деликатности прямо спросить об этом, он как-то стороной завел однажды речь о молодых людях, запутывающихся в долгах, но Сережа, понимая, к чему клонит отец, смеясь, проговорил:

– Успокойся, папа. У меня нет ни копейки долга.

– Откуда ж у тебя деньги? – чуть было не сорвалось у отца, но он удержался и промолчал.

И вдруг адмирал вспомнил, что сын его ревизор. Он хорошо знал, что в последнее время ревизоры и многие капитаны нисколько не стесняются пользоваться незаконными доходами и даже громко хвастаются этим.

«Господи! Неужели и Сережа?!»

Ужасное подозрение закралось в эту честную седую голову, и выражение страха и страдания исказило черты лица адмирала, когда он остался один в своем кабинете.

«Не может быть! Это неправда!»

Он гнал эти подозрения. Он ни слова не говорил сыну, ожидая, что тот сам объяснит это

недоразумение. Быть может, Сережа выиграл крупную сумму в карты – ведь моряки любят поиграть в азартные игры на берегу!

Но Сережа молчал, и подозрения снова назойливо закрадывались в голову старика и терзали его.

В последние дни они не давали покоя. Куда девалось его прежнее добродушие и веселость? Как ни старался он скрыть от жены и дочери свои страдания, его скорбный, растерянный вид выдавал его. Он сделался молчалив и большую часть времени проводил у себя в кабинете.

Анна Васильевна с тревогой спрашивала, здоров ли он, и старик, чтобы отделаться, сваливал свое дурное расположение на ревматизм. Чуткая Нита догадывалась, что поведение Сережи причиняет страдания отцу, чаще ласкалась к старику, заглядывая к нему в кабинет, и чаще предлагала почитать вслух.

И старик нежно целовал ее и говорил:

– Спасибо, спасибо, Ниточка, не надо... Ревматизм, подлец, дает себя знать... Я полежу... А ты иди к матери. .

Однажды он возвратился домой совсем

убитый. Он только что вернулся из одного ресторана на Васильевском острове, куда ходил читать английские газеты и выпить чашку кофе, и там слышал разговор нескольких молодых моряков об его сыне. Они его не бранили – о нет! – напротив, с одобрениями и завистью говорили, что он «ловкий ревизор», тысяч десять привез из плавания, кроме вещей. Молодец Волынцев! Не зевал!

Точно оплеванный вышел адмирал из ресторана, дошел домой и заперся в кабинете.

«Не может быть... На Сережу клеветают!» – все еще не хотел верить честнейший старик и решил, что надо поговорить с сыном.

Он опровергнет все эти мерзости!. О, наверное!

И надежда сменялась отчаянием, отчаяние надеждой.

Безграничная любовь к Сереже ожесточенно боролась против очевидности.

Но более терпеть он не мог. Надо же, наконец, узнать правду и не подозревать напрасно сына.

И, однако, страх охватывал этого неустрашимого моряка, выдавшего на своем веку

немало опасностей, при мысли о подобном объяснении с сыном.

Думал ли он, что ему придется иметь такие объяснения?!

В этот день Сережа обедал дома. Веселый и довольный, он, между прочим, сообщил, что командир «Витязя» назначается командиром броненосца «Победный» и что он зовет его к себе ревизором.

– И ты согласился? – с какою-то тревогой в голосе спросил старик.

– Разумеется, папа! – ответил Сережа. – Через год

«Победный» идет на два года в Средиземное море! – прибавил он.

«И, значит, доходы будут большие», – невольно пронеслось в голове старика.

Когда окончился обед, адмирал как-то смущенно проговорил:

– А ты зайди-ка ко мне в кабинет, Сережа. . Хочу тебе показать чертежи нового английского крейсера. . интересные. . Прелестный будет крейсер. .

Нита испуганно взглянула на отца и, заметив его смущение, поняла, что не о чертежах

будет речь. И ей стало страшно за отца.

IV

– Присядь, Сережа. . Видишь ли. . Уж ты извини, голубчик. . Никаких чертежей нет. . Я так, чтобы, понимаешь ли... мать и сестра. . Зачем им знать?.. А мне нужно с тобой поговорить. . ты сам поймешь, что очень нужно, и извинишь отца, что он. . в некотором роде...

Адмирал конфузился и говорил бессвязно, видимо не решаясь объяснить сущности дела.

Сережа, напротив, был спокоен и, взглянув ясными, несколько удивленными глазами на отца, сказал:

– Ты, папа, говори прямо... не стесняйся. . О чем ты хочешь говорить со мной?

Этот самоуверенный вид и спокойный тон обрадовали старика, и он продолжал:

– Я, конечно, так и думал, что все это подлая ложь. . Но меня все-таки, знаешь ли, мучило... Как смеют про тебя говорить. .

– Что же про меня говорят, папа?

– Что будто ты был ловким ревизором и привез из плавания десять тысяч. .

И адмирал даже рассмеялся.

По красивому, румяному лицу молодого лейтенанта разлилась краска. Но глаза его так же ясно и решительно смотрели на отца, когда он проговорил:

– Это верно, папа. Тысяч восемь я привез!

Адмирал, казалось, не верил своим ушам. Так просто и спокойно проговорил эти слова сын.

– Потому, что был ревизором? – наконец спросил старик упавшим голосом.

– Да, папа. Я делал то, что делают почти все, и должен тебе сказать, что не вижу в этом никакой подлости. . Напрасно ты так близко принимаешь это к сердцу, папа. Не возьми я своей части, все пошло бы одному капитану. . С

какой стати!. И ведь эти восемь тысяч, которые мне достались, собственно говоря, ни от кого не отняты. . Никаких злоупотреблений мы не делали ни с углем, ни с провизией... Все покупали по справочным ценам, которые давали нам консулы... Но эти обычные скидки десяти процентов со счетов, которые практикуются везде, что с ними делать?..

Записывать их на приход по книгам нельзя... Оставлять их поставщикам, что ли? Это было бы совсем глупо... Ну, они и делятся между капитаном и ревизором.. И никто не видит в этом ничего предосудительного. .

– Но ведь это... воровство!.. Ведь эти скидки должны поступать в казну... Или вы с капитаном этого не понимаете?. О господи, какие вы непонятливые!. И ты, сын человека, который в жизни никогда не пользовался никакими скидками, ты тоже не находишь ничего предосудительного?.

– Ты, папа, извини, слишком большой идеалист и требуешь от людей какого-то героизма, и притом ни к чему не нужного. А я смотрю на жизнь несколько иначе. . Я не...

– Вижу... Довольно.. Мы друг друга не понимаем, –

перебил старик, и голос его звучал невыразимо грустью.

– Теперь во флоте не понимают даже, что предосудительно и что нет... И даже такие молодые. . То-то ты и отставки моей не одобряешь. . Ты рассудителен не по летам. . И, верно, карьере сделаешь. . Иди, иди, Сережа. . Нам

больше не о чем разговаривать!. Не говори только об этом сестре. .

Она тоже не поймет тебя...

Сережа пожал плечами, словно бы удивленный этими ламентациями старика, и вышел из кабинета, а Максим

Иванович как-то беспомощно опустил свою седую голову.

Когда Нита принесла чай, Максим Иванович по-прежнему сидел за столом, скорбный и мрачный. Увидав дочь, он попробовал улыбнуться, но улыбка была печальная.

Нита молча обняла старика. Он крепко-крепко прижал ее к своей груди, и слезы блестели на глазах старого адмирала.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Аврал – работа на корабле, в которой принимает участие вся команда.

Ахтерлюк – помещение в трюме корабля для хранения провизии.

Бак – носовая часть верхней палубы.

Банка – 1) подводная отмель; 2) сиденье для гребцов в лодке.

Банник – специальная цилиндрическая щетка для чистки и смазки канала оружейного ствола.

Баталер – унтер-офицер, ведающий на корабле провизией, вещевым и денежным довольствием.

Бейдевинд – направление движения корабля, самое близкое к линии ветра.

Блокшиф – старое судно, используемое как тюрьма или казарма.

Боцман – старший унтер-офицер, отвечающий за судовые работы и чистоту на корабле.

Брамсель – парус на брам-стенъге.

Брам-стенъга – брус, служащий продолжением стенъги. *Бриг* – двухмачтовое парусное судно.

Броненосец – военный корабль, защищенный броней и вооруженный дальнебойными орудиями.

Бугшприт – брус, выступающий впереди носа корабля.

Ванты – веревки, удерживающие мачту в вертикальном положении и связанные в виде лестницы.

Вантины – тросы, составляющие ванты.

Вахта – дежурство на корабле.

Вельбот – легкая быстроходная шлюпка с острым носом и кормой и двусторонними веслами.

Вестовой – матрос, прислуживающий офицеру.

Галс – курс корабля относительно ветра.

Гафель – часть рангоута, служащая для натягивания косого паруса.

Гитовы – снасти, которыми убираются паруса.

Гичка – легкая узкая быстроходная лодка.

Грот – 1) вторая мачта на корабле; 2) большой парус на первой и второй мачтах. К названиям деталей, относящихся к грот-мачте, прибавляется слово «грот» (грот-стенга, грот-марса).

Док – портовое сооружение для осмотра и ремонта судов.

Зюйд-ост – юго-восточный ветер.

Камбуз – кухня на корабле.

Клипер – трехмачтовый быстроходный военный корабль.

Кнехты – вертикальные металлические брусья с блоками для проводки снастей.

Комендор – матрос-специалист, обслуживающий артиллерийские установки на кораблях.

Корвет – старинное трехмачтовое военное судно с открытой батареей.

Крейсер – большое быстроходное военное судно.

Кубрик – жилое помещение на корабле для судовой команды.

Лаг – 1) борт судна; 2) прибор для определения скорости корабля.

Линьки – смоляные веревки с узлом на конце, которые применялись для телесных наказаний.

Лисель – парус, приставляемый сбоку к прямым парусам для увеличения их площади.

Лот – прибор для измерения глубины моря.

Марс – полукруглая площадка на мачте корабля.

Марса – все, что связано с марселем (марса-фал, марса-рей).

Марса-фал – снасть, поднимающая марсель.

Марсель – большой прямой парус, второй снизу.

Марсовый – матрос, несущий вахту на марсе.

Мат – циновка, плетеный коврик.

Мичман – первый морской офицерский чин.

Монитор – бронированный военный корабль.

Нок – оконечность рангоутного дерева.

Обрасопить – повернуть реи так, чтобы паруса стояли в нужном направлении по отношению к ветру.

Оверштаг – особый поворот корабля.

Пассаты – сухие ветры, дующие постоянно между тропиками.

Подвахтенный – помощник вахтенного.

Рангоут – общее название всех деревянных брусьев

(мачты, реи), предназначенных для крепления парусов и подъема тяжестей на корабле.

Рейд – место, удобное для стоянки кораблей, расположенное недалеко от входа в гавань.

Рея – горизонтальный брус на мачте, служащий для привязывания парусов.

Риф – 1) подводные скалы; 2) приспособление, при помощи которого можно менять площадь парусности; взять рифы – убавить паруса.

Салинг – площадка на верхнем конце стеньги.

Склянка – морские песочные часы, измерявшие время по получасам. Через каждые полчаса колокол на корабле пробивал время.

Снасти – веревки, которыми натягивают паруса.

Стеньга – брус, являющийся продолжением мачты.

Такелаж – все веревочные снасти, служащие для удержания рангоута.

Тали – система блоков для подъема тяжести.

Тендер – небольшое одномачтовое парусное судно, несущее дозорную и посыльную службу.

Трюм – внутреннее помещение корабля, предназначенное для груза и балласта.

Узел – единица измерения скорости кораб-

ля.

Фал – веревка для подъема флага, реи, паруса.

Флаг-офицер – офицер-адъютант в штабе флагмана –
командующего эскадрой.

Фок – нижний парус на фок-мачте.

Фок-мачта – передняя мачта корабля. К названию деталей, относящихся к фок-мачте, прибавляется слово «фок» (фока-рей).

Фор – все, что находится выше фок-мачты (фор-стенгга, фор-марсель).

Фордевинд – курс судна, совпадающий с направлением ветра.

Фрахт – плата за перевозку груза.

Шканцы – место для сбора команды на верхней палубе.

Шкипер – заведующий корабельным инвентарем.

Шкот – снасть для управления парусами.

Шпиль – вертикальный ворот на судах для подъема якоря.

Юнга – подросток, готовящийся стать матросом и обучающийся на корабле морскому делу.

Ют – кормовая часть верхней палубы.

Ял – четырехвесельная шлюпка на военных кораблях.

Ялик – небольшая прогулочная лодка.

Document Outline

ПОХОЖДЕНИЯ ОДНОГО МАТРОСА

ПОХОЖДЕНИЯ ОДНОГО МАТРОСА

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

1

2

ГЛАВА II

1

2

3

4

ГЛАВА III

1

2

ГЛАВА IV

1

2

ГЛАВА V

1

2

ГЛАВА VI

ГЛАВА VII

1

2

ГЛАВА VIII

1

2

3

ГЛАВА IX

1

2

ГЛАВА X

1

2

ГЛАВА XI

ГЛАВА XII

1

2

ГЛАВА XIII

1

2

ГЛАВА XIV

ГЛАВА XV

1

2

ГЛАВА XVI

1

2

ГЛАВА XVII

ГЛАВА XVIII

ГЛАВА XIX

1

2

ГЛАВА XX

1

2

3

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I

1

2

ГЛАВА II

1

2

3

ГЛАВА III

ГЛАВА IV

1

2

ГЛАВА V

1

2

ГЛАВА VI

1

2

3

ГЛАВА VII

1

2

3

ГЛАВА VIII

1

2

ГЛАВА IX

1

2

3

ГЛАВА X

1

2

3

ГЛАВА XI

1

2

3

ГЛАВА XII

1

2

РАССКАЗЫ

КУЦЫЙ

I

II

III

IV

V

VI

ПОБЕГ

I

II

III

IV

V

VI

МАКСИМКА

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

ДВА МОРЯКА

I

II

III

IV

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ